

Александр Сергеевич Пушкин

Критика и публицистика

**Пушкин Александр
Сергеевич
Критика и публицистика**

Александр Сергеевич Пушкин
Критика и публицистика
СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ 1824-1836
Публикации 1824-1830 гг.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ "СЫНА ОТЕЧЕСТВА"

В течение последних четырех лет мне случилось быть предметом журнальных замечаний. Часто несправедливые, часто непристойные, иные не заслуживали никакого внимания, на другие издали отвечать было невозможно. Оправдания оскорбленного авторского самолюбия не могли быть занимательны для публики; я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом, и с живейшей благодарностию читал изредка лестные похвалы и ободрения, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моих стихотворений давало повод благородному изъявлению снисходительности и дружелюбия.

Ныне нахожусь в необходимости прервать молчание. Князь П.А. Вяземский, предприняв из дружбы ко мне издание "Бахчисарайского фонтана", присоединил к оному "Разговор между Издателем и Антиромантиком", разго-

вор, вероятно, вымышленный: по крайней мере, если между нашими печатными классиками многие силою своих суждений сходятся с Классиком Выборгской стороны, то, кажется, ни один из них не выражается с его остротой и светской вежливостью.

Сей разговор не понравился одному из судей нашей словесности. Он напечатал в 5 Э "Вестника Европы" второй разговор между Издателем и Классиком, где, между прочим, прочел я следующее:

"Изд. Итак, разговор мой вам не нравится? - Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасном стихотворении Пушкина, думаю, и сам автор об этом пожалеет".

Автор очень рад, что имеет случай благодарить князя Вяземского за прекрасный его подарок. "Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова" писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения.

Не хочу или не имею права жаловаться по другому отношению и с искренним смирением принимаю похвалы неизвестного критика.

Александр Пушкин

О г-же СТАЛЬ и о г. А. МУХАНОВЕ

Из всех сочинений г-жи Сталь книга "Десятилетнее изгнание" должна была преимущественно обратить на себя внимание русских. Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, - все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины. Вот что сказано об ней в одной рукописи: "Читая ее книгу "Dix ans d'exil", можно видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза {1}. Не смею в том укорять красноречивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных". Эта снисходительность, которую не смеет порицать автор рукописи, именно и

составляет главную прелесть той части книги, которая посвящена описанию нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россию как священное убежище, как семейство, в которое она была принята с доверенностью и радушием. Исполняя долг благородного сердца, она говорит об нас с уважением и скромностью, с полнотою душевною хвалит, порицает осторожно, не выносит сора из избы. Будем же и мы благодарны знаменитой гостье нашей: почтим ее славную память, как она почтила гостеприимство наше...

Из России г-жа Сталь ехала в Швецию по печальным пустыням Финляндии. В преклонных летах, удаленная от всего милого ее сердцу, семь лет гонимая деятельным деспотизмом Наполеона, принимая мучительное участие в политическом состоянии Европы, она не могла, конечно, в сие время (в осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслаждения красотами природы. Не мудрено, что почернелые скалы, дремучие леса и озера наводили на нее уныние.

Недоконченные ее записки останавливаются на мрачном описании Финляндии...

Г-н А.М., {2} пробегая снова книжку г-жи Сталь, набрел на сей последний отрывок и перевел его довольно тяжелою прозою, присовокупив к оному следующие замечания на грезы г-жи Сталь: "Не говоря уже о обличении ветреного легкомыслия, отсутствия наблюдательности и совершенного неведения местности, невольно поражающих читателей, знакомых с творениями автора книги о Германии, я в свою очередь был поражен самим рассказом, во всем подобным пошлому пустомельству тех щепетильных французигов, которые, немного времени тому назад, являясь с скудным запасом сведений и богатыми надеждами в Россию, так радостно принимались щедрыми и подчас неуместно добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)".

Что за слог и что за тон! Какое сношение имеют две страницы Записок с "Дельфиною", "Коринною", "Взглядом на французскую революцию" и пр., и что есть общего между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, гонимую Наполеоном и покровительствуемую великодушием русского императора-

ра?

"Кто читал творения г-жи Сталь, - продолжает г. А.М., - в коих так часто ширяется она и пр. ..., тому точно покажется странным, как беспредельные леса и пр. ... не сделали другого впечатления на автора "Коринны", кроме скуки от единообразия!" За сим г. А.М. ставит в пример самого себя. "Нет! никогда, - говорит он, - не забуду я волнения души моей, расширившейся для вмещения столь сильных впечатлений. Всегда буду помнить утра... и пр." Следует описание северной природы слогом, совершенно отличным от прозы г-жи Сталь.

Далее советует он покойной сочинительнице, посредством какого-либо толмача, расспросить извозчиков своих о точной причине пожаров и пр.

Шутка о близости волков и медведей к Абовскому университету отменно не понравилась г-ну А.М.; но г. А.М. и сам расшутился. "Ужели, - говорит он, 400 студентов, там воспитывающихся, готовят себя в звероловы? В этом случае академию сию могла бы она точнее назвать псарным двором? Ужели г-жа Сталь не нашла другого способа отыскивать

причин, замедляющих ход просвещения, как, перерядившись Дианой, заставить читателя рыскать вместе с собою в лесах финляндских, по порошам за медведями и волками, и зачем их искать в берлогах?.. Наконец от страха, наведенного на робкую душу нашей барыни", и проч.

О сей барыне должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту барыню удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Байрон своей дружбы, Европа своего уважения, а г. А.М. журнальной статьи не весьма острой и весьма неприличной.

Уважен хочешь быть, умеи других уважить.

Ст. Ар.

9 июня 1825

1 Речь идет о большом обществе петербургском, прежде 1812 года. Соч. (Прим. Пушкина.)

2 "Сын отечества", Э 10. (Прим. Пушкина.)

О ПРЕДИСЛОВИИ г-на ЛЕМОНТЕ К ПЕРЕВОДУ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА

Любители нашей словесности были обра-

дованы предприятием графа Орлова, хотя и догадывались, что способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный, нанесет несколько вреда басням неподражаемого нашего поэта. Многие с большим нетерпением ожидали предисловия г-на Лемонте; оно в самом деле очень замечательно, хотя и не совсем удовлетворительно. Вообще там, где автор должен был необходимо писать понаслышке, суждения его могут иногда показаться ошибочными; напротив того, собственные догадки и заключения удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до таких предметов, о коих мнения его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью {1} с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком много не договаривает и слишком часто отмалчивается.

Бросив беглый взгляд на историю нашей словесности, автор говорит несколько слов о нашем языке, признает его первобытным, не сомневается в том, что он способен к усовершенствованию, и, ссылаясь на уверения рус-

ских, предполагает, что он богат, сладкозвучен и обилен разнообразными оборотами.

Мнения сии нетрудно было оправдать. Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.

Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия,

требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на поработанный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества.

В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ло-

МОНОСОВ.

Г-н Лемонте в одном замечании говорит о всеобъемлющем гении Ломоносова; но он взглянул не с настоящей точки на великого сподвижника великого Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

Поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни: но если мы ста-

нем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения {2}. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтобы человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики. Как будто нужны для славы великого Ломоносова мелочные почести модного писателя!

Упомянув об исключительном употреблении французского языка в образованном кру-

гу наших обществ, г. Лемонте столь же остроумно, как и справедливо, замечает, что русский язык чрез то должен был непременно сохранить драгоценную свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений. Не хочу оправдывать нашего равнодушия к успехам отечественной литературы, но нет сомнения, что если наши писатели чрез то теряют много удовольствия, по крайней мере язык и словесность много выигрывают. Кто отклонил французскую поэзию от образцов классической древности? Кто напудрил и нарумьянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей 18 столетия? Общество M-es du Deffand, Boufflers, d'Erinau, очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не для благосклонной улыбки прекрасного пола.

Строгий и справедливый приговор французскому языку делает честь беспристрастию автора. Истинное просвещение беспристрастно. Приводя в пример судьбу сего прозаического языка, г. Лемонте утверждает, что и

наш язык, не столько от своих поэтов, сколько от прозаиков, должен ожидать европейской своей общежительности. Русский переводчик оскорбился сим выражением; но если в подлиннике сказано *civilisation Européenne*, то сочинитель чуть ли не прав.

Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны.

Г-н Лемонте, входя в некоторые подробности касательно жизни и привычек нашего Крылова, сказал, что он не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. Неправда! - резко возражает

переводчик в своем примечании. В самом деле, Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому. В других землях таковая характеристическая черта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается.

В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшего истинно народного поэта, дабы познакомить Европу с литературою Севера. Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté*, *bonhomie*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость

и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов.

Н.К.

12 августа

P. S. Мне показалось излишним замечать некоторые явные ошибки, простительные иностранцу, например сближение Крылова с Карамзиным (сближение, ни на чем не основанное), мнимая неспособность языка нашего к стихосложению совершенно метрическому и проч.

1 По крайней мере в переводе, напечатанном в "Сыне отечества". Мы не имели случая видеть французский подлинник. (Прим. Пушкина.)

2 Любопытно видеть, как тонко насмехается Тредьяковский над славянщизнами Ломоносова, как важно советует он ему перенимать легкость и щеголевитость речений изрядной компании! Но удивительно, что Сумароков с большою точностию определил в одном полустииши истинное достоинство Ломоносова-поэта:

Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен!

Enfin Malherbe vin, et, le premier en France,
etc.

(Прим. Пушкина.)

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

*

Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова.

*

Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного.

*

Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б.

*

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною

незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки.

*

Мне пришла в голову мысль, говорите вы: не может быть. Нет, NN, вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так.

*

Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благороден. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностью, удивляются своему

гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности.

*

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

*

Примеры невежливости

В некотором азиатском народе мужчины каждый день, восстав от сна, благодарят бога, создавшего их не женщинами.

Магомет оспаривает у дам существование души.

Во Франции, в земле, прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим.

Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику. В рукописи находился стих: Я человек и шла путями заблуждений.

Критик подчеркнул стих, усумнясь, может ли женщина называться человеком. Это на-

поминает славное решение, приписываемое Петру I: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер.

Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей; и т. п.

*

Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. "Ваше высокопревосходительство! меня Александр Петрович так ударил в правую щеку, что она до сих пор у меня болит". - "Как же братец? - отвечал ему Шувалов, у тебя болит правая щека, а ты держишься за левую". - "Ах, ваше высокопревосходительство, вы имеете резон", - отвечал Тредьяковский и перенес руку на другую сторону. Тредьяковскому не раз случилось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского, но ода была не готова, и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного

стихотворца.

*

Один из наших поэтов говорил гордо: "Пусть в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется". Байрон не мог объяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая - от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

*

"Все, что превышает геометрию, превышает нас", - сказал Паскаль. И вследствие того написал свои философические мысли!

*

Un sonnet sans defaut vaut seul un long roeme {1}. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии... Что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?

*

Tous les genres sont bons, hors le genre l'ennuyeux {2}. Хорошо было сказать это в первый раз, но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основаньем поверхностной критике

литературных скептиков; но скептицизм, во всяком случае, есть только первый шаг умствования. Впрочем, некто заметил, что и Вольтер не сказал: *egalement bons* {3}.

*

Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о каком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра и еще не игранный и не напечатанный. В сем последнем случае Ансело чуть ли не прав. Забавная словесность!

*

Л., состарившийся волокита, говорил: *Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral* {4}.

*

Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии.

*

Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятие о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Феодор, уничтожив сию гордую дворянскую оппозицию, сделал то, на что не решились ни могущий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов.

*

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. "Государственное правило, - говорит Карамзин, - ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному". Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения... Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в це-

лом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистию некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца? Mes arriere-neveux me devront cet ombrage! {5}

*

Сказано: Les societees secretes sont la diplomatie des peuples {6}. Но какой же народ поверит права свои тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?

*

Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в "Дон Жуане" описывает он Россию, зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге. Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские

группы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: "Помилуй бог, как чисто!..". Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные. - Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарда-напалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время суворовских войн. В лице Нимврода изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ.

*

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,

Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.

Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе

Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.

Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.
Пушкин.

*

Милостивый государь! Вы не знаете право-
писания и пишете обыкновенно без смысла.
Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою:
не выдавайте себя за представителя образо-
ванной публики и решителя споров трех ли-
тератур. С истинным почтением и проч.

*

Coguette, prude. Слово кокетка обрусело, но
prude не переведено и не вошло еще в упо-
требление. Слово это означает женщину,
чрезмерно щекотливую в своих понятиях о

чести (женской) - недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволено многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае прюдство или смешно, или несносно.

*

Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке.

*

Москва девичья, а Петербург прихожая.

*

Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне: не оскорбляйте же глупцов.

*

Появление "Истории государства Российского" (как и надлежало быть) наделало мно-

го шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама (впрочем, очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: "Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его... Однако! зачем не но? однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?" В журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать, оценить огромное создание Карамзина. Каченовский бросился на предисловие. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие (предисловие!). Михаил Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестя-

щей гипотезы о происхождении славян, то есть требовал от историка не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к русской истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою "Историю" в России, в государстве самодержавном; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Повторяю, что "История государства Российского" есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека. (Извлечено из неизданных записок.)

Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!

*

Французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила.

ОТРЫВОК ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ

Tantae ne animis scholasticis irae! {1}

Распря между двумя известными журналистами и тяжба одного из них с цензурою надлежали шуму. Постараемся изложить исторически все дело *sine ira et studio*.

В конце минувшего года редактор "Вестника Европы", желая в следующем 1829 году потрудиться еще и в качестве издателя, объявил о том публике, все еще худо понимающей раз-

личие между сими двумя учеными званиями. Убедившись единогласным мнением критиков в односторонности и скудости "Вестника Европы", сверх того движимый глубоким чувством сострадания при виде беспомощного состояния литературы, он обещал употребить наконец свои старания, чтобы сделать журнал сей обширнее и разнообразнее. Он надеялся отныне далее видеть, свободнее соображать и решительнее действовать. Он соби-рался пуститься в неизмеримую область бы-тописания, по которой Карамзин, как всем из-вестно, проложил тропинку, теряющуюся в тундрах бесплодных. "Предполагаю работать сам, - говорил почтенный редактор, - не отка-зывая, однако ж, и другим литераторам участ-вовать в трудах моих". Сии поздние, но тем не менее благие намерения, сия похвальная за-ботливость о русской литературе, сия велико-душная снисходительность к своим сотрудни-кам тронули и обрадовали нас чрезвычайно. Приятно было бы нам приветствовать первые труды, первые успехи знаменитого редактора "Вестника Европы". Его глубокие знания (ду-мали мы), столь известные нам по слуху, да-

дут плод во время свое (в нынешнем 1829 году). Светильник исторической его критики озарит вышепомянутые тундры области бытописаний, а законы словесности умолкшие при звуках журнальной полемики, заговорят устами ученого редактора. Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе "Истории государства Российского" или даже рассуждениями о куньих мордках, но верным взором обнимет наконец творение Карамзина, оценит систему его разысканий, укажет источники новых соображений, дополнит недосказанное. В критиках собственно литературных мы не будем слышать то брюзгливого ворчанья какого-нибудь старого педанта, то непристойных криков пьяного семинариста. Критики г. Каченовского должны будут иметь решительное влияние на словесность. Молодые писатели не будут ими забавляться, как пошлыми шуточками журнального гаера. Писатели известные не будут ими презирать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям, оцененным ученостью, вкусом и хладнокровием.

Можем смело сказать, что мы ни единой минуты не усумнились в исполнении планов г. Каченовского, изложенных поэтическим слогом в газетном объявлении о подписке на "Вестник Европы". Но г. Полевой, долгое время наблюдавший литературное поведение своих товарищей-журналистов, худо поверил новым обещаниям "Вестника". Не ограничиваясь безмолвными сомнениями, он напечатал в 20-й книжке "Московского телеграфа" прошедшего года статью, в которой сильно напал он на почтенного редактора "Вестника Европы". Дав заметить неприличие некоторых выражений, употребленных, вероятно неумышленно, г. Каченовским, он говорит:

"Если бы он ("Вестник Европы"), старец по летам, признался в незнании своем, принялся за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки, заговорил голосом беспристрастия, мы все охотно уважили бы его сознание в слабости, желание учиться и познавать истину, все охотно стали бы слушать его".

Странные требования! В летах "Вестника Европы" уже не учатся и не бросают предрас-

судков закоренелых. Скромность, украшение седин, не есть необходимость литературная; а если сознания, требуемые г. Полевым, и заслуживают какое-нибудь уважение, то можно ли нам оные слушать из уст почтенного старца без болезненного чувства стыда и сострадания?

"Но что сделал до сих пор издатель "Вестника Европы"? - продолжает г. Полевой. - Где его права, и на какой возделанной его трудами земле он водрузит свои знамена: где, за каким океаном эта обетованная земля? Юноши, обогнавшие издателя "Вестника Европы", не виноваты, что они шли вперед, когда издатель "Вестника Европы" засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет. Дивиться ли, что теперь "Вестнику Европы" видятся чудные распри, грезятся кимвалы бряцающие и медь звенящая?"

На сие отвечаем:

Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи, снискал, однако ж, себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожи-

дать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г-н Каченовский просидел 20 лет на одном месте, - согласен: но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г-н Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского: но разве он музыкант? Г-н Каченовский перевел "Терезу и Фальдони": что за беда?

Доселе казалось нам, что г. Полевой не прав, ибо обнаруживается какое-то пристрастие в замечаниях, которые с первого взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали от г. Каченовского возражений неоспоримых или благородного молчания, каковым некоторые известные писатели всегда ответствовали на неприличные и пристрастные выходки некоторых журналистов. Но сколь изумились мы, прочитав в 24 Э "Вестника Европы" следующее примечание редактора к статье своего почтенного сотрудника, г. Надоумки (одного из великих писателей, приносящих истинную честь и своему веку и журналу, в коем они участвуют).

"Здесь приличным считаю объявить, что препираться с Бенигнуою я не имею охоты, от-

казавшись навсегда от бесплодной полемики, а теперь не имею на то и права, предприняв другие меры к охранению своей личности от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих. Я даже не читал бы статьи Телеграфической, если б не был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и к достоинству места, при котором имею счастье продолжать оную. Рдр."

Сие загадочное примечание привело нас в большое беспокойство. Какие меры к охранению своей личности от игривого произвола г. Бенигны предпринял почтенный редактор? что значит игривый произвол г. Бенигны? что такое: был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и достоинству места? (Впрочем, смысл последней фразы доньше остается тем же как в логическом, так и в грамматическом отношении.)

Многочисленные почитатели "Вестника Европы" затрепетали, прочитав сии мрачные, грозные, беспорядочные строки. Не смели вообразить, на что могло решиться рыцарское негодование Міхаила Трофімовича. К сча-

стию, скоро все объяснилось.

Оскорбленный как издатель "Вестника Европы", г. Каченовский решился требовать защиты законов как ординарный профессор, статский советник и кавалер и явился в цензурный комитет с жалобой на цензора, пропустившего статью г-на Полевого.

Успокоясь насчет ужасного смысла вышепомянутого примечания, мы сожалели о бесполезном действии почтенного редактора. Все предвидели последствия оногo. В статье г. Полевого личная честь г. Каченовского не была оскорблена. Говоря с неуважением о его занятиях литературных, издатель "Московского телеграфа" не упомянул ни о его службе, ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души.

Новое лицо выступило на сцену: цензор С.Н. Глинка явился ответчиком. Пылкость и неустранимость его духа обнаружились в его речах, письмах и деловых записках. Он увлек сердца красноречием сердца и, вопреки чувству уважения и преданности, глубоко питаемому нами к почтенному профессору, мы желали победы храброму его противнику; ибо

польза просвещения и словесности требует степени свободы, которая нам дарована мудрым и благодетельным Уставом. В.В. Измайлов, которому отечественная словесность уже многим обязана, снискал себе, новое право на общую благодарность свободным изъяснением мнения столь же умеренного, как и справедливого.

Между тем ожесточенный издатель "Московского телеграфа" напечатал другую статью, в коей дерзновенно подтвердил и оправдал первые свои показания. Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на позор. Г-н Полевой доказал, что почтенный редактор пользуется славою ученого мужа, так сказать, на честное слово; а доньне, кроме переводов с переводов и кой-каких заимствованных кое-где статей, ничего не произвел. Скучность, более достойная сожаления, нежели укоризны! Но что всего важнее, г. Полевой доказал, что Міхаил Трофімович несколько раз позволял себе личности в своих критических статейках, что он упрекал издателя "Телеграфа" виновным его за-

водом (пятном ужасным, как известно всему нашему дворянству!), что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний - купец (другое столь же ужасное обвинение!), и все сие в непристойных, оскорбительных выражениях. Тут уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор и странствующий купец равны перед законами критики. Князь Вяземский уже дал однажды заметить неприличность сих аристократических выходов; но не худо повторять полезные истины.

Однако ж таково действие долговременного уважения! И тут мы укоряли г. Полевого в запальчивости и неумеренности. Мы с умилением взирали на почтенного старца, расстроенного до такой степени, что для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразо-

вать оный удивительным образом. Утешительно для нас по крайней мере то, что сведения Міхаила Трофімовича в греческой азбуке отныне не подлежат уже никакому сомнению.

С нетерпением ожидали мы развязки дела. Наконец решение главного управления цензуры водворило спокойствие в области словесности и прекратило распри миром, равно выгодным для победителей и побежденных...

"РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТА" ШЕКСПИРА

Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат, а только им поправлены. Трагедия "Ромео и Джульета", хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приемов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и *concetti* {1}. Так понял Шекспир драматическую местность. После Джульеты, после Ромео, сих

двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии. Поэт избрал его в представители итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века.

Публикации в "Литературной газете а лете" (1830-1831)

"НЕКРОЛОГИЯ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ
Н.Н.РАЕВСКОГО"

В конце истекшего года вышла в свет "Некрология генерала от кавалерии Н.Н. Раевского", умершего 16 сентября 1829. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество

того не забыло.

РОМАН Б. КОНСТАНА "АДОЛЬФ" В ПЕРЕВОДЕ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констана. "Адольф" принадлежит к числу двух или трех романов,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом {1}.

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы.

1 "Евг. Онегин", гл. VII. (Прим. Пушкина.)

"ИЛИАДА" ГОМЕРОВА,

переведенная Н. Гнедичем, членом императорской Российской академии и пр. - 2 ч. С.П.б., в типогр. императорской Российской академии, 1829 (в 1-й ч., XV - 354, во 2-й - 362 стр. в большую 4-ю д. л.).

Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод "Илиады"! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величайшей древности; когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, - с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская "Илиада" перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность.

О ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

В одном из наших журналов дают заметить, что "Литературная газета" у нас не может существовать по весьма простой причине: у нас нет литературы. Если б это было справедливо, то мы не нуждались бы и в критике; однако ж произведения нашей литературы как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч. "Очистите место для новой статьи моей", - пишет сотрудник. "С удовольствием", - отвечает издатель. И это все напечатано. Недавно в одном журнале было упомянуто о порохе. "Вот ужо вам будет порох!" - сказано в замечании наборщика, а сам издатель возражает на сие:

Могущему пороку - брань,

Бессильному - прозренье.

Эти семейственные шутки должны иметь

свой ключ и, вероятно, очень забавны; но для нас они покамест не имеют никакого смысла.

Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных. В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими "Иван Выжигин"), о коих критика могла бы сказать много поучительного и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих. Впрочем, "Литературная газета" была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов.

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДА,

сочинение Николая Полевого. Том I. - М. в типогр. Августа Семена, 1829 (LXXXII - 368 стр., в 8-ю д. л.). В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год {1}.

СТАТЬЯ I

Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг, о коих обязываемся отдавать отчет публике; но перед нами первый том "Истории русского народа", соч. г. Полевым, и поневоле должны мы остановиться на первой строке посвящения: Г-ну Нибуру, первому историку нашего века. Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в первые историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности? Зачем с первой страницы вооружать уже на себя читателя всегда недоверчивого к выходкам авторского самолюбия и предубежденного против нескромности? Самое посвящение, вероятно, не помирит его с г. Полевым. В нем гос-

подствует единая мысль, единое слово: Я, еще более неловкое, чем ненавистное Я. Послушаем г. Полевого: "В то время, когда образованность и просвещение соединяют все народы союзом дружбы, основанной на высшем созерцании жребия человечества, когда высокие помышления, плоды философских наблюдений и великие истины Прошедшего и Настоящего составляют общее наследие различных народов и быстро разделяются между обитателями отдаленных одна от другой стран..." тогда - что б вы думали? "я осмеливаюсь поднести вам мою Историю русского народа". Belle conclusion et digne de l'exorde! {2}

Далее: "Я не поколебался писать историю России после Карамзина; утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России; я знал подробности событий, я чувствовал их, как русский; я был беспристрастен, как гражданин мира"... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачем терять хоть единый голос в собственную пользу? Но есть мера всему. Далее: "Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношение мое покажет вам, что в России

столько же умеют ценить и почитать вас, как и в других просвещенных странах мира". Опять! как можно самому себя выдавать за представителя всей России! За посвящением следует предисловие. Вступление в оное писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в "Московском телеграфе" и разобранную с такой оригинальной веселостию в "Славянине".

Приемлем смелость заметить г-ну Полевою, что он поступил по крайней мере искусно, напав на "Историю государства Российского" в то самое время, как начиная печатать "Историю русского народа". Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее была бы все готовы приветствовать его появление на поприще ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдал бы от себя нарекания, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился

кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется только ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно.

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. "Заметим, что сии апофегмы, - говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, - бывают для основательных

умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров". Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой никакого: вольному воля, как говорили наши предки.

Г-н Полевой замечает, что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: "Когда же думал историк?"

На сие отвечаем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее со-здание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его

мысль... Г-н Полевой, немного подумав, конечно сам удивится своему легкомысленному вопросу.

Статья II

Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете.

Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неопита. Пленяясь романической живою истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории. Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на самом духе, в котором вообще писана "История русского народа", на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и ча-

стых его заимствованиях у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия "Истории государства Российского", так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа.

"История русского народа" начинается живым географическим изображением Скандинавии и нравов диких ее обитателей (подражание Тьерри); но, переходя к описанию стран, Россию ныне именуемых, и народов, некогда там обитавших, г-н Полевой становится столь же темен в изложении своих этнографических понятий, как в философических рассуждениях своего предисловия. Он или повторяет сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзиным, или касается предметов, вовсе чуждых истории русского народа, и, утомляя внимание читателя, говорит поминутно: "Итак, мы видим... Из сего следует... Мы в нескольких словах означили главные черты великой картины...", между тем как мы ничего не видим, как из этого ничего не следует и как г-н Полевой в весьма многих сло-

вах означил не главные черты великой картины.

Желание противоречить Карамзину поминутно увлекает г-на Полевого в мелочные придирки, в пустые замечания, большею частью несправедливые. Он то соглашается с Татищевым, то ссылается на Розенкампа, то утвердительно и без доказательства повторяет некоторые скептические намеки г-на Каченовского. Признав уже достоверность похода к Царю-граду, он сомневается, имел ли Олег с собою сухопутное войско. "Где могли пройти его дружины, - говорит г-н Полевой, - не через Булгарию по крайней мере". Почему же нет? какая тут физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смысл выражения: на ключ, он пускается в догадки, ни на чем не основанные. Быть может, и Карамзин ошибся в применении своей догадки: ключ (символ хозяйства), как котел у казаков, означал, вероятно, общее хозяйство, артель {2}. В древнем договоре Карамзин читает: милым ближникам, ссылаясь на сгоревший Троицкий список. Г-н Полевой, признавая, что в других списках поставлено *ad libita librarii* {2} милым и малым,

подчеркивает, однако ж, слово сторевший, читает малым (малолетным, младшим) и переводит: дальним (дальним ближним!). Не говорим уже о довольно смешном противоречии; но что за мысль отдавать наследство дальним родственникам мимо ближайших?

Первый том "Истории русского народа" писан с удивительной опрометчивостью. Г-н Полевой утверждает, что дикая поэзия согревала душу скандинава, что песнопения скальда воспаляли его, что религия усиливала в нем врожденную склонность к независимости и презрению смерти (склонность к презрению смерти!), что он гордился названием Берсеркера, и пр.; а чрез три страницы г-н Полевой уверяет, что не слава вела его в битвы; что он ее не знал, что недостаток пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походов. Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы скрепления частей в единое целое, а у Владимира стремление к единовластию. В уделах г-н Полевой видит то образ восточного само-

державия, то феодальную систему, общую тогда в Европе. Промахи указанные в "Московском вестнике", почти невероятны.

Г-н Полевой в своем предисловии весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее; он говорит о нем почти с презрением. *Maitre renard, peut-etre on vous croirait {3}*

По крайней мере слог есть самая слабая сторона "Истории русского народа". Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова, - все обезображено, перепутано и затемнено.

Р. S. Сказав откровенно наш образ мыслей насчет "Истории русского народа", не можем умолчать о критиках, которым она подала повод. В журнале, издаваемом ученым, известным профессором, напечатана статьяб, в коей брань доведена до исступления; более чем в 30 страницах грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения, ни

одного поучительного показания, кроме ссылки на мнение самого издателя, мнение весьма любопытное, коему доказательства с нетерпением должны ожидать любители отечественной истории. "Московский вестник"... (et tu autem, Brute!4) сказал свое мнение насчет г-на Полевого еще с большим, непростительнейшим забвением своей обязанности, - непростительнейшим, ибо издатель "Московского вестника" доказал, что чувство приличия ему сродно и что, следственно, он добровольно пренебрегает оным. Ужели так трудно нашей братье-критикам сохранить хладнокровие? Как не вспомнить по крайней мере совета старинной сказки:

То же бы ты слово

Да не так бы молвил.

1 Раздается в книжном магазине А. Смирдина. Подписная цена за все 12 томов 40 руб., с пересылкой 45 рублей. (Прим. Пушкина.)

2 Стряпчий с ключом ведал хозяйственную часть Двора. В Малороссии ключевать значит управлять хозяйством. (Прим. Пушкина.)

3 Выписки, коими наполнена сия статья, в самом деле пойдут в пример галиматьи; но

и самый текст почти от них не отличается.
(Прим. Пушкина.)

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДА,

сочинение Николая Полевого. Том I. - М. в типогр. Августа Семена, 1829 (LXXXII - 368 стр., в 8-ю д. л.). В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год {1}.

СТАТЬЯ I

Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг, о коих обязываемся отдавать отчет публике; но перед нами первый том "Истории русского народа", соч. г. Полевым, и поневоле должны мы остановиться на первой строке посвящения: Г-ну Нибуру, первому историку нашего века. Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в первые историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности? Зачем с первой страницы вооружать уже на себя читателя всегда недоверчивого к выходкам ав-

торского самолюбия и предубежденного против нескромности? Самое посвящение, вероятно, не помирит его с г. Полевым. В нем господствует единая мысль, единое слово: Я, еще более неловкое, чем ненавистное Я. Послушаем г. Полевого: "В то время, когда образованность и просвещение соединяют все народы союзом дружбы, основанной на высшем созерцании жребия человечества, когда высокие помышления, плоды философских наблюдений и великие истины Прошедшего и Настоящего составляют общее наследие различных народов и быстро разделяются между обитателями отдаленных одна от другой стран..." тогда - что б вы думали? "я осмеливаюсь поднести вам мою Историю русского народа". Belle conclusion et digne de l'exorde! {2}

Далее: "Я не поколебался писать историю России после Карамзина; утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России; я знал подробности событий, я чувствовал их, как русский; я был беспристрастен, как гражданин мира"... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачем терять хоть единый голос в собственную пользу? Но есть мера

всему. Далее: "Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношение мое покажет вам, что в России столько же умеют ценить и почитать вас, как и в других просвещенных странах мира". Опять! как можно самому себя выдавать за представителя всей России! За посвящением следует предисловие. Вступление в оное писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в "Московском телеграфе" и разобранную с такой оригинальной веселостию в "Славянине".

Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере не искусно, напав на "Историю государства Российского" в то самое время, как начиная печатать "Историю русского народа". Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее была бы все готовы приветствовать его появление на поприще ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдал бы от себя на-

рекания, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется только ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно.

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. "Заметим, что

сии апофегмы, - говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, - бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров". Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой никакого: вольному воля, как говорили наши предки.

Г-н Полевой замечает, что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: "Когда же думал историк?"

На сие отвечаем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее со-

здание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль... Г-н Полевой, немного подумав, конечно сам удивится своему легкомысленному вопросу.

СТАТЬЯ II

Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете.

Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неопита. Пленяясь романической живостью истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории. Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на са-

мом духе, в котором вообще писана "История русского народа", на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и частых его заимствований у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия "Истории государства Российского", так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа.

"История русского народа" начинается живым географическим изображением Скандинавии и нравов диких ее обитателей (подражание Тьерри); но, переходя к описанию стран, Россиею ныне именуемых, и народов, некогда там обитавших, г-н Полевой становится столь же темен в изложении своих этнографических понятий, как в философических рассуждениях своего предисловия. Он или повторяет сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзиным, или касается предметов, вовсе чуждых истории русского народа, и, утомляя внимание читателя, говорит поминутно: "Итак, мы видим... Из сего следует... Мы в нескольких словах означили главные

черты великой картины...", между тем как мы ничего не видим, как из этого ничего не следует и как г-н Полевой в весьма многих словах означил не главные черты великой картины.

Желание противоречить Карамзину поминутно увлекает г-на Полевого в мелочные придирки, в пустые замечания, большею частью несправедливые. Он то соглашается с Татищевым, то ссылается на Розенкампа, то утвердительно и без доказательства повторяет некоторые скептические намеки г-на Каченовского. Признав уже достоверность похода к Царю-граду, он сомневается, имел ли Олег с собою сухопутное войско. "Где могли пройти его дружины, - говорит г-н Полевой, - не через Булгарию по крайней мере". Почему же нет? какая тут физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смысл выражения: ключ, он пускается в догадки, ни на чем не основанные. Быть может, и Карамзин ошибся в применении своей догадки: ключ (символ хозяйства), как котел у казаков, означал, вероятно, общее хозяйство, артель². В древнем договоре Карамзин читает: милым ближникам,

ссылаясь на сгоревший Троицкий список. Г-н Полевой, признавая, что в других списках поставлено *ad libita librarii*) милым и малым, подчеркивает, однако ж, слово сгоревший, читает малым (малолетным, младшим) и переводит: дальним (дальним ближним!). Не говорим уже о довольно смешном противоречии; но что за мысль отдавать наследство дальним родственникам мимо ближайших?

Первый том "Истории русского народа" писан с удивительной опрометчивостью. Г-н Полевой утверждает, что дикая поэзия согревала душу скандинава, что песнопения скальда воспаляли его, что религия усиливала в нем врожденную склонность к независимости и презрению смерти (склонность к презрению смерти!), что он гордился названием Берсеркера, и пр.; а чрез три страницы г-н Полевой уверяет, что не слава вела его в битвы; что он ее не знал, что недостаток пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походов. Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы

скрепления частей в единое целое, а у Владимира стремление к единовластию. В уделах г-н Полевой видит то образ восточного самодержавия, то феодальную систему, общую тогда в Европе. Промахи указанные в "Московском вестнике", почти невероятны.

Г-н Полевой в своем предисловии весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее; он говорит о нем почти с презрением. *Maotre renard, peut-etre on vous croirait* {3}

По крайней мере слог есть самая слабая сторона "Истории русского народа". Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова, - все обезображено, перепутано и затемнено.

Р. С. Сказав откровенно наш образ мыслей насчет "Истории русского народа", не можем умолчать о критиках, которым она подала повод. В журнале, издаваемом ученым, известным профессором, напечатана статьяб, в коей

брань доведена до исступления; более чем в 30 страницах грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения, ни одного поучительного показания, кроме ссылки на мнение самого издателя, мнение весьма любопытное, коему доказательства с нетерпением должны ожидать любители отечественной истории. "Московский вестник"... (et tu autem, Brute!4) сказал свое мнение насчет г-на Полевого еще с большим, непростительнейшим забвением своей обязанности, - непростительнейшим, ибо издатель "Московского вестника" доказал, что чувство приличия ему сродно и что, следовательно, он добровольно пренебрегает оным. Ужели так трудно нашей братье-критикам сохранить хладнокровие? Как не вспомнить по крайней мере совета старинной сказки: То же бы ты слово

Да не так бы молвил.

1 Раздается в книжном магазине А. Смирдина. Подписная цена за все 12 томов 40 руб., с пересылкой 45 рублей. (Прим. Пушкина.)

2 Стряпчий с ключом ведал хозяйственную частью Двора. В Малороссии ключевать зна-

чит управлять хозяйством. (Прим. Пушкина.)

3 Выписки, коими наполнена сия статья, в самом деле пойдут в пример галиматьи; но и самый текст почти от них не отличается. (Прим. Пушкина.)

ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ

Соч. М.Н. Загоскина. - М. в типогр. Н. Степанова, 1829. - 3 части, с виньетками на заглавных листах (в I-й части 255, во II-й 166, в III-й 263 стр. в 12 д. л.).

В наше время под словом роман разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Вальтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея! подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу а la Henri IV прогля-

дывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy {1}. Готические героини воспитаны у Madame Campan, а государственные люди XVI-го столетия читают "Times" и "Journal des debats". Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждала Madame de Stael, знают только историю своего времени и, следовательно, не в состоянии заметить нелепости романических анахронизмов? потому ли, что изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразной пестротой настоящего, ежедневного?

Спешим заметить, что упреки сии вовсе не касаются "Юрия Милославского". Г-н Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, козаки, монахи, буйные шиши - все это угадано, все это действует, чувствует как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как заниматель-

ны сцены старинной русской жизни! сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кирши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает и в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя. Разговор (живой, драматический везде, где он престонароден) обличает мастера своего дела. Но неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма. Например, новейшее выражение: столбовой дворянин употреблено в смысле человека знатного рода (мужа честна, как говорят летописцы); охотиться вместо: ездить на охоту; пользоваться вместо лечить. Эти два последние выражения не престонарод-

ные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. Быть в ответе значило в старину: быть в посольстве. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: из сказки слова не выкинешь вместо из песни. В песне слова составляют стих, и слова не выкинешь, не испортишь склада; сказка - дело другое. Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в 1 Э "Московского вестника" нынешнего года {1}, не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху "Юрия Милославского".

1 "Московский вестник" будет издаваться в нынешнем году в том виде, в каком издавался он в 1827 и 1828. Сей журнал почти постоянно отличается статьями любопытными, дельными критиками и благонамеренностию. Прежние сотрудники продолжают участвовать в сем издании. (Прим. Пушкина.)

О ЗАПИСКАХ САМСОНА

Французские журналы извещают нас о скором появлении "Записок Самсона, парижского палача". Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и

сильных впечатлений.

После соблазнительных "Исповедей" философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменого каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и, к стыду нашему, скажем, что успех его "Записок" кажется несомнительным.

Не завидуем людям, которые, основав свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторению сказаний, вероятно, безграмотного Самсона.

Но признаемся же и мы, живущие в веке признаний: с нетерпеливостью, хотя и с отвращением, ожидаем мы "Записок парижского палача". Посмотрим, что есть общего между им и людьми живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли? Что скажет нам сие творение, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Все, все они - его минутные знакомцы - чредою пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр, играет свою однообразную роль. Мученики, злодеи, герои - и царственный страдалец, и убийца его, и Шарлотта Корде, и прелестница Дю-Барри, и безумец Лувель, и мятежник Бертон, и лекарь Кастен, отравлявший своих ближних, и Папавуань, резавший детей: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западают перед нами, произнося каждая свое последнее слово... И, насытив жестокое наше любопытство,

книга палача займет свое место в библиотеках в ожидании ученых справок будущего историка.

"РАЗГОВОР У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ" Д.И. ФОНВИЗИНА

Недавно в одном из наших журналов изъявили сомнение: точно ли "Разговор у княгини Халдиной", напечатанный в 3 Э "Литературной газеты", есть сочинение Фонвизина. Во-первых: родной племянник покойного автора ручается в достоверности оно; во-вторых, не так легко, как думают, подделаться под руку творца "Недоросля" и "Бригадира": кто хотя немного изучал дух и слог Фонвизина, тот узнает тотчас их несомненные признаки и в "Разговоре". Статья сия замечательна не только как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. Княгиня Халдина говорит Сорванцову ты, он ей также. Она бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную. "Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?" - "Да ведь стыдно, В.С.", - отвечает служанка. "Глупа, радость", - возражает княгиня. Все

это, вероятно, было списано с натуры. Мы и тут узнаем подражание нравам парижским. Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых. Он записался в службу, чтоб ездить цугом. Он проводит ночи за картами и спит в присутственном месте, во время чтения запутанного дела. Он чувствует нелепость деловой бумаги и соглашается с мнением прочих из лености и беспечности. Он продает крестьян в рекруты и умно рассуждает о просвещении. Он взятки не берет из тщеславия и хладнокровно извиняет бедных взяточбрателей. Словом, он истинно русский барич прошлого века, каким образовали его, природа и полупросвещение. Здравомысл напоминает Правдина и Стародума, хотя в нем и менее педантства. Прочитав "Разговор у княгини Халдиной", пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы.

ДЕННИЦА

Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. - М. в Универс. типогр. 1830 (LXXXIV - 256 стр. в 16-ю д. л; с гравир. заглав. листком). {1}

В сем альманахе встречаем имена известнейших из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть "Обозрение русской словесности 1829 года", сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гете, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного. Несколько критических статей г. Киреевского были напечатаны в "Московском вестнике" и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования. Вероятно, "Обзор" г. Киреевского сделает большее впечатление не потому, что мысли в нем зреее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умунаправление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены рез-

ко и неожиданно.

Г-н Киреевский, ставя успехи гражданственности выше славы воинских подвигов, в начале статьи своей признает издание нового Ценсурного устава "важнейшим событием для блага России в течение многих лет и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом, важнее взятия Арзерума и той славной тени, которую бросили русские знамена на стены царьградские". Он приписывает сему уставу уже заметное движение в текущей словесности прошедшего года. "Наши журналы заимствовали более из журналов иностранных; переводы, хотя по большей части дурные, передавали нам более следов умственной жизни наших: соседей, и оттого вся литература наша неприметно приближалась более к жизни общеевропейской. Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные личности, их вежливости не городские - все это было похоже на нестройные движения распеленатого ребенка: движения, необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоровья".

Сначала, рассматривая характер словесности XIX столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои, по его мнению, определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу памяти того, "кто подвинул на полвека образованность нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества", кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию. "Он умер недавно (говорит г. Киреевский), почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то, может быть, многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова и его товарищей и усумнились бы в достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства".

"Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20, и книг продавалось на 200 000. Кроме того, Новиков завел книжные лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал особенно важными; заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности, и скоро не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения общего мнения".

Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обзору словесности прошлого года.

"XII том "Истории Российского государ-

ства", последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского, кажется, еще превзошел прежние силою красноречия, обширностью объема, верностью изображений, ясностью, стройностью картин и этим ровным блеском, этою чистотою, твердостью бриллиантовою карамзинского слога. Вообще, достоинство его истории растет вместе с жизнью протекших времен. Чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед ним судьба нашего отечества; чем сложнее картина событий, тем она стройнее отражается в зеркале его воображения, в этой чистой совести нашего народа".

В число исторических сочинений г. Киреевский включает и поэму "Полтаву". "В самом деле, - говорит он, - из двадцати критик, вышедших на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия. - Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину. Признавая в сей поэме большую зрелость таланта, он осуждает в ней недостаток единства интереса, "единственно-

го из всех единств, коего несоблюдение не прощается законами либеральной пиитики". Этим изъясняет он малый успех, который имела последняя и едва ли не лучшая из поэм А. Пушкина.

"Жуковский, - продолжает автор, - напечатал в прошедшем году свое "Море", "Песнь победителей" из Шиллера и связанные отрывки из "Илиады". Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах: что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь все тепло, все возвышенно, каждое слово от души; - может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою". - Автор имел в виду Кострова; в прошлом году мы не гордились еще "Илиадою" Гнедича.

"Море" Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны его прежней лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть, однако, отличие: что-то больше задумчивое,

нежели в прежней его поэзии".

Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал "Ермака", и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиления внушило молодому критику несколько трогательных строк. Он говорит о своем друге, о лучшем из избранных, о покойном Веневитинове.

"Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение); кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единство одушевлявшего их существа; кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройною жизнью души поэтической, - тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслию, каждая

мысль согрета сердцем; которого мечта не украшается искусством, но сама собою рождается прекрасная; которого лучшая песнь - есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души. Ибо щедро природа наделила его своими дарами и их разнообразие согласила равновесием. Оттого все прекрасное было ему родное; оттого в познании самого себя находил он разрешение всех тайн искусства и в собственной душе прочел начертание высших законов и созерцал красоту создания. Оттого природа была ему доступною для ума и для сердца, он мог в ее таинственную грудь,

Как в сердце друга, заглянуть.

Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения. Это доказывает, что он был рожден еще более для философии, нежели для поэзии. Прозаические сочинения его, которые печатаются и скоро выйдут в свет, еще подтвердят все сказанное нами".

Тут критик сильно и остроумно доказывает преимущественную пользу немецких фи-

лософов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее показывают достоинство чужого, ими приобретенного. "Здесь господствуют два рода литераторов: одни следуют направлению французскому, другие немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? Мыслей мы не встречаем у них (ибо мысли собственно французские уже стары; следовательно, не мысли, а общие места: сами французы заимствуют их у немцев и англичан). Но мы находим у них игру слов, редко, весьма редко, и то случайно соединенную с остроумием, и шутки, почти всегда лишенные вкуса, часто лишенные всякого смысла. И может ли быть иначе? - Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастье принадлежать к нему?

Напротив того, в произведениях литераторов, которые напитаны чтением немецких умствователей, почти всегда найдем что-нибудь достойное уважения, хотя тень мысли, хотя стремление к этой тени".

В князе Вяземском г. Киреевский видит до-

казательство, что истинный талант блесит везде, во всяком направлении, под всяким влиянием. "Однако ж, - говорит автор, - и князь Вяземский, несмотря на все свои дарования, несмотря на то, что мы можем назвать его остроумнейшим из наших писателей, еще выше там, где, как в "Унынии", голос сердца слышнее ума".

Автор не соглашается с мнением людей, утверждающих, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского. Он видит в нем поэта самобытного, своеобразного. "Чтобы дослышать все оттенки лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого взгляда, - верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении, многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную щеголеватость? Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в

какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка".

Автор справедливо ставит "Эду", одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше "Бального вечера", поэмы более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной. Определяя характер поэзии барона Дельвига, критик говорит: "Всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно. Только подражание из любви может быть поэтическим и даже творческим. Но в последнем случае можем ли мы совершенно забыть самих себя? и не оттого ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа? Вот отчего новейшие всегда остаются новейшими во всех удачных подражаниях древним; скажу более: нет ни одного истинно-изящного перевода древних классиков, где бы не легли следы такого состояния души, которого не знали наши праотцы по уму. Чувство религиозное, коим мы обязаны христианству; романическая любовь, подарок ара-

бов и варваров; уныние, дитя севера и зависимости; всякого рода фанатизм, необходимый плод борьбы вековых неустойчивостей Европы с порывами к улучшению; наконец перевес мысленности над чувствами, и отсюда стремление к единству и сосредоточенью..." и пр.

Рассуждая о некоторых произведениях драматической музыки нашей, автор с такою веселостию изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем, однако ж, не выписать сего оригинального места.

"Вообще наш театр представляет странное противоречие с самим собою: почти весь репертуар наших комедий состоит из подражаний французам, и, несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию французскую от всех других: вкус, приличие, остроумие, чистота языка и все, что принадлежит к потребностям хорошего общества, - все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая музыка. В

лакейской она - дома, там ее гостиные, и кабинет, и зала, и уборная; там проводит она весь день, когда не ездит на запятках делать визиты музам соседних государств, и чтобы русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах.

Таков общий характер наших оригинальных комедий, еще не измененный немногими, редкими исключениями. Причина этого характера заключается отчасти в том, что от Фонвизина до Грибоедова {2} мы не имели ни одного истинного комического таланта, а известно, что необыкновенный человек, как необыкновенная мысль, всегда дают одностороннее направление уму; что перевес силы уравновешивается только другою силою; что вред гения исправляется явлением другого, противудействующего.

Между тем можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая такое направление... За простым народом им не угнаться, и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы, которым хохочет раек; но они никогда не до-

стигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их - любой извозчик убьет одним словом".

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич.

Пропустив некоторые сочинения, более или менее замечательные, но не входящие в область чистой литературы, автор обращается к сочинениям в роде повествовательном. Прошлый год богат был оными: но "Иван Выжигин", бесспорно, более всех достоин был внимания по своему чрезвычайному успеху. Два издания разошлись менее чем в один год; третье готовится. Г-н Киреевский произносит ему строгий и резкий приговор {3}, не изъясняя, однако ж, удовлетворительно невероятного успеха нравственно-сатирического романа г. Булгарина.

"Замечательно, - говорит г. Киреевский, - что в прошедшем году вышло около 100 000 экземпляров азбуки русской, около 60 000 азбуки славянской, 60 000 экз. катехизиса, око-

ло 15 000 азбуки французской, и вообще учебные книги расходились в этом году почти целою третью более, нежели в прежнем. Вот что нам нужно, чего недостает нам, чего по справедливости требует публика".

Спешим окончить сие слишком уже пространное изложение. Г-н Киреевский, вкратце упомянув о журналах, о духе их полемики, об альманахах, о переводах некоторых известных сочинений, заключает свою статью следующим печальным размышлением:

"Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: "Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою? - Что будем отвечать ему?"

Мы укажем ему на "Историю Российского государства"; мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фонвизина и Грибоедова, и - где еще найдем мы произведение до-

стоинства европейского?

Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!"

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое "Обозрение словесности", там есть словесность - и время зрелости оной уже недалеко.

1 Продается у А.Ф. Смирдина. Цена 10 р. (Прим. Пушкина.)

2 Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: кроме Фонвизина и Грибоедова? (Прим. Пушкина.)

3 См. Денница, "Обозрение русской словесности", стр. LXXIII. (Прим. Пушкина.)

ДЕННИЦА

Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. - М. в Универс. типогр. 1830 (LXXXIV - 256 стр. в 16-ю д. л; с гравир. заглав.

листом). {1}

В сем альманахе встречаем имена известных из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть "Обозрение русской словесности 1829 года", сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гете, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного. Несколько критических статей г. Киреевского были напечатаны в "Московском вестнике" и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования. Вероятно, "Обзор" г. Киреевского сделает большее впечатление не потому, что мысли в нем зреее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора), но потому только,

что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно.

Г-н Киреевский, ставя успехи гражданственности выше славы воинских подвигов, в начале статьи своей признает издание нового Ценсурного устава "важнейшим событием для блага России в течение многих лет и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом, важнее взятия Арзерума и той славной тени, которую бросили русские знамена на стены царьградские". Он приписывает сему уставу уже заметное движение в текущей словесности прошедшего года. "Наши журналы заимствовали более из журналов иностранных; переводы, хотя по большей части дурные, передавали нам более следов умственной жизни наших: соседей, и оттого вся литература наша неприметно приближалась более к жизни общеевропейской. Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные личности, их вежливости не городские - все это было похоже на нестройные движения распеленатого ребенка: движения, необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоро-

ВЪЯ".

Сначала, рассматривая характер словесности XIX столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои, по его мнению, определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу памяти того, "кто подвинул на полвека образованность нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества", кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию. "Он умер недавно (говорит г. Киреевский), почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то, может быть, многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова и его товарищей и усумнились бы в достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности

потомства".

"Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20, и книг продавалось на 200 000. Кроме того, Новиков завел книжные лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал особенно важными; заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности, и скоро не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения общего мнения".

Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обозрению словесности прошлого года.

"XII том "Истории Российского государства", последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского, кажется, еще превзошел прежние силою красноречия, обширностью объема, верностью изображений, ясностью, стройностью картин и этим ровным блеском, этою чистотою, твердостью бриллиантовою карамзинского слога. Вообще, достоинство его истории растет вместе с жизнью протекших времен. Чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед ним судьба нашего отечества; чем сложнее картина событий, тем она стройнее отражается в зеркале его воображения, в этой чистой совести нашего народа".

В число исторических сочинений г. Киреевский включает и поэму "Полтаву". "В самом деле, - говорит он, - из двадцати критик, вышедших на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия. - Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину. Признавая в сей поэме большую зрелость таланта, он осуждает в ней

недостаток единства интереса, "единственно-го из всех единств, коего несоблюдение не прощается законами либеральной пиитики". Этим изъясняет он малый успех, который имела последняя и едва ли не лучшая из поэм А. Пушкина.

"Жуковский, - продолжает автор, - напечатал в прошедшем году свое "Море", "Песнь победителей" из Шиллера и связанные отрывки из "Илиады". Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах: что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь все тепло, все возвышенно, каждое слово от души; - может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою". - Автор имел в виду Кострова; в прошлом году мы не гордились еще "Илиадою" Гнедича.

"Море" Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны его прежней лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть, од-

нако, отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии".

Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал "Ермака", и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиления внушило молодому критику несколько трогательных строк. Он говорит о своем друге, о лучшем из избранных, о покойном Веневитинове.

"Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение); кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единство одушевлявшего их существа; кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройною жизнью души поэтической, - тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого

каждое чувство освещено мыслию, каждая мысль согрета сердцем; которого мечта не украшается искусством, но сама собою рождается прекрасная; которого лучшая песнь - есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души. Ибо щедро природа наделила его своими дарами и их разнообразие согласила равновесием. Оттого все прекрасное было ему родное; оттого в познании самого себя находил он разрешение всех тайн искусства и в собственной душе прочел начертание высших законов и созерцал красоту создания. Оттого природа была ему доступною для ума и для сердца, он мог в ее таинственную грудь,

Как в сердце друга, заглянуть.

Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения. Это доказывает, что он был рожден еще более для философии, нежели для поэзии. Прозаические сочинения его, которые печатаются и скоро выйдут в свет, еще подтвердят все сказанное нами".

Тут критик сильно и остроумно доказыва-

ет преимущественную пользу немецких философов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее показывают достоинство чужого, ими приобретенного. "Здесь господствуют два рода литераторов: одни следуют направлению французскому, другие немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? Мыслей мы не встречаем у них (ибо мысли собственно французские уже стары; следовательно, не мысли, а общие места: сами французы заимствуют их у немцев и англичан). Но мы находим у них игру слов, редко, весьма редко, и то случайно соединенную с остроумием, и шутки, почти всегда лишённые вкуса, часто лишённые всякого смысла. И может ли быть иначе? - Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастье принадлежать к нему?

Напротив того, в произведениях литераторов, которые напитаны чтением немецких умствователей, почти всегда найдем что-нибудь достойное уважения, хотя тень мысли, хотя стремление к этой тени".

В князе Вяземском г. Киреевский видит доказательство, что истинный талант блещит везде, во всяком направлении, под всяким влиянием. "Однако ж, - говорит автор, - и князь Вяземский, несмотря на все свои дарования, несмотря на то, что мы можем назвать его остроумнейшим из наших писателей, еще выше там, где, как в "Унынии", голос сердца слышнее ума".

Автор не соглашается с мнением людей, утверждающих, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского. Он видит в нем поэта самобытного, своеобразного. "Чтобы дослышать все оттенки лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого взгляда, - верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении, многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную щеголеватость? Но ес-

ли бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка".

Автор справедливо ставит "Эду", одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше "Бального вечера", поэмы более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной. Определяя характер поэзии барона Дельвига, критик говорит: "Всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно. Только подражание из любви может быть поэтическим и даже творческим. Но в последнем случае можем ли мы совершенно забыть самих себя? и не оттого ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа? Вот отчего новейшие всегда остаются новейшими во всех удачных подражаниях древним; скажу более: нет ни одного истинно-изящного перевода древних классиков, где бы не легли следы такого состояния души, которого не знали наши праотцы по уму. Чувство религиозное, коим мы обязаны христи-

анству; романическая любовь, подарок арабов и варваров; уныние, дитя севера и зависимости; всякого рода фанатизм, необходимый плод борьбы вековых неустойств Европы с порывами к улучшению; наконец перевес мысленности над чувствами, и оттуда стремление к единству и сосредоточенью..." и пр.

Рассуждая о некоторых произведениях драматической музыки нашей, автор с такою веселостию изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем, однако ж, не выписать сего оригинального места.

"Вообще наш театр представляет странное противоречие с самим собою: почти весь репертуар наших комедий состоит из подражаний французам, и, несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию французскую от всех других: вкус, приличие, остроумие, чистота языка и все, что принадлежит к потребностям хорошего общества, — все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее ко-

торых не проникает наша комическая муза. В лакейской она - дома, там ее гостиные, и кабинет, и зала, и уборная; там проводит она весь день, когда не ездит на запятках делать визиты музам соседних государств, и чтобы русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах.

Таков общий характер наших оригинальных комедий, еще не измененный немногими, редкими исключениями. Причина этого характера заключается отчасти в том, что от Фонвизина до Грибоедова {2} мы не имели ни одного истинного комического таланта, а известно, что необыкновенный человек, как необыкновенная мысль, всегда дают одностороннее направление уму; что перевес силы уравновешивается только другою силою; что вред гения исправляется явлением другого, противудействующего.

Между тем можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая такое направление... За простым народом им не угнаться, и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы,

которым хохочет раек; но они никогда не достигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их - любой извозчик убьет одним словом".

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич.

Пропустив некоторые сочинения, более или менее замечательные, но не входящие в область чистой литературы, автор обращается к сочинениям в роде повествовательном. Прошлый год богат был оными: но "Иван Выжигин", бесспорно, более всех достоин был внимания по своему чрезвычайному успеху. Два издания разошлись менее чем в один год; третье готовится. Г-н Киреевский произносит ему строгий и резкий приговор {3}, не изъясняя, однако ж, удовлетворительно неимоверного успеха нравственно-сатирического романа г. Булгарина.

"Замечательно, - говорит г. Киреевский, - что в прошедшем году вышло около 100 000 экземпляров азбуки русской, около 60 000 аз-

буки славянской, 60 000 экз. катехизиса, около 15 000 азбуки французской, и вообще учебные книги расходились в этом году почти целую третью более, нежели в прежнем. Вот что нам нужно, чего недостает нам, чего по справедливости требует публика".

Спешим окончить сие слишком уже странное изложение. Г-н Киреевский, вкратце упомянув о журналах, о духе их полемики, об альманахах, о переводах некоторых известных сочинений, заключает свою статью следующим печальным размышлением:

"Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: "Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою? - Что будем отвечать ему?"

Мы укажем ему на "Историю Российского государства"; мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фонвизина и Грибоедо-

ва, и - где еще найдем мы произведение достоинства европейского?

Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!"

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое "Обозрение словесности", там есть словесность - и время зрелости оной уже недалеко.

1 Продается у А.Ф. Смирдина. Цена 10 р. (Прим. Пушкина.)

2 Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: кроме Фонвизина и Грибоедова? (Прим. Пушкина.)

3 См. Денница, "Обозрение русской словесности", стр. LXXIII. (Прим. Пушкина.)

КАРЕЛИЯ, ИЛИ ЗАТОЧЕНИЕ МАРФЫ ИОАННОВНЫ РОМАНОВОЙ

Описательное стихотворение в четырех

частях Федора Глинки. - СПб., в типографии Х. Гинце, 1830 (VIII - 112 стр. в 8-ю д. л.). {1}

Изю всех наших поэтов Ф.Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной, - все дает особенную печать его произведениям. Поэма "Карелия" служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта. Мы, верно, уго-

дим нашим читателям, выписав несколько отрывков, вместо всякого критического разбора {2}.

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о прибытии своем в Карелию.)

"В страну сию пришел я летом,
Тогда был небывалый жар,
И было дымом все одето:
В лесах свирепствовал пожар,
В Кариоландии горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной,
По ветвям бегал, развивался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам...
От знойной смерти убегали
И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира, гибель дней,
Давно на Патмосе в виденье
Предсказанные. Все в томленьи
Снедалось жадностью огней,

Порывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали. - Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира,
Мне вспомянули песнь Омира:
В его стихах лесной пожар.
Но осень нам дала и тучи
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучий
И жатвой радовал людей!..
Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам;
Везде пустыня: здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Сьюсарских островов,
До речки с жемчугом игривой {3}
До дальних северных лесов,
Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво все... пока Шелойник

В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник,
И рвет на соймах паруса,
Под скрипом набережных сосен.
Но живописна ваша осень,
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь, и яхонт, и рубин
Горят на сих древесных купах,
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах.
И вот, меж каменных громад,
Порой я слышу шорох стад,
Бродящих лесовой тропою,
И под рогатой головою
Привески звонкие брячат...
Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы;
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии опять:
И мне хотелось повторять

Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель
Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Все розы весело глядят!
И Север позабыл я снова.
Как девы милые, в семье,
Обсядут старика седого,
Так розы в этой стороне,
Собравшись рощей молодою,
Живут с громадою седою.
Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то случилось?..
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды
С каких высот? осталось тайной...
Но Север некогда питал,
За твердью некоей плотины,

Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! - И длинный,
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал,
И стали щели - озерами.
Их общий всем, продольный вид
Внушал мне это заключение.
Но ток, сорвавшись, все кипит.
Забыв бывшее заточенье,
Бежит и сыплет валуны
И стал. Из страшного набега
Явилась - зеркало страны
Новорожденная Онега!
Здесь поздно настает весна;
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми,
И долго лед над озерами
Упрямо жметя к берегам.
Уж часто видят, по лугам
Цветок синеется подснежный,
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед

(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае, по утрам,
Блестает серебро мороза...
Мертвеет долго все... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье;
Дохнул какой-то теплый дух
И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
К приютам ведомым влекомых;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых
В веселом воздухе жужжат.
Взлетает жавронок высоко,
И от черемух аромат
Льетса долго и далеко...
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями:
В тиши бестенных вечеров
Лука и бор и дичь бугров
Полны кругом их голосами.
Поют... поют... поют оне

И только с утром замолкают:
Знать, в песне высказать желают,
Что в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или, предчувствием томимы,
Что скоро, из лесов густых,
Дохнет, как смерть, неотвратимый,
От Беломорских стран пустых,
Губитель роскоши и цвета,
Он вмиг, как недуг, все сожмет,
И часто в самой неге лета
Природа смолкнет и замрет!
По Суне плыли наши челны,
Под нами стлались небеса,
И опрокинулись в волны
Уединенные леса.

Спокойно все на влаге светлой,
Была окрестность в тишине,
И ясно на глубоком дне
Песок виднелся разноцветный.
И, за грядою серых скал,
Прибрежных нив желтело злато,
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.. В пустыне шепот

Растет, растет, звучит, и вдруг
Как будто конной рати топот,
Дивит и ужасает слух!
Гул, стук! - Знать, где-то строят грады;
Свист, визг! - Знать, целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят
Холодной, стекловидной пыли:
"Кивач!.. Кивач!.. Ответствуй, ты ли?.."
И выслал бурю он в ответ!..
Кипя над четырьмя скалами,
Он, с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж в хрустальное ребро
Пронзится, горними лучами
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Блестят - пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но под зарею летней ночи
Вдвойне любуются им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,

Чтоб после снова целым слиться

Внизу, на зеркале реки...

Тут буду я! Тут жизнь теки!..

О, счастье жизни сей волнистой!

Где ты? - В чертоге ль богача,

В обетах роскоши нечистой,

Или в Карелии лесистой,

Под вечным шумом Кивача?.."

Духи основали свое царство в пустынях
лесной Карелы. Вот как поэт наш изображает
их.

В тех горах

Живут селениями духи:

Точь-в-точь, как мы! В больших домах,

Лишь треугольником их кровли;

Они охотники до ловли,

И все у них, как и у нас:

Есть чернь и титул благородных;

Суды, Расправы и Приказ.

Но нет балов, торговок модных,

Карет, визитов, суеты

И бестолкового круженья;

Нет мотовства и разоренья,

Так, стало, нет и нищеты!

Счет, вес и мера без обмана,

И у судейского кафтана
У них не делают кармана.
Я не могу уверить вас,
Имеют ли они Парнас,
Собранья авторов и залы
Для чтения. - "А есть журналы?"
Нет-с! - Ну, и ссоры меньше там:
Литературные нахалы
Не назовут по именам
И по отечествам, чтоб гласно,
Под видом критики, ругать:
То с здравым смыслом не согласно!
И где, кто б мог закон сыскать,
Который бы людей уволил
От уз приличия? И им,
Как будто должное, дозволил
По личным прихотям своим,
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?..
Зато уж в обществе духов
Вон там, на тех скалах огромных
Все так приятнены! так скромны!..
От человеческих грехов
Подчас им, бедным, очень душно!
И если станет уж и скучно

Смотреть на глупости земных,
На наши шашни и проказы,
То псов с собой четвероглазых
И в лес! И вот лесов чесных
Принявши образ, часто странный,
То выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой!
Проказят, резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат...
Иди к ним, с умной головой,
Начитанный теорик, - что же?
Тебе ученость не поможет:
Ты угоришь: все глушь да мрак;
А духи шепчут: "Ты дурак!
Сюда, мудрец, вот омут грязный!"...
Не так ли иногда приказный,
Раскинув практику свою,
Из справки в справку ходит, ходит
И часто в бестолочь заводит
И толковитого судью?..

1 Продается у издателя, книгопродавца Ив. Вас. Непейцына в д. Г.М. Балабина, под Э 26-м. Цена экз. 6 р., с пересылкою 7 р. (Прим. Пушкина.)

2 В Э 6-м "Литературной газеты" было

вкратце изложено содержание сей поэмы. - Издатель, г. Непейцын, заслуживает всякую похвалу за старательное и отлично красивое издание оной. (Прим. Пушкина.)

3 В речке Повенчанке находят жемчуг, иногда довольно окатистый и крупный. (Прим. Ф. Глинки.)

О СТАТЬЯХ кн. ВЯЗЕМСКОГО

Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского как на начинщика брани, господствующей в нашей литературе. Указание неискреннее. Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостью самого софизма. Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но кн. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена; они же всегда преступают

черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать? Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения. Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав.

Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития.

ОСТРАЯ ШУТКА НЕ ЕСТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР...

Острая шутка не есть окончательный приговор. *** сказал, что у нас есть три "Истории"

России: одна для гостиной, другая для гостиной, третья для гостиного двора.

В ОДНОЙ ИЗ ШЕКСПИРОВЫХ КОМЕДИЙ...

В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей спрашивает: "Что такое поэзия? вещь ли это настоящая?" Не этот ли вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из московских журналов 1830 года?

НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ НА 1830 ГОД,

изданный Е. Аладьиным. СПб., в типографии вдовы Плюшар, 1830 (486 стр., в 16-ю долю, и 22 стр. нот).

"Невский альманах" издается уже 6-й год и видимо улучшается. Ныне явился он безо всяких излишних притязаний на наружную щеголеватость; издатель в сем случае поступил благоразумно, и альманах нимало от того не потерпел. Три письма князя Меншикова, в нем помещенные, любопытны как памятники исторические. "Сказки о кладах" суть лучшие из произведений Байского, донныне известных. Стихотворную часть украшает Языков.

С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною. Пожалеем, что доньше почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода, и удивимся, что издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла.

АНГЛИЯ ЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО КАРИКАТУРЫ И ПАРОДИИ...

Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подают повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. "Стихи, кажется, мои, отвечал он смеясь. - Я так много и так давно пишу, что не смею от-

речься и от этой бессмыслицы!" Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри.

ОБЪЯСНЕНИЕ К ЗАМЕТКЕ ОБ "ИЛИАДЕ"

В одном из московских журналов выписывают объявление об "Илиаде", напечатанное во 2 Э "Литературной газеты", и говорит, что сие воззвание насчет (?) труда г-на Гнедича обнаруживает дух партии, которая в литературе не должна быть терпима. В доказательство чего дают заметить, что в "Литературной газете" сказано: "Русская "Илиада" должна иметь важное влияние на отечественную словесность"; а что в предисловии к своему переводу Н.И. Гнедич похвалил гекзаметры барона Дельвига.

Вот лучшее доказательство правила, слишком пренебрегаемого нашими критиками: ограничиваться замечаниями чисто литера-

турными, не примешивая к оным догадок насчет посторонних обстоятельств, догадок большею частью столь же несправедливых, как и неблагопристойных. Объявление о переводе "Илиады" писано мною и напечатано во время отсутствия барона Дельвига. Принужденным нахожусь сказать, что нынешние отношения барона Дельвига к Н.И. Гнедичу не суть дружеские; но как бы то ни было, это не может повредить их взаимному уважению. Н.И. Гнедич, по благородству чувств, ему свойственному, откровенно сказал свое мнение насчет таланта барона Дельвига, похвалив произведения музыки его. Пример утешительный в нынешнюю эпоху русской литературы {1}.

Александр Пушкин.

1 Ужели перевод "Илиады" столь незначителен, что Н.И. Гнедичу нужно покупать себе похвалы? Если ж нет, то неужели критик, по предполагаемой приязни с переводчиком, должен непременно бранить труд его, чтобы показать свое беспристрастие? (Прим. Пушкина.)

Г-н РАИЧ СЧЕЛ ЗА НУЖНОЕ ОТВЕЧАТЬ...

Г-н Раич счел за нужное отвечать критикам, не признававшим в нем таланта. Он напечатал в 8 Э "Галатеи" нынешнего года следующее примечание:

"Чтобы вывести некоторых из заблуждения, представляю здесь перечень моих сочинений: Грусть на пиру. Прощальная песнь в кругу друзей. Перекати-поле. Друзьям. Амела. Петроний к друзьям. Вечер в Одессе.

Прочие мелкие стихотворения мои - переводы. В чем же *obtrectatores* {1}, нашли вялость воображения, щепетильную жеманность чувства и (просим покорно найти толк в следующих словах!) недостаток воображения".

Мы принуждены признать неоспоримость сего возражения.

МИЛЬТОН ГОВАРИВАЛ...

Мильтон говаривал: "С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня". Это гордое желание поэта повторяется иногда и в наше время только с небольшою переменой. Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что "с них до-

вольно и малого числа читателей, лишь бы много было покупателей".

О ЗАПИСКАХ ВИДОКА

В одном из Э "Литературной газеты" упоминали о "Записках" парижского палача; нравственные сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека.

Видок в своих записках именуется патриотом, коренным французом (un bon Français), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона, возбуждая в кофейных негодование честных

бедняков, состоящих на половинном жалованье (officiers a la demi-solde). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой). Он с удивительной важностию толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де ля Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагоклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писаке, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем уничтожении, все еще сохраняет благоговение перед

понятиями, священными для человеческого рода.

Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Стихотворение А. С. Пушкина

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной головки.

Крылов.

Мое собранье насекомых

Открыто для моих знакомых:

Ну, что за пестрая семья;

За ними где не рылся я?

Зато какая сортировка!

Вот** божия коровка,

Вот ***** злой паук,

Вот и ** российский жук,
Вот ** черная мурашка,
Вот ** мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом, и в рамках
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпитафиях.

Сие стихотворение, напечатанное в альманахе "Подснежник", нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отзывались о нем, и большею частию неблагоклонно. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в "Вестнике Европы" и в "Московском телеграфе". Пародия "Вестника" отличается легким остроумием; пародия "Телеграфа" - полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностию. Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное сочинителем. В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой - с предисловием, примечаниями и биографическими объяснениями, с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насе-

комых. Цена с пересылкою 25 руб.

В ГАЗЕТЕ "LE FURET" НАПЕЧАТАНО...

В газете "Le Furet" напечатано известие из Пекина, что некоторый мандарин приказал побить палками некоторого журналиста. Издатель замечает, что мандарину это стыдно, а журналисту здорово.

VIE, POESIES ET PENSEES DE JOSEPH DELORME

(Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма). - Париж, 1829 (I т. в 16-ю д. л.).

LES CONSOLATIONS. POESIES PAR SAINTE BEUVE

(Утешения. Стихотворения Сент-Бева). - Париж, 1830 (I том в 18-ю д. л.).

Года два тому назад книжка, вышедшая в свет под заглавием Vie, poesies et pensees de J. Delorme, обратила на себя в Париже внимание критиков и публики. Вместо предисловия романическим слогом описана была жизнь бедного молодого поэта, умершего, как уверяли, в нищете и неизвестности. Друзья покойника предлагали публике стихи и мысли, найденные в его бумагах, извиняя недостатки их и заблуждения самого Делорма его молодого

стию, болезненным состоянием души и физическими страданиями. В стихах оказывался необыкновенный талант, ярко отсвеченный странным выбором предметов. Никогда ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такою сухою точностию; никогда заблуждения жалкой молодости, оставленной на произвол страстей, не были высказаны с такою разочарованностию. Смотря на ручей, осененный темными ветвями дерев, Делорм думает о самоубийстве и вот каким образом {1}.

Pour qui veut se noyer la place est bien choisie.

On n'aurait qu'a venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,
Et, comme pour un bain, a descendre dans
l'eau:

Non pas en furieux, le tete la premiere,
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de
lumiere

Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au
complet,

Qu'on aurait froid, alors, sans plus trainer la
fete,

Pour ne plus la lever, plonger avant la tete,
C'est la mon plus doux vu, quand je pense
amourir.

J'ai toujours ete seul a pleurer, a souffrir;
Sans un cur pres du mien j'ai passe sur la
terre;

Ainsi que j'ai vecu, mourons avec mystere,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins
assemblees.

L'alouette, en mourant, se cache dans les bles;
Le rossignol, qui sent defaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible a tous, comme un echo du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux
mois,

Peut-etre un an apres, un jour... une soiree,
Quelque patre inquiet d'une chevre egaree,
Un chasseur descendu vers la source et voyant
Son chien qui s'y lancait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Eclairera ce corps d'une lueur blafarde;
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout
droit.

De grand matin venus, quelques gens de
l'endroit

Tirant par les cheveux ce corps
meconnaissable,

Cette chair en lambeaux, ces os charges de
sable,

Melant des quolibets a quelques sots recits,
Deviseront longtemps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetiére;

Vite on clouera le tout dans quelque vieille
biere,

Qu'un pretre aspergera d'eau benite trois fois;
Et je serai laisse sans nom, sans croix de bois!*

У друга его, Виктора Гюго, рождается сын;
Делорм его приветствует:

Mon ami, vous voila pere d'un nouveau-ne;
C'est un garcon encor: le ciel vous l'a donne
Beau, frais, souriant d'aise a cette vie amere;
A peine il a coute quelque plainte a sam ere.

Il est nuit; je vous vois... a doux bruit, le
sommeil

Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant
vermeil,

Et vous, pere, veillant contre la cheminee,
Recueilli dans vous mme, et la tete inclinee,

Vous vous tournez souvent pour revoir o
douceur!

Le nouveau-ne, la mere, et le frere et la sur
Comme un pasteur joyeux de ses toisons
nouvelles,

Ou comme un maitre, au soir, qui compte ses
javelles.

A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abime ou votre cur se
fond,

Ami? Qui seit vos pleurs, vos muettes caresses;
Les tresors du genie epanches en tendresses;
L'aigle plus gemissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un ete de Norvege,
Au penchant des glaciers mille fontes de
neige?

Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un ineffable
amour!

- Moi, pendant ce temps-la, je veille, aussi, je
veille,

Non pres des rideaux bleus de l'enfance
vermeille,

Pres du lit nuptial arrose de parfum,
Mais pres d'un froid grabat, sur le corps d'un
defunt.

C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;

Ses nieces m'on requis, je veille a leur priere.

Seul, je m'y suis assis des neuf heures du soir.

A la tete du lit une croix en bois noir,

Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles

Sur une chaise; aupres, le buis cher aux fideles

Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps

Le mort en long, pieds joints, et croissant les deux bras.

Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie

Ete longtemps connu! s'il me prenait envie

De baiser ce front jaune une derniere fois!

En regardant toujours ces plis raides et droits,

Si je voyais enfin remuer quelque chose,

Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,

Et la flamme bleuir! si j'entendais crier

Le bois du lit!.. ou bien si je pouvais prier!

Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;

Je regarde sans voir, j'ecoute sans entendre,

Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las

De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de
naître),

Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une
maison,

Non pas vers l'orient, s'embrase l'horizon
Et j'entends resonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans
l'incendie.*

Между сими болезненными признаниями,
сими мечтами печальных слабостей и без-
вкусными подражаниями давно осмеянной
поэзии старого Ронсара, мы с изумлением на-
ходим стихотворения, исполненные свежести
и чистоты. С какой меланхолической преле-
стью описывает он, например, свою музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus, à la voix semillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de
houri;

Elle n'est ni la jeune et vermeille Peri,
Dont l'aile radieuse eclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fée à l'aile blanche et
bleue,

Ces deux rivales surs, qui, des qu'il a dit oui
Ouvrent mondes et cieux a l'enfant ebloui.
Elle n'est pas non plus, o ma Muse adoree!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve eploree,
Qui d'un cloitre desert, d'une tour sans
vassaux,

Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes feodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre, epanche avec des
pleurs

L'hymne melodieux de ses nobles malheurs.
Non; mais, quand seule au bois votre douleur
chemine,

Avez-vous vu, la-bas, dans un fond, la
chaumine

Sous l'arbre mort; aupres, un ravin est creuse;
Une fille en tout temps y lave un linge use.
Peut-etre a votre vue elle a baisse la tete,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est
honnete.

Elle eut pu, comme une autre, en de plus
heureux jours

S'epanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux

promenades;

Respirer au balcon parfums et serenades;
Ou, de sa harpe d'or eveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de
bravos.

Mais le ciel des l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grele;
Elle file, elle coud, et garde a la maison
Un pere vieux, aveugle et prive de raison.*

Правда, что сию прелестную картину оканчивает он медицинским описанием чахотки; муза его харкает кровью:

.....une toux déchirante

La prend dans sa chanson, pousse en sifflant
un cri,

Et lance les graviers de son poumon meurtri.*

Совершеннейшим стихотворением из всего собрания, по нашему мнению, можно почесть следующую элегию, достойную стать наряду с лучшими произведениями Андрея Шенье.

Toujours je la connus pensive et serieuse;
Enfant, dans les ebats de l'enfance joyeuse
Elle se melait peu, parlait deja raison;
Et quand ses jeunes surs couraient sur le

gazon,

Elle etait la premiere a leur rappeler l'heure,
A dire qu'il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
Qu'il etait defendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familiere,
De passer en jouant trop pres de la voliere:
Et ses surs l'ecoutaient. Bientot elle eut quinze

ans,

Et sa raison brilla d'attraits plus seduisants:
Sein voile, front serein ou le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrete an sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plait

pendant;

Une voix douce et ferme, et qui jamais ne
tremble,

Et deux longs sourcils noirs qui se fondent
ensemble.

Le devoir l'animait d'une grande ferveur;
Elle avait l'air pose, reflechi, non reveur:
Elle ne revait pas comme la jeune fille,
Qui de ses doigts distraits laisse tomber

l'aiguille,

Et du bal de la veille au bal du lendemain

Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude a la fenetre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre a travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son
mouchoir.

Mais elle se disait qu'un avenir prospere
Avait change soudain par la mort de son pere;
Qu'elle etait fille ainee, et que c'etait raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce cur jeune et severe ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'emeut
l'innocence.

Il reprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles
charmants,

Et les desirs obscurs, et ces vagues delices,
De l'amour dans les curs naturelles complices.
Maitresse d'elle-meme aux instants les plus
doux,

En embrassant sa mere elle lui disait vous,
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zele
Des jeunes gens oisifs etaient perdus chez elle;
Mais qu'un cur eprouve lui contat un chagrin,
A l'instant se voilait son visage serein:

Elle savait parler de maux, de vie amere,
Et donnait des conseils comme une jeune
mere.

Aujourd'hui la voila mere, epouse a son tour;
Mais c'est chez elle encor raison plutot
qu'amour.

Son paisible bonheur de respect se tempere;
Son epoux deja mur serait pour elle un pere;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont garde le mystere
De ces chastes secrets qu'une femme doit
taire,

Heureuse comme avant, a son nouveau devoir
Elle a regle sa vie... Il est beau de la voir,
Libre de son menage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en ete, qui sort et se promene
Et s'asseoit a l'abri du soleil etouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle
enfant.

Ainsi passent ses jours depuis le premier age,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans
orage,

D'un cours lent, uniforme et pourtant
solennel;

Car ils savent, qu'ils vont au rivage eternel.
Et moi qui vois couler cette humble destinee
Au penchant du devoir doucement entrainee,
Ces jours purs, transparents, calmes,
silencieux,
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe a mes longs jours passes avec vitesse.
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le
devoir,
Et je pense, o mon Dieu! qu'il sera bientôt
soir!*

Публика и критики горевали о преждевременной кончине таланта, столь много обещавшего, как вдруг узнали, что покойник жив и, слава богу, здоров. Сент-Бев, известный уже "Историей французской словесности в XVI столетии" и ученым изданием Ронсара, вздумал под вымышленным именем И. Делорма напечатать первые свои поэтические опыты, вероятно опасаясь нареканий и строгости нравственной цензуры. Мистификация, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успеху его стихотворений; однако ж новая школа с восторгом

признала и присвоила себе нового собрата.

В "Мыслях" И. Делорма изложены его мнения касательно французского стихосложения. Критики хвалили верность, ученость и новизну сих замечаний. Нам показалось, что Делорм слишком много придает важности нововведениям так называемой романтической школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Все это хорошо; но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества. Нет сомнения, что стихосложение французское самое своенравное и, смею сказать, неосновательное. Чем, например, оправдаете вы исключения гиатуса (hiatus), который французским ушам так нестерпим в соединении двух слов (как: а ете, ou aller) и которого они же ищут для гармонии собственных имен: Zaire, Aglae, Eleonore. Заметим мимоходом, что законом о гиатусе одолжены французы латинскому элизиуму. По свойству латинского стихосложения слово, кончающееся на гласную, теряет ее перед другою глас-

ною.

Буало заменил сие правило законом об гитатусе:

Gardez qu'une voyellea courir trop hatee.

Ne soit en son chemin par une autre heurtee
{2}.

Во-вторых: как можно вечно рифмовать для глаза, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или множественном), когда произношение в том и в другом одинаково? Однако ж нововводители всего этого еще не коснулись; покушения же их едва ли счастливы.

В прошлом году Сент-Бев выдал еще том стихотворений, под заглавием "Les Consolations". В них Делорм является исправленным советами приятелей, людей степенных и нравственных. Уже он не отвергает отчаянно утешений религии, но только тихо сомневается; уже он не ходит к Розе, но признается иногда в порочных вожделениях. Слог его также перебесился. Словом сказать, и вкус и нравственность должны быть им довольны. Можно даже надеяться, что в третьем своем томе Делорм явится набожным, как Ламар-

тин, и совершенно порядочным человеком.

К несчастью, должны мы признаться, что, радуясь перемене человека, мы сожалеем о поэте. Бедный Делорм обладал свойством чрезвычайно важным, не достающим почти всем французским поэтам новейшего поколения, свойством, без которого нет истинной поэзии, то есть искренности вдохновения. Ныне французский поэт систематически сказал себе: *soyons religieux, soyons politiques*, а иногда даже: *soyons extravagants* {3}, и холод предначертания, натяжка, принужденность отзываются во всяком его творении, где никогда не видим движения минутного, вольного чувства, словом: где нет истинного вдохновения. Сохрани нас боже быть поборниками безнравственности в поэзии (разумею слово сие не в детском смысле, в коем употребляют его у нас некоторые журналисты)! Поэзия, которая по своему высшему, свободному свойству не должна иметь никакой цели, кроме самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтоб силою слова потрясать вечные истины, на которых основаны счастье и величие человеческое, или превращать свой

божественный нектар в любострастный, воспалительный состав. Но описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так, как анатомия не есть убийство; и мы не видим безнравственности в элегиях несчастного Делорма, в признаниях, раздирающих сердце, в стесненном описании его страстей и безверия, в его жалобах на судьбу, на самого себя.

ПУБЛИКАЦИИ 1831-1833 ГГ.

ВОЗРАЖЕНИЯ КРИТИКАМ "ПОЛТАВЫ"

Habent sua fata libelli {1}. "Полтава" не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям; к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи - и вот каким образом.

Они, во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что следственно любовь Марии к старому гетману (NB: исторически доказанная) не могла существовать. Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю.

Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиду, Пазифаю, Пигмалиона - и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах? А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовью: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! Далее говорили мне, что мой Мазепа злой и глупый старичишка. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне,

что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой, - опять хоть знаю, да не верю! Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, - Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Кониского).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли меня в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на собственные слова гетмана, уверяющего Ма-

рию, что он любит ее больше славы, больше власти. Как отвечать на таковые критики?

Слова усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора - показались критикам низкими, бурлацкими выражениями. Как быть!

В "Вестнике Европы" заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, но была тут и другая причина: эпиграф. Так и "Бахчисарайский фонтан" в рукописи назван был Харемом, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о "Полтаве" критики упомянули, однако ж, о Байроновом "Мазепе"; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой "Истории Карла XII". Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих

критиков), как нарочно в "Мазепе" именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее - вот и все; но какое пламенное создание! какая широкая, быстрая кисть! Если ж бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ, ИЛИ ОПРАВДАНЫЙ
АЛЕКСАНДР АНФИМОВИЧ ОРЛОВ

In arenam cum aequalibus descendi.

Cic. {1}

Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н.И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем. Ф.В. посвятил Николаю Ивановичу своего "Димитрия Самозван-

ца"; Н.И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою "Поездку в Германию". Ф.В. написал для "Грамматики" Николая Ивановича хвалебное предисловие; {1} Н.И. в "Северной пчеле" (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об "Иване Выжигине". Единодушие истинно трогательное! - Ныне Николай Иванович, почитая Фаддея Венедиктовича оскорбленным в статье, напечатанной в Э 9 "Телескопа", заступился за своего товарища со свойственным ему прямодушием и горячностью. Он напечатал в "Сыне отечества" (Э 27) статью, которая, конечно, заставит молчать дерзких противников Фаддея Венедиктовича; ибо Николай Иванович доказал неоспоримо: Что М.И. Голенищев Кутузов возведен в княжеское достоинство в июне 1812 г. (стр. 64). Что не сражение, а план сражения составляет тайну главнокомандующего (стр. 64). Что священник выходит навстречу подступающему неприятелю с крестом и святою водою (стр. 65). Что секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной шляпе, со шпагою, в белом изношенном исподнем платье (стр. 65). Что посло-

вица: vox populi - vox dei {2} есть поговорка латинская и что она есть истинная причина французской революции (стр. 65). Что "Иван Выжигин" не есть произведение образцовое, но, относительно, явление приятное и полезное (стр. 62). Что Фаддей Венедиктович живет в своей деревне близ Дерпта и просил его (Николая Ивановича) не посылать к нему вздоров (стр. 68).

И что следственно: Ф.В. Булгарин своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам: что и доказать надлежало.

Против этого нечего и говорить; мы первые громко одобряем Николая Ивановича за его откровенное и победоносное возражение, приносящее столько же чести его логике, как и горячности чувствований.

Но дружба (сие священное чувство) слишком далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и с его пера сорвались ниже следующие строки:

- "Там (в Э 9 "Телескопа") взяли две глупейшие вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым".

О Николай Иванович, Николай Иванович!

какой пример подаете вы молодым литераторам? какие выражения употребляете вы в статье, начинающейся сими строгими словами: "У нас издавна, и по справедливости, жалуются на цинизм, невежество и недобросовестность рецензентов"? Куда девалась ваша умеренность, знание приличия, ваша известная добросовестность? Перечтите, Николай Иванович, перечтите сии немногие строки - и вы сами с прискорбием, сознаетесь в своей необдуманности!

- "Две глупейшие книжонки!.. какой-то А. Орлов!.." Шлюсь на всю почтенную публику: какой критик, какой журналист решился бы употребить сии неприятные выражения, говоря о произведениях живого автора? ибо, слава богу: почтенный мой друг Александр Анфимович Орлов - жив! Он жив, несмотря на зависть и злобу журналистов; он жив, к радости книгопродавцев, к утешению многочисленных его читателей!

- "Две глупейшие книжонки!.." Произведения Александра Анфимовича, разделяющего с Фаддеем Венедиктовичем любовь российской публики, названы глупейшими книжонка-

ми! - Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и он живет в своей деревне, близ Сокольников; и он просил меня не посылать к нему всякого вздору), но оскорбительная для всей читающей публики2.

- "Глупейшие книжонки!" Но чем докажете вы сию глупость? Знаете ли вы, Николай Иванович, что более 5000 экземпляров сих глупейших книжонок разошлись и находятся в руках читающей публики, что "Выжигины" г. Орлова пользуются благосклонностию публики наравне с "Выжигиными" г. Булгарина; а что образованный класс читателей, которые гнушаются теми и другими, не может и не должен судить о книгах, которых не читает?

Скрепя сердце продолжаю свой разбор.

- "Две глупейшие (глупейшие!), вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки"...

В Москве, да, в Москве!.. Что же тут предосудительного? К чему такая выходка противу первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях "Сына отечества" и "Северной пчелы". Больно для русского сердца

слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а 1812 году от всякого сброду.

Москва доныне центр нашего просвещения; в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ibi bene, ibi patria* {3}, для коих все равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское - были бы только сыты.

Чем возгордилась петербургская литература?.. Г-ном Булгариным?.. Согласен, что сей великий писатель, равно почтенный и дарованиями и характером, заслужил бессмертную себе славу; но произведения г. Орлова ставят московского романиста если не выше, то по крайней мере наравне с петербургским его соперником. Несмотря на несогласие, царствующее между Фаддеем Венедиктовичем и Александром Анфимовичем, несмотря на справедливое негодование, возбужденное во мне неосторожными строками "Сына отечества", постараемся сравнить между собою сии

два блистательные солнца нашей словесности.

Фаддей Венедиктович превышает Александра Анфимовича пленительною щеголеватостью выражений; Александр Анфимович берет преимущество над Фаддеем Венедиктовичем живостию и остротою рассказа.

Романы Фаддея Венедиктовича более обдуманнны, доказывают большее терпение³ в авторе (и требуют еще большего терпения в читателе); повести Александра Анфимовича более кратки, но более замысловаты и заманчивы.

Фаддей Венедиктович более философ; Александр Анфимович более поэт.

Фаддей Венедиктович гений; ибо изобрел имя Выжигина и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания "Совестдралу" и "Английскому милорду"; Александр Анфимович искусно воспользовался изобретением г. Булгарина и извлек из оногo бесконечно разнообразныя эффекты!

Фаддей Венедиктович, кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как "Выжигин" в различных

изменениях: "Иван Выжигин", "Петр Выжигин", "Дмитрий Самозванец, или Выжигин XVII столетия", собственные записки и нравственные статейки - все сбивается на тот же самый предмет. Александр Анфимович удивительно разнообразен! сверх несметного числа "Выжигиных", сколько цветов рассыпал он на поле словесности! "Встреча Чумы с Холерою", "Сокол был бы сокол, да курица его съела, или Бежавшая жена"; "Живые обмороки", "Погребение купца" и проч. и проч.

Однако же беспристрастие требует, чтобы мы указали сторону, с коей Фаддей Венедиктович берет неоспоримое преимущество над своим счастливым соперником: разумею нравственную цель его сочинений. В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений г. Булгарина? Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под. Г-н Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него Ножевым, взяточник - Взяткиным, дурак Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать

Бориса Годунова Хлопоухиным, Димитрия Самозванца Каторжниковым, а Марину Мнишек княжною Шлюхиной; зато и лица сии представлены несколько бледно.

В сем отношении г. Орлов решительно уступает г. Булгарину. Впрочем, самые пламенные почитатели Фаддея Бенедиктовича признают в нем некоторую скуку, искупленную назидательностию; а самые ревностные поклонники Александра Анфимовича осуждают в нем иногда необдуманность, извиняемую, однако ж, порывами гения.

Со всем тем Александр Анфимович пользуется гораздо меньшею славою, нежели Фаддей Венедиктович. Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Фаддея Венедиктовича, ловкого товарища Николая Ивановича! "Иван Выжигин" существовал еще только в воображении почтенного автора, а уже в "Северном архиве", "Северной пчеле" и "Сыне отечества" отзывались об нем с величайшею похвалою. Г-н Ансело в своем путешествии, возбуждившем в Париже общее внимание, провозгласил сего

еще не существовавшего "Ивана Выжигина" лучшим из русских романов. Наконец "Иван Выжигин" явился: и "Сын отечества", "Северный архив" и "Северная пчела" превознесли его до небес. Все кинулись его читать; многие прочли до донца; а между тем похвалы ему не умолкали в каждом номере "Северного архива", "Сына отечества" и "Северной пчелы". Сии усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали ленивых читателей; угрожали мстью недоброжелателям, не дочитавшим "Ивана Выжигина" из единой низкой зависти.

Между тем какие вспомогательные средства употреблял Александр Анфимович Орлов?

Никаких, любезные читатели!

Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках.

Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых.

Он не заманивал унижительными ласкательствами и пышными обещаниями подпис-

чиков и покупателей.

Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии.

Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но - обезоружил ли тем он многочисленных врагов? Нимало. Вот как отзывались о нем его собратья.

"Автор вышеисчисленных творений сильно штурмует нашу бедную русскую литературу и хочет разрушить русский Парнас не бомбами, но каркасами, при помощи услужливых издателей, которые щедро платят за каждый манускрипт знаменитого сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, как уверяли нас знающие дело книгопродавцы. Автор есть муж - из ученых, как видно по латинским фразам, которыми испещрены его творения, а сущность их доказывает, что он, как сказано в "Недоросле", "убоясь бездны премудрости, вспять обратился". Знаменитое лубочное произведение: "Мыши кота хоронят, или Небылицы в лицах", есть "Илиада" в срав-

нении с творениями г. Орлова, а "Бова Королевич" - герой, до которого не возносился еще почтенный автор... Державин есть у нас Альфа, а г. Орлов Омега в литературе, то есть последнее звено в цепи литературных существ, и потому заслуживает внимание, как все необыкновенное... {4} Язык его, изложение и завязка могут сравняться только с отвратительными картинками, которыми наполнены сии чада безвкусыя, и с смелостью автора. Никогда в Петербурге подобные творения не увидели бы света, и ни один из петербургских уличных разносчиков книг (не говорим о книгопродавцах) не взялся бы их издавать. По какому праву г. Орлов вздумал наречь своих холопей, хлыновских степняков, Игната и Сидора, детьми Ивана Выжигина, и еще в то самое время, когда автор Выжигина издает другой роман под тем же названием?.. Никогда такие омерзительные картины не появлялись на русском языке Да здравствует московское книгопечатание!" ("Сев: пч.", 1831, Э 46.)

Какая злонамеренная и несправедливая критика! Мы заметили уже неприличие нападений на Москву; но в чем упрекают здесь

почтенного Александра Анфимовича?.. В том, что за каждое его сочинение книгопродавцы платят ему по 20 рублей? что же? бескорыстному сердцу моего друга приятно думать, что, получив 20 рублей, доставил он другому 2000 выгоды; {5} между тем как некоторый петербургский литератор, взяв за свою рукопись 30 000, заставил охать погорячившегося книгопродавца!!!

Ставят ему в грех, что он знает латинский язык. Конечно: доказано, что Фаддей Венедиктович (издавший Горация с чужими примечаниями) не знает по латыни; но ужели сему незнанию обязан он своею бессмертною славою?

Уверяют, что г. Орлов из ученых. Конечно: доказано, что г. Булгарин вовсе не учен, но опять повторяю: разве невежество есть достоинство столь завидное!

Этого недовольно: грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим Фаддеем Венедиктовичем? - Но разве А.С. Пушкин не дерзнул вывести в своем "Борисе Годунове" все лица романа г. Булгарина и даже восполь-

зоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?

Смело ссылаюсь на совесть самих издателей "Северной пчелы": справедливы ли сии критики? виноват ли Александр Анфимович Орлов?

Но еще смелее ссылаюсь на почтенного Николая Ивановича: не чувствует ли он глубокого раскаяния, оскорбив напрасно человека с столь отличным дарованием, не состоящего с ним ни в каких сношениях, вовсе его не знающего и не писавшего о нем ничего дурного? {6}

Феофилакт Косичкин.

1 Смотри "Грамматику" Греча, напечатанную в типографии Греча. (Прим. Пушкина.)

2 См. разбор "Денницы" в "Сыне отечества". (Прим. Пушкина.)

3 "Гений есть терпение в высочайшей степени", - сказал известный г. Бюфон. (Прим. Пушкина.)

4 Важное сознание! прошу прислушать! (Прим. Пушкина)

5 Историческая истина! (Прим. Пушкина.)

6 "Сын отечества", Э 27, стр. 60. (Прим. Пушкина.)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИЗИНЦЕ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМ

Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов, которые, публично друг друга обругав, обнимаются потом всенародно, как Пролаз с Высоносом, говоря в похвальбу себе и в утешение: Ведь, кажется, у нас по полной оплеухе.

Нет: рассердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, обиняков, заграничных анекдотов и тому подобного. Для поддержания же себя в сем суровом расположении духа перечитываю я тщательно мною переписанные в особую тетрадь статьи, подавшие мне повод к таковому ожесточению. Таким образом, пересматривая на днях антикритику, подавшую мне случай заступиться за почтенного друга моего А.А. Орлова, попал я на следующее место:

- "Я решился на сие (на оправдание г. Булгарина) не для того чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет на-

добности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов" (см. Э 27 "Сына отечества", издаваемого гг. Гречем и Булгариным).

Изумился я, каким образом мог я пропустить без внимания сии красноречивые, но необдуманые строки! Я стал по пальцам пересчитывать всевозможных рецензентов, у коих менее ума в голове, нежели у г. Булгарина в мизинце, и теперь догадываюсь, кому Николай Иванович думал погрозить мизинчиком Фаддея Венедиктовича.

В самом деле, к кому может отнестись это затейливое выражение? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. издатель "Телескопа"? Вероятно, мстительный мизинчик указывает и на вас: предоставляю вам самим вступить за свою голову {1}. Но кто же другие?

Г-н Полевой? Но, несмотря на прежние раздоры, на письма Бригадирши, на насмешки славного Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч. и проч., всей Европе известно, что "Телеграф" состоит в добром согласии с "Северной пчелой" и "Сыном отечества":

мизинчик касается не его.

Г-н Воейков? Но сей замечательный литератор рецензиями мало занимается, а известен более изданием Хамелеонистики, остроумного сбора статей, в коих выводятся, так сказать, на чистую воду некоторые, так сказать, литературные плутни. Ловкие издатели "Северной пчелы" уж верно не станут, как говорится, класть ему пальца в рот, хотя бы сей палец был и знаменитый, вышеупомянутый мизинчик.

Г-н Сомов? Но, кажется, "Литературная газета", совершив свой единственный подвиг - совершенное уничтожение (литературной) славы г. Булгарина, - почитет на своих лаврах, и г. Греч, вероятно, не станет тревожить сего счастливого усыпления, щекотя газету проказливым мизинчиком.

Кого же оцарапал сей мизинец? Кто сии рецензенты, у коих - и так далее? Просвещенный читатель уже догадался, что дело идет обо мне, о Феофилакте Косичкине.

Всеми свету известно, что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века. Сколько глубоких и блистатель-

ных творений по части политики точных наук и чистой литературы вышло у нас из печати в течение последнего десятилетия (шагнувшего так далеко вперед) и обратило на себя справедливое внимание завидующей нам Европы! Ни одного из таких явлений не пропустил я из виду; обо всяком, как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостию, глубокомыслием и остроумием. Если долг беспристрастия требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения, то может ли кто-нибудь из гг. русских авторов жаловаться на заносчивость или невежество Феофилакта Косичкина? Может быть, по примеру г. Полевого, я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя свое под сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь такими уловками, и гг. русские журналисты, вероятно, не укорят меня в шарлатанстве.

И что ж! Г-н Греч в журнале, с жадностию читаемом во всей просвещенной Европе, дает понимать, будто бы в мизинце его товарища

более ума и таланта, чем в голове моей! Отзыв слишком для меня оскорбительный! полагаю себя вправе объявить во услышание всей Европы, что я ничьих мизинцев не убоюсь; ибо, не входя в рассмотрение голов, уверяю, что пальцы мои (каждый особо и все пять в совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было. Dixi!

Взявшись за перо, я не имел, однако ж, целию объявить о сем почтеннейшей публике; подобно нашим писателям-аристократам (разумею слово сие в его ироническом смысле), я никогда не отвечал на журнальные критики: дружба, оскорбленная дружба призывает опять меня на помощь угнетенного дарования

Признаюсь: после статьи, в которой так торжественно оправдал и защитил я А.А. Орлова (статья, принятой московскою и петербургскою публикою с отличной благосклонностию), не ожидал я, чтоб "Северная пчела" возобновила свои нападения на благородного друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сии нападения уже гораздо слабее прежних, но я не умолкну, доколе не прину-

жу к совершенному безмолвию ожесточенных гонителей моего друга и непочтительно-го "Сына отечества", издевающегося над нашей древнею Москвою.

"Северная пчела" (Э 201), объявляя о выходе нового "Выжигина", говорит: "Заглавие сего романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего блаженного г. А. Орлова, знаменитого автора... Притом же всякое произведение московской литературы, носящее на себе печать изделия книгопродавцев пятнадцатого класса... приводит нас в невольный трепет". - "Блаженный г. Орлов"... Что значит блаженный Орлов? О! конечно: если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога, - то добрый и небогатый Орлов блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана!!! Если же слово блаженный употреблено в смысле, коего здесь изъяснить не

стану, то удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприличия мысли остроумием или веселостью оборота.

Насмешки над книгопродавцами пятнадцатого класса обличают аристократию чиновных издателей, некогда осмеянную так называемыми аристократическими нашими писателями. Повторим истину, столь же неоспоримую как и нравственные размышления г. Булгарина: "Чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке. Фильдинг и Лабрюер не были ни статскими советниками, ни даже коллежскими асессорами. Разночинцы, вышедшие в дворянство, могут быть почтенными писателями, если только они люди с дарованием, образованностью и добросовестностью, а не фигляры и не наглецы".

Надеюсь, что сей умеренный мой отзыв будет последним и что почтенные издатели "Северной пчелы", "Сына отечества" и "Северного архива" не вызовут меня снова на поприще, на котором являюсь редко, но не без успе-

ха, как изволите видеть. Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: "Этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный!"

Между тем полагаю себя вправе объявить о существовании романа, коего заглавие прилагаю здесь. Он поступит в печать или останется в рукописи, смотря по обстоятельствам.

НАСТОЯЩИЙ ВЫЖИГИН

Историко-нравственно-сатирический роман XIX века

Содержание

Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной конуре. Воспитание ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. Глава V. Ubi bene, ibi patria¹. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII Вы-

жигин перебегаёт. Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин-ябедник. Выжигин-торгаш. Глава IX. Выжигин-игрок. Выжигин и отставной квартирный. Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным. Глава XI. Веселая компания. Курьезный куплет и письмо-аноним к знатной особе. Глава XII. Танга. Выжигин попадает в дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай да дядюшка! Глава XIV. Господин и госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки деревню и с благодарностью объявляют о том почтенной публике. Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок, или Маску долой! Глава XVII. Выжигин раскисается и делается порядочным человеком. Глава XVIII и последняя. Мышь в сыре.

Ф. Косичкин.

1 До мизинцев ли мне? - Изд. (Прим. Н.И. Надеждина.)

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ "ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРИБАВЛЕНИЙ К "РУССКОМУ ИНВАЛИДУ"

Сейчас прочел "Вечера близ Диканьки".
Они изумили меня. Вот настоящая веселость,

искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались "Вечера", то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличие его выражений, на дурной тон и проч. Пора, пора нам осмеять les precieuses ridicules {1} нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и все это слогом камердинера профессора Тредьяковского.

СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ ПАВ-

ЛА КАТЕНИНА

На днях вышли в свет "Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина".

Издатель (г. Бахтин) в начале предисловия, весьма замечательного, упомянул о том, что П.А. Катенин, почти при вступлении на поприще словесности, был встречен самыми несправедливыми и самыми неумеренными критиками.

Нам кажется, что г. Катенин (так, как и все наши писатели вообще) скорее мог бы жаловаться на безмолвие критики, чем на ее строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, еще у нас не существует: несправедливо было бы нам и требовать оной. У нас и литература едва ли существует; а на нет суда нет, говорит неоспоримая пословица. Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою, то это доказывает только, что мы еще не имеем нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикою сочинениям г. Катенина, то во всех отношениях она делает ему честь: во-первых, она доказывает отвра-

щение поэта от мелочных способов добывать успехи, а во-вторых, и его самостоятельность. Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования.

Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой "Леноры". Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем "Манфреде" сделал из "Фау-

ста": ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам "Ленору" в энергической красоте ее первобытного создания; он написал "Ольгу". Но сия простота и даже грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым. После "Ольги" явился "Убийца", лучшая, может быть, из баллад Катенина. Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил месяц, свидетеля его злодеяния, плешивым! Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первые неудачи Катенина; они имели влияние и на следующие его произведения. На театре имел он решительные успехи. От времени до времени в журналах и альманахах появлялись его стихотворения, коим наконец начали отдавать справедли-

вость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются "Мстислав Мстиславич", стихотворение, исполненное огня и движения, и "Старая быль", где столько простодушия и истинной поэзии.

В книге, ныне изданной, просвещенные читатели заметят идиллию, где с такою прелестною верностью постигнута буколическая природа, не геснеровская, чопорная и манерная, но древняя простая, широкая, свободная; меланхолическую элегию, мастерской перевод трех песен из *Inferno* и собрание романсов о Сиде, сию простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадут справедливость ученой отделке и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г-на Катенина, слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

14 марта 1833

ПУБЛИКАЦИИ В "СОВРЕМЕННОМ" 1836 Г.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГЕОРГИЯ КОНИСКОГО, АРХИЕПИСКОПА БЕЛОРУССКОГО,

изд. протоиереем Иоанном Григоровичем.
СПб. 1835.

Георгий Кониский известен у нас краткой

речью, которую произнес он в Мстиславле императрице Екатерине во время ее путешествия в 1787 году: "Оставим астрономам..." и проч. Речь сия, прославленная во всех наших риториках, не что иное, как остроумное приветствие, и заключает в себе игру выражений, может быть, слишком затейливую: по нашему мнению, приветствие, коим высокопреосвященный Филарет встретил государя императора, приехавшего в Москву в конце 1830 года, в своей умильной простоте заключает гораздо более истинного красноречия. Впрочем, различие обстоятельств изъясняет и различие чувств, выражаемых обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностью двора своего, встречаемая всюду торжествами и празднествами; государь посетил Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасом.

Но Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия находилась еще под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатиз-

мом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униатам. Миссионеры насильно гнали народ в униатские костелы, ругались над послушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершенные по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных. Георгий искал защиты у русского правительства; он доносил об всем св. синоду и жаловался нашему посланнику, находившемуся в Варшаве. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканец Овлачинский, прославившийся ненавистию к нашей церкви, замыслил принести Георгия в жертву своему изуверству. В 1759 году Георгий, презирая опасности, ему угрожающие, поехал обозреть сетующую свою епархию. Овлачинский и миссионеры возмутили в Орше шляхту и жолнеров. Они разогнали народ, вышедший с хоругвями навстречу своему архипастырю, остановили колокольный звон и с воплем ворвались в церковь, где Георгий священнодействовал. Преосвященный едва успел спастись от их сабель в стенах Кутеинского монастыря,

откуда тайно вывезли его в телеге, прикрыв навозом. Другой изувер, свирепый Зенович, предводительствуя иезуитскими воспитанниками, ночью в Могилеве напал на архиерейский дом. Буйные молодые люди вломились в ворота, перебили окна, ранили несколько монахов, семинаристов и слуг; но, к счастью, не нашли Георгия, скрывшегося в подвалах своего дома.

Дерзость гонителей час от часу усиливалась. Польское правительство им потворствовало. Миссионеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли к унии не только простой народ, но и священников. Георгий снова жаловался России. Императрица Елисавета Петровна, перед самой своей кончиною, и государь Петр III, при своем восшествии на престол, требовали от польского двора, чтоб гонения над нашими единоверцами были прекращены; но избавление православия предоставлено было Екатерине II.

Георгий предстал перед нею в 1762 году в Москве, когда она короновалась, и вслед за русским духовенством принес ей вместе с по-

здравлениями тихие сетования народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиями войны. Екатерина с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих ее подданных, и когда, несколько времени спустя, св. синод думал вызвать Георгия и поручить в его управление Псковскую епархию, императрица на то не согласилась и сказала: "Георгий нужен в Польше".

В 1765 Георгий явился в Варшаве и пред троном Станислава с жаром заступился за тех, которые именовались еще подданными Польши. Король поражен был его словами. Он обещал свое покровительство диссидентам и в следующем году действительно повелел "униатским архиереям, из среды своей избрав одного епископа, прислать в Варшаву, для изыскания и постановления надлежащих мер ко взаимному успокоению враждующих". Но гордые польские магнаты, презрев посредничество России и Пруссии, отвергли справедливые требования диссидентов. Вследствие сего Екатерина повелела своим войскам двинуться к Варшаве. Там, за оградой

русских штыков, созван был сейм, учреждена согласительная комиссия и диссидентам возвращены их прежние права.

Георгий, один из первых членов Слуцкой конфедерации, определен был в члены сей комиссии. Он опять отправился в Варшаву и деятельно занялся объяснением древних грамот, на коих основаны были права диссидентов. Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность. "Мы за вами еще живем, - сказал однажды ему униатский епископ Шептицкий, - а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас". Униаты втайне готовы были отложиться от папы и снова соединиться с грекороссийскою церковью. Между тем Барская конфедерация, поддерживаемая политикою Шуазеля, воспламенила новую войну. Следствием оной был первый раздел Польши. Семь областей, древнее достояние нашего отечества, были ему возвращены - и в 1773 году Георгий явился пред Екатериною уже как подданный, радостно приветствуя избавительницу и законную владычицу Белоруссии.

С тех пор Георгий мог спокойно посвятить

себя на управление своею епархией. Просвещение духовенства, ему подвластного, было главною его заботою. Он учреждал училища, беспрестанно поучал свою паству, а часы досуга посвящал ученым занятиям. Он умер в 1795 году, будучи 77 лет от роду.

Ныне протоиерей И. Григорович издал собрание сочинений Георгия Кониского, присокупив к книге своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописание Георгия Кониского.

Проповеди Георгия просты и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их искренность увлекательна. Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине по совершении ее коронации. Помещаем здесь несколько из его отдельных мыслей:

Для молитвы пост есть то же, что для птицы крылья.

Когда грешник, не хотящий покаяться в беззакониях своих, молится богородице и вопиет ей: радуйся! то приветствие сие столько же оскорбляет ее, как и то иудейское радуйся,

когда распинатели Христовы, ударяя в ланиту божественного сына ее, приглашали радуйся, Царю Иудейский! {1} Ибо нераскаянный грешник есть новый распинатель Христов {2}. Да ищем убо заступления и покрова ее, но оставим наперед грехи свои: ибо с грехами и из-под ризы своя изринет нас.

Душа бессмертная, от брэнного тела, как птица из растерзанной сети, весело излетевши, воспаряет в рай богонасажденный, где вечно цветет древо жизни, где жилище самому Христу и избранным его.

Телеса наши, в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся, возникнут от земли, как трава весною, и по соединении с душами восстанут, и укажутся всему небу, пред очами ангелов и человеков, пред очами предков наших и потомков, одни яко пшеница, другие же яко плевелы, ожидая серпов ангельских и того места, которое назначено особо для пшеницы и особо для плевел.

Вниди в клеть твою и помолися {3}. Такая уединенная молитва и в соборе может иметь место, если молящийся уединился от всех забот и попечении и пребывает безмолвен сре-

ди молвы, его окружающей; если он, отрясши от чувств своих все страсти и вожделения, един с единым богом беседует. Авраам, ведя сына своего Исаака на заклание, говорит сопровождающим его рабам, сидите здесь со ослатем, аз же и детищ пойдем до онде, и поклонившися возвратимся к вам {4}. Так истинно молящийся страстям своим, аки рабам, повелевает оставить его и ожидать, пока он молитву свою богу, аки Исаака, в жертву принесет. О! сколь отличны от сего молитвы наши! Мы и в уединении целое торжище вокруг себя собираем. Молясь, и покупаем, и продаем, и хозяйством управляем, и о лихоимстве заботимся, и друзьям ласкательствуем, и на врагов вооружаемся, и о сластях помышляем, и о сундуках своих трепещем. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы исполненное? Где тут ум, разумеющий глаголы свои? Где сердце долженствующее прилепиться к богу? Одни уста трубят, и язык как кимвал, звяцает; а мысли - как птицы в воздухе, по всем странам носятся; а сердце - хладно, как бездушный труп, зарытый вместе с сокровищем нашим.

Иосиф, проданный братьями своими во Египет, соделавшись правителем царства, дал им в удел самую богатую землю, Гесем именуемую {5}. Сын божий, по безмерной благодати своей соединившийся с нашею природой и таким образом соделавшийся братом нашим, дает нам не часть некую области небесной, но все царство свое нераздельно. Небо отверсто для нас; престолы уготованы, объятия божественного брата нашего ждут нас. Пойдем, полетим к нему но прежде должны мы сбросить с себя всю тяготу мирскую, влекущую нас к земле.

Неверующему чудесам мы смело можем сказать с блаженным Августином "Большее из всех чудес чудо есть то, что два-на-десять человек, бескнижных, безоружных, нищих, проповедовавших крест, победили не только владык и сильных земли, но и самих богов языческих, и целый свет Христу покорили". Ты возразишь мне на сие, что сии победители мира сами были умерщвлены, и ни один почти из них не кончил жизни без мучений, без креста, меча и огня. Но вот мой краткий ответ: на то и посланы были сии победители

своим воеводою: Се аз посылаю вас яко овцы посреде волков: предадут вы на сонмы, и на соборищах их бьют вас {6}. Особое убо чудо миру и печать истины евангельской есть страдальческая смерть посланников-победителей. Но посмотри, что с сими убиенными последовало? Цари персть их почитают и, отложив порфиру и венец, благоговеино преклоняют колена пред гробами их.

Нигде не читаем, чтобы язычники страдали так за своих идолов, как мученики христианские за веру Христову. Да и в нынешних богоборных сонмищах атеистов и натуралистов, в главных гнездах их, во Франции и Англии, нашелся ли хотя один такой ревнитель, который бы за безбожие свое или натурализм произвольно на муки дерзнул? У нас в России, за несколько пред сим лет, известный боярин, уличенный в безбожии, одним показанием кнута отрекся того.

Говорят многие: почему молитвы наши ни чудес не творят, ни лучшей перемены в нас не производят. Ах, стыдно и вспоминать молитвы наши! Об них можно то же сказать, что сказал кормчий одному бывшему на ко-

рабле беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, все плователи обратились к молитве и вместе с ними и оный беззаконник нечто промолвил, то кормчий остановил его сими словами: "Ты, пожалуй, помолчи: не знает-де бог, что и ты с нами, и потому еще между отчаянием и надеждою находимся; а как-де услышит твою святую молитву, так мы и погибли". - Достойна ли молитва имени своего, когда она в одних устах обращается, а ум не помнит и не знает того, что болтает язык? Читаем: глаголы моя внуши, господи, разумей звание мое {7}, а сами ни глаголов не внушаем, ни звания нашего не разумеем. Такая молитва переменит ли нас, окаянных и грешных в добрых и богоугодных? Грешными в церковь приходим, грешнейшими выходим.

Радость плотская ограничивается наслаждением: по мере, как затихает веселый гу-док, затихает и веселость. Но радость духовная есть радость вечная; она не умалется в бедах, не кончается при смерти, но переходит и по ту сторону гроба.

Важны ли добрые дела наши в деле спасения? Я объясню тебе вопрос сей подобием.

Возьми небольшой кусок меди и понеси его на торжище; там за него ты ничего не купишь; всякий с насмешкою скажет тебе известную пословицу. "Приложи копейку, то купишь калач". Но ежели тот самый металл будет иметь изображение государя твоего или другой знак его монеты, то купишь за него, что тебе надобно. Так точно и дела наши. Ежели ты не имеешь веры и упования на Христа-спасителя, не сомневайся признать, что они суетны. Но те самые дела совокупи с верою и упованием на него, тогда они будут важны; и если потребно тебе откупиться от грехов или купить небесные вечные утехы, купишь ими несомненно.

Мы познаем разумом души; а телесные очи суть как бы очки, чрез кои душевные очи смотрят.

Чужой грех на мне не лежит. Но если чужой грех содевается моим советом, согласием или неосторожным примером, тогда он не только лежит на мне, но, как жернов, тяготит душу мою. Горе человеку тому, говорит сам спаситель, им же соблазн приходит! {8} Действительно, грех соблазна прежде меня,

прежде моей смерти, предшествует на суд божий, и уже по кончине моей следует туда же за мною. Скажу то же иными словами. Все соблазненные примером моим, и прежде меня позванные на суд божий, уже понесли туда грехи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тут еще не все. Я умер и перестал грешить; но все, соблазненные мною, и при том все от соблазненных мною вновь соблазняемые, оставаясь еще в сей жизни, посылают, вслед за мною, бесчисленные беззакония, от единого примера моего, яко от единого блата, истекающие. Убо готовы для меня новые, сугубые мучения! Вот как ужасен грех соблазна, ужаснее многоглавой лернейской гидры!

Кониский написал также несколько стихотворений русских, польских и латинских. В художественном отношении они имеют мало достоинства, хотя в них и виден дух мыслящий. Следующая элегия показалась нам достопримечательна:

Серпа ожидают созрелые класы;

А нам вестники смерти - седые власы.

О! смертный, беспечный, посмотри в зеркало:

Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало.
Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь правосудному богу?
Путь смертный безвестен и полон разбоя:
Искусного, храброго требует конвоя.
Кто ж тебя поведет и за тебя сразится?
Друг, проводив тебя к гробу, в дом возвра-
тится.

Изнеможешь, пеший таща грехов ношу!
Ах! тут-то нужно иметь подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но - та дана слезам, кровавому поту.
А ты много ли плакал за грехи? Считайся.
Не весь ли век твой есть цепь грехов? При-
знайся.

Ах! вижу, ты нагиш, как родила мать:
Ни лоскутка на душе твоей не сыскать!
Поверь же, не увидешь в небесны чертоги:
В ад тебя низринут, связав руки, ноги.
Без масла дел благих гаснет свеча веры;
Затворятся брачные буим девам двери.
Может быть, при смерти, "помяни мя" ска-
жешь

И тем уста свои навсегда завяжешь.
И так, доколе древа топор не коснется,

Плод добрых дел тебе принести остается.

Но главное произведение Кониского остается до сих пор неизданным: "История Малороссии" известна только в рукописи. Георгий написал ее с целью государственною. Когда императрица Екатерина учредила Комиссию о составлении нового уложения, тогда депутат малороссийского шляхетства, Андрей Григорьевич Полетика, обратился к Георгию, как к человеку, сведущему в старинных правах и постановлениях сего края. Кониский, справедливо полагая, что одна только история народа может объяснить истинные требования оного, принялся за свой важный труд и совершил его с удивительным успехом. Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории. Не говорю здесь о некоторых этнографических и этимологических объяснениях, помещенных им в начале его книги, которые перенес он в историю из хроники, не видя в них никакой существенной важности и не находя нужным противоречить общепринятым в то время понятиям. Под словом критики я разумею глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроум-

ное изложение их истинных причин и последствий.

Смелый и добросовестный в своих показаниях, Кониский не чужд некоторого невольного пристрастия. Ненависть к изуверству католическому и угнетениям, коим он сам так деятельно противился, отзывается в красноречивых его повествованиях. Любовь к родине часто увлекает его за пределы строгой справедливости. Должно заметить, что чем ближе подходит он к настоящему времени, тем искреннее, небрежнее и сильнее становится его рассказ. Он любит говорить о подробностях войны и описывает битвы с удивительною точностию. Видно, что сердце дворянина еще бьется в нем под иноческою рясою. (Кониский происходил от старинного шляхетского роду и этим вовсе не пренебрегал, как видно даже из эпитафии, вырезанной над его гробом и сочиненной им самим.) Множество мест в "Истории Малороссии" суть картины, начертанные кистью великого живописца. Дабы дать о нем некоторое понятие тем, которые еще не читали его, помещаем здесь два отрывка из его рукописи.

Введение унии

"По истреблении гетмана Наливайки таким неслыханным варварством вышел от сейму или от вельмож, им управляющих, таков же варварский приговор и на весь народ русский. В нем объявлен он отступным, вероломным и бунтливым и осужден в рабство, преследование и всемерное гонение. Следствием сего нероновского приговора было отлучение навсегда депутатов русских от сейма национального и всего рыцарства от выборов и должностей правительственных и судебных, отбор староств, деревень и других ранговых имений от всех чиновников и урядников русских, и самих их уничтожение. Рыцарство русское названо хлопами, а народ, отвергавший унию, схизматиками. Во все правительственные и судебные уряды малороссийские посланы поляки с многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами, а другие селения их же войсками; им дана власть все то делать народу русскому, что сами захотят и придумают, а они исполняли сей наказ с лихвою, и что только замыслить может своевольное, надменное и пьяное че-

ловечество, делали то над несчастным народом русским без угрызения совести; грабительства, насилие женщин и самых детей, побои, мучительства и убийства превзошли меру самых непросвещенных варваров. Они, почитая и называя народ невольниками, или ясыром польским, все его имение признавали своим. Собиравшихся вместе нескольких человек для обыкновенных хозяйских работ или празднеств тотчас с побоями разгоняли, на разговорах их пытками истязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вместе. Церкви русские силою и гвалтом обращали на унию. Духовенство римское, разъезжавшее с триумфом по малой России для надсмотра и понуждения к униатству, воже-но было от церкви до церкви людьми, запряженными в их длинные повозки по двенадцати человек и более. На прислуги сему духовенству выбираемы были поляками самые красивейшие из девиц. Русские церкви несогласовавшихся на унию прихожан отданы жидам в аренду, и получена за всякую в них отправку денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и похоро-

ны мертвых от одного до четырех талеров. Жида, яко непримиримые враги христианства, сии вселенские бродяги и притча в человечестве, с восхищением принялись за такое надежное для них скверноприбытчество и тотчас ключи церковные и веревки колокольные отобрали к себе в корчмы. При всякой требе христианской повинен ктитору идти к жиду торжиться с ним и, по важности отправки, платить за нее и выпросить ключи; а жид при том, насмеявшись довольно богослужению христианскому и прехуливши все, христианами чинимое, называя его языческим, или по их гойским, приказывал ктитору возвращать ему ключи, с клятвою, что ничего в запись не отказано

Страдание и отчаяние народа увеличилось новым приключением, сделавшим еще замечательную в сей земле эпоху. Чиновное шляхетство малороссийское, бывшее в воинских и земских должностях, не стерпя гонений от поляков и не могши перенести лишения мест своих, а паче потеряния ранговых и нажитых имений, отложилось от народа своего и разными происками, посулами и дарами закупи-

ло знатнейших урядников римских, сладило и задружило с ними, и мало-помало согласилось первее на унию, потом обратилось совсем в католичество римское. Впоследствии сие шляхетство, соединяясь с польским шляхетством свойством, сродством и другими обязанностями, отреклось и от самой породы русской, и всемерно старалось изуродовать природные названия свои, приискать и придумать к ним польское произношение и называть себя природными поляками. Почему и доднесь между ними видны фамилии совсем русского названия, каковых у поляков не бывало, и в их наречии быть не могло, например: Проскура, Чернецкий, Кисель, Волович, Сокирка, Комар, Жупан и премоногие другие, а с прежнего Чаплины названия Чаплинский, с Ходуна Ходневский, с Бурки Бурковский и так далее. Следствием переворота сего было то, что имения сему шляхетству и должности их возвращены, а ранговые утверждены им в вечность и во всем сравнены с польским шляхетством. В благодарность за то приняли и они в рассуждении народа русского всю систему политики польской и, подражая им,

гнали преизлиха сей несчастный народ. Главное политическое намерение состояло в том, чтобы ослабить войска малороссийские и разрушить их полки, состоящие из реестровых казаков: в сем они и успели. Полки сии, претерпев в последнюю войну немалую убыль, не были дополнены другими от скарбу и жилищ казаков. Запрещено чинить всякое в полки вспоможение. Главные чиновники воинские, перевернувшись в поляки, сделали в полках великие вакансии. Дисциплина военная и весь порядок опущены, и казаки реестровые стали нечто пресмыкающееся без пастырей и вождей. Самые курени казацкие, бывшие ближе к границам польским, то от гонения, то от ласкательств польских, последую знатной шляхте своей, обратились в поляки и в их веру и составили известные и поныне околицы шляхетские. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные к своим жительствовам, а с ними и все почти охочекомонные, перешли в Сечь Запорожскую и тем ее знатно увеличили и усилили, сделав с тех пор, так сказать, сборным местом для всех казаков в отечестве го-

нимых; а напротив того знатнейшие запорожские казаки перешли в полки малороссийские и стали у них чиновниками, но без дисциплины и регулы: отчего в полках их видимая сделалась перемена".

Казнь Острицы

"На место замученного Павлюги выбран в 1638 году гетманом полковник нежинский Стефан Острица, а к нему придан в советники из старого и заслуженного товариства Леон Гуня, коего благоразумие в войске отменно уважаемо было. Коронный гетман Лянцкоронский с войсками своими польскими не престававал нападать на города и селения малороссийские и на войска, их защищавшие, и нападения его сопровождаемы были грабежом, контрибуциями, убийствами и всех родов бесчинствами и насилиями. Гетману Острице великого искусства надобно было собрать свои войска, везде рассеянные и всегда преследуемые поляками и их шпионами; наконец собрались они скрытыми путями и по ночам к городу Переяславлю, и первое предприятие их было очистить от войск польских приднепровские города, на обоих

берегах сея реки имеющиеся, и восстановить безопасное сообщение жителей и войск обеих сторон. Успех соответствовал предприятию весьма удачно. Войска польские, при городах и внутри их бывшие, не ожидая никаких предприятий казацких, по причине наведенных им страхов последнее зрадою и люто-стию, над Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали в совершенной беспечности, и потому они везде были разбиты; а упорно защищавшиесь истреблены до последнего. Амуниция их и артиллерия достались казакам, и они, собравшись в одно место, вооруженные наилучшим образом, пошли искать гетмана Лянцкоронского, который с главным войском польским собрался и укрепился в стане при реке Старице. Гетман Острица тут его застал и атаковал своим войском. Нападение и отпор были жестокие и превосходящие всякое воображение. Лянцкоронский знал, какому он подвержен мщению от казаков за злодейство, его вероломством и зрадою произведенное гетманом их Павлюгою и старшинами, и для того защищался до отчаяния; а казаки, имея всегда в памяти

недавно виденные ими на позорище в городах отрубленные головы из собратий злобились на Лянцкоронского и поляков до остервенения и потому вели атаку свою с жестокостию, похожею на нечто чудовищное; и наконец, сделавши залп со всех ружей и пушек и произведши дым почти непроницаемый, пошли и поползли напольские укрепления с удивительною отвагою и опрометчивостию и, вломясь в них, ударили на копья и сабли с слепым размахом. Крик и стон народный, треск и звук оружия уподоблялись грозной туче все повергающей. Поражение поляков было повсеместно и самое губительное. Они оборонялись одними саблями, не успевая заряжать ружьев и пистолетов, и шли задом до реки Старицы, а тут, повергаясь в нее в беспомоществе, перетопились и загрязли целыми толпами. Гетман их Лянцкоронский, с лучшею немногую конницею, завремено бросился в реку и, переправившись через нее, пустился в бег, не осматриваясь и куда лошади несли. Стан польский, наполненный мертвцами, достался казакам с превеликою добычею, состоящею в артиллерии и всякого рода

оружии и запасах. Казаки по сей славной победе, воздевши руки к небесам, благодарили за нее бога, поборающего за невинных и неправедно гонимых. Потом, отдавая долг человечеству, погребли тела убиенных и сочли польских мертвецов 11317, а своих 4727 человек, и в том числе советника Гуню. Управившись с похоронами и корыстями, погнались за гетманом Лянцкоронским и, настигнув его в местечке Полонном ожидающего помощи из Польши, тут атаковали его, запершегось в замке. Он, не допустив казаков штурмовать замок, выслал против них навстречу церковную процессию с крестами, хоругвями и духовенством русским, кои, предлагая мир от гетмана и от всея Польши, молили и заклинали богом гетмана Острианицу и его войска, чтобы преклонились они на мирные предложения. По долгом совещании и учиненных с обеих сторон клятвах собрались в церковь высланные от обоих гетманов чиновники и, написавши тут трактат вечного мира и полной амнистии, предающей забвению все прошедшее, подписали его с присягою на Евангелии о вечном хранении написанных артикулов и

всех прав и привилегий казацких и общенародных. За сим разошлись войска восвояси.

Гетман Острица, разослав свои войска, иные по городам в гарнизоны, а другие в их жилища, сам, и со старшинами генеральными и со многими полковниками и сотниками, заехал в город Канев для принесения богу благодарственных молений в монастыре тамошнем. Поляки, отличавшиеся всегда в условиях и клятвах непостоянными и вероломными, держали трактат с присягою, в Полонном заключенный, наравне со всеми прежними условиями и трактатами, у казаков с ними бывшими, то есть в одном вероломстве и презорстве; а духовенство их, присвоив себе непонятную власть на дела божеские и человеческие, определяло хранение клятв между одними только католиками своими, а с другими народами бывшие у них клятвы и условия всегда им разрешало и отметало, яко схизматицкие и суду божию не подлежащие. По сим странным правилам, подлым коварством сопровождаемым, сведавши поляки чрез шпионов своих жидов о поездке гетмана Острицы с штатом своим

без нарочитой стражи в Канев, тут его в монастыре окружили многолюдною толпою войск своих, прошедших по ночам и байракам до самого монастыря Каневского, который стоял вне города. Гетман не прежде узнал о сем предательстве, как уже монастырь наполнен был войсками польскими, и потому сдался им без сопротивления. Они, перевязав весь штат гетманский и самого гетмана, всего тридцать семь человек, положили их на простые телеги, а монастырь и церковь тамошние разграбили допоследка, зажгли со всех сторон и сами с узниками скоростижно убралась и прошли в Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападения от городов. Приближаясь к Варшаве, построили они узников своих пешо по два, вместе связанных, а каждому из них накинули на шею веревку с петлею, за которую ведены они конницею по городу с триумфом и барабанным боем, проповедуя в народе, что схизматики сии пойманы на сражении, над ними одержанном; а потом заперты они в подземные тюрьмы и в оковы. Жены многих захваченных в неволю чиновников, забравши с собою малолетних детей своих,

отправились в Варшаву, надеясь умили-
вить и подвигнуть на жалость знатность та-
мошнюю трогательным предстательством де-
тей их за своих отцов. Но они сим пищу толь-
ко кровожадным тиранам умножили и от-
нюдь им не помогли; и чиновники сии, по
нескольких днях своего заключения, повлече-
ны на казнь без всяких разбирательств и от-
ветов.

Казнь оная была еще первая в мире и в
своём роде, и неслыханная в человечестве по
плотости своей и коварству, и потомство едва
ли поверит сему событию, ибо никакому ди-
кому и самому свирепому японцу не придет в
голову ее изобретение; а произведение в дей-
ство устрасило бы самых зверей и чудовищ.

Зрелище оное открывала процессия рим-
ская со множеством ксендзов их, которые уго-
варивали ведомых на жертву малороссиян,
чтобы они приняли закон их на избавление
свое в чистцу; но сии, ничего им не отвечая,
молились богу по своей вере. Место казни на-
полнено было народом, войском и палачами
с их орудиями. Гетман Острица, обозный
генеральный Сурмила и полковники Недри-

гайло, Боюн и Риндич были колесованы и им переломали поминутно руки и ноги, тянули с них по колесу жилы, пока они скончались; полковники Гайдаревский, Бутрим, Запалей и обозные Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и подняты живые на сваи; есаулы полковые: Постылич, Гарун, Сутяга, Подобай, Харчевич, Чудан, Чурай и сотники: Чуприна, Околович, Сокальский, Мирович и Ворожбит прибиты гвоздями стоячие к доскам, облитым смолою, и сожжены медленно огнем; хорунжие: Могилянский, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлей и Загнибеда растерзаны железными когтями, похожими на медвежью лапу; старшины: Ментяй, Дунаевский, Скурбей, Глянский, Завезун, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частям. Жены и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполняли воздух воплями своими и рыданием, но скоро замолкли... оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду своих отцов на железных решетках, под кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человеческие, отрубленные у означенных чиновников малороссийских, как-то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссии и развешаны на сваях по городам. Разъезжавшие при том войска польские, наполнившие всю Малороссию делали все то над малороссиянами, что только хотели и придумать могли: всех родов бесчинства, насилия, грабежи и тиранства, превосходящие всякое понятие и описание. Они, между прочим, несколько раз повторяли произведенные в Варшаве лютости над несчастными малороссиянами, несколько раз варили в котлах и сжигали на углях детей их в виду родителей, предавая самых отцов лютейшим казням. Наконец, ограбив все церкви благочестивые русские, отдали их в аренду жидам, и утварь церковную, как-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и все другие вещи распродали и пропили тем же жидам, кои из серебра церковного поделали себе посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на платье жидовкам; а сии тем перед христианами хвастались, показывая нагрудники, на кои видны знаки нашитых крестов, ими со-

рванных. И таким образом Малороссия доведена была поляками до последнего разорения и изнеможения, и все в ней подобилось тогда некоему хаосу или смешению, грозящему последним разрушением. Никто из жителей не знал и не был обнадежен, кому принадлежит имение его, семейство и самое бытие их, и долго ли оно продлится? Всякий с потерян-ем имущества своего искал покровительства то у попов римских и униатских, то у жидов, их единомышленников, а своих непримиримых врагов, и не мог придумать за что схватиться".

Как историк, Георгий Кониский еще не оценен по достоинству, ибо счастливый мадригал приносит иногда более славы, нежели создание истинно высокое, редко понятное для записных ценителей ума человеческого и малодоступное для большего числа читателей.

Протоиерей И. Григорович, издав сочинение великого архиепископа Белоруссии, оказал обществу важную услугу. Будем надеяться, что и великий историк Малороссии найдет себе наконец столь же достойного издате-

ля.

1 Матф. 27, 29 (Прим Г. Кониского.)

2 Евр. 6, 6. (Прим. Г. Кониского.)

3 Матф. 6, 6. (Прим. Г. Кониского.)

4 Быт. 22, 5. (Прим. Кониского.)

5 Быт. 47; 6, 11. (Прим. Г. Кониского.)

6 Матф. 10; 16, 17. (Прим. Г. Кониского.)

7 Псал. 5, 2. (Прим. Г. Кониского.)

8 Матф. 18, 7. (Прим. Г. Кониского.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ К "ДОЛИНЕ АЖИТУГАЙ"

Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения.

ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНИЯ

Повесть в стихах, сочинение Виланда, издал А. Пушкин. С.-П.-бург, в тип. Департамента Внешн. торг. 1836, в 8, стр. 96.

В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель "Вастолы" хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения, с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось. Это называется издавать; слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано.

В том же журнале сказано было, что "Вастола переведена каким-то бедным литератором, что А.С. П. только дал ему напрокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей".

Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни от кого

бы то ни было.

После такового объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, в тип. Департамента Внешн. торговли.

Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением "Вечеров на хуторе": все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставляя сии недостатки на поживу критики. Автор оправ-

дал таковое снисхождение. Он с тех пор непрерывно развивался и совершенствовался. Он издал "Арабески", где находится его "Невский проспект", самое полное из его произведений. Вслед за тем явился "Миргород", где с жадностью все прочли и "Старосветских помещиков", эту шутивную, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и "Тараса Бульбу", коего начало достойно Вальтер Скотта. Г-н Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале {1}.

1 На днях будет представлена на здешнем театре его комедия "Ревизор". (Прим. Пушкина.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

18-го января нынешнего года Российская Академия была удостоена присутствия его светлости принца Петра Ольденбургского, избранного ею в почетные члены. Непременный секретарь Д.И. Языков открыл заседание чтением краткой истории Академии.

Екатерина II основала Российскую Академию в 1783 году и повелела княгине Дашковой

вой быть председателем оной.

Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинувшись ее наказу, тотчас приступила к составлению словаря. Императрица приняла в нем участие не только словом, но и делом. Часто осведомлялась она об успехе начатого труда и, несколько раз слыша, что словарь доведен до буквы Н, сказала однажды с видом некоторого нетерпения: все Наш да Наш! когда же вы мне скажете: Ваш? Академия удвоила старание. Через несколько времени на вопрос императрицы: что словарь? отвечали ей, что Академия дошла до буквы П. Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора было бы Покой оставить.

Несмотря на сии шутки, Академия должна была изумить государыню поспешным исполнением высочайшей ее воли: словарь окончен был в течение шести лет {1}. Карамзин справедливо удивляется таковому подвигу.

"Полный Словарь, изданный Академиею, - говорит он, - принадлежит к числу тех фено-

менов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея Словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентийской и Парижской".

Многие из членов Академии участвовали в издании "Собеседника Любителей Российского Слова". Следующее происшествие, говорит г. Языков, достойно быть сохранено в памяти: Фонвизин доставил в Собеседник статью под названием "Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание". Вопросы явились в Собеседнике с весьма остроумными ответами. Приведем здесь некоторые.

В. Отчего все в долгах?

О. Оттого, что проживают более, нежели

дохода имеют.

В. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?

О. От размножившихся клубов.

В. Отчего главное старание большей части дворян состоит в том, чтобы поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их гвардии унтер-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другого.

В. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

О. Оттого, что сие не есть дело всякого.

В. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

О. Сие не ясно: стыдно делать дурное, а в обществе жить не есть не делать ничего.

В. Отчего у нас начинаются дела с великим жаром пылкостью, потом оставляются, а нередко и совсем забываются?

О. По той же причине, по которой человек старается.

В. В чем состоит наш национальный характер?

О. В остром и скором понятии всего, в об-

разцовом послушании и в корне всех добродетелей, от творца человеку данных.

В. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?

О. Предки наши не все грамоте умели.

NB. Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели.

Сии ответы писаны самой императрицей.

Под председательством А.А. Нартова (1802-1813) Академия издала: Грамматику Российскую. Сочинения и переводы Академии. Словарь, расположенный по азбучному порядку. Перевод летописи Тацитовою. Перевод Путешествия Младшего Анахарсиса.

В 1813 году, по смерти Нартова, А.С. Шишков, бывший в то время за границей с государем императором, назначен председателем Российской Академии. Под его руководством Академия издала следующие книги: Известия Академии, 11 книжек (1815-1823). Повременное издание, 4 части (1829-1832). Краткие записки, 3 книжки (1834-1836). Квинтилиановы Критические Наставления (1834). Собрание сочинений и переводов А. С. Шишкова, 16 ча-

стей.

Ныне Академия приготовляет третье издание своего Словаря, коего распространение час от часу становится необходимее. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла...

Вслед за непрременным секретарем преосвященный Филарет представил отрывок из рукописи 1073 года, писанной для великого князя Святослава и хранящейся ныне в Московской Синодальной библиотеке.

"Рукопись называется Изборник, то есть извлечение избранных мест из разных писателей.

Она содержит наиболее предметы, относящиеся до христианского учения, но частью и метафизические по разуму того века, например о естестве, о собстве, о лица, о различии, о случании, о супротивных, о оглаголемых.

На обороте листа 237 начинается 175 ста-

тъя книги, которая говорит о тропах и фигурах. Вот ее начало.

"Георьгия Хоуровьска в образех. Творьчьстии образи суть 27 (кз): Инословіе. Превод (metaphora). Напотребіе. Приятіе. Преходьноіе. Възвратъ. Съприятіе. Сънатиіе. Именотвориіе (onomatopoeia). Сътвореніе. Въименоместьство. Отъименіе (metonymia). Въспятословіе. Округословіе. Нестатъкъ. Издрядіе. Лихоречыіе. Притъча. Прикладъ. Отъданиіе. Лицетвориіе (олицетворение). Сълогъ. Пороуганиіе (ironia). Видъ. Последословіе.

Инословіе оубо іесть ино нечто глаголюшти а инъ разоумъ оуказаіюшти якоже іеже іе речено отъ бога къ змии проклята ты и отъ всех зверий слово бо акы змии іесть на диявола же иноречыне змыем нарицаіема разоумеваиємъ".

Далее следуют подобные сему определения и прочих вышеисчисленных наименований, но не довольно понятные для читателя, может быть, и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителем или переводчиком, издателями русской энциклопедии

XI века".

Непременный секретарь прочел главу II из устава Академии о должностях и обязанностях Академии и следующий отрывок из всеподданнейшего доклада президента Академии при поднесении на высочайшее усмотрело проекта устава:

"Академия есть страж языка; и потому должно ей со всевозможною к общей пользе ревностию вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, темного, не нравственного в языке. Но сие вооружение ее долженствует быть на единой пользе словесности основанное, кроткое, правдивое, без лицепрятия, без нападений и пошторства, непохожее на те предосудительные сочинения, в которых, под мнимым разбором, пристрастное невежество или злость расточают недостойные похвалы или язвительные хулы без всякой истины и доказательств, в коих одних заключается достоинство и польза сего рода писаний".

За сим действительный член М.Е. Лобанов занял собрание чтением мнения своего "О духе словесности как иностранной, так и отече-

ственной". Мнение сие заслуживает особенного разбора как по своей сущности, так и по важности места, где оно было произнесено.

В.А. Поленов прочел "Краткое жизнеописание И.И. Лепехина", первого неперменного секретаря Российской Академии: статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, истинно академическую.

После сего действительные члены: М.Е. Лобанов, князь П.А. Ширинский-Шихматов и Б.М. Федоров читали, один после другого, сочинения своего стихи.

Наконец князь Ширинский-Шихматов прочел написанную г. президентом краткую статью под заглавием: "Нечто о Карамзине".

Невозможно было без особенного чувства слышать искренние, простые похвалы, воздаваемые почтенным старцем великому писателю, бывшему некогда предметом жесткой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной. При сем случае А.С. Шишков упомянул о пребывании Карамзина в Твери в 1811 году при дворе блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его светлости принца

Петра Ольденбургского. Известно, что Карамзин читал тогда в присутствии покойного государя и августейшей сестры его некоторые главы "Истории государства Российского". "Вы слушали, - пишет историограф в своем посвящении государю, - с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для себя еще славнейшие".

Пребывание Карамзина в Твери ознаменовано еще одним обстоятельством, важным для друзей его славной памяти, неизвестным еще для современников. По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли о древней и новой России, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел и остался по-прежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота...

Заседание 18 января 1836 года будет памятно в летописях Российской Академии.

1 Французская Академия, основанная в 1634 году и с тех пор непрерывно занимавшаяся составлением своего словаря, издала оный не прежде, как в 1694 году. "Словарь обветшал, пока еще над ним трудились, - говорит Вильмен. Стали его переделывать. Прошло несколько лет, и все еще Академия пересматривала букву А. Деятельный Кольбер, удивлявшийся таковой медленности, приехал однажды в собрание Академии. Разбирали слово *Ami*. Но были такие споры о точном определении оного; рассуждали с такой утонченностию о том, что в слове *ami* предполагается ли светская обязанность или сердечное отношение, чувство разделенное или одно наружное изъявление, или усердие без вознаграждения, что министр, у коего при дворе так много было друзей, признался, что он более уж не удивляется медленности и затруднениям Академии". (Прим. Пушкина.)

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ

Скриб в Академии. Он занял кресла Арно, умершего в прошлом году.

Арно сочинил несколько трагедий, которые в свое время имели большой успех, а ныне совсем забыты. Такова участь поэтов, которые пишут для публики, угождая ее мнениям, применяясь к ее вкусу, а не для себя, не вследствие вдохновения независимого, не из бескорыстной любви к своему искусству! Две или три басни, остроумные или грациозные, дают покойнику Арно более права на титул поэта, нежели все его драматические творения. Всем известен его "Листок":

De ta tige detachee,
Pauvre feuille dessechee,
Ou vas tu? - Je n'en sais rien, etc {1}.

Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своею смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов,

Наш боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу.

Может быть, и сам Давыдов не знает стихов, которые написал ему Арно, услыша о его переводе. Он поместил их в примечаниях к

своим сочинениям¹.

При вступлении своем в Академию Скриб произнес блестящую речь, на которую столь же блистательно отвечал Вильмен, а J. Janin в своем фельетоне осмеял того и другого. В сем случае все три представителя французского остроумия были на сцене.

Речь г. Скриба

Мм. гг.

Когда Генуэзская республика, как вам известно, дерзнула сопротивляться Людовику XIV, тогда дож ее принужден был явиться в Версаль, чтоб испросить прощение у великого короля. В то время как удивлялся он версальским садам, где каждый шаг представляет победу искусства над природою, их шумным водопадам, апельсинным рощам и висячим террасам, его спросили: что находит он всего необыкновеннее в Версале? Дож отвечал: "Мое присутствие!"

Так и я, мм. гг., видя вокруг себя все знаменитости Франции, окруженный славными воспоминаниями литературного величия, я должен бы удивляться всего более моему здесь присутствию, если б только одна мысль

не успокоивала и не ободряла меня:

Академия, эта представительная палата литературы, желала, чтобы все роды произведений, получившие право гражданства по силе Буаловой хартии и законов вкуса, имели в недрах ее своих уполномоченных, ею утверждаемых: подобно нашим законодательным собраниям, где избранный небольшою деревнею сидит рядом с депутатом большого города, она предоставила мне вход в свое собрание и возвысила тем незначительный род сочинения, которого я представитель; я бы гордился этим позволением, если б автор водевилей имел право гордиться.

Да, мм. гг., я не ошибаюсь в истинной причине моего сюда назначения! Если довольно долго испытывал я свои силы на второстепенной сцене и старался изобразить Талию в миниатюре, если иногда на театре, более возвышенном, я старался начертать несколько картин большего размера, такие усилия не дают еще мне права почитать себя здесь одним из представителей комедии. Вы же, мм. гг., и не нуждаетесь в новых: вы имеете блистательных авторов "Домашнего тирана", "Адвоката",

"Двух зятей" "Школы стариков"; вам хотелось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго праздными.

В его имени вы дали Песни грамоту на дворянство; вы захотели передать ее мне, и я только этому обстоятельству обязан честью занимать место между вами.

Может быть, этот род сочинения, по-видимому столь незначительный, которого название странно слышать под классическими сводами этой залы, может быть, он достоин вашего внимания, и мне должно было бы по всей справедливости, или по крайней мере из благодарности к своему протектору, защищать его; мне бы должно рассказать вам историю водевиля (Val de vire) от его колыбели до наших дней; но обязанность более важная и торжественная занимает мои мысли и останавливает на устах веселые напевы.

Много уже времени прошло с тех пор, как я в первый раз был в этой зале. Я учился тогда в Наполеоновском лицее, и на этом самом месте, где все осталось по-прежнему, нам раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здесь, как и теперь! Там родные, сестры,

матери!.. Счастлив, кто имеет мать свидетельницей своего торжества! Я тогда был счастлив! На этой стороне сидели наши учителя, начальники, знаменитые литераторы и государственные люди: пальмы, назначенные в награду слабым достоинствам, раздавались тогда, как и теперь, великими талантами. Я спросил у моего соседа, как зовут президента? Он отвечал: это г. Фонтан (C'est le grand Maitre M. de Fontanes). А возле него кто это с таким важным и прекрасным видом? Главный секретарь университета, г. Арно, автор "Мария в Минтурне", трагедии, которой прелестные стихи мы знали наизусть. Автор "Мария в Минтурне"! Я привстал, чтоб посмотреть на него: думал ли я тогда, что ученик займет место своего учителя - и что приду в это святилище я - положить кипарисную ветвь на гроб раздававшего венки!

Зачем по крайней мере голос сильнее и выразительнее моего не призван говорить похвальное слово этому добродетельному человеку и поэту, о котором вы сожалеете? По какому последнему для него несчастью трудная честь оценить произведения трагической

его музы досталась в удел питомцу песни?

Увлеченный с юных лет непреодолимой склонностью к поэзии, г. Арно был еще очень молод, когда издал "Мария в Минтурне" - первое свое произведение; это было смелое предприятие для молодого человека 24-х лет: возбудить участие к отвратительному Марию, человеку, наполнившему Италию кровию и кознями, человеку, который обесславил себя хищением и грабительством, не имел подобно Силле ни довольно величия души, чтоб остановиться вовремя, ни довольно смелости, чтоб души, чтоб оставить свое поприще; но г. Арно понял, что в глазах толпы несчастием искупаются преступления. Он избрал героем не Мария-гонителя а Мария-изгнанника, победителя кимвров, скитающегося беглеца; он чувствовал, что бывает на свете великое и благородное зрелище: слава в борьбе с несчастием, неудача, переносимая с мужеством - и он отгадал! Не подражая авторам, до него изображавшим этот предмет, не призывая на помощь ни посторонних интриг, ни женщин, ни трагической любви, он приступил к своему предмету с строгою просто-

тою древности - и создал историческую картину, над которой возвышается везде великий образ Мария. И помните ли вы, мм. гг., какое впечатление производил этот раб, этот кимвр, когда он, испуганный при виде консульского чела, покрытого сорокалетней славою, бросал кинжал и убегал, повторяя: "Я никогда не буду в состоянии умертвить Мария!"

Эта трагедия была посвящена его светлости графу Прованскому, будущему Людовику XVIII. Арно был привязан к дому его потому, что принц любил литературу и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: в те времена оно было необходимо даже и для литературного успеха; времена изменились, и, слава богу, теперь писатель не имеет надобности просить вельмож удостоить его покровительством! В своем труде находит он славу - и еще более, если возможно - свою независимость.

В начале революции граф Прованский удалился в чужие края; а Арно, подвергаясь от того многим опасностям, поспешил переехать в Англию. Странная была его участь! Покровитель, им избранный, тогдашний

принц, а впоследствии король, был причиною двукратного удаления Арно из Франции: в 92 году своим отъездом, в 1815 своим прибытием.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный как эмигрант в Дункирхене, он был брошен в тюрьму и освобожден из нее по приказу Комитета общественного спокойствия (Comit  de salut public), который постановил, и на этот раз справедливо, что закон об эмигрантах не распространяется на литераторов, а следовательно и на автора "Мария в Минтурне", поэтически предполагая, что вселенная принадлежит поэту и что его отечество повсюду.

Наступили лучшие дни для Франции: республика еще существовала, но без кровавых топоров децемвиров, даже без строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу к роскоши и удовольствиям, по забвению прошедшего и беспечности о будущем можно было бы назвать республику Афинскою, если бы у кого только достало смелости сравнить Барраса с Периклом! Мы были тогда под управлением Директории, правлением слабым, веселым,

роскошным, правлением, так сказать, регентства революции.

Обратившись к литературным трудам, Арно издал сперва трагедию "Оскар", где так мило выражены тихие чувства любви и дружбы; потом трагедию "Венецианцы", коих пятый акт есть лучший акт драмы новейших времен. Впрочем, для исторической верности мы должны сказать, что Арно не один сочинил этот пятый акт. Сперва он дал счастливую развязку своей пьесе. Montcassin, герой ее, не умирал, а был спасен своим соперником от казни; эта развязка не понравилась одному члену Института, которого Арно знал в Италии и которому читал свою трагедию. Этот член Института был генерал Бонапарт, которого мнения в литературе были столь же тверды и решительны, как и в политике; он терпеть не мог Вольтера, имел несчастье не любить Расина, но Корнеля готов был сделать первым министром³. Бонапарт любил развязки разительные и хотел, чтоб даже и на театре все препятствия уничтожались штыком.

Конец пятого акта "Венецианцев" был для этого человека неестествен: он находил, что

счастье любовников портило развязку. Если б несчастно было неисправимо, говорил он г-ну Арно, то минутное ощущение, которое оно произвело по мне, осталось бы у меня до вечера, до завтра! Нужно, чтоб герой умер, надо непременно убить его! Убейте его! и Montcassin был казнен, по повелению Наполеона, к великому удовольствию публики, утвердившей приговор рукоплесканиями. Бесплезно упоминать, что трагедия "Венецианцы" была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапарт любил Арно, и эта дружба никогда не изменялась; Арно, как надежному человеку, Бонапарт поручал образования Ионийских островов; Бонапарт принимает Арно в своем доме, в улице Шантерень, позволяя ему участвовать в домашних разговорах, которые тогда были историею; после на адмиральском корабле, который вез в Египет кесаря и его фортуна, Бонапарт и Арно толкуют об Оссиане и Гомере; потом Бонапарт-император дает ему одно из первых мест в университете. Наполеон постоянно уважал Арно, хотя не раз мог бы жаловаться на его сатирические вы-

ходки и резкую откровенность. Тот, кто одним взглядом умел отгадать, оценить достоинство, в первый день своего прибытия в Италию, рукою победителя написал на своих памятных табличках имя Арно; и двадцать три года спустя после того, рукою умирающего, писал он это же имя в своем завещании, с утесов св. Елены.

Что могу я прибавить к этому свидетельству?

После стодневного переворота Арно был изгнан, а что и того удивительнее, лишен места, которое он занимал между вами и на которое он вами был призван. Касательностихов и поэзии Мольер сказал: *Hors qu'un commandement expres du roi ne vienne... {3}*

Повеление пришло и исключило Арно из Института.

Во время своего изгнания, которое Арно перенес с благородством и твердостью, он сочинил последнее отделение Басен, лучшее, по моему мнению, литературное его произведение: ибо здесь он создал новый род, который останется образцом, тем более что автор не старался подражать ни Лафонтену, ни Флори-

ану; здесь нет веселой простоты первого, нет изящной и грациозной чувствительности второго: здесь эпиграмма, здесь сатира, здесь Ювенал, сделавшийся баснописцем - может быть, по одинаковой причине.

Не был ли Арно увлечен сам своею гипер-болою? Не представлялось ли ему общество слишком порочным, а люди слишком злыми? Справедливо упрекали Флориана за излишнее множество овечек рассыпанных в его сочинениях. Кажется, в баснях Арно не слишком ли много волков?..

В отсутствие Арно трагедия его "Германик" игралась в Париже и была принята с успехом в первый день, а на другой изгнана из театра подобно автору ее, изгнанному из Франции. Наконец, когда после пятилетней ссылки настал для него день правосудия, он возвратился в отечество и опять занял свое место между вами... Тут неожиданный случай снова и уже навсегда похитил его у вашей дружбы! Младший из его сыновей испытал жестокую потерю; отец спешил утешить сына и предпринял роковое для себя путешествие. Арно имел привычку долго прогуливаться пешком;

на ходу сочинил он все свои творения. Однажды утром, по сильному жару, он проходил и просочинял более обыкновенного; усталый он воротился домой; лег на кровать и сказал дочери: поиграй на фортепиано; дочь повиновалась; отец, будто отдыхая, все более и более поникал головою; он уже был мертв, а она еще играла.

Он скончался без страдания, без предсмертных мучений, с улыбкою на устах, думая о своих утренних трудах, о детях, о друзьях, может быть о вас, мм. гг.!

Он умер, оставив нам троих сыновей, свою и нашу надежду! троих сыновей, которые на поприщах литературном, военном и судебном достойно поддерживают честь отцовского имени. Один из них, автор "Регула", доказал, что принадлежит к одной из тех фамилий, которых слава наследственна, доказал, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторством, подобно купленному оружием, может учреждать майоратство.

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончине Арно, но с некоторого времени здоровье его видимо слабело. Сильные

удары, безжалостно направленные на человека и писателя, поколебали его крепкую, но чувствительную и раздражительную организацию.

В наши времена существует ядовитый род критики, которая достигает до сердца; ею не поскупились для Арно: и несмотря на свои седины, на прежние триумфы, он не мог, подобно Марию в Минтурне, обезоружить кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались в характере Арно. В душе этого человека глубоко напечатлевались все воспоминания добра и зла. Если он никогда не забывал нанесенного ему зла, то вечно зато носил в сердце благодеяние. Признаемся также, что по живому и острому расположению ума своего Арно не мог удержаться от острого слова, и если прибавим к этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то нам будет понятно, отчего он имел столько врагов. Между тем не было человека добрее его. Не раз доказывал он это; не раз, занимая важную должность при университете, он подавал руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принял в свою канцеля-

рию нашего поэта Беранже, которого он один тогда разгадал. Разговор Арно был исполнен выражений смелых и живописных, носил на себе отпечаток той насмешливости, которая встречается в его баснях, разных стихотворениях и даже в песнях, оригинально веселых... да, мм. гг., в песнях Арно, в песнях трагического писателя! Я так горжусь этим обстоятельством, что спешу заговорить о нем: это для меня важный авторитет, это новое доказательство в пользу рода сочинения, которому я осмеливаюсь, может быть, дерзко, доставить между вами право гражданства.

Для этого, мм. гг., мне бы должно развернуть перед вами то, что я назову героическими временами песни, когда она сопутствовала в сражениях Роланду и храбрым рыцарям Карла Великого, или когда с труверами и менестрелями с арфою в руках она приходила к дверям дворца и садилась за стол с владельцем замка; показать вам потом, как она отправилась в крестовые походы и возвращалась с первыми христианскими баронами; как она, сидя у готического очага, веселым напевом о султанине Саладине забавляла досуги

благородных дам. Потом я бы должен был представить вам ее, когда, нежная и воинственная, с Агнесою Сорель, она научала Карла VII, каким образом возвращают королевства; как она, насмешливая и щеголеватая, писала с Франциском I веселые куплеты на стеклах Шамбора, потом вдруг, фанатическая и возмутительная, с крестом Лиги или под знаменем Фронды, нападала на королей, низвергала министров, переменяла парламенты; и, может быть, желая изобразить историю песни, я бы неожиданно рассказал вам всю историю Франции.

В знаменитой речи, исполненной тонких и остроумных мыслей, один из первых наших драматических авторов доказывал здесь, что если бы какой-нибудь ужасный переворот истребил с лица земли все исторические документы, оставив невредимым лишь собрание наших комедий, то это собрание заменило бы все летописи. Литературная свобода Академии позволит ли мне не вполне разделять это мнение? Я не думаю, чтоб комический автор был историком: это не его назначение; не думаю, чтобы в самом Мольере можно было

найти историю нашей страны. Комедия Мольера говорит ли нам что-нибудь о великих происшествиях века Людовика XIV? Есть ли в ней хотя слово о заблуждениях, слабостях и ошибках великого короля! Говорит ли она об уничтожении Нантского эдикта? Нет, мм. гг., точно так же как комедия времен Людовика XV молчит о Parc-au-cerf⁴), комедии времен империи - о страсти к завоеваниям! Если прибавим к этому новую невероятность (меня так часто упрекали в этом недостатке, что мне позволено будет прибавить еще тысячу первую в пользу истины) и если в свою очередь предположим, что подобно тому наместнику Магомета, который сжег всю библиотеку александрийскую и сохранил только книгу пророка, найдется в наши времена какой-нибудь победитель калмыцкий или татарский, любитель веселостей, пристрастный к песням, как Омар к Алкорану, сожжет все исторические книги, а пощадит только собрание наших песен разного рода и водевилей, напечатанных доньше, посмотрим, нельзя ли будет с пособием одних этих документов восстановить главнейшие факты нашей истории?

Быть может, я заблуждаюсь; быть может, это один только парадокс, но мне кажется, что с помощью этого веселого архива этих поющих летописей, легко было бы отыскать имена, числа, происшествия, забытые комедиею, или исторические лица, пощаженные ею.

Подобная верность невозможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не в укоризну, а рассказываю просто, как есть дело; я уверен, что ни Людовик XIV, ни Людовик XV, ни Наполеон не потерпели бы на театре великих поучений истории и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до них близко касалось. Нынешний комический автор в сем отношении не имеет больше преимущества перед своими предшественниками. У нас раздражительность партий заступила место раздражительности правительства; в наш век свободы мы не вольны изображать на сцене все смешное: всякая партия защищает своих и позволяет занимать смешное лишь у соседа; самое книгопечатание, эта неограниченная власть свободных правлений, книгопечатание хочет говорить правду всему свету, но не любит, чтоб говорили ему истину. Я здесь,

повторяю, не хочу укорять комедию, но, напротив, оправдать ее и доказать, что от нее требовали невозможного, требовали, чтоб она заступила место истории.

По крайней мере комедия нам описывает нравы?.. Справедливо! Согласен, что она ближе к точности и истине нравоописательной, нежели к исторической; но со всем тем, исключая некоторые, весьма редкие произведения (как, например, "Туркарет", образец точности), мы находим театр, по какой-то довольно странной судьбе, почти всегда в прямом противоречии с обществом. Например, мм. гг., касательно нравов? Разберем эпоху регентства! Если комедия выражает постоянно общество, то комедия тех времен должна бы нам представить странные вольности и веселые сатурналии. Совсем нет; она холодна, точна, взыскательна и благопристойна. Такова комедия Детуша, она не смеется, или смеется очень мало, комедия Лашоссе плачет. Под скиптром Людовика XV, или лучше под скиптром Вольтера, в ту минуту, когда разрешались эти великие вопросы, изменившие все общественные мысли и в быстром движе-

нии увлекавшие осьмнадцатое столетие, столь полное настоящим и будущим, мы видим на театре Дора, Мариво, Де Лану, то есть остроумие, романизм и пустоту.

Во время самых жестоких периодов революции, когда трагедия, как говорили, рыскала по улицам, что представлял театр? Сцены человеколюбивые и чувствительные, как например: "Женщины", "Сыновняя любовь", а в январе 93 года, во время суда над Людовиком XVI, давали "Прекрасную мызницу", комедию пастушескую и чувствительную. Во время империи, в царство славы и побед, комедия не была победительницею и воинственною! При восстановлении Бурбонов, правлении мирном, лавры, военные мундиры завладели сценою; Талия надела эполеты! А в наши времена? В эту самую минуту, в которую я говорю с вами, вообразите иностранца, нового Анахарсиса, упавшего с неба посреди нашей образованности и отправляющегося в театр, чтоб узнать точное и положительное состояние парижских нравов в 1835 году? Как бы испугался этот почтенный иностранец! Он не посмел бы показаться в улицах Парижа нево-

оруженный, не посмел бы сделать шага, чтоб не встретить убийства, прелюбодеяния, кровосмешения; а все от того, что его уверили, будто театр есть выражение общества.

И если б потом кто-нибудь взял этого иностранца за руку и ввел в наши гостиные, в наш семейный круг, с каким бы удивлением увидел он, что ни в одну эпоху, может быть, нравственность наша не была так хороша, как теперь; что, кроме некоторых исключений, о которых говорят только по их редкости, никогда еще под домашнею кровлею не жило столько добродетелей. Если б ему сказать, что прежде высшие классы подавали пример порока, что часто сам двор ничтожил народную нравственность, если сказать ему, что теперь добродетель нисходит к нам свыше и отражается от престола на обществе, то, помирившись с этим обществом, которое он обвинял по незнанию, иностранец с радостью сказал бы: меня обманули; слава богу, театр не всегда служит выражением современных нравов!

Каким же образом растолковать, мм. гг., это постоянное противоречие между театром

и обществом? Случай ли этому причиною или скорее современный вкус и наклонности, отгаданные и разработанные авторами? Вы идете в театр не за нравоучением или исправлением, а для развлечения и удовольствия. Вас увеселяет более вымысел, нежели истина! Представляя то, что вы имеете ежедневно перед глазами, нельзя вам понравиться; но то, чего не видите вы в обыкновенной жизни, все чрезвычайное, романическое, вот что вас очаровывает,- теперь это и представляют вам.

Так, во дни ужаса революции, именно потому, что вашим глазам больно было смотреть на кровавые сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театре человеколюбие и благотворительность, которые тогда были вымыслами...

Точно так и во времена восстановления Бурбонов вам напоминали те дни, когда вы давали Европе законы - и прошедшее утешало вас в настоящем.

Следственно, театр весьма редко бывает выражением современного общества: по крайней мере, как мы видели, он часто выра-

жает противоположное, так что должно искать происшествия в том именно, о чем театр молчит. Комедия изображает страсти всех времен, как изображали их Мольер, Данкур и Пикар, с такою веселостию, как Колен д'Арлевиль, с такою прелестью, как Андрие; она описывает редкие исключения и минутные странности; она едва приподнимает завесу и показывает нам только уголок общества; но нравы целого народа, целые эпохи, изящные или грубые, развратные или набожные, кровавые или героические, кто их нам откроет? Хороши они были или дурны, их вы найдете, мм. гг., в тех летописях, о которых я вам сейчас говорил:

Ces peintures naïves,

Des malices du siècle immortelles archives {5}.

Песня! она не имела никакой выгоды скрывать истину, а появлялась, напротив, именно для того, чтоб высказать ее! Итак, мм. гг., - пробежим снова те эпохи, о которых мы говорили, начнем с регентства, так мало сохраненного комическими авторами того времени, и прибегнем к песенникам: не будут ли они более верными живописцами общества?

Колле, например:

Chansonniers, mes confreres,
Le cur, l'amour sont des chimeres
Dans vos chansos legeres
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus {6}.

Не бойтесь, мм. гг., я вам прочту только
один куплет и то отрывками:

L'amour est mort en France,
C'est un
Defunt
Mort de trop d'aisance!

.....

Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent a nos dames
Des curs,
Des murs,
Des vertus, des ames!
Et remplissent de flammes
Nos amants presque eteints,
Ces pantins
Libertins! {7}

Не видите ли вы, мм. гг., всего регентства в

этих стихах? А что было бы, если б я прочитал всю песню до конца!

Хотите ли узнать общество осмнадцатого столетия? Это общество щегольское и остроумное, рассудительное и скептическое которое верило не в бога, а в наслаждения? Хотите ли иметь понятие о его нравах, философии и маленьких ужимках? Не спрашивайте комедию - она вам ничего не скажет! Прочтите песни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далее, к тем временам, когда испуганной песне приходилось изломать свирель свою: она и тут не молчит, не перестает описывать нравов своего времени; она неотлучна, как верное эхо, при всякой громкой эпохе принимает звуки и передает их нам. Так, в нашу революцию, разделяющуюся на две различные половины, период ужасов изображен в безбожных песнях 93 года, период геройства и славы в воинственных гимнах, которые повели наших воинов на завоевание Европы.

Я не говорю вам о славе империи - она имела историографами всех песенников той эпохи, начиная с Дезожье, первого песенника

всех времен, который производил песни, как Лафонтен - басни!

Что касается до времен восстановления Бурбонов, то не спрашивайте о них наши театры, не ищите их в столбцах "Монитера": для этого у нас есть песни Беранже.

В конце речи своей остроумный оратор представляет песню во всегдашнем борении с господствующею силою: он припоминает, как она воевала во времена Лиги и Фронды, как осаждала палаты кардиналов Ришелье и Мазарини, как дерзала порицать важного Людовика XIV, как осмеивала его престарелую любовницу, бесталантных министров и несчастных генералов; как при умном и безнравственном регенте и при слабом и холодном Людовике XV нападения ее не прекратились; как, наконец, в безмолвное время грозного Наполеона она одна возвысила свой голос, и приводит в пример известную песню

Le roi d'Yvetot. Il etait un Roi d'Yvetot,
Peu connu dans l'histoire,
Se levant tard, se couchant tot,
Passant le jour a boire,
Et couronne par Jeanneton

D'un simple bonnet de coton etc {8}.

Признаюсь: вряд ли кому могло войти в голову, чтоб песня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть ли не лучшая из всех песен хваленого *Vivanger*), но уж конечно в ней нет и тени оппозиции.

Ответ г. Вильмена, неперменного секретаря Академии

М. г.!

Ваша речь имела успех такой же, как и ваши комедии; здесь встречают вас те же рукоплескания, которые раздаются при вашем имени на всех театрах Франции и почти всей Европы. Академия это предвидела: она была уверена, что избрать вас было делом справедливости и народности. Во всех родах литературы всякая прочная слава дает право на академическое звание; никому не может быть дозволено в продолжение 20 лет безнаказанно морить со смеху публику.

Напрасно, м. г., следуя законам официальной скромности, вы бы стали унижать пред нами постоянные ваши успехи, опираясь на легкую форму ваших сочинений, все дело в произведении вкуса не в предмете и не в фор-

ме, но в таланте. Есть песни, которые гораздо лучше эпической поэмы Знаменитый академик, которого вы теперь занимаете место и которого вы так удачно характеризовали, после великих трагических произведений отличился особенно своею оригинальностью в эпиграммах, названных им баснею. Этот человек с умом и талантом умел бы оценить всю творческую силу, которая видна в бесчисленных и разнообразных ваших комических произведениях. Он бы не упрекнул вас ни за многих ваших сотрудников, ни за многие прелестные ваши произведения, которые принадлежат не вам одному, но которые без вас никогда бы не существовали. Арно знал, что вкус, который умеет выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобретения, что мысль вполнину принадлежит тому, кто умеет придать ей настоящую цену. Он с радостью бы принял предложенного вами ему сотрудника - Наполеона, которого краткую и страшную пиитику вы так удачно изобразили.

Только пятый акт "Венецианцев" они со- здали вместе. Если это сообщество не было де-

ятельнее, то виною тому не генерал Бонапарт, который в первом жару молодости и славы, между победой над Италией, управлением Францией, завоеванием Египта, занимался всем, думал обо всем вдруг, и не знал, куда деваться с своими мыслями и изобретениями в ожидании императорского престола. Арно привязался к нему с похода в Италию, со времени трагедии "Оскар", которую послал он героическому обожателю Оссиана. Вскоре потом он принял участие в египетской экспедиции и последовал за кесарем в Александрию. Во время переезда на адмиральском корабле "Восток", который нес в себе столько ученых и военных знаменитостей, Арно беспрестанно беседовал с генералом. Говорили о войне, об искусствах, о свободе, о завоевании всего света, о литературе, о трагедии. Бонапарт часто возвращался к этому последнему предмету, для которого он составил себе целую теорию. Политика, общественная польза - вот что, по его мнению, могло быть единственными предметами трагедии; где дело шло о любви, о сердечных борениях, не исключая и "Заиры", все это он причислял к комедии. Арно

противился этим нововведениям и однажды после долгого спора, когда генерал сказал ему: "Как бы то ни было, но мне хочется сочинить с вами вместе трагедию". - "Охотно, отвечал Арно - тогда, когда мы сочиним вместе план сражения!"

Несмотря на эту короткость в обращении, которой бы многие позавидовали, несмотря на доверчивость счастливой звезде завоевателя, Арно не окончил путешествия. Долг дружбы задержал его в Мальте при начале завоевания. Но он был из первых между теми, которые призывали героя из Египта и приготавливали к тому общее мнение.

18 брюмера Арно находился при Бонапарте одним из ревностных участников военного переворота, который основал империю, и находился при нем без всяких личных расчетов. Литератор в полном смысле слова, несколько беспечный и гордый, Арно не заботился более ни о своей будущности, ни о благосклонности своего покровителя. Сперва остался он в Мальте, а после вдали от политики и императорского двора принял на себя скромную и важную должность, где его влияние было все-

гда правосудно и благотельно.

Свободные часы его были все посвящаемы литературе. Трагический автор школы Дюссиса в произведениях своих, он прибавил к древним формам новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, он не воспевал его царствования. Великие властители, потрясающие сильно воображение народов, пробуждают его у поэтов уже долго после своей кончины. Одаренный умом колким и насмешливым, способным более к коварным намекам басни, нежели к панегирику, Арно выхвалял Наполеона лишь после его падения, и то важным языком истории. Его пристрастие было благоговение к гению и к несчастью; оно вдохнуло ему много красноречивых страниц; он заплатил изгнанием за право написать их. Писатель мирный, враг всех общественных переворотов, он был увлечен бурей, сокрушившей династию.

По этому случаю, в продолжение некоторого времени, он мог не принадлежать более этой Академии, где он имел столько прав на свое место и куда все его призывало. Он даже возвратился к нам при том правлении, кото-

рое так несправедливо изгнало его. Во второй раз услышал он здесь похвалы трудам, прославившим жизнь его, и таланту, которому никакая революция не могла дать отставки. Ему прочли те стихи, которыми означен был первый день его изгнания; и он нашел в рукоплесканиях и в живом соучастии публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этот характер вместе с его славою дал ему право на место, требовавшее доверенности, которое опустело между нами после умного и почтенного Андрие место, которое требует бескорыстной любви к словесности, призывает иногда к защите ее достоинства и должно быть нераздельно соединено с теми благородными чувствами, которые она внушает душе человека.

Как должны мы сожалеть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь в полной ее силе и похитила Арно посреди недоконченных трудов его! Записки, писанные им с таким остроумием и беспечностью, составляют любопытный памятник его старости и могут выдержать эту неблагоприятную и грубую критику.

ку, которая всегда ожидает последних произведений художника и поэта. Арно, как умный и нечестолюбивый зритель, замешанный в движения века, не умел ими пользоваться, но видел много вещей и всегда умел оценивать их с тою сильною прямою совестью, от которой яснее самый расчет разума. Ни собственная выгода, ни политические связи не имели влияния на верность его воспоминаний, на его нравственный инстинкт. Некоторые несчастья прежней королевской династии, может быть, нигде не были описаны с таким живым участием, как в книге Арно, изгнанного из Франции в 1815 году.

Это происходило оттого, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хотя носят иногда печать современных страстей, но дышат всегда откровенностию, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оценили талант вашего предшественника, но ваше поприще, м. г., счастливое и легкое, не может сравниться с его поприщем. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успехи, дорого купленные и добываемые с боя. Вы все это знаете по слу-

хам: для вас литература с молодости была ряд наслаждений славою, богатством. Это весьма редкая участь, пример опасный, быть может; но его оправдывают ваш талант и характер.

Не бойтесь, м. г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позвольте мне найти причину ее в вопросе более общем, который вы сейчас предложили себе и разрешили умно и удачно, но, может быть, не совсем справедливо. Тайна ваших постоянных успехов заключается, я думаю, в том, что вы счастливо разгадали дух нашего века; вы создали род комедии, с которою он хорошо сроднился, которая походит на него, комедию живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить нам недостает времени, а ряд портретов выразительных, которые блеснут, исчезнут, но не забываются. Итак, не разделяя мнения, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вам, что театр по существу своему должен быть в противоречии с нравами, противоположным полюсом общества, что он не должен походить на публику, чтобы нравиться публике, я, признаюсь вам, придерживаюсь второго мне-

ния и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедиями.

Без сомнения, одна комедия не составляет полной истории народа; но она объясняет, пополняет эту историю. Она ничего не говорит о политических происшествиях, по крайней мере со времен Аристофана (или, если хотите, со времен "Бертрана и Ратона"), но она свидетельница духа и нравов народа, у которого родились эти происшествия. Не называя никого по имени, она пишет летопись каждого. Узнали ли б вы совершенно век Людовика XIV без Мольера. Знали ли бы вы, что был тогда двор, город и особенно Тартюф? Нет ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы "Дон Жуана", которая бы не показала вам какой-нибудь любопытной стороны народного духа в XVII столетии, не дала бы вам понятия о движении в нравах и не открыла б вам брожения мнений при мнимой тишине этой величественной эпохи?

Впоследствии, м. г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану и даже Мариво, которого вы уже слишком смешиваете с ними, уверены ли вы, что она в сильной противопо-

ложности с своим временем? XVIII столетие, столь полное настоящим и будущим, выражаясь вашими словами, XVIII столетие не походило ли в праздности высших классов, в злоупотреблениях ума, в утонченном разврате нравов на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдем ли мы и в других комедиях того времени, еще более слабых, верного изображения нравов и, может быть, достойного наблюдений историков? Что же касается до хороших комедий той же эпохи, то они говорят много, и даже слишком много; например, "Свадьба Фигаро" есть бесценное сведение для истории.

Я боюсь, м. г., следуя за вами далее, броситься ради комедии в летописи нашей революции: но и в ту эпоху, этот сантиментальный набор слов, это идолопоклонство старости, добродетели, детству, выводимое на театре во время политических ужасов, не было ли также чертою нравов? Тот же самый наглый обман не повторялся ли в речах трибуны и в программах народных праздников, где священные слова человечества смешивались с гнусными преступлениями; это были пропо-

веди и гимны новой Лиги.

Мне кажется, м. г., что театр, хорош ли он или дурен, естествен ли он или натянут, всегда, как прежде говорили и доказывали, театр есть драгоценный свидетель для истории нравов и мнений.

В нравах народа заключены ею предрассудки, его воспоминания, его сожаления; для этого он иногда ходит в театр искать того, что не выражает настоящего его положения, но говорит ему о том, чего он желает или что им потеряно. И потому я скажу, м. г., пользуясь вашим же примером: если в мирные времена восстановления ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были в такой милости у публики, то не оттого, что эта картина противоречила духу времени, но, напротив, потому, что льстила ему, лаская обиженное народное самолюбие; проницательный политик мог бы открыть в этих представлениях, принимаемых толпою с восторгом, страсть, не потушенную в течение 15 лет и вдруг вспыхнувшую

Да, м. г.! в ваших же произведениях можно найти эту современную точность, которую

вы, отняв у комедии, присвоили одной песне, и сделать вас историком против вашей воли. Впрочем, в этом деле вы приняли все возможные предосторожности: вы соединили песню с комедией, и что ни говори о вашей литературной теории, - со всех сторон вас ожидают рукоплескания.

Я признаюсь, что эта теория делается весьма правдоподобною в последних примерах, вами приведенных. В наших глазах, почти в то самое мгновение, когда я говорю, исчезло было это соотношение, это сходство театра с публикою, или, лучше сказать, казалось, что один из них хотел быть развратителем другого. Но в этом отзыве общественному перевороту, в этом бесплодном брожении возмутительных голов, нет ли чего такого, чем бы можно было изъяснить эту потребность сильных потрясений, столь противоположную нашим семейственным нравам, эту потребность, редко удовлетворенную на театре и которая бы уничтожилась сама собой, скукою публики, даже без пособия цензуры? Вы сами, милостивый государь, можете судить лучше других об этом, вы не заражены эпидемией

преувеличения, этой страстью к ложному, вы умеете на свободе соединять остроумие с здравым смыслом и не нуждаетесь в неблагоприятных сценах для драматического эффекта.

Долгие успехи научили вас этому трудному искусству, от которого вы редко отступали, несмотря на огромное количество пьес, писанных наскоро. Аристократ Буало говорил: *Il faut, m'kme en chanson, du bon sens et de l'art*⁹).

Этот совет, хотя, кажется, может быть ненужным и лишним в наше время, но тем не менее может быть применен с точностью ко всем родам песни на наших театрах. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума никогда не могут избавить автора от этих двух старинных условий, требуемых Буало: здравого смысла и изящества; и если бы даже они перестали быть принадлежностью больших произведений, то все бы надобно было требовать их соблюдения от водевиля и комической оперы.

Так, в прошедшем столетии человек с необработанным талантом, Седен, с помощью здравого смысла и искусства нашел но-

вое место на наших театрах и оставил незабытые произведения. Вам, м. г., приготовленному с ранних дней изучением литературы, вам предстояло менее усилий и затруднений. К той оригинальности, без которой ни один писатель не может занять сильно публики, вы присоединили изучение хороших образцов: ваши первые произведения, по-видимому, импровизированные посреди юной, беспечной веселости, всегда носили на себе отпечаток искусства и были написаны с такою же быстротою, как и со тщанием.

Вы ограничивали ваш талант тесною и легкою рамкою. Оригинальные характеры, свежие, девственные представления нравов — уже были похищены у вас прежними мастерами. Бросая наблюдательный взгляд на наше общество, вы не нашли в нем уже тех резких образов, той борьбы между состояниями, того особенного характера разных классов, столь удобных для высшей комедии; и, несмотря на счастливые примеры, вы не решились испытать свою силу в этой изящной сфере искусства. Вас прельщал успех более легкий и скорый. Вместо того чтоб сосредото-

читать вашу комическую силу на каком-нибудь предмете, требующем долгого размышления, вы раздробили ее на тысячу мелких блистательных очерков, возобновили ту изобретательную плодовитость испанских поэтов, которых произведения и успехи считались сотнями. Посреди общества, подведенного под один и тот же уровень, но общества деятельного, беспокойного, вы переносили на сцену его мнения, моды, причуды по мере того, как они появлялись пред вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вместо главной черты, мелочные оттенки и умели заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чем вы молчали. Многие мелкие пьесы Мольера ценятся знатоками наравне с его большими произведениями. Вы умели быть оригинальным, подражая этим небольшим пьескам; и часто воспоминание или противоположная сторона какой-либо мысли великого поэта подавали вам средство написать целую новую пьесу.

Но особенно в наше время, под парижским

горизонтом, в его шумной жизни, в его делах и удовольствиях, на бирже, в литературе, вокруг себя, в происшествиях вчерашнего вечера, вы умели схватить предметы и освятить их вдохновением. Ваш театр приблизился к тем Пословицам гостиных, где общество обрисовывает само себя и говорит своим ежедневным языком. Но, пока вы писали под диктовку публики, возвращая ей, что она вам давала, сколько удачных и остроумных картин, сколько быстрых и живых разговоров обличали ваше участие в этой общей работе!

Вот причина, м. г., почему ваши пьесы забавляют всю Францию, переходят за границу и там, переведенные, переделанные, сокращенные, увеличенные, по вкусу разных народов, поддерживают все театры от юга до севера. Везде хохотеали, везде с жадностью хватались за ваши произведения. Это служит доказательством, что не костюм и минутные намеки составляют главное в этих совершенно парижских пьесах, - но что в них много истины и много веселости общечеловеческой.

Мне помнится, один знаменитый немецкий критик, слишком строгий к нашим клас-

сическим поэтам, может быть, умом и знанием завлеченный в невольный парадокс, предпочитал в полном смысле "Просителя" "Мизантропу". Я уверен, что вы сами не согласны с этим мнением; но заблуждение, в которое вы ввели такого критика своею остроумною комедию, служит новым доказательством в вашу пользу; такое заблуждение было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни в этих легких сценах, которые не только играют, но на которые пишут комментарии за границей. Не повторяя слов критика, я не могу, однако же, не обратить внимания на особенное искусство, с которым введены ваши важнейшие пьесы, на быстрое и свободное движение вашей драмы, на верность производимых ею впечатлении (хотя разговор и бывает иногда слишком украшен или слишком мелочен), на вашу тайну обрисовывать предмет во всех возможных видах, на ваш разговорный слог, то грациозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое расстояние от "Дипломата" до "Валерии", от "L'intérieur d'un Bureau" до "Michel et

Christine"! Какое разнообразие, иногда какое остроумное нравоучение в многочисленных пьесах, на предмет, профанированный старинным театром: на брак! Одна из них, "Женитьба по расчету" (Le Mariage d'argent), есть настоящая комедия в пяти актах, без куплетов, без сотрудников, поддерживаемая драматическою целостью, единством характеров, истинною разговора, силою оставляемого ею в душе впечатления. Проза не вредит этому творению, так же как и прекрасным комедиям Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, м. г., зачем вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедию, которая так удалась вам; у вас не было недостатка ни в таланте, ни в источниках смешного. Даже это поприще расширилось при действии наших общественных переворотов, и вам было возможно испытать свои силы над политической комедиею, этою крайнею вольностию театрального искусства. Между большим числом ваших успехов замечательны "Bertrand et Raton", сколько по новости предмета, столько и по истине подробностей. Эта пьеса сама собою имела до-

стоинство случайное, оцененное публикою, для которой потребность порядка была чувством народным. Она осмеивала мятеж и живо изображала, какое искусственное волнение и какие мелочные причины могут иногда возмущать спокойствие государства.

Впрочем, м. г., это поприще политической комедии, на котором вы сделали несколько шагов, скоро закрылось, и вы об этом не сожалеете. Вашему таланту, остроумному и разнообразному, не нужно отыскивать смешное в раздорах партий; вы и без этого средства умеете возбудить внимание и покупать победу. Вы еще молоды: публика ожидает от вас многого. Обратится ли ваш талант к успехам более редким или возобновит прежние, Академия, во всяком случае, не будет сожалеть о своем выборе. Ибо честь и жизнь литературного общества тогда только возможны, когда оно привлекает к себе все роды знаменитостей, узаконенных публикою. Это различные формы, в которых является состояние искусства в какой-либо нации. Не все приходят вдруг и не всякий принимает в этом деле одинаковое с другим участие; строгому вкусу,

глубокой учености должно быть место возле смелого таланта; возле людей, посвятивших себя словесности для самой словесности, должны быть люди, для которых она лишь средство действия на трибуне, в суде и в театре. Все эти различные роды соприкасаются один к другому и соединяются: сие-то самое смешение и составляет характер Академии. Каждая наша потеря, как и всякий наш выбор, более и более утверждают нас в этой мысли. Некогда из среды нас был похищен оратор, которого важное, возвышенное слово, громко прозвучав в национальных собраниях, тихо раздавалось в наших мирных беседах, муж доблестный и красноречивый, сохранивший всеобщее уважение и в отдалении от дел, и даже при кормиле правления. Кто возвратит нам Лене? {3}

По крайней мере да огласятся эти стены нашим сетованием и да простят нам, что мы поспешили воспользоваться этим случаем, чтобы гласно принести дань нашего благоговения на его смиренную и еще свежую могилу.

1 La Feuille a obtenu dans plus d'une langue

les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un des hommes qui nés avec le son de la poésie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avait reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi: A vous, poète, a vous, guerrier,

Qui sablant le champagne au bord de
l'Hippocrène,

Avez d'une feuille de chêne

Fait une feuille de laurier.

2 См. Memorial de Las-cazes. (Прим. Пушкина.)

3 Французская Академия на место умершего Лене выбрала г. Дюпати мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академия имела на то, вероятно ей известные, причины. Мы же не знаем, что такое г. Дюпати. (Прим. Пушкина.)

ЗАПИСКИ Н.А. ДУРОВОЙ, ИЗДАВАЕМЫЕ А. ПУШКИНЫМ *Modo vir, modo foemina.*

Оv.1

В 1808 году молодой мальчик, по имени

Александров, вступил рядовым в Конно-Польский уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский георгиевский крест и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский гусарский полк. Впоследствии перешел он в Литовский уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

По-видимому, все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шума, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений - и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время

сильно занимали общество.

Ныне Н.А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы "Современника" отрывками из журнала, веденного ею в 1812-13 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением.

Издатель.

МНЕНИЕ М.Е. ЛОБАНОВА О ДУХЕ СЛОВЕСНОСТИ КАК ИНОСТРАННОЙ, ТАК И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

(Читано им 18 января 1836 г. в Императорской Российской академии)

Г-н Лобанов заблагорассудил дать своему мнению форму неопределенную, вовсе не академическую: это краткая статья, вроде журнальных отметок, помещаемых в "Лите-

ратурных прибавлениях к Русскому инвалиду". Может статься, то, что хорошо в журнале, покажется слишком легковесным, если будет произнесено в присутствии всей Академии и торжественно потом обнародовано. Как бы то ни было, мнение г. Лобанова заслуживает и даже требует самого внимательного рассмотрения.

"Любовь к чтению и желание образования (так начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились в нашем отечестве в последние годы. Умножились типографии, умножилось число книг; журналы расходятся в большем количестве; книжная торговля распространяется".

Находя событие сие приятным для наблюдателя успехов в нашем отечестве, г. Лобанов изрекает неожиданное обвинение.

"Беспристрастные наблюдатели, - говорит он, - носящие в сердцах своих любовь ко всему, что клонится к благу отечества, преходя в памяти своей все, в последние времена ими читанное, не без содрогания могут сказать: есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравия и нелепостей, по-

рожденных иностранными писателями".

Г-н Лобанов, не входя в объяснение того, что понимает он под словами безнравие и нелепость, продолжает:

"Народ заимствует у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному предписывает благоразумие. Но что ж заимствовать ныне (говорю о чистой словесности) у новейших писателей иностранных?"

Они часто обнажают такие нелепые, гнусные и чудовищные явления, распространяют такие пагубные и разрушительные мысли, о которых читатель до тех пор не имел ни малейшего понятия, и которые насильственно влагают в душу его зародыш безнравия, безверия и, следовательно, будущих заблуждений или преступлений.

Ужели жизнь и кровавые дела разбойников, палачей и им подобных, наводняющих ныне словесность в повестях, романах, в стихах и прозе, и питающих одно только любопытство, представляются в образец для подражания? Ужели отвратительнейшие зрелища, внушающие не назидательный ужас, а омерзение, возмущающее душу, служат в пользу

человечеству? Ужели истощилось необъятное поприще благородного, назидательного, доброго и возвышенного, что обратились к нелепому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?"

В подтверждение сих обвинений г. Лобанов приводит известное мнение эдимбургских журналистов о нынешнем состоянии французской словесности. При сем случае своды Академии огласились собственными именами Жюль Жанена, Евгения Сю и прочих; имена сии снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякого чаяния) статья г. Лобанова будет переведена и сии господа увидят имена свои, напечатанные в отчете Императорской Российской академии? Не пропадет ли втуне все красноречие нашего оратора? Не вправе ли будут они гордиться такой честью неожиданной, неслыханной в летописях европейских академий, где доселе произносились имена только тех из живых людей, которые воздвигнули себе вековечные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академии безмолвствовали о других.) Критическая статья ан-

глийского аристарха напечатана была в журнале; там она заняла ей приличное место и произвела свое действие. У нас "Библиотека" перевела ее, и хорошо сделала. Но тут и надлежало остановиться. Есть высоты, с которых не должны падать сатирические укоризны; есть звания, которые налагают на вас обязанность умеренности и благоприличия, независимо от надзора цензуры, *sponte sua, sine lege*¹).

"Для Франции, - пишет г Лобанов, - для народов, отуманенных гибельною для человечества новейшею философию, огрубелых в кровавых явлениях революций и упавших в омут душевного и умственного разврата, самые отвратительнейшие зрелища, например: гнуснейшая из драм, омерзительнейший хаос ненавистного бесстыдства и кровосмешения, "Лукреция Борджиа", не кажутся им таковыми; самые разрушительнейшие мысли для них не столь заразительны; ибо они давно ознакомились и, так сказать, срослись с ними в ужасах революций".

Спрашиваю: можно ли на целый народ изрекать такую страшную анафему? Народ, ко-

торый произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье, который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; народ, который Ламартина признал первым из своих поэтов, который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо; народ, который оказывает столь сильное религиозное стремление, который так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия, - ужели весь сей народ должен ответствовать за произведения нескольких писателей, большею частью молодых людей, употребляющих во зло свои таланты и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении. Но нравственное чувство, как и талант, дается не всякому. Нельзя требовать от всех писателей стремления к одной цели. Никакой закон не может сказать: пишите именно о таких-то предметах, а не о

других. Мысли, как и действия, разделяются на преступные и на не подлежащие никакой ответственности. Закон не вмешивается в привычки частного человека, не требует отчета о его обеде, о его прогулках и тому подобном; закон также не вмешивается в предметы, избираемые писателем, не требует, чтоб он описывал нравы женевского пастора, а не приключения разбойника или палача, выхвалял счастье супружеское, а не смеялся над невзгодами брака. Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности. Закон постигает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совесть каждого. Вопреки мнению г. Лобанова мы не думаем, чтоб нынешние писатели представляли разбойников и палачей в образец для подражания. Лесаж, написав "Жилблаза" и "Гусмана д'Альфараш", конечно, не имел намерения преподавать уроки в воровстве и в плутнях. Шиллер сочинил своих "Разбойников", вероятно, не с тою целию, чтоб молодых людей вызвать из университетов на большие

дороги. Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя? Приключения ловких плутов, страшные истории о разбойниках, о мертвецах и пр. всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят; а рассказчики и стихотворцы исстари пользовались этой склонностью души нашей.

Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием, политических волнений¹. В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV. В самое мрачное время революции литература производила приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restoration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовал своим нравам,

давшим ей слишком стеснительные формы, она ударилась в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть идеал, а не нравоучение. Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразие может быть целию поэзии, то есть идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременною условием всякого их вымысла: нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие и вскоре так же будет смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен. Покамест он еще нов, и публи-

ка, то есть большинство читателей, с непривычки видит в нынешних романистах глубочайших знатоков природы человеческой. Но уже "словесность отчаяния" (как назвал ее Гете), "словесность сатаническая" (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цигарочная и пр., — эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики.

Французская словесность, со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху. Но ныне влияние ее было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаниями, не имевшими большого успеха. Журналы наши, которые, как и везде, правильно и неправильно управляют общим мнением, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имевшие у нас наиболее успеха, принадлежат к роду нравоописательных исторических. Лесаж и Вальтер Скотт служили им образцами, а не Бальзак и не Жюль Жанен.

Поэзия осталась чужда влиянию французскому; она более и более дружится с поэзией германскою и гордо сохраняет свою независимость от вкусов и требований публики.

"Останавливаясь на духе и направлении нашей словесности, - продолжает г Лобанов, - всякий просвещенный человек, всякий благомыслящий русский видит: в теориях наук - сбивчивость, непроницаемую тьму и хаос несвязных мыслей; в приговорах литературных - совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство. Приличие, уважение, здравый ум отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизм, слово до сих пор неопределенное, но слово магическое, сделался для многих эгидою совершенной безотчетности и литературного сумасбродства. Критика, сия кроткая наставница и добросовестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабоумия дерзкими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданскими и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант,

ни лета, ничто не уважается. Ломоносов слышит педантом. Величайший гений, оставивший в достояние России высокую песнь богу, песнь, которой нет равной ни на одном языке народов вселенной, как бы не существует для нашей словесности: он, как бы бесталанный (г. Лобанов, вероятно, хотел сказать бесталантный), оставлен без внимания. Имя Карамзина, мудреца глубокого, писателя добросовестного, мужа чистого сердцем, предано глумлению..."

Конечно, критика находится у нас еще в младенческом состоянии. Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные; может быть, ее решения часто внушены расчетами, а не убеждением. Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабomyслия), к несчастью, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удалством. Но и тут г. Лобанов сделал несправедливые указания: у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титул поэта, но никто, нигде, сколько я помню, не называл его педантом: напротив, ныне вошло в обыкновение хвалить в нем

мужа ученого, унижая стихотворца. Имя великого Державина всегда произносится с чувством пристрастия, даже суеверного. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности.

Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века; но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно.

"Не стану говорить ни о господствующем вкусе, ни о понятиях и учениях об изящном.

Первый явно везде и во всем обнаруживается и всякому известен; а последние так сбивчивы и превратны в новейших эфемерных и разрушающих одна другую системах, или так спутаны в суесловных мудрованиях, что они непроницаемы для здравого разума. Ныне едва ли верят, что изящное, при некоторых только изменениях форм, было и есть одно и то же для всех веков и народов; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, несмотря на различие их форм, рода, веры и нравов, все созидали изящное и для всех веков; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять ум, воображение и сердце образованных и просвещенных людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей без разбора и гаерам подкачельным. Нет, ныне проповедают, что ум человеческий далеко ушел вперед, что он может оставить в покое древних и даже новейших знаменитых писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что ныне всякий пишущий есть самобытный гений, - и под знаменем сего ложного учения, поражая великих писателей древности име-

нем тяжелых и приторных классиков (которые, однако ж, за тысячи лет пленяли своих сограждан и всегда будут давать много возвышенных наслаждений своему читателю), под знаменем сего ложного учения новейшие писатели безотчетно омрачают разум неопытной юности и ведут к совершенному упадку и нравственность и словесность".

Оставляя без возражения сию филиппику, не могу не остановиться на заключении, выведенном г. Лобановым изо всего им сказанного:

"По множеству сочиняемых ныне безнравственных книг, ценсуре предстоит непреодолимый труд проникнуть все ухищрения пишущих. Не легко разрушить превратность мнений в словесности и обуздать дерзость языка, если он, движимый злонамеренностию, будет провозглашать нелепое и даже вредное. Кто же должен содействовать в сем трудном подвиге? Каждый добросовестный русский писатель, каждый просвещенный отец семейства, а всего более Академия, для сего самого учрежденная. Она, движимая любовью к государю и отечеству, имеет право,

на ней лежит долг неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, где бы оно ни встретилось на поприще словесности. Академия (сказано в ее Уставе, гл. III У 2, и во всеподданнейшем докладе, У III), яко сословие, учрежденное для наблюдения нравственности, целомудрия и чистоты языка, разбор книг, или критические суждения, долженствует почитать одною из главнейших своих обязанностей. Итак, милостивые государи, каждый из почтенных сочленов моих да представляет для рассмотрения и напечатания в собрании сей Академии, согласно с ее Уставом, разборы сочинений и суждения о книгах и журналах новейшей нашей словесности и, тем содействуя общей пользе, да исполняет истинное назначение сего высочайше утвержденного сословия".

Но где же у нас это множество безнравственных книг? Кто сии дерзкие, злонамеренные писатели, ухищряющиеся ниспровергать законы, на коих основано благоденствие общества? И можно ли укорять у нас цензуру в неосмотрительности и послаблении? Мы знаем противное. Вопреки мнению г. Лобанова,

цензура не должна проникать все ухищрения пишущих. "Цензура долженствует обращать особенное внимание на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора и в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону" (Устав о цензуре, У6). Такова была высочайшая воля, даровавшая нам литературную собственность и законную свободу мысли! Если с первого взгляда сие основное правило нашей цензуры и может показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнейшем рассмотрении увидим, что без того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово может быть перетолковано в худую сторону. Нелепое, если оно просто нелепо, а не заключает в себе ничего противного вере, правительству, нравственности и чести личной, не подлежит уничтожению цензуры. Нелепость, как и глупость, подлежит осмеянию общества и не вызывает на себя действия закона. Просвещенный отец семейства не даст в руки своим детям многих книг, дозволенных цензурою: книги пишутся

не для всех возрастов одинаково. Некоторые моралисты утверждают, что и восемнадцатилетней девушке нельзя позволить чтение романов; из того еще не следует, чтоб цензура должна была запрещать все романы. Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шальливых ребят.

Заклучим искренним желанием, чтобы Российская Академия, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитых подвигов, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных наказывая одним ей приличным оружием: невниманием.

1 Современник, Э 1: "О движении журнальной литературы". (Прим. Пушкина.)

ВОЛЬТЕР

(Correspondance inedite de Voltaire avec le president de Brosses, etc. Paris, 1836)1)

Недавно издана в Париже переписка Воль-

тера с президентом де Броссом. Она касается покупки земли, совершенной Вольтером в 1758 году.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучения и восторгов. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться, и передать сделкам и купчим всю заманчивость остроумного памфлета. Судьба на столь забавного покупателя послала продавца не менее забавного. Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями², но лучшими из его произведений мы почитаем письма, им на-

писанные из Италии в 1739-1740 и недавно вновь изданные под заглавием "L'Italie il y a cent ans"3). В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде.

Вольтер, изгнанный из Парижа, принужденный бежать из Берлина, искал убежища на берегу Женевского озера. Слава не спасала его от беспокойств. Личная свобода его была не безопасна; он дрожал за свои капиталы, розданные им в разные руки. Покровительство маленькой мещанской республики не слишком его ободряло. Он хотел на всякий случай помириться с своим отечеством и желал (пишет он сам) иметь одну ногу в монархии, другую в республике - дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствам. Местечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Бросс, обратило на себя его внимание. Он знал президента за человека беспечного, расточительного, вечно имеющего нуж-

ду в деньгах, и вступил с ним в переговоры следующим письмом:

"Я прочел с величайшим удовольствием то, что вы пишете об Австралии; но позвольте сделать вам предложение, касающееся твердой земли. Вы не такой человек, чтоб Турне могло приносить вам доход. Шуэ, ваш арендатор, думает уничтожить свой контракт. Хотите ли продать мне землю вашу пожизненно? Я стар и хвор. Я знаю, что дело это для меня невыгодно; но вам оно будет полезно, а мне приятно - и вот условия, которые вздумалось мне повергнуть вашему благоусмотрению.

Обязуюсь из материалов вашего прегадкого замка выстроить хорошенький домик. Думаю на то употребить 25 000 ливров. Другие 25 000 ливров заплачу вам чистыми деньгами.

Все, чем украшу землю, весь скот, все земледельческие орудия, коими снабжу хозяйство, будут вам принадлежать. Если умру, не успев выстроить дом, то у вас останутся в руках 25 000 ливров, и вы достроите его, коли вам будет угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даром иметь

очень порядочный домик.

Сверх сего обязуюсь прожить не более четырех или пяти лет.

Взамен сих честных предложений, требую вступить в полное владение вашим движимым и недвижимым имением, правами, лесом, скотом и даже каноником, до самого того времени, как он меня похоронит. Если этот забавный торг покажется вам выгодным, то вы одним словом можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишком коротка: дела не должны длиться.

Прибавлю еще слово. Я украсил мою норку, прозванную *les D йlices*; я украсил дом в Лозанне; то и другое теперь стоит вдвое противу прежней их цены: то же сделаю и с вашей землею. В теперешнем ее положении вы никогда ее с рук не сбудете.

Во всяком случае прошу вас сохранить все это в тайне, и честь имею" и проч.

Де Бросс не замедлил своим ответом. Письмо его, как и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

"Если бы я был в вашем соседстве (пишет он) в то время, как вы поселились так близко

к городу {2}, то, восхищаясь вместе с вами физической красотой берегов вашего озера, я бы имел честь шепнуть вам на ухо, что нравственный характер жителей требовал, чтобы вы поселились во Франции, по двум важным причинам: во-первых, потому, что надобно жить у себя дома, во-вторых, потому, что не надобно жить у чужих. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляет меня любить монархии... Я бы вам и тогда предложил свой замок, если б он был вас достоин; но замок мой не имеет даже чести быть древностию; это просто ветошь. Вы вздумали возвратить ему юность, как Мемнону: я очень одобряю ваше предположение. Вы не знаете, может быть, что г. д'Аржанталь имел для вас то же намерение. - Приступим к делу".

Тут де Бросс разбирает одно за другим все условия, предлагаемые Вольтером; с иными соглашается, другим противоречит, обнаруживая сметливость и тонкость, которых Вольтер от президента, кажется, не ожидал. Это подстрекнуло его самолюбие, он начал хитрить; переписка завязалась живее. Наконец 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающие в себе переговоры торгующихся, и несколько других, писанных по заключении торга, составляют лучшую часть переписки Вольтера с де Броссом. Оба друг перед другом кокетничают; оба поминутно оставляют деловые запросы для шуток самых неожиданных, для суждений самых искренних о людях и происшествиях современных. В этих письмах Вольтер является Вольтером, то есть любезнейшим из собеседников; де Бросс - тем острым писателем, который так оригинально описал Италию в ее правлении и привычках, в ее жизни художественной и сладострастной.

Но вскоре согласие между новым хозяином земли и прежним ее владельцем было прервано. Война, как и многие другие войны, началась от причин маловажных. Срубленные деревья осердили нетерпеливого Вольтера; он поссорился с президентом, не менее его раздражительным. Надобно видеть, что такое гнев Вольтера! Он уже смотрит на де Бросса, как на врага, как на Фрерона, как на великого инквизитора. Он собирается его погубить. "Qu'il tremble! - восклицает он в бешенстве. - П

ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le dйshonorer!"4). Он жалуется, он плачет, он скрежещет... а все дело в двухстах франках. Де Бросс, с своей стороны, не хочет уступить вспыльчивому философу; в ответ на его жалобы он пишет знаменитому старцу надменное письмо, укоряет его в природной дерзости, советует ему в минуты сумасшествия воздерживаться от пера, дабы не краснеть, опомнившись потом, и оканчивает письмо желанием Ювенала: *Mens sana in corpore sano*5).

Посторонние вмешиваются в распрю соседей. Общий их приятель, г. Рюфе, старается усовестить Вольтера и пишет к нему едкое письмо (которое, вероятно, диктовано самим де Броссом).

"Вы боитесь быть обманутым, - говорит г. Рюфе, - но из двух ролей это лучшая... Вы не имели никогда тяжёб: они разорительны, даже когда их и выигрываем... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену второго действия в "Скапиновых обманах"3. Сверх адвокатов, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будет на вас броситься..."

Вольтер первый утомился и уступил. Он долго дулся на упрямого президента и был причиною тому, что де Бросс не попал в Академию (что в то время много значило). Сверх того, Вольтер имел удовольствие его пережить: де Бросс, младший из двух пятнадцатью годами, умер в 1777 году, годом прежде Вольтера.

Несмотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (их целая библиотека), как человек деловой, капиталист и владелец, он еще весьма мало известен. Ныне изданная переписка открывает многое.

"Надобно видеть, - пишет издатель в своем предисловии, - как баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридриха II, занимается последними мелочами для поддержания своей местной важности; надобно видеть, как он в праздничном кафтане въезжает в свое графство, сопровождаемый своими обеими племянницами (которые все в бриллиантах); как выслушивает он речь своего священника и как новые подданные приветствуют его пальбой из пушек, взятых напрокат у Женевской республики. Он в вечной

распре со всем местным духовенством. Габель (налог на соль) находит в нем тонкого и деятельного противника. Он хочет быть банкиром своей провинции. Вот он пускается в спекуляции на соль. У него свои дворяне: он шлет их посланниками в Швейцарию. И все это его ворочает; он искренно тревожится обо всем с этой раздражительностью страстей, исключительно ему свойственной. Он расточает то искусные рассуждения адвоката, то прицепки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истинного красноречия. Письмо его к президенту о драке в кабаке, право, напоминает его заступление за семейство Каласа".

В одном из этих писем встретили мы неизвестные стихи Вольтера. На них легкая печать его неподражаемого таланта. Они писаны соседу, который прислал ему розы.

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leurs fleurs vont bientôt paraître,
Doux asile o je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'a Paris j'aimais trop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains

Aux epines qu'ils ont fait naitre {6}.

Признаемся в гросо нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более слога, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера - напыщенным языком Ронсара, живость его - несносным однообразием, а остроумие - площадным цинизмом или вялой меланхолией.

Вообще переписка Вольтера с де Броссом представляет нам творца "Меропы" и "Кандида" с его милой стороны. Его притязания, его слабости, его детская раздражительность - все это не вредит ему в нашем воображении. Мы охотно извиняем его и готовы следовать за всеми движениями пылкой его души и беспокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтении писем, приложенных издателем к концу книги, нами разбираемой. Эти новые письма найдены в бумагах де ла Туша, бывшего французским посланником при дворе Фридрика II (в 1752 г.).

В это время Вольтер не ладил с Северным

Соломоном⁴, своим прежним учеником. Мопертюи, президент Берлинской Академии, поспорил с профессором Кенигом. Король взял сторону своего президента; Вольтер заступился за профессора. Явилось сочинение без имени автора, под заглавием: "Письмо к публике". В нем осуждали Кенига и задевали Вольтера. Вольтер возразил и напечатал свой колкий ответ в немецких журналах. Спустя несколько времени "Письмо к публике" было перепечатано в Берлине с изображением короны, скиптра и прусского орла на заглавном листе. Вольтер только тогда догадался, с кем имел он неосторожность состязаться, и стал помышлять о благоразумном отступлении. Он видел в поступках короля явное к нему охлаждение и предчувствовал опалу. "Я стараюсь тому не верить, - писал он в Париж к д'Аржанталю, - но боюсь быть подобен богатым мужьям, которые силятся уверить себя в верности своих жен. Бедняжки втайне чувствуют свое горе!" Несмотря на свое уныние, он, однако ж, не мог удержаться, чтоб еще раз не задеть своих противников. Он написал самую язвительную из своих сатир (la Diatribe

du Dr. Akakia) и напечатал ее, выманив обманом позволение на то от самого короля.

Следствия известны. Сатира, по повелению Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтер уехал из Берлина, задержан был во Франкфурте прусскими приставами, несколько дней находился под арестом и принужден был выдать стихотворения Фридерика, напечатанные для немногих и между коими находилась сатирическая поэма против Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая история мало приносит чести философии. Вольтер, во все течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства. В его молодости заключение в Бастилию, изгнание и преследование не могли привлечь на его особу сострадания и сочувствия, в которых почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Клевета, преследующая знамени-

тость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променивать свою независимость на свои нравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..

К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление.

До сих пор полагали, что Вольтер сам от себя, в порыве благородного огорчения, отослал Фридерiku камергерский ключ и прусский орден, знаки непостоянных его милостей; но теперь открывается, что король сам их потребовал обратно. Роль переменена: Фридерик негодует и грозит, Вольтер плачет и умоляет...

Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы.

1 Histoire des navigations aux terres australes; Traite de la formation mecanique des langues; Histoire du VII siecle de la Republique Romaine; Traite du culte des dieux fetiches, и проч.2) (Прим. Пушкина)

2 Вольтер в 1775 году купил les Delices sur St. Jean близ самой Женевы. (Прим. Пушкина.)

3 Сцену, в которой Леандр заставляет Скапина на коленях признаваться во всех своих плутнях. (Прим. Пушкина.)

4 Так называл Вольтер Фридерика II в хвалебных своих посланиях. (Прим. Пушкина.)

ФРАКИЙСКИЕ ЭЛЕГИИ {1}

Стихотворения Виктора Теплякова. 1836

В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить

лорда Байрона и невольным соучастием не сблизить судьбы своей с судьбою Чильд-Гарольда. Ежели, паче чаяния, молодой человек еще и поэт в захочет выразить свои чувствования, то как избежать ему подражания? Можно ли за то его укорять? Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение - признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, - или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь.

Нет сомнения, что фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к фракийским берегам. Звуки прощальных строф

Adieu, adieu, my native land!1)

отзываются в самом начале его песен:

Плывем!.. бледнеет день; бегут берега родные;

Златой струится блеск по синему пути;

Прости, земля, прости, Россия;

Прости, о родина, прости!

Но уже с первых стихов поэт обнаружива-

ет самобытный талант:

Безумец! что за грусть? в минуту разлуче-
нья

Чьи слезы ты лобзал на берегу родном?

Чьи слышал ты благословенья?

Одно минувшее мудреным, тяжким сном

В тот миг душе твоей мелькало,

И юности твоей избитый бурей челн,

И бездны, перед ней отверстые, казалось!

Пусть так! но грустно мне! Как плеск угрю-
мых волн

Печально в сердце раздается!

Как быстро мой корабль в чужую даль
несется!

О, лютня странника, святой от грусти щит,

Приди, подруга дум заветных!

Пусть в каждом звуке струн приветных

К тебе душа моя, о родина, летит!

Г

Пускай на юность ты мою

Венец терновый наложила

О мать! душа не позабыла

Любовь старинную твою!

Теперь - сны сердца, прочь летите!

К отчизне душу не маните!

Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

II

Как жадно вольной грудью я
Пью беспредельности дыханье!
Лазурный мир! в твоём сиянье
Сгорает, тонет мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родине, молчите:
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

III

Увижу я страну богов;
Красноречивый прах открою:
И зашумит передо мною
Рой незапамятных веков!
Гуляйте ж, ветры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

Тут есть гармония, лирическое движение,
истина чувств!

Вскоре поэт плывет мимо берегов, прославленных изгнанием Овидия; они мелькают перед ним на краю волн, Как пояс желтый и струистый.

Поэт приветствует незримую гробницу Овидия стихами слишком небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, как дальний шум победной колесницы!

О, кто среди мертвых сих песков
Мне славный гроб его укажет?
Кто повесть мук его расскажет
Степной ли ветер, иль плеск валов,
Иль в шуме бури глас веков?..
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тень над бездною седой
Меня манит, подьемля руки,
Качая тихо головой?
У ног лежит венец терновый (!),
В лучах сияет голова,
Белее волн хитон перловый,
Святей их ропота слова.
И под эфирными перстами
О древних людях, с их бедами,
Златая лира говорит.

Печально струн ее бряцанье:
В нем сердцу слышится изгнанье;
В нем стон о родине звучит,
Как плач души без упованья.

Тишина гробницы, громкая, как дальний шум колесницы; стон, звучащий, как плач души; слова, которые святее ропота волн... - все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значит.

Грессет в одном из своих посланий пишет:
Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter, pleureur insipide,
De longues lamentations {2}.

Книга *Tristium* не заслуживала такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме "Превращений"). Героиды, элегии любовные и самая поэма "*Ars amandi*", мнимая причина его изгнания, уступают "Элегиям понтийским". В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в по-

дробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостью насчет бедного изгнанника, а с живостью заступает за него.

И ты ль тюремный вопль, о странник! назовешь

Ласкательством души уничиженной?

Нет, сам терновою стезею ты идешь,

Слепой судьбы проклятьем пораженный!..

Подобно мне (Овидию), ты сир и одинок меж всех,

И знаешь сам хлад жизни без отрады;

Огонь сердца без тепла, и без веселья смех,

И плач без слез, и слезы без улады!

Песнь, которую поэт влагает в уста Назоновой тени, имела бы более достоинства, если бы г. Тепляков более соображался с характером Овидия, так искренно обнаруженным в его плаче. Он не сказал бы, что при набегах гетов и бессов поэт Радостно на смертный мчался бой.

Овидий добродушно признается, что он и смолоду не был охотник до войны, что тяжело ему под старость покрывать седину свою

шлемом и трепетной рукою хвататься за меч при первой вести о набеге (см. Trist. Lib. IV. El. 1).

Элегия "Томис" оканчивается прекрасными стихами:

"Не буря ль это, кормчий мой?
Уж через мачты море хлещет,
И пред чудовищной волной,
Как пред тираном раб немой,
Корабль твой гнется и трепещет!"

.....

.....

.....

"Вели стрелять! быть может, нас
Какой-нибудь в сей страшный час
Корабль услышит отдаленный!"

И грянул знак... и все молчит,
Лишь море бьется и кипит,
Как тигр бросаясь разъяренный;
Лишь ветра свист, лишь бури вой,
Лишь с неба голос громовой
Толпе ответствует смятенной.

"Мой кормчий, как твой бледен лик!"
- Не ты ль дерзнул бы в этот миг,
О странник! буре улыбаться?

"Ты отгадал!.." Я сердцем с ней
Желал бы каждый миг сливаться;
Желал бы в бой стихий вмешаться!..
Но нет, - и громче, и сильнее
Святой призыв с другого света,
Слова погибшего поэта
Теперь звучат в душе моей!
Вскоре из глаз поэта исчезают берега, с ко-
торых низвергаются в море воды семиустного
Дуная.

Как стар сей шумный Истр! чела его мор-
щины

Седых веков скрывают рой
Во мгле их Дария мелькает челн немой,
Мелькают и орлы Трояновой дружины
Скажи, сафирный бог, над берегом ли тво-
им,

По дебрям и горам, сквозь бор необозри-
мый,

Средь тучи варваров, на этот вечный Рим
Летел Сатурн неотразимый?

Не ты ль спирал свой быстрый бег
Народов с бурными волнами.

И твой ли в их крови не растопился брег,
Племен бесчисленных усеянный костями?

Хотите ль знать, зачем, куда,
И из какой глуши далекой
Неслась их бурная чреда,
Как лавы огненной потоки?
- Спросите вы, зачем к садам,
К богатым нивам и лугам
По ветру саван свой летучий
Мчат саранчи голодной тучи;
Спросите молнию, куда она летит,
Откуда ураган крушительный бежит,
Зачем кочует вал ревучий!

Следует идиллическая, немного бледная картина народа кочующего; размышления при виде развалин Венецианского замка имеют ту невыгоду, что напоминают некоторые строфы из четвертой песни "Чильд-Гарольда", строфы, слишком сильно врезанные в наше воображение. Но вскоре поэт снова одушевляется.

Улегся ветер; вод стекло
Ясней небес лазурных блещет;
Повисший парус наш, как лебедя крыло,
Свинцом охотника пронзенное, трепещет.
Но что за гул? как гром глухой,
Над тихим морем он раздался:

То грохот пушки заревой,
Из русской Варны он примчался!
О радость! завтра мы узрим
Страну поклонников пророка;
Под небом вечно голубым
Упьемся воздухом твоим,
Земля роскошного Востока!
И в темных миртовых садах,
Фонтанов мраморных при медленном жур-
чанье

При соблазнительных луны твоей лучах,
В твоём, о юная невольница, лобзанье
Цветов родной твоей страны,
Живых восточных роз отведаем дыханье
И жар, и свежесть их весны!..

Элегия "Гебеджинские развалины", по мнению нашему, лучшая из всех. В ней обнаруживается необыкновенное искусство в описаниях, яркость в выражениях и сила в мыслях. Пользуясь нам данным позволением, выпишем большую часть этой элегии.

Столбов, поникнувших седыми головами,
Столбов у Тленности угрюмой на часах,
Стоящих пасмурно над падшими столбами
Повсюду сумрачный Дедал в моих очах!

.....
.....
.....
Дружины мертвецов гранитных!
Не вы ли стражи тех столбов,
На коих чудеса веков,
Искусств и знаний первобытных
Рукою Сифовых начертаны сынов?..
Как знать, и здесь былой порою
Творенья, может быть, весною,
Род человеческий без умолку жужжал
В те времена, как наших башен
Главою отрок достигал,
И мамонта, могуч и страшен,
На битву равную охотник вызывал!
Быть может, некогда и в этом запустенье
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близ кедровых па-
лат,

Кругом висячие сады благоухали,
Теснились медные чудовища у врат,
И мрамор золотом расписанных аркад
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здесь огромных башен лес,
До вековых переворотов,

Пронзал, быть может, свод небес,
И пена горных струй, средь пальмовых
древес,

Из пасти бронзовых сверкала бегемотов!
И здесь на жертвенную кровь,
Быть может, мирными венчанные цвета-
ми,

Колоссы яшмовых богов

Глядели весело алмазными очами...

Так, так! подлунного величия звездой

И сей Ничтожества был озарен объедок,

Парил умов надменных рой,

Цвела любовь... и напоследок

Повсюду смерть, повсюду прах

В печальных странника очах!

Лишь ты, Армида, красотой,

Над сей могилой вековой,

Природа-мать, лишь ты одна

Души магической полна!

Какою роскошью чудесной

Сей град развалин неизвестный

Повсюду богатит она!

Взгляните: этот столб, Гигант окаменелый,

Как в поле колос переспелый,

К земле он древнею склонился головой;

Но с ним, недвинутый годами,
Сосед, увенчанный цветами,
Гирляндой связан молодой;
Но с головы его маститой
Кудрей зеленых вьется рой,
И плащ из листьев шелковитый
Колышет ветер на нем лесной!
Вот столб другой: на дерн кудрявый,
Как труп он рухнулся безглавый;
Но по зияющим развалины рубцам
Играет свежий плющ и вьется мирт души-
стый,

И великана корень мшистый
Корзиной вешним стал цветам!
И вместо рухнувшей громады
Уж юный тополь нежит взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Как сердце, полное - то безнадежной муки,
То чудной радости - с густых его ветвей
Свои льет пламенные звуки...
Лишь посреди седых столбов,
Хаоса диких трав, обломков и цветов,
Вечерним золотом облитых,
Семейство ящериц от странника бежит,
И в камнях, зелени узорами обвитых,

Кустами дальними шумит!..
Иероглифы вековые,
Былого мира мавзолеей!
Меж вами и душой моей,
Скажите, что за симпатия?
Нет! вы не мертвая Ничтожества строка:
Ваш прах - урок судьбы тщеславию потом-
ков;

Живей ли гордый лавр сих дребезгов цвет-
ка?

О дайте ж, дайте для венка
Мне листьев с мертвых сих обломков!
Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я над вами
Парю крылатою мечтой
Века сменяются веками,
Как волны моря, предо мной!
И с великанами былыми
Тогда я будто как с родными,
И неземного бытия
Призыв блаженный слышу я!
Но день погас, а я душою
К сим камням будто пригвожден,
И вот уж яхонтовой мглою
Оделся вечный небосклон.

По морю синего эфира,
Как челн мистического мира,
Царица ночи поплыла,
И на чудесные громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тень лесную, навела.
Рубины звезд над нею блещут
И меж столбов седых трепещут;
И, будто движа их, встают
Из-под земли бывшего дети
И мертвый град свой узнают,
Паля во мгле тысячелетий...
Зверей и птиц ночных приют,
Давно минувшего зеркало,
Ничтожных дребезгов твоих
Для градов наших бы достало!
К обломкам гордых зданий сих,
О Альнаскар! приступите,
Свои им грезы расскажите,
Откройте им: богов земных
О чем тщеславие хлопочет?
Чего докучливый от них
Народов муравейник хочет?..
Ты прав, божественный певец:
Века веков лишь повторенье!

Сперва - свободы оболъщенье,
Гремушки славы наконец;
За славой - роскоши потоки,
Богатства с золотым ярмом,
Потом - изящные пороки,
Глухое варварство потом!..

Это прекрасно! Энергия последних стихов удивительна!

Остальные элегии (между коими шестая весьма замечательна) заключают в себе недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выражения, переходящую часто в надутость, яркость описания, затемненную иногда неточностью. Вообще главные достоинства "Фракийских элегий": блеск и энергия; главные недостатки: напыщенность и однообразие.

К "Фракийским элегиям" присовокуплены разные мелкие стихотворения, имеющие неоспоримое достоинство: везде гармония, везде мысли, изредка истина чувств. Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии "Одиночество" и станса "Любовь и Ненависть", то и тут занял бы он почетное место между нашими поэтами. Заключим раз-

бор, выписав стихотворение, которым заключается и книга г. Теплякова.

Одиночество

I

В лесу осенний ветер и стонет и дрожит;
По морю темному ревучий вал кочует;
Уныло крупный дождь в окно мое стучит;
Раздумье тяжкое мечты мои волнует.

II

Мне грустно! догорел камин трескучий
мой;

Последний красный блеск над угольями
вьется;

Мне грустно! тусклый день уж гаснет надо
мною;

Уж с неба темного туманный вечер льется.

III

Как сладко он для двух супругов пролетит,
В кругу, где бабушка внучат своих ласкает;
У кресел дедовских красавица сидит
И былям старины, работая, внимает!

IV

Мечта докучная! зачем перед тобой
Супругов долгие лобзанья пламенеют?
Что в том, как их сердца, под ризою ноч-

ной,

Средь ненасытных ласк, в палящей неге
млеют!

V

Меж тем как он кипит, мой одинокий ум!
Как сердце сирое, облившись кровью,
рвется,

Когда душа моя, средь вихря горьких дум,
Над их мучительно завидной долей вьется!
ся!

VI

Но если для меня безвестный уголок
Не создан, темными дубами осененный,
Подруга милая и яркий камелек,
В часы осенних бурь друзьями окружен-
ный,

VII

О жар святых молитв, зажгись в душе моей!
ей!

Луч веры пламенной, блесни в ее пустыне;
Пролейся в грудь мою, целительный елей:
Пусть сны вчерашние не мучат сердца ны-
не!

VIII

Пусть, упоенная надеждой неземной,

С душой всемирною моя соединится;
Пускай сей мрачный дол исчезнет предо
мною;

Осенний в окна ветр, бушуя, не стучится.

IX

О, пусть превыше звезд мой вознесется
дух,

Туда, где взор творца их сонмы зажигает!

В мирах надсолнечных пускай мой жад-
ный слух

Органам ангелов, восторженный, внима-
ет...

X

Пусть я увижу их в безмолвии святом,

Пред троном вечного, коленопреклонен-
ных;

Прочту символы тайн, пылающих на нем,

И юным первенцам творенья откровен-
ных...

XI

Пусть Соломоновой премудрости звезда

Блеснет душе моей в безоблачном эфире;

Поправ земную грусть, быть может, я тогда

Не буду тосковать о друге в здешнем ми-
ре!..

1 Отпечатаны и на днях поступят в продажу. (Прим. Пушкина.)

АНЕКДОТЫ

I

На Потемкина часто находила хандра. Он по целым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда был он в таком состоянии, множество накопилось бумаг, требовавших немедленного его разрешения; но никто не смел к нему войти с докладом. Молодой чиновник, по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Ему поручили их с охотою и с нетерпением ожидали, что из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесаный, грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему, в чем дело, и положил перед ним бумаги. Потемкин молча взял перо и подписал их одну за другою.

Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжествующим лицом: "Подписал!.." Все к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравля-

ют: "Молодец! нечего сказать". Но кто-то всматривается в подпись - и что же? на всех бумагах вместо: князь Потемкин подписано: Петушков, Петушков, Петушков...

II

Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера.

III

Молодой Ш. как-то напроказил. Князь Б. собирался пожаловаться на него самой государыне. Родня перепугалась. Кинулись к князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человека. Потемкин велел Ш. быть на другой день у него и прибавил: "Да сказать ему, чтоб он со мною был посмелее". Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде, не сказал никому ни слова и сел играть в карты. В это время приезжает князь Б. Потемкин

принимает его как нельзя хуже и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. "Скажи, брат,- говорит Потемкин, показывая ему свои карты, - как мне тут сыграть?" - "Да мне какое дело, ваша светлость, отвечает ему Ш., - играйте, как умеете!" - "Ах, мой батюшка, - возразил Потемкин, - и слова нельзя тебе сказать; уж и рассердился!" Услыша таковой разговор, князь Б. раздумал жаловаться.

IV

Граф Румянцев однажды рано утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то майор в шлафроке и в колпаке стоял перед своею палаткою и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его перед собою лицом к лицу. Майор хотел было скрыться, но Румянцев взял его под руку и, делая ему разные вопросы, повел с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный майор был в отчаянии. Фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Майор, умирая со стыда, очутился посреди генералов, одетых по всей форме. Румянцев, тем еще недовольный, имел жестокость напо-

ить его чаем и потом уже отпустил, не сделав никакого замечания.

V

Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо и сказал: "Ну, этот плох! Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится". Старик любил рассказывать этот анекдот и всегда прибавлял: "Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!"

VI

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника Василья Тредьяковского: вечный труженик! Какой взгляд! какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?

VII

Граф Самойлов получил Георгия на шею в чине полковника. Однажды во дворце государыня заметила его, заслоненного толпою генералов и придворных. "Граф Александр Николаевич, - сказала она ему, - ваше место

здесь впереди, как и на войне".

VIII

Государыня (Екатерина II) говаривала: "Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом, - и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдуманно".

IX

Петр I говаривал: "Несчастия бояться - счастья не видать".

X

Любимый из племянников князя Потемкина был покойный Н.Н. Раевский. Потемкин для него написал несколько наставлений; Н.Н. их потерял и помнил только первые строки: во-первых, старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем.

XI

Когда родился Иоанн Антонович, то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожден-

ному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повинаться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком. Они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, испугало обоих математиков - и они послали императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил, однако ж, первый и показывал его графу К.Г. Разумовскому, когда судьба несчастного Иоанна Антоновича совершилась.

ДЖОН ТЕННЕР

С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбуждали снова вопросы, которые полагали давно

уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую - подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюда-

телей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский.

Нравы североамериканских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. "Дикари, выставленные в романах, - пишет Вашингтон Ирвинг, - так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных". Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей умень-

шала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями.

В Нью-Йорке недавно изданы "Записки Джона Теннера", прошедшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями. Эти "Записки" драгоценны во всех отношениях. Они самый полный и, вероятно, последний документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека; показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации. Достоверность сих "Записок" не подлежит никакому сомнению. Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочими Токвиль, автор славной книги: "De la democratie en Amerique" {1} видели его и купили от него самого его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может. Да и стоит прочитать несколько страниц, чтобы в том удостове-

риться; отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину.

Отец Джона Теннера, выходец из Виргинии, был священником. По смерти жены своей он поселился в одном месте, называемом Эльк-Горн, в недалеком расстоянии от Цинциннати.

Элк-Горн был подвержен нападениям индийцев. Дядя Джона Теннера однажды ночью, створясь с своими соседями, приблизился к стану индийцев и застрелил одного из них. Прочие бросились в реку и уплыли...

Отец Теннера, отправляясь однажды утром в дальнее селение, приказал своим обеим дочерям отослать маленького Джона в школу. Они вспомнили о том уже после обеда. Но шел дождь, и Джон остался дома. Вечером отец возвратился и, узнав, что он в школу не ходил, послал его самого за тростником и больно его высек. С той поры отеческий дом опостылел маленькому Теннеру; он часто думал и говаривал: "Мне бы хотелось уйти к диким!"

"Отец мой, - пишет Теннер, - оставил Эльк-

Горн и отправился к устью Биг-Миами, где он должен был завести новое поселение. Там на берегу нашли мы обработанную землю и несколько хижин, покинутых поселенцами из опасения диких. Отец мой исправил хижины и окружил их забором. Это было весной. Он занялся хлебопашеством. Дней десять спустя по своем прибытии на место он сказал нам, что лошади его беспокоятся, чуя близость индейцев, которые, вероятно, рыщут по лесу. "Джон, - прибавил он, обращаясь ко мне, - ты сегодня сиди дома". Потом пошел он засеять поле с своими неграми и старшим моим братом.

Нас осталось дома четверо детей. Мачеха, чтоб вернее меня удержать, поручила мне смотреть за младшим, которому не было еще году. Я скоро соскучился и стал щипать его, чтоб заставить кричать. Мачеха велела мне взять его на руки и с ним гулять по комнатам. Я послушался, но не перестал его щипать. Наконец она стала его кормить грудью; а я побежал проворно на двор и ускользнул в калитку, оттуда в поле. Не в далеком расстоянии от дома и близ самого поля стояло ореховое де-

рево, под которым бегал я собирать прошлогодние орехи. Я осторожно до него добрался, чтоб не быть замечену ни отцом, ни его работниками... Как теперь вижу отца моего, стоящего с ружьем на страже посреди поля. Я спрятался за дерево и думал про себя: "Мне бы очень хотелось увидеть индийцев!"

Уж моя соломенная шляпа была почти полна орехами, как вдруг услышал я шорох. Я оглянулся: индийцы! Старик и молодой человек схватили меня и потащили. Один из них выбросил из моей шляпы орехи и надел мне ее на голову. После того ничего не помню. Вероятно, я упал в обморок, потому что не закричал. Наконец я очнулся под высоким деревом. Старика не было. Я находился между молодым человеком и другим индийцем, широкоплечим и малорослым. Вероятно, я его чем-нибудь да рассердил, потому что он потащил меня в сторону, схватил свой томагаук (дубину) и знаками велел мне глядеть вверх. Я понял, что он мне приказывал в последний раз взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой индиец, похитивший меня, удержал удар, взнесенный

над моей головою. Оба заспорили с живо-
стию. Покровитель мой закричал. Несколько
голосов ему отвечало. Старик и четыре другие
индейца прибежали поспешно. Старый на-
чальник, казалось, строго говорил тому, кто
угрожал мне смертью. Потом он и молодой
человек взяли меня, каждый за руку, и пота-
щили опять. Между тем ужасный индеец шел
за нами. Я замедлял их отступление, и замет-
но было, что они боялись быть настигнуты.

В расстоянии одной мили от нашего дома,
у берега реки, в кустах, спрятан был ими чел-
нок из древесной коры. Они сели в него все
семеро, взяли меня с собою и переправились
на другой берег, у самого устья Биг-Миами.
Челнок остановили. В лесу спрятаны были
одеяла (кожаные) и запасы; они предложили
мне дичины и медвежьего жиру. Но я не мог
есть. Наш дом отселе был еще виден; они
смотрели на него и потом обращались ко мне
со смехом. Не знаю, что они говорили.

Отобедав, они пошли вверх по берегу, та-
ща меня с собою по-прежнему, и сняли с меня
башмаки, полагая, что они мешали бежать. Я
не терял еще надежды от них избавиться,

несмотря на надзор, и замечал все предметы, дабы по ним направить свой обратный побег; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить следы. Я надеялся убежать во время их сна. Настала ночь; старик и молодой индиец легли со мною под одно одеяло и крепко прижали меня. Я так устал, что тотчас заснул. На другой день я проснулся на заре. Индейцы уже встали и готовы были в путь. Таким образом шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надеялся убежать, но при наступлении ночи сон каждый раз мною овладевал совершенно. Ноги мои распухли и были все в ранах и в занозах. Старик мне помог кое-как и дал пару мокасинов (род кожаных лаптей), которые облегчили меня немного.

Я шел обыкновенно между стариком и молодым индейцем. Часто заставляли они меня бегать до упаду. Несколько дней я почти ничего не ел. Мы встретили широкую реку, впадающую (думаю) в Миами. Она была так глубока, что мне нельзя было ее перейти. Старик взял меня к себе на плечи и перенес на другой берег. Вода доходила ему под мышки; я

увидел, что одному мне перейти эту реку было невозможно, и я потерял всю надежду на скорое избавление. Я проворно вскарабкался на берег, стал бегать по лесу и спугнул с гнезда дикую птицу. Гнездо полно было яиц; я взял их в платок и воротился к реке. Индейцы стали смеяться, увидев меня с моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца в маленьком котле. Я был очень голоден и жадно смотрел на эти приготовления. Вдруг прибежал старик, схватил котел и вылил воду на огонь вместе с яйцами. Он наскоро что-то шепнул молодому человеку. Индейцы поспешно подобрали яйца и рассеялись по лесам. Двое из них умчали меня со всевозможною быстротою. Я думал, что за нами гнались, и впоследствии узнал, что не ошибся. Вероятно, меня искали на том берегу реки...

Два или три дня после того встретили мы отряд индейцев, состоявший из двадцати или тридцати человек. Они шли в европейские селения. Старик долго с ними разговаривал. Узнав (как после мне сказали), что белые люди за нами гнались, они пошли им навстречу. Произошло жаркое сражение, и с обеих сто-

рон легло много мертвых.

Поход наш сквозь лес был труден и скучен. Через десять дней пришли мы на берег Мауми. Индейцы рассыпались по лесу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно ореховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и сшили из нее челнок, в котором мы все поместились; поплыли по течению реки и вышли на берег у большой индийской деревни, выстроенной близ устья другой какой-то реки. Жители выбежали к нам навстречу. Молодая женщина с криком кинулась на меня и била по голове.казалось, многие из жителей хотели меня убить; однако старик и молодой человек уговорили их меня оставить. По-видимому, я часто бывал предметом разговоров, но не понимал их языка. Старик знал несколько английских слов. Он иногда приказывал мне сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная таким образом требовать от меня различных услуг.

Мы отправились далее. В некотором расстоянии от индийской деревни находилась американская контора. Тут несколько купцов

со мною долго разговаривали. Они хотели меня выкупить; но старик на то не согласился. Они объяснили мне, что я у старика заступлю место его сына, умершего недавно; обошлись со мною ласково и хорошо меня кормили во все время нашего пребывания. Когда мы расстались, я стал кричать - в первый раз после моего похищения из дому родительского. Купцы утешили меня, обещав через десять дней выкупить из неволи".

Наконец челнок причалил к месту, где обитали похитители бедного Джона. Старуха вышла из деревянного шалаша и побежала к ним навстречу. Старик сказал ей несколько слов; она закричала, обняла, прижала к сердцу своему маленького пленника и потащила в шалаш.

Похититель Джона Теннера назывался Манито-о-гезик. Младший из его сыновей умер незадолго перед происшествием, здесь описанным. Жена его объявила, что не будет жива, если ей не отыщут ее сына. То есть она требовала молодого невольника, с тем чтоб его усыновить. Старый Манито-о-гезик с сыном своим Кишкау-ко и с двумя единопле-

менниками, жителями Гуронского озера, тотчас отправились в путь, чтоб только удовлетворить желание старухи. Трое молодых людей, родственники старика, присоединились к нему. Все семеро пришли к селениям, расположенным на берегах Оио. Накануне похищения индейцы переправились через реку и спрятались близ Теннера дома. Молодые люди с нетерпением ожидали появления ребенка и несколько раз готовы были выстрелить по работникам. Старик насилу мог их удержать.

Возвратясь благополучно домой с своею добычею, старый Манито-о-гезик на другой же день созвал своих родных и знакомых, и Джон Теннер был торжественно усыновлен на самой могиле маленького дикаря.

Была весна. Индейцы оставили свои селения и все отправились на ловлю зверей. Выбрав себе удобное место, они стали ограждать его забором из зеленых ветвей и молодых деревьев, из-за которых должны были стрелять. Джону поручили обламывать сухие веточки и обрывать листья с той стороны, где скрывались охотники. Маленький пленник, утом-

ленный зноем и трудом, всегда голодный и грустный, лениво исполнял свою должность. Старый Манито-о-гезик, застав однажды его спящим, ударил мальчика по голове своим томагауком и бросил замертво в кусты. Возвратясь в табор, старик сказал жене своей: "Старуха! мальчик, которого я тебе привел, ни к чему не годен; я его убил. Ты найдешь его там-то". Старуха с дочерью прибежали, нашли Теннера еще живого и привели его в чувства.

Жизнь маленького приемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверх сил; старик и сыновья его били бедного мальчика поминутно. Есть ему почти ничего не давали; ночью он спал обыкновенно между дверью и очагом, и всякий, входя и выходя, непременно давал ему ногою толчок. Старик возненавидел его и обходился с ним с удивительной жестокостью. Теннер никогда не мог забыть следующего происшествия.

Однажды Манито-о-гезик, вышед из своей хижины, вдруг возвратился, схватил мальчика за волосы, потащил за дверь и уткнул, как кошку, лицом в навозную кучу. "Подобно

всем индийцам, - говорит американский издатель его записок, - Теннер имеет привычку скрывать свои ощущения. Но когда рассказывал он мне сие приключение, блеск его взгляда и судорожный трепет верхней губы доказывали, что жажда мщения - отличительное свойство людей, с которыми провел он свою жизнь, - не была чужда и ему. Тридцать лет спустя желал он еще омыть обиду, претерпенную им на двенадцатом году!"

Зимой начались военные приготовления. Манито-о-гезик, отправляясь в поход, сказал Теннеру: "Иду убить твоего отца, братьев и всех родственников"... Через несколько дней он возвратился и показал Джону белую старую шляпу, которую он тотчас узнал: она принадлежала брату его. Старик уверил его, что сдержал свое слово и что никто из его родных уже более не существует.

Время шло, и Джон Теннер начал привыкать к судьбе своей. Хотя Манито-о-гезик все обходился с ним сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчить его участь. Через два года произошла важная перемена. Начальница племени Отавуавов, Нет-

нокуа, родственница старого индийца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтоб заметить себе потерю сына, Джон Теннер был выменен на бочонок водки и на несколько фунтов табаку.

Вторично усыновленный, Теннер нашел в новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Он искренно к ней привязался; вскоре отвык от привычек своей детской образованности и сделался совершенным индийцем, - и теперь, когда судьба привела его снова в общество, от коего был он отторгнут в младенчестве, Джон Теннер сохранил вид, характер и предрассудки дикарей, его усыновивших.

"Записки" Теннера представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности.

Американские дикари все вообще звероловы. Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благотворное влияние. Искусный стрелок почитается между ими за великого человека. Теннер рассказывает первый свой опыт на поприще, на котором потом прославился.

"Я отроду еще не стрелял. Мать моя (Нетно-куа) только что купила бочонок пороху. Ободренный ее снисходительностью, я попросил у ней пистолет, чтоб идти в лес стрелять голубей. Мать моя согласилась, говоря: "Пора тебе быть охотником". Мне дали заряженный пистолет и сказали, что если удастся застрелить птицу, то дадут ружье и станут учить охоте.

С того времени я возмужал и несколько раз находился в затруднительном положении; но никогда жажда успеха не была во мне столь пламенна. Едва вышел я из табора, как увидел голубей в близком расстоянии. Я взвел курок и поднял пистолет почти к самому носу; прицелился и выстрелил. В то же время мне послышалось жужжание, подоб-

ное свисту брошенного камня; пистолет полетел через мою голову, а голубь лежал под деревом, на котором сидел.

Не заботясь о моем израненном лице, я побежал в табор с застреленным голубем. Раны мои осмотрели; мне дали ружье, порох и дробь и позволили стрелять по птицам. С той поры стали со мною обходиться с уважением".

Вскоре после того молодой охотник отличился новым подвигом.

"Дичь становилась редка; толпа наша (отряд охотников с женами и детьми) голодала. Предводитель наш советовал перенести табор на другое место. Накануне назначенного дня для походу мать моя долго говорила о наших неудачах и об ужасной скудости, нас постигшей. Я лег спать; но ее песни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

На другой день, рано утром, она разбудила нас; велела обуваться и быть готовым в поход. Потом призвала своего сына, Уа-ме-гон-е-бью, и сказала ему: "Сын мой, в нынешнюю ночь я молилась великому духу. Он явился

мне в образе человеческом и сказал: Нет-но-куа! завтра будет вам медведь для обеда. Вы встретите на пути вашем (по такому-то направлению) круглую долину и на долине тропинку: медведь находится на этой тропинке".

Но молодой человек, не всегда уважавший слова своей матери, вышел из хижины и рассказал сон ее другим индейцам. "Старуха уверяет, - сказал он смеясь, - что мы сегодня будем есть медведя; но не знаю, кто-то его убьет". Нет-но-куа его за то побранила, но не могла его уговорить идти на медведя.

Мы пошли в поход. Мужчины шли впереди и несли наши пожитки. Пришед на место, они отправились на ловлю, а дети остались стеречь поклажу до прибытия женщин. Я был тут же; ружье было при мне. Я все думал о том, что говорила старуха, и решился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядил ружье пулею и, не говоря никому ни слова, воротился назад.

Я прибыл к одному месту, где, вероятно, некогда находился пруд, и увидел круглое, малое пространство посреди леса. Вот, - подумал я, - долина, назначенная старухою. Вско-

ре нашел род тропинки, вероятно русло иссохшего ручейка. Все покрыто было глубоким снегом.

Мать сказывала также, что во сне видела она дым на том месте, где находился медведь. Я был уверен, что нашел долину, ею описанную, и долго ждал появления дыма. Однако ж дым не показывался. Наскуча напрасным ожиданием, сделал я несколько шагов там, где, казалось, шла тропинка, и вдруг увяз по пояс в снегу.

Выкарабкавшись проворно, прошел я еще несколько шагов, как вспомнил вдруг рассказы индийцев о медведях, и мне пришло в голову, что, может быть, место, куда я провалился, была медвежья берлога. Я воротился и во глубине впадины увидел голову медведя; приставил ему дуло ружья между глазами и выстрелил. Коль скоро дым разошелся, я взял палку и несколько раз воткнул ее конец в глаза и рану; потом, удостоверясь, что медведь убит, стал его тащить из берлоги, но не смог и возвратился в табор по своим следам.

Вошел в шалаш моей матери. Старуха сказала мне: "Сын мой, вынь из котла кусок боб-

рового мяса, который мне дали сегодня, да оставь половину брату, который с охоты еще не воротился и сегодня ничего не ел..." Я съел свой кусок и, видя, что старуха одна, подошел к ней и сказал ей на ухо: "Мать! я убил медведя!" - Что ты говоришь? - "Я убил медведя!" - Точно ли он убит? "Точно". - Она несколько времени глядела на меня неподвижно; потом обняла меня с нежностью и долго ласкала. Пошли за убитым медведем; и как это был еще первый, то, по обычаю индийцев, его изжарили цельного, и все охотники приглашены были съесть его вместе с нами".

Описание различных охот и приключений во время преследования зверей занимает много места в "Записках" Джона Теннера. Истории об одних убитых медведях составляют целый роман. То, что он говорит о музе, американском олене (*cervus alces*), достойно исследования натуралистов.

"Индийцы уверены, что муз, между прочим, одарен способностью долго оставаться под водою. Двое из моих знакомых, люди не лживые, возвратились однажды вечером с охоты и рассказали нам, что молодой муз, за-

гнанный ими в маленький пруд, нырнул в середину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табак; во все время не видали они ни малейшего движения воды, ни другой какой-либо приметы скрывшегося муза и, потеряв надежду на успех, наконец возвратились.

Несколько минут по их прибытии явился одинокий охотник с свежеею добычею. Он рассказал, что звериный след привел его к берегам пруда, где нашел он следы двух человек, по-видимому прибывших туда с музом почти в одно время. Он заключил, что муз был ими убит; сел на берег и вскоре увидел муза, приставшего тихо над неглубокою водою, и застрелил его в пруду.

Индийцы полагают, что муз животное самое осторожное и что достать его весьма трудно. Он бдительнее, нежели дикий буйвол (bison, bos americanus) и канадский олень (karibou), и имеет более острое чутье. Он быстрее лося, осторожнее и хитрее дикой козы (l'antilope). В самую страшную бурю, когда ветер и гром сливают свой продолжительный рев с беспрестанным шумом проливного дождя, если сухой прутик хрустнет в лесу под

ногой или рукою человеческой, муз уже слышит. Он не всегда убегает, но перестает есть и вслушивается во все звуки. Если в течение целого часа человек не произведет никакого шума, то муз начинает есть опять, но уж не забывает звука, им услышанного, и на несколько часов осторожность его остается деятельнее".

Легкость и неутомимость индийцев в преследовании зверей почти невероятны. Вот как Теннер описывает охоту за лосями.

"Холодная погода только что начиналась. Снег был еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голод. Нам встретилась толпа лосей, и мы убили четырех в один день.

Вот как индийцы травят лосей. Спутнув с места, они преследуют их ровным шагом в течение нескольких часов. Испуганные звери сторяча опережают их на несколько миль; но индийцы, следуя за ними все тем же шагом, наконец настигают их; толпа лосей, завидя их, бежит с новым усилием и исчезает опять на час или на два. Охотники начинают открывать их скорее и скорее, и лоси все долее и долее остаются в их виду; наконец охотни-

ки уж ни на минуту не теряют их из глаз. Усталые лоси бегут тихой рысью; вскоре идут шагом. Тогда и охотники находятся почти в совершенном изнеможении. Однако ж они обыкновенно могут еще дать залп из ружей по стаду лосей; но выстрелы придают зверям новую силу; а охотники, ежели снег не глубок, редко имеют дух и возможность выстрелить более одного или двух раз. В продолжительном бегстве лось не легко высвобождает копыто свое; в глубоких снегах его достигнуть легко. Есть индийцы, которые могут преследовать лосей по степи и бесснежной, но таких мало".

Препятствия, нужды, встречаемые индийцами в сих предприятиях, превосходят все, что можно себе вообразить. Находясь в беспрестанном движении, они не едят по целым суткам и принуждены иногда, после такого насильственного поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь в пропасти, покрытые снегом, переправляясь через бурные реки на легкой древесной коре, они находятся в ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства к ее поддержа-

нию. Подмочив гнилое дерево, из коего добывают себе огонь, часто охотники замерзают в снеговой степи. Сам Теннер несколько раз чувствовал приближение ледяной смерти.

"Однажды рано утром, - говорит он, - я погнался за лосем и преследовал его до ночи; уже готов был его настигнуть, но вдруг лишился сил и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскоре она оледенела. Мои суконные митассы (порты) изорвались в клочки во время бега сквозь кустарники. Я почувствовал, что замерзаю... Около полуночи достиг места, где стояла наша хижина; ее уже там не было: старуха перенесла ее на другое место... Я пошел по следам моей семьи, и вскоре холод стал нечувствителен: мною овладело усыпление, обыкновенный признак, предшествующий смерти. Я удвоил усилия; и хотя был в совершенной памяти и понимал очень хорошо опасность своего положения, но с трудом мог удержать желание прилечь на землю. Наконец совершенно забылся, не знаю надолго ли, и, очнувшись как ото сна, увидел, что кружился на одном месте.

Я стал искать своих следов и вдруг вдали увидел огонь; но снова потерял чувства. Если бы я упал, то уж никогда бы не встал. Я стал опять кружиться на одном месте; наконец достиг нашей хижины. Вошел в нее, я упал, однако ж не лишился чувств. Как теперь, вижу огонь, освещающий ярко нашу хижину, и лед, ее покрывающий; как теперь, слышу слова старухи: она говорила, что ждала меня задолго перед наступлением ночи, не полагая, чтоб я так долго остался на охоте... Целый месяц я не мог выйти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены..."

Подвергаясь таким трудам и опасностям, индийцы имеют целью заготовление бобровых мехов, буйволовых кож и прочего, дабы, продать и выменять их купцам американским. Но редко получают они выгоду в торговых своих оборотах: купцы обыкновенно пользуются их простотою и склонностию к крепким напиткам. Выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индийцы отдают и остальные за бесценок; за продолжительным пьянством следует голод и нищета, и несчастные дикари принуждены вскоре опять обра-

титься к скудной и бедственной своей промышленности. Джон Теннер следующим образом описывает одну из этих оргий:

"Торг наш кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасных бобровых мехов. В замену подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряные украшения, знаки ее владычества, и бочку рому. Когда купец послал за нею, чтобы вручить свой подарок, она так была пьяна, что не могла держаться на ногах. Я явился вместо ее и был немножко навеселе; нарядился в ее платье, надел на себя и серебряные украшения; потом, взвалив бочку на плечи, принес ее в хижину. Тут я поставил бочку наземь и прошиб дно обухом. "Я не из тех начальников, - сказал я, - которые тянут ром из дырочки: пей кто хочет и сколько хочет!" Старуха прибежала с тремя котлами, - и в пять минут все было выпито. Я пьянствовал с индийцами во второй раз отроду; у меня спрятан был ром; тайно ходил я пить и был пьян два дня сряду. Остатки пошел допивать с племянником старухи... Он не был еще пьян; но жена его лежала перед огнем в совершенном бесчувствии...

Мы сели пить. В это время индиец, из племени Ожибуай, вошел, шатаясь, и повалился перед огнем. Уж было поздно; но весь табор шумел и пьянствовал. Я с товарищем вышел, чтоб попить с теми, которые захотят нас пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котел с остальной водкою. Погуляв несколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала перед огнем; но на ней уже не было ее серебряных украшений. Мы кинулись к нашему котлу: котел исчез; индиец, оставленный нами перед огнем, скрылся; и по многим причинам мы подозревали его в этом воровстве. Дошло до меня, что он сказывал, будто бы я его поил. На другой день пошел я в его хижину и потребовал котла. Он велел своей жене принести его. Таким образом вор сыскался, и брат мой получил обратно серебряные украшения!.."

Оставляем читателю судить, какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации!

Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость - главные пороки диких американцев. Убийство между ими не почи-

тается преступлением; но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть. Джон Теннер навлек на себя ненависть одного индейца и несколько раз подвергался его удару. "Ты давно мог бы меня убить, - сказал ему однажды Теннер, - но ты не мужчина, у тебя нет даже сердца женского, ни смелости собачьей. Никогда не прощу тебе, что ты на меня замахнулся ножом и не имел духа поразить". Храбрость почитается между индейцами главной человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство произошло в пьянстве или ненарочно, родственники торжественно прощают душегубца. Теннер рассказывает любопытный случай:

"Молодой человек, из племени Оттовауа, живший у меня во время болезни, отлучился в табор новоприбывших индейцев, которые во то время пьянствовали. В полночь его привели к нам пьяного. Один из проводников втолкнул его в хижину, сказав: "Смотрите за ним: молодой человек напроказил".

Мы разложили огонь и увидели молодого

человека, стоящего с ножом в руке, всего окровавленного. Его не могли уложить; я приказал ему лечь, и он повиновался. Я запретил делать разыскания и упоминать ему об окровавленном ноже.

Утром, встав от глубокого сна, он ничего не помнил. Молодой человек сказал нам, что накануне, кажется, он напился пьян, что очень голоден и хочет готовить себе обед. Он изумился, когда я сказал ему, что он убил человека. Он знал только, что во время пьянства кричал, вспомя об отце своем, убитом некогда на том самом месте белыми людьми. Он очень опечалился и тотчас побежал взглянуть на того, кого зарезал. Несчастный был еще жив. Мы узнали, что, когда был он поражен, тогда лежал пьяный без памяти и что сам убийца, вероятно, не знал, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчик (американского губернатора) сильно его упрекал.

Ясно было, что раненый не мог жить и что последний час его был уже близок. Убийца возвратился к нам. Мы приготовили значительные подарки: кто дал одеяло, кто кусок

сукна, кто - то, кто - другое. Он унес их тотчас и положил перед раненым. Потом, обратясь к родственникам, сказал им: "Друзья мои, вы видите, что я убил вашего брата; но я сам не знал, что делал. Я не имел злого намерения: недавно приходил он в наш табор, и я с ним виделся дружелюбно; но в пьянстве я обезумел, и жизнь моя вам принадлежит. Я беден и живу у чужих; но они готовы отвести меня к моему семейству и прислали вам эти подарки. Жизнь моя в ваших руках; подарки перед вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станут".

При сих словах он сел, наклонив голову и закрыв глаза руками в ожидании смертельного удара. Но старая мать убитого вышла вперед и сказала ему. "Ни я, ни дети мои смерти твоей не хотят. Не отвечаю за моего мужа: его здесь нет; однако ж подарки твои принимаю и буду стараться отвратить от тебя мщение мужа. Это несчастье случилось не нарочно. За что же твоя мать будет плакать, как я?"

На другой день молодой человек умер, и многие из нас помогли убийце вырыть моги-

лу. Когда все было готово, губернатор подарил мертвецу богатые одеяла, платья и прочее (что, по обычаю индийцев, должно быть схоронено вместе с телом). Эти подарки положены были в кучу на краю могилы. Но старуха, вместо того чтоб их закопать, предложила молодым людям разыграть их между собою.

Разные игры следовали одна за другою: стреляли в цель, прыгали, боролись и пр. Но лучший кусок сукна был назначен наградою победителю за бег взапуски. Сам убийца его выиграл. Старуха подозвала его и сказала: "Молодой человек! Сын мой был очень мне дорог; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, если бы ты заступил его место и любил и охранял меня подобно ему. Боюсь только моего мужа". Молодой человек, благодарный за ее заступление, принял тотчас предложение. Он был усыновлен, и родственники убитого всегда обходились с ним ласково и дружелюбно".

Не все ссоры и убийства кончаются так миролюбиво. Джон Теннер описал одну ссору, где ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою.

"Брат мой Уа-ме-гон-е-бью вошел в шалаш, где молодой человек бил одну старуху. Брат удержал его за руку. В это самое время пьяный старик, по имени Та-бу-шиш, вошел туда же и, вероятно, не разобрав порядочно в чем дело, схватил брата за волосы и откусил ему нос. Народ сбежался; произошло смятение. Многих изранили. Бег-уа-из, один из старых начальников, бывший всегда к нам благосклонен, прибежал на шум и почел своею обязанностью вмешаться в дело. Между тем брат мой, заметя свою потерю, поднял руки, не подымая глаз, вцепился в волоса первой попавшейся ему головы и разом откусил ей нос. Это был нос нашего друга, старого Бег-уа-иза! Утолив немного свое бешенство, Уа-ме-гон-е-бью узнал его и закричал "Дядя! это ты!" Бег-уа-из был человек добрый и смирный, он знал, что брат откусил ему нос совсем неумышленно. Он нимало не осердился и сказал "Я стар: недолго будут смеяться над потерю моего носа".

С своей стороны, я был в сильном негодовании на старика, обезобразившего брата моего. Я вошел в хижину к Уа-ме-гон-е-бью и сел

подле него. Он весь был окровавлен; несколько времени молчал, и когда заговорил, я увидел, что он был в полном своем рассудке. "Завтра, - сказал он, - я буду плакать с моими детьми; послезавтра пойду к Та-бу-шишу (врагу своему), и мы оба умрем: я не хочу жить, чтоб быть вечно посмешищем". Я обещался ему помочь в его предприятии и приготовился к делу. Но, проспавшись и проплакав целый день с своими детьми, он оставил свои злобные намерения и решился как-нибудь обойтись без носу, так же как и Бег-уа-из.

Несколько дней спустя Та-бу-шиш опасно занемог горячкою. Он ужасно похудел и, казалось, умирал. Наконец прислал он к Уа-ме-гон-е-бью два котла и другие значительные подарки и велел ему сказать: "Друг мой, я тебя обезобразил, а ты наслал на меня болезнь. Я много страдал, а коли умру, то дети мои будут страдать еще более. Посылаю тебе подарки, дабы ты оставил мне жизнь..." Уа-ме-гон-е-бью отвечал ему через посланного: "Не я наслал на тебя болезнь; вылечить тебя не могу, подарков твоих не хочу". Та-бу-шиш томился около месяца; волоса у него вылезли; потом

он начал выздоравливать, и мы все пошли в степи по разным направлениям, удаляясь один от другого как можно более...

Однажды мы расположились табором близ деревушки, в которую переселился Та-бу-шиш, и готовы были уже снова выступить, как вдруг увидели его. Он весь был голый, расписан и украшен, как для битвы, и держал в руках оружие. Он медленно к нам приближался и казался глубоко раздраженным. Но никто из нас не понял его намерения до самой той минуты, как он уставил дуло своего ружья в спину моему брату. "Друг мой, - сказал он ему, - мы довольно пожилы; мы довольно друг друга помучили. Тебя просили от моего имени довольствоваться тем, что уже я вытерпел; ты не согласился; через тебя я все еще страдаю; жизнь мне несносна: нам должно вместе умереть". Два молодые индейца, видя его намерение, тотчас натянули свои луки и прицелились в него стрелами; но Та-бу-шиш не обратил на них никакого внимания. Уа-ме-гон-е-бью испугался и не смел приподнять голову. Та-бу-шиш готов был биться с ним насмерть; но он не принял вызова. С той

поры я вовсе перестал его уважать: последний индеец был храбрее и великодушнее его".

Если частые распри индийцев жестоки и кровопролитны, то войны их зато вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакой властью, а дикари не знают, что такое повиновение воинское. Они, наскуча походом, оставляют войско один за другим и возвращаются каждый в свою хижину, не успев увидеть неприятеля. Старшины упрямятся несколько времени; но, оставшись одни без воинов, следуют общему примеру, и война кончается безо всякого последствия

Джон Теннер рассказывает с видимым удовольствием один из своих военных подвигов, который немного походит на воровство, но тем не менее доказывает его предприимчивость и неустрашимость. Какие-то индийцы похитили у него лошадь. Он отправился с намерением или отыскать ее, или заменить. Посещая индийские селения, в одном из них не встретил он никакого гостеприимства. Это его оскорбило, и, заметив добрую лошадь,

принадлежавшую старшине, он из мести решил присвоить ее себе.

"У меня под одеялом, - говорит он, - спрятан был аркан. Я искусно набросил его на шею лошади - и не поскакал, а полетел. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтоб оглянуться: хижины негостеприимной деревни были едва видны и казались маленькими точками на далекой долине...

Тут я подумал, что нехорошо поступаю, похищая любимую лошадь человека, не сделавшего мне никакого зла, хотя и отказавшего мне в должном гостеприимстве. Я соскочил с лошади и пустил ее на волю. Но в ту же минуту увидел толпу индийцев, скачущих из-за возвышения. Я едва успел убежать в ближний орешник. Они искали меня несколько времени по разным направлениям, а я между тем спрятался с большей осторожностью. Они рассеялись. Многие прошли близехонько от меня; но я был так хорошо спрятан, что мог безопасно наблюдать за всеми их движениями. Один молодой человек разделся донага, как для сражения, запел свою боевую песнь, бросил ружье и с простою дубиною в руках

пошел прямо к месту, где я был спрятан. Он уже был от меня шагах в двадцати. Курок у ружья моего был взведен, и я целил в сердце... Но он воротился. Он, конечно, не видал меня, но мысль находиться под надзором невидимого врага, вооруженного ружьем, вероятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

Я тотчас пустился в обратный путь, радуясь, что избавился от такой опасности; шел день и ночь и на третьи сутки прибыл к реке Мауз. Купцы тамошней конторы пеняли, что я упустил из рук похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цену.

В двадцати милях от этой конторы жил один из моих друзей, по имени Бе-на. Я просил его осведомиться о моей лошади и об ее похитителе. Бе-на впустил меня в шалаш, где жили две старухи, и сквозь щелку указал на ту хижину, где жил Ба-гис-кун-нунг с четырьмя своими сыновьями. Лошади их паслись около хижины. Бе-на указал на прекрасного черного коня, вымененного ими на мою лошадь... Я тотчас отправился к Ба-гис-кун-нунгу и сказал ему: "Мне нужна лошадь". - У меня

нет лишней лошади. - "Так я ж одну уведу". - А я тебя убью. - Мы расстались. Я приготовился к утру отправиться в путь. Бе-на дал мне буйволую кожу вместо седла; а старуха продала мне ремень в замену аркана, мною оставленного на шее лошади индийского старшины. Рано утром вошел я в хижину Бе-на, еще спавшего, и покрыл его тихонько совершенно новым одеялом, мне принадлежавшим. Потом пошел далее.

Приближаясь к хижине Ба-гис-кун-нунга, увидел я старшего его сына, сидящего на пороге... Заметив меня, он закричал изо всей мочи... Вся деревня пришла в смятение... Народ собрался около меня... Никто, казалось, не хотел мешаться в это дело. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную неприязнь...

Я так был взволнован, что не чувствовал под собою земли; кажется, однако, я не был испуган. Набросив петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхом, потому что это движение лишило бы меня на минуту возможности защищаться, - и можно было бы напасть на меня с тыла. Подумав однако, что вид малейшей нерешительности был бы для

меня чрезвычайно невыгодным, я хотел вскочить на лошадь; но сделал слишком большое усилие, перепрыгнул через лошадь и растянулся на той стороне, с ружьем в одной руке, с луком и стрелами в другой. Я встал поспешно, оглядываясь кругом, дабы надзирать над движениями моих неприятелей. Все хохотали во все горло, кроме семьи Ба-гис-кун-нунга. Это ободрило меня, и я сел верхом с большей решимостью. Я видел, что ежели бы в самом деле хотели на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего падения. К тому же веселый хохот индийцев доказывал, что предприятие мое вовсе их не оскорбляло".

Джон Теннер отбился от погони и остался спокойным владельцем геройски похищенного коня.

Он иногда выдает себя за человека, не доступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие. Теннер верит снам и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы, и через несколько времени в самом деле удастся ему застрелить дикую козу или поймать осет-

ра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или ободряет его. Теннер поэтически описывает одно видение, которое имел он в пустыне на берегу Малого Сас-Кау.

"На берегу этой реки есть место, нарочно созданное для индийского табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лес, прислоненный к холму... Но это место напоминает ужасное происшествие: здесь совершилось братоубийство, злодеяние столь неслыханное, что самое место почитается проклятым. Ни один индеец не причалит челнока своего к долине "Двух убитых" никто не осмелится там ночевать. Предание гласит, что некогда в индийском таборе, здесь остановившемся, два брата (имевшие сокола своим тотемом {1}) поссорились между собою, и один из них убил другого. Свидетели так были поражены сим ужасным злодейством, что тут же умертвили братоубийцу. Оба брата похоронены вместе.

Приближаясь к сему месту, я много думал о двух братьях, имевших один со мною тотем,

и которых почитал я родственниками матери моей (Нет-но-куа). Я слышал, что когда располагались на их могиле (что несколько раз и случалось), они выходили из-под земли и возобновляли ссору и убийство. По крайней мере достоверно, что они беспокоили посетителей и мешали им спать. Любопытство мое было встревожено. Мне хотелось рассказать индийцам не только, что я останавливался в этом страшном месте, но что еще там и ночевал.

Солнце садилось, когда я туда прибыл. Я вытащил свой челнок на берег, разложил огонь и, отужинав, заснул.

Прошло несколько минут, и я увидел обоих мертвецов, встающих из могилы. Они пришли и сели у огня прямо передо мною. Глаза их были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видел, не услышал ни одного звука, кроме шума шатающихся деревьев. Вероятно, я заснул опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу реки, потому что головы их были наравне с зем-

лею, на которой разложил я огонь. Глаза их все были устремлены на меня. Вскоре они встали опять один за другим и сели снова против меня. Но тут уже они смеялись, били меня тросточками и мучили различным образом. Я хотел им сказать слово, но не стало голосу; пробовал бежать: ноги не двигались. Целую ночь я волновался и был в беспрестанном страхе. Один из них сказал мне, между прочим, чтоб я взглянул на подошву ближнего холма. Я увидел связанную лошадь, глядевшую на меня. "Вот тебе, брат, - сказал мне жеби {2}, - лошадь на завтрашний путь. Когда ты поедешь домой, тебе можно будет взять ее снова, а с нами провести еще одну ночь".

Наконец рассвело, и я с большим удовольствием заметил, что эти страшные привидения исчезли с ночным мраком. Но, пробыв долго между индийцами и зная множество примеров тому, что сны часто сбываются, я стал не на шутку помышлять о лошади, данной мне мертвецом; пошел к холму и увидел конские следы и другие приметы, а в некотором расстоянии нашел и лошадь, которую тотчас узнал: она принадлежала купцу, с ко-

торым имел я дело. Дорога сухим путем была несколькими милями короче пути водяного. Я бросил челнок, навьючил лошадь и отправился к конторе, куда на другой день и прибыл. В последствии времени я всегда старался миновать могилу обоих братьев, а рассказ о моем видении и страданиях ночных увеличил в индийцах суеверный их ужас".

Джон Теннер был дважды женат. Описание первой его любви имеет в его "Записках" какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имевшее очень поэтическое значение, но которое с трудом поместилось бы в элегии: она звалась Мис-куа-бун-о-куа, что поиндийски значит Заря.

"Однажды вечером, - говорил Теннер, - сидя перед нашей хижинкой, увидел я молодую девушку. Она, гуляя, курила табак и изредка на меня посматривала; наконец подошла ко мне и предложила мне курить из своей трубки. Я отвечал, что не курю. "Ты оттого, - сказала она, - отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки". Я взял трубку из ее рук и покурил немного - в самом деле в первый раз отроду. Она со мною разговаривалась и по-

правилась мне. С той поры мы часто видались, и я к ней привязался.

Вхожу в эти подробности, потому что у индийцев таким образом не знакомятся. У них обыкновенно молодой человек женится на девушке, вовсе ему незнакомой. Они видались; может быть, взглянули друг на друга; но, вероятно, никогда между собою не говорили; свадьба решена стариками, и редко молодая чета противится воле родительской. Оба знают, что если союз сей будет неприятен одному из двух или обоим вместе, то легко будет его расторгнуть.

Разговоры мои с Мис-куа-бун-о-куа вскоре наделали много шума в нашем селении. Однажды старый Очук-ку-кон вошел ко мне в хижину, держа за руку одну из многочисленных своих внучек. Он, судя по слухам, полагал, что я хотел жениться. "Вот тебе, - сказал он моей матери, - самая добрая и самая прекрасная из моих внучек; я отдаю ее твоему сыну". С этим словом он ушел, оставя ее у нас в хижине...

Мать моя всегда любила молодую девушку, которая считалась красавицей. Однако ж

старуха смутилась и сказала мне наедине: "Сын, девушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она больна и через год умрет. Тебе нужна жена сильная и здоровая, итак, предложим ей хороший подарок и отошлем ее к родителям". Девушка возвратилась с богатыми подарками, а через год предсказание старухи сбылось.

С каждым днем любовь наша усиливалась. Мать моя, вероятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорил; но она знала все, и вскоре я в том удостоверился. Однажды, проведши первый раз большую часть ночи с моей любовницей, я воротился поздно и заснул. На заре старуха разбудила меня, ударив прутом по голым ногам.

"Вставай, - сказала она, - вставай, молодой жених, ступай на охоту. Жена твоя будет тебя более почитать, когда рано воротишься к ней с добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селению в отсутствие ловцов". Я молча взял ружье и вышел. В полдень воротился, неся на плечах жирного муза, мною застреленного, и сбросил его к ногам матери, сказав ей грубым голосом: "Вот тебе, старуха, что ты

сегодня утром от меня требовала". Она была очень довольна и похвалила меня. Из того я заключил, что связь моя с молодой девушкой не была ей противна, и очень был тому рад. Многие из индийцев чуждаются своих старых родителей; но хотя Нет-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранял к ней прежнее безусловное почтение.

Я с жаром предавался охоте и почти всегда возвращался рано, или по крайней мере за-светло, обремененный добычей. Я тщательно наряжался и разгуливал по селению, играя на индийской свирели, называемой пи-бе-гвун. В течение некоторого времени Мис-куа-бун-о-куа притворно отвергала меня. Я стал охладевать; тогда она забыла все притворство... С моей стороны желание привести жену к нам в хижину уменьшилось. Я хотел прервать с нею всякие сношения. Увидя явное равнодушие, она хотела тронуть мне сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорил об ней старухе, и с каждым днем охлаждение мое становилось сильнее.

Около того времени мне понадобилось побывать на Красной Реке, и я отправился с од-

ним индийцем, у которого была сильная и легкая лошадь. Нам предстояла дорога на семьдесят миль. Мы по очереди ехали верхом, а пеший между тем бежал, держа лошадь за хвост. Мы были в дороге одни сутки. На возвратном пути я был один и шел пешком. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать в десяти милях от нашей хижины.

Пришед домой на другой день, я увидел Мис-куа-бун-о-куа, сидящую на моем мосте. Я остановился у дверей в недоумении. Она потупила голову. Старуха сказала мне с видом сердитым: "Что же? разве оборотишься ты спиною к нашей хижине и обесчестишь эту бедную девушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сделалось по твоей же воле, не с моего и не с ее согласия. Ты сам за нею бегал повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, как будто она на тебя навязалась?"... Укоризны матери казались мне не совсем справедливы. Я вошел и сел подле девушки... Таким образом мы стали муж и жена".

Джон Теннер оставил свою жену и взял другую, от которой имел троих детей. Встре-

ки своей долговременной привычке и страстной любви к жизни охотничьей, жизни трудов, опасностей и восхищений непонятных и неизъяснимых, одичалый американец всегда помышлял о возвращении в недра семейства, от которого так долго был насильственно отторгнут. Наконец решился исполнить давнишнее свое намерение и отправился к берегам Биг-Миами, к месту пребывания прежнего своего семейства.

Пришед в одно из тамошних поселений, встретил он старого индейца и узнал в нем молодого дикаря, некогда его похитившего. Они дружески обнялись. Теннер узнал от него о смерти старика, так страшно с ним познакомившегося. Индеец рассказал ему подробности его похищения, о которых Теннер имел только смутное понятие. На вопрос его, правда ли, что старый Теннер и все его семейство учинились жертвою индейцев, как некогда Манито-о-гезик уверял маленького своего пленника, - индеец отвечал, что старик солгал, и рассказал ему следующее:

"Год спустя после похищения Джона Теннера, Манито-о-гезик воротился к тому месту,

где совершил первое свое предприятие. Тут с утра до полудня он подстерегал старого Теннера и его работников. Они все вместе вошли в дом; в поле остался только старший сын, пахавший землю сохою, запряженною лошадьми. Индейцы на него бросились; лошадь дернули; брат Джона Теннера запутался в веревках, упал и был схвачен. Лошадей убили стрелами. Индейцы утащили молодого Теннера в леса, переправясь до ночи через Оио. Пленника привязали к дереву веревками; но он успел перегрызть узел, высвободил руку, вынул ножичек из кармана, перерезал свои узы, тотчас побежал к реке и бросился вплавь. Индейцы, услышав шум, проснулись, погнались было за ним; но ночь была темна, и он успел убежать, оставя им на память свою шляпу".

Отец Теннера умер тому лет десять, оставя имение свое старшему сыну и не позабыв в своей духовной того, чья участь была ему неизвестна.

Наконец Джон Теннер увидел свою семью, которая приняла его с великою радостью. Брат его обнял с восторгом, обрезал ему воло-

сы и употребил всевозможные старания, дабы удержать его у себя дома. Одичалый американец, с своей стороны, звал его к себе, к Лесному озеру, выхваляя ему через переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имела десять человек детей. Наконец просьбы родных на него подействовали: он решился оставить индейцев и с своими детьми переселиться в общество, которому принадлежал по праву рождения.

Но приключения Теннера тем еще не кончились. Судьба назначала ему еще новые испытания. Возвратясь к диким своим знакомцам и объявив им о своем намерении, он возбудил сильное негодование. Индейцы не соглашались выдать ему детей. Жена отказывалась следовать за ним к людям чуждым и ненавистным. Власти американские принуждены были вмешаться в семейственные дела Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили индейцев отпустить его домой со всем семейством. Он еще в последний раз отправился с родными к Красной Реке на охоту за буйволами, прощаясь навсегда с дикой жизнью,

имевшей для него столько прелести. Возвратясь, он стал готовиться в дорогу.

Индийцы простились с ним дружелюбно. Сын его не захотел за ним следовать и остался вольным дикарем. Теннер отправился с двумя дочерьми и с их матерью, которая не хотела с ними расстаться. Послушаем, как Теннер описывает свое последнее путешествие:

"В обратном пути я предпочел ехать по Недоброй Реке, что должно было сократить дорогу на несколько миль. Близ устья реки Осетра в то время стоял табор или деревня из шести или семи хижин. Тут находился молодой человек по имени Ом-чу-гвут-он. Он был высечен по приказанию американского начальства за настоящую или мнимую вину и глубоко за то злобствовал. Узнав о моем проезде, он приехал ко мне на своем челночке.

Довольно странным образом стал он искать разговора со мною и вздумал уверять, что между нами существовали сношения семейственные; ночевал с нами вместе, а утром мы с ним отправились в одно время. Причалив к берегу, я заметил, что он искал случая

встретиться в лесу с одной из моих дочерей, которая тотчас воротилась, немного встревоженная. Мать ее также несколько раз в течение дня имела с нею тайные разговоры; но девочка все была печальна и несколько раз вскрикивала.

К ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человек тотчас удалился. Я притворно занимался своими распоряжениями, а между тем не выпускал его из виду; вдруг приблизился к нему и увидел его посреди всего снаряда охотничьего. Он обматывал около пули оленью жилу длиною около пяти вершков. Я сказал ему: "Брат мой (так называл он меня сам), если у тебя недостает пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебе понадобится". Он отвечал, что ни в чем не нуждается, а я воротился к себе на ночлег.

Несколько времени я его не видал. Вдруг явился он в наряде и украшениях воина, идущего в сражение. В первую половину ночи он надзирал за всеми моими движениями с удивительным вниманием; подозрения мои, уже и без того сильно возбужденные, увеличи-

лись еще более. Однако ж он продолжал со мною разговаривать много и дружелюбно и попросил у меня ножик, чтобы нарезать табак; но вместо того чтоб возвратить его, сунул себе за пояс. Я полагал, что он отдаст мне его поутру.

Я лег в обыкновенный час, не желая показать ему свои подозрения. Палатки у меня не было, и я лежал под крашеной холстиной. Растянувшись на земле, я выбрал такое положение, что мог видеть каждое его движение. Настала гроза. Он, казалось, стал еще более беспокоен и нетерпелив. При первых дождевых каплях я предложил ему разделить со мною приют. Он согласился. Дождь шел сильно; огонь наш был залит; скоро потом мустики (род комаров) напали на нас. Он опять разложил огонь и стал обмахивать меня веткою.

Я чувствовал, что мне не должно было засыпать; но усыпление начало овладевать мною. Вдруг разразилась новая гроза сильнее первой. Я оставался как усыпленный, не открывая глаз, не шевелясь и не теряя из виду молодого человека. Однажды сильный удар грома, казалось, смутил его. Я увидел, что он

бросал в огонь немного табаку в виде приношения. В другой раз, когда сон, казалось, совершенно мною овладевал, я увидел, что он стерег меня, как кошка, готовая броситься на свою жертву; однако ж я все противился дремоте.

Поутру он с нами отзавтракал, как обыкновенно, и ушел вперед прежде, нежели успел я собраться. Дочь моя, с которой разговаривал он в лесу, казалась еще более испуганною и долго не хотела войти в челнок; мать уговаривала ее и старалась скрыть от меня ее смятение. Наконец мы поехали. Молодой человек плыл у берега, не в дальнем от нас расстоянии, до десяти часов утра. Тогда при довольно опасном и быстром повороте, откуда взору открывалось далекое пространство, и он и челнок его исчезли, что очень меня удивило.

На сем месте река имеет до 80 вержей ширины, а в десяти - от поворота, о котором я упоминал, - находится маленький, утесистый остров. Я был раздет и с усилием правил челноком против бурного течения (что заставляло меня жаться как можно ближе к берегу),

как вдруг вблизи раздался ружейный выстрел; пуля просвистела над моей головой. Я почувствовал как бы удар по боку. Весло выпало у меня из правой руки, которая сама повисла. Дым выстрела затемнял кусты; но со второго взгляда я узнал убегающего Ом-чугвут-она.

Дочери мои закричали. Я обратил внимание на челнок: он был весь окровавлен. Я старался левою рукою направить его на берег, чтобы преследовать молодого человека; но течение было слишком сильно для меня: оно принесло нас на утесистый островок. Я ступил на него и, вытащив левою рукою челнок на камень, попробовал зарядить ружье; но не успел того сделать и упал без чувств. Очнувшись, я увидел, что был один на острове. Челнок с моими дочерьми исчезал вдали, возвращаясь вспять по течению. Я снова лишился чувств; но наконец пришел в себя.

Полагая, что мой убийца надзирал за мною из какого-нибудь скрытого места, я осмотрел свои раны. Правая рука была в очень худом состоянии: пуля, вошедшая в бок близ легкого, осталась во мне. Я отчаялся в

жизни и стал кликать Ом-чу-гвут-она, прося его прекратить мне жизнь и мучения. "Ты убил меня, - кричал я, - но хотя я и смертельно ранен, однако боюсь прожить несколько дней. Приди же, если ты муж, и выстрели в меня еще раз". Звал его несколько раз, но не получил ответа.

Я был почти гол: в минуту, как меня ранили, на мне, кроме порт, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилий при плавании. Я лежал на голом утесе, на зное летнего дня; земляные и черные мухи кусали меня; в будущем видел я лишь медленную смерть. Но по захождении солнца сила и надежда возвратились; я доплыл до того берега. Вышед из воды, мог стать на ноги и испустил крик бранный, называемый сассакуи, в знак радости и вызова. Но потеря крови и усилия во время плавания снова лишили меня чувств.

Пришед в себя, я спрятался близ берега, чтоб наблюдать за моим врагом. Вскоре увидел я Ом-чу-гвут-она, выходящего из своей западни; он пустил в воду свой челнок, поплыл вниз по реке и прошел близехонько от меня. Мне сильно хотелось кинуться на него, чтоб

схватить и задавить его в воде; но я не понадеялся на свои силы и таким образом пропустил его, не открываясь.

Вскоре пламенная жажда начала меня мучить. Берега реки были круты и каменисты. Я не мог лежа напиться от раненой руки, на которую не в силах был опереться. Надлежало войти в воду по самые губы. Вечер свежел более и более, и силы мои вместе с тем возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнее; я занялся своею раною. Несмотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленные косточки; сперва разорвал на бинты остаток своей рубашки, потом зубами и левою рукою стал их обвивать около руки, сначала слабо, а потом все туже, туже, пока наконец успел ее порядочно перевязать. Вместо лубков привязал я прутики и повесил руку на веревочку, накинутую на шею.

После того взял корку с дерева, похожего на вишневое, и, разжевав ее, приложил к моим ранам, надеясь тем остановить течение крови. Кусты, отделявшие меня от реки, были все окровавлены. Настала ночь. Я выбрал для ночлега мшистое место. Пень служил мне из-

головьем. Я не хотел удалиться от берега, дабы наблюдать надо всем, что случится, и дабы в случае жажды иметь возможность ее утолить. Я знал, что лодка, принадлежащая купцам, должна была около того времени проехать в этом самом месте, ждал я от них-то помощи. Индийских хижин не было ближе тех, откуда к нам присоединился Ом-чу-гвутон, и я имел причину думать, что, кроме его, дочерей моих и жены, никого кругом не было.

Простертый на земле, я стал молиться великому духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь в час скорби. Оканчивая молитвы, заметил я, что мустики, которые роем облепили голое тело мое, умножая страдания, стали отлетать, покружились надо мною и наконец исчезли. Я не приписал этого непосредственному действию великого духа: вечер становился холодным, и, следовательно, это было влияние воздуха. Я был, однако ж, уверен, как и всегда во время бедствий и опасности, что владыко дней моих невидимо находился близ меня, мощно мне покровительствуя. Я спал тихо и спокойно; но часто

просыпался и всякий раз помнил, просыпаясь, что снилась мне лодка с белыми людьми.

Около полуночи услышал я на той стороне реки женские голоса, и мне показались они голосами моих дочерей. Я подумал, что Омчу-гвут-он открыл место, куда они скрылись, и как-нибудь их обижал, потому что крики их изъясляли страдание. Но я не имел силы встать и идти к ним на помощь.

На другой день, прежде десяти часов утра, услышал я по реке человеческие голоса и увидел лодку, наполненную белыми людьми, подобную той, которую видел во сне. Эти люди вышли на берег, не в дальнем расстоянии от места, где я лежал, и стали готовить завтрак. Я узнал лодку г. Стюарта, гудзонского купца, которого ждали около того времени. Полагая, что появление мое произведет над ними впечатление неприятное, я дождался конца их завтрака.

Когда приготовились они к отплытию, я вошел в брод, дабы обратить на себя их внимание. Увидя меня, французы перестали грести и все устремили на меня взор с видом сомнения и ужаса. Течение быстро их уносило,

и зов мой, произнесенный на индийском языке, не производил никакого действия. Наконец я стал звать г Стюарта по имени и, вспомнив несколько английских слов, умолял путешественников воротиться за мною. В одну минуту весла опустились, и лодка подъехала так близко, что я мог в нее войти.

Никто не узнал меня, хотя гг. Стюарт и Грант были мне очень знакомы. Я был весь окровавлен, и, вероятно, страдания очень меня переменили. Меня осыпали вопросами. Вскоре узнали, кто я таков и что со мною случилось. Приготовили мне постелю в лодке. Я умолял купцов ехать за моими детьми в то направление, откуда слышались их крики, и боялся найти их умерщвленными. Но все разыскания были тщетны.

Узнав об имени моего убийцы, купцы решились тотчас отправиться в деревню, где жил Ом-чу-гвут-он, и обещались убить его на месте, если успеют поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы к хижинам, старик вышел к нам навстречу, спрашивая: "Что нового?" - Все хорошо, отвечал г. Стюарт, - другой новости нет. - "Белые

люди, - возразил старик, никогда нам правды не скажут. Я знаю, что в той стране, откуда вы прибыли, есть новости. Один из наших молодых людей, Ом-чу-гвут-он, был там и сказывал, что Сокол (индийское прозвище Д. Теннера), который дней несколько тому назад проезжал здесь с женою и с детьми, всех их перерезал. Но, кажется, Ом-чу-гвут-он сделал сам что-нибудь недоброе: он что-то беспокоен, а увидя вас, бежал".

Гг. Стюарт и Грант стали, однако ж, искать Ом-чу-гвут-она по всем хижинам и, удостоверясь в его побеге, сказали старику: "Правда, он сделал недоброе дело; но тот, кого он хотел убить, с нами; неизвестно, будет ли он еще жив..." Тогда показали меня индийцам, собравшимся на берегу.

Здесь мы несколько времени отдыхали. Осмотрели мои раны. Я удостоверился, что пуля, раздробив кость руки, вошла в бок близ ребра, и просил г. Гранта вынуть ее; но ни он, ни г. Стюарт на то не согласились. Я принужден был сам начать операцию левою рукою. Ланцет, данный мне г. Грантом, переломился. Я взял перочинный ножичек, и тот перело-

мился, потому что в этом месте мясо очень отвердело. Наконец дали мне широкую бритву, и я вынул пулю; она была очень сплюснена. Оленья жила и другие снадобья остались в ране. Коль скоро увидел я, что пуля ниже ребер не опустилась, стал надеяться на выздоровление; но, имея причину полагать, что рана моя была отравлена ядом, предвидел медленное выздоровление.

После того отправились мы в деревню, в которой старшиною был родной брат моего убийцы. Тут г. Стюарт имел предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были один за другим; им роздали табаку. Но все разыскания опять остались тщетны. Наконец меня показали, и сказано было старшине, что мой убийца был родной его брат. Он потупил голову и отказался отвечать на вопросы белых людей. Но мы узнали от других индейцев, что жена моя с дочерьми останавливалась в этой деревне на пути своем к Дождевому озеру

Мы тотчас туда отправились и нашли их задержанных в конторе. Подозрение тамошних купцов было возбуждено их беспокой-

ством и ужасом, также и моим отсутствием. Коль скоро меня завидели, старуха убежала в лес, но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

Гг. Стюарт и Грант предоставили мне самому произнести приговор над женою, явно виновной в покушении на мою жизнь. Они объявили ее преступление равным злодейству Ом-чу-гвут-она и достойным смерти или всякой другой казни. Но я потребовал, чтоб ее только прогнали из конторы без запасов и запретили б туда являться. Она была мать моих детей: я не хотел, чтоб она была повешена или забита до смерти (как предлагали мне купцы); но вид ее становился мне несносен: по просьбе моей ее прогнали без наказания.

Дочери сказали, что в ту минуту, как упал я без чувств на камень, они, почитая меня мертвым и повинуюсь приказанию матери, пустились в обратный путь и предались бегству. В некотором расстоянии от островка, где я лежал, старуха причалила к кустарнику, спрятала там мое платье и после долгого перехода скрылась в лесу; но потом, размыслив, что лучше бы сделала, если б присвоила себе

мою собственность, воротилась. Тогда-то услышал я крики дочерей, сопровождавших старуху, которая подбирала мое платье на берегу..."

Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками. Он в тяжбе с своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные "Записки" и на днях будет, вероятно, членом Общества Воздержности {3}. Словом, есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим уапкее {4}, с чем и поздравляем его от искреннего сердца.

The Reviewer {2}

1 Род герба. Сокол был также тотемом и Д. Теннера. (Прим. Пушкина.)

2 Мертвец. (Прим. Пушкина.)

3 Общество, коего цель - истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков. Изд. (Прим. Пушкина.)

4 Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен. Изд (Прим. Пушкина.)

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА

Сочинение Сильвио Пеллико

На днях выйдет из печати новый перевод книги "Dei doveri degli uomini", сочинения славного Сильвио Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, - и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие.

И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию

духа, сладостию красноречия и младенческой простотою сердца к проповеди небесного учителя.

В позднейшие времена неизвестный творец книги "О подражании Иисусу Христу", Фелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем человеков благоволения.

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получа свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, - прочли умиленные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражение нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И, восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга "Dei doveri" устыдила нас и разрешила нам тайну

прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей.

В одном из наших журналов, в статье писателя с истинным талантом, критика, заслужившего доверенность просвещенных читателей, с удивлением прочли мы следующие строки о книге Сильвио Пеллико:

"Если бы книга Обязанностей не вышла вслед за книгою Жизни (Мои темницы), она показалась бы нам общими местами, сухим, произвольно догматическим уроком, который мы бы прослушали без внимания".

Неужели Сильвио Пеллико имеет нужду в извинении? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармонического красноречия, могла кому бы то ни было и в каком бы то ни было случае показаться сухой и холодно догматической? Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы,

недостойна была бы обратить на себя внимание человека, одаренного сердцем? Не можем поверить, чтобы в самом деле такова была мысль автора "Истории поэзии".

Это уж не ново, это было уж сказано - вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности.

Как лучшее опровержение мнения г-на Шевырева, привожу собственные его слова:

"Прочтите ее (книгу Пеллико) с тою же верою, с какою она писана, и вы вступите из темного мира сомнений, расстройств, раздора головы с сердцем в светлый мир порядка и согласия. Задача жизни и счастья вам пока-

жется проста. Вы как-то соберете себя, рассеянного по мелочам страстей, привычек и прихотей - и в вашей душе вы ощутите два чувства, которые, к сожалению, очень редки в эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды".

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХ,

прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых. 1836 г. СПб.

В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих исследований и терпеливых разысканий. Что же из того происходит? Наши так называемые ученые принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною взглядов, приноровлением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий дух сомнения и отрицания в умах

незрелых и слабых и печалят людей истинно ученых и здравомыслящих.

"Словарь о святых" не принадлежит к числу опрометчивых и скороспелых произведений, наводняющих наши книжные лавки. Отчетливость в предварительных изысканиях, полнота в совершении предпринятого труда поставили сию книгу высоко во мнении знающих людей. Издатель на своем поприще имел предшественником Новикова, напечатавшего в 1784 году "Опыт Исторического словаря о всех в истинной православной вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах". С того времени прошло более пятидесяти лет; средства и источники умножились; для нового издателя труд был облегчен, но вместе с тем и удвоен. В "Опыте" Новикова помещено 169 имен угодников, с описанием их жития или безо всякого объяснения: "Словарь о святых" включает в себе 363 имени, то есть более, нежели вдвое. У Новикова источники изредка указаны внизу самого текста: в нынешнем "Словаре" полный "Указатель" источникам напечатан особо, в два столбца, мелким шрифтом и составляет

целый печатный лист.

"Церковь российская, - сказано в предисловии, - весьма осторожно оглашала святыми угодников своих, и только по явном открытии нетления мощей, прославленных чудесами, помещала их в месяцесловы. Россия к утверждению православия своего видела во многих местах явное знамение благодати над мощами тех, кои святостию жизни, примером благочестия или христианским самоотвержением явили себя достойными почитания; но имена сих угодников не были внесены в "Общие святцы российской церкви"; а память их совершалась в тех только местах, где они почивают. Причиною такой местности было отделение духовной власти Новгорода от главной духовной власти России и потом разделение митрополии на Киевскую и Московскую. Уже в половине XVI века московский митрополит Макарий, составляя "Великие Четьи Минеи", собрал жития и некоторых святых, еще дотоле в Патериках не помещенных, и для установления им служб имел в Москве 1547 года собор, на котором двенадцати святым российским назначено повсюду праздновать."

вание и службы, а девяти - только в местах, где мощи их почивают. Те церкви, которые не успели на собор представить свидетельства о своих местных угодниках, после получали, по рассмотрению митрополита, дозволение совершать память их, и потом, при патриархах, некоторые из них внесены в общие месяцесловы. Митрополит Ростовский Димитрий в своих "Четых Минеях" поместил преподобных киево-печорских под числом совершения их памяти. Но и за сим многие не внесены в месяцесловы, хотя некоторым сочинены особые службы, кондаки и тропари; таковы угодники новгородские, псковские, вологодские и другие.

В предлагаемом "Словаре" помещены: жития святых, прославленных в российской церкви; жития некоторых других подвижников благочестия, коих память благоговейно сохраняется там, где они жили или почили; наконец краткие известия о тех богоугодно поживших, которых имена выписаны из синодиков или древних монастырских записок. При описании жизни святого, прославленного во всей российской церкви, обозначены в

"Словаре" месяц и число совершения памяти; относительно прочих также означается место и день, когда чтится их память совершением молебных пений или панихид, по введенному постановлениями или преданием обычаю".

Слог издателя должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Нам случилось в "Энциклопедическом лексиконе" (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверно чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы.

Издатель "Словаря о святых" оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не позволяя себе никакой укоризны, не можем

по крайней мере не дивиться крайнему их нелюбопытству.

Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: "Словарь" напечатан в большую осьмушку, на лучшей веленовой бумаге, и есть отличное произведение типографии Второго отделения собственной канцелярии е. и. в.

НОВЫЙ РОМАН

Недавно одна рукопись под заглавием: "Село Михайловское" - ходила в обществе по рукам и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

Георгий Кониский, о котором напечатана статья в первом номере "Современника", начинает свои пастырские поучения следующими замечательными словами:

"Первое слово к вам, благочестивые слушатели, Христовы люди, рассудил я сказать о себе самом... Должность моя, как вы сами видите, есть учительская: а учителя добрые и

нелукавые себе первее учат, нежели других, своему уху, яко ближайшему, наперед проповедуют, нежели чужим".

Приемля журнальный жезл, собираясь проповедовать истинную критику, весьма достохвально поступили бы вы, м. г., если б перед стадом своих подписчиков изложили предварительно свои мысли о должности критика и журналиста и принесли искреннее покаяние в слабостях, нераздельных с природою человека вообще и журналиста в особенности. По крайней мере вы можете подать благой пример собратии вашей, поместив в своем журнале несколько искренних замечаний, которые пришли мне в голову по прочтении первого номера "Современника".

Статья "О движении журнальной литературы" по справедливости обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний. Но признаюсь, она не соответствует тому, чего ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике. Прочитав со вниманием эту немного сбивчивую статью, всего яснее увидел я

большое ожесточение противу г. Сенковского. По мнению вашему, вся наша словесность обращается около "Библиотеки для чтения". Все другие повременные издания рассмотрены только в отношении к ней. "Северная пчела" и "Сын отечества" представлены каким-то сильным арьергардом, подкрепляющим "Библиотеку". "Московский наблюдатель", по вашим словам, образовался только с тем намерением, чтоб воевать противу "Библиотеки". Он даже получил строгий выговор за то, что нападения его ограничились только двумя статейками; должно было, говорите вы, или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не отставать. "Литературные прибавления", "Телескоп" и "Молва" похвалены вами за их оппозиционное отношение к "Библиотеке". Признаюсь, это изумило тех, которые с нетерпением ожидали появления вашего журнала. Неужто, говорили они, цель "Современника" - следовать по пятам за "Библиотекою", нападая на нее врасплох и вооруженной рукою отбивая от нее подписчиков? Надеюсь, что опасения сии лживы и что "Современник" избрет для себя круг действия более обширный и

благородный...

Обвинения ваши касательно г. Сенковско-го ограничиваются следующими пунктами: Г-н Сенковский исключительно завладел отделением критики в журнале, издаваемом от имени книгопродавца Смирдина. Г-н Сенковский переправляет статьи, ему доставляемые для помещения в "Библиотеке". Г-н Сенковский в своих критических суждениях не всегда соблюдает тон важности и беспристрастия. Г-н Сенковский не употребляет местоимений сей и оный. Г-н Сенковский имеет около пяти тысяч подписчиков.

Первые два обвинительные пункта относятся к домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина и до публики не касаются. Что же до важного тона критики, то не понимаю, как можно говорить не в шутку о некоторых произведениях отечественной литературы. Публика требует отчета обо всем выходящем. Неужто журналисту надлежит наблюдать один и тот же тон в отношении ко всем книгам, им разбираемым? Разница - критиковать "Историю государства Российского" и романы гг. *** и пр. Критик, стараясь

быть всегда равно учтивым и важным, без сомнения, погрешает противу приличия. В обществе вы локтем задеваете соседа, вы извиняетесь: очень хорошо; но, гуляя под качелями, вы толкнули лавочника и не скажете же ему: *mille pardons* {1}. Вы скажете: зачем ходить толкаться под качели? зачем упоминать о книгах, которые не стоят никакого внимания? Но если публика того требует непременно, зачем ей не угодить? *Cela vous coute si peu, et leur fait tant de plaisir* {2} - Да позвольте узнать: что значит и ваш разбор альманаха "Мое новоселье", который так счастливо сравнили вы с тощим котом, мяукающим на кровле опустелого дома? Сравнение очень забавно, но в нем не вижу я ничего важного. Врачу! исцелися сам! Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в "Библиотеке для чтения", тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание.

Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений сей, сия, сие, оный, она, оно - не что иное, как шутки. Вольно же было публи-

ке и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения сей и оный {1}, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным - значит не знать языка. Но вы несправедливо сравнили гонение на сей и оный со введением і и v в орфографию русских слов и напрасно потревожили прах Тредьяковского, который никогда ни с

кем не заводил споров об этих буквах. Ученый профессор, желавший преобразить нашу орфографию, действовал сам от себя, без предварительного примера. Замечу мимоходом, что орфография г. Каченовского не есть затруднительная новость, но давно существует в наших священных книгах. Всякий литератор, получивший классическое образование, обязан знать ее правила, даже и не следуя оным.

Что же касается до последнего пункта, то есть до 5000 подписчиков, то позвольте мне изъявить искреннее желание, чтоб на следующий год могли вы заслужить точно такое же обвинение.

Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны. Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные. Он издает "Библиотеку" с удивительной сметливостью, с аккуратностью, к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинци-

алы, благодарны ему - и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские, и даже за отчет об литературной всячине. Жалеем, что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия в журнале г. Смирдина, и надеемся, что "Современник" пополнит нам сей недостаток; но желаем, чтоб оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики.

Обращаясь к "Северной пчеле", вы упрекаете ее в том, что она без разбора помещала все в нее бросаемые известия, объявления и тому подобное. Но как же ей и делать иначе? "Северная пчела" газета, а доход газеты составляют именно объявления, известия и проч., без разбора печатаемые. Английские газеты, считающие у себя до 15000 подписчиков, окупают издержки издания только печатанием объявлений. Не за объявления должно было укорять "Северную пчелу", но за помещения скучных статей с подписью Ф. Б., которые (несмотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены

у нас по достоинству. Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что гг. журналисты думают нас занять нравоучительными статьями, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которые достались "Северной пчеле", вероятно, по наследству от "Трудолюбивой пчелы".

То, что вы говорите о "Прибавлениях к Инвалиду", вообще справедливо. Издатель оставил на полемическом поприще следы неизгладимые и до сих пор подвизается на оном с неоспоримым успехом. Мы помним "Хамелеонистику", ряд статей в своем роде классических. Но позвольте вам заметить, что вы хвалите г. Воейкова именно за то самое, за что негодуете на г. Сенковского: за шутливые разборы того, что не стоит быть разобрано не в шутку.

Жалею, что вы, говоря о "Телескопе", не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, - словом, более зрелости,

то мы бы имели в нем критика весьма замечательного.

Говоря о равнодушии журналистов к важным литературным событиям, вы указываете на смерть Вальтер Скотта. Но смерть Вальтер Скотта не есть событие литературное; о Вальтер Скотте же и его романах впопад и невпопад было у нас говорено довольно.

Вы говорите, что в последнее время заметно было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде? И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении. Державин вышел в свет третьим изданием; слышно, готовится четвертое. На заглавном листе басен Крылова (изданных в прошлом году) выставлено: тридцатая тысяча. Новые поэты, Кукольник и Бенедиктов, приняты были с восторгом. Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание... Где же тут равнодушие публики к поэзии?

Вы укоряете наших журналистов за то, что они не сказали нам: что такое был Вальтер Скотт? Что такое нынешняя французская литература? Что такое наша публика? Что такое наши писатели?

В самом деле, вопросы весьма любопытные! Мы надеемся, что вы их разрешите впоследствии и что избегнете в вашей критике недостатков, так строго и так справедливо вами осужденных в статье, которую вправе мы назвать программой вашего журнала {2}.

А. Б.

Тверь

23 апреля 1836

1 Впрочем, мы говорим: в сию минуту, сей час, по сию пору и проч. (Прим. Пушкина.)

2 С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые объяснения. Статья "О движении журнальной литературы" напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостию и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае она не есть и не мог-

да быть программой "Современника". Изд.
(Прим. Пушкина.)

ОБЪЯСНЕНИЕ

Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные уроны, предоставляя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унижить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священо для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, где равен был неравный спор, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик? Ужели, после двадцатипятилетнего безмолвия, поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден

был уступить начальство над войсками, была
радостна для России, но тем не менее тяжела
для его стоического сердца. Его отступление,
которое ныне является ясным и необходи-
мым действием, казалось вовсе не таковым:
не только роптал народ ожесточенный и
негодующий, но даже опытные воины горько
упрекали его и почти в глаза называли из-
менником. Барклай, не внушающий доверен-
ности войску, ему подвластному, окружен-
ный враждою, язвимый злоречием, но убеж-
денный в самого себя, молча идущий к сокро-
венной цели и уступающий власть, не успев
оправдать себя перед глазами России, оста-
нется навсегда в истории высоко поэтиче-
ским лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале
чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не
может ни возвысить, ни унижить того, кто
низложил Наполеона и вознес Россию на ту
степень, на которой она явилась в 1813 году.
Но не могу не огорчиться, когда в смиренной
хвале моей вождю, забытому Жуковским, со-
отечественники мои могли подозревать низ-
кую и преступную сатиру - на того, кто неко-

гда внушил мне следующие стихи, конечно недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.
Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.
В твоём гробу восторг живет.
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Возвал к святой твоей седине:
"Иди, спасай!" Ты встал - и спас...
и проч.

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА,

происшествие в России, в 2 част. Издал
Иван Бутовский. СПб. При подписке 1 ч. выда-

ется, а на 2 билет.

Под сим заглавием вышел в свет первый том записок Н.А. Дуровой. Читатели "Современника" видели уже отрывки из этой книги. Они оценили, без сомнения, прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которою пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия. В сем первом томе описаны детские лета, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаем появления последнего тома, дабы подробнее разобрать книгу, замечательную по всем отношениям.

КЛЮЧ К "ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО" Н.М. КАРАМЗИНА. 2. ч. М.

Издав сии два тома, г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. Те из них, которые не суть еще закоренелые верхоглядцы, принуждены будут в том сознаться. Г-н Строев облегчил до невероятной степени изучение русской истории. "Ключ составлен по второму изданию "Истории государства Российского", самому полному и ис-

правному", - пишет г. Строев. Издатели "Истории государства Российского" должны будут поскорее приобрести право на перепечатание "Ключа", необходимого дополнения к бессмертной книге Карамзина.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ИЗВЕЩЕНИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЕ К СТРОКЕ "РУССО (ИЛИ КТО НЕ ПОМНЮ)" В СТАТЬЕ А.И. ТУРГЕНЕВА "ХРОНИКА РУССКОГО В ПАРИЖЕ"

* Fontenelle

Изд.

ОТ РЕДАКЦИИ

I

Для очистки совести нашей и для предупреждения всех возможных толков и недоразумений, вольных и невольных, почитаем обязанностью сознаться, что напечатание в 1-й книжке журнала нашего "Хроники русского в Париже" есть не что иное, как следствие нашей нескромности, что сии отрывки из дружеских писем, или, лучше сказать, домашнего журнала, никогда не были предназначены к печати, особенно в том виде, в каком они представлены публике. Глубокомыслие, ост-

роумие, верность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражения, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего таким образом про себя, когда следовало бы ему писать про других. Мы имели случай стороною подслушать этот *aparte* {1}, подсмотреть эти ежедневные, ежеминутные отметки и поторопились, как водится ныне, в эпоху разоблачения всех тайн, поделиться удовольствием и свежими современными новинками с читателями "Современника". Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка, дать этим разбросанным чертам стройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, бульварных, академических, салонных, кабинетных движений, - так сказать стенографировать эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни; впрочем, кажется, мы и не ошиблись в своем

предпочтении. По всем отзывам образованных и просвещенных людей, Парижская хроника возбудила живейшее любопытство и внимание. Даже и тупые печатные замечания подтвердили нас в убеждении, что способ, нами избранный, едва ли не лучший. Вкус иных людей может служить всегда надежным и неизменным руководством: стоит только выверотить вкус их наизнанку. То, чего они оценить не могли, что показалось им неприличным, неуместным, то, без сомнения, имеет внутреннее многоценное достоинство, следовательно не их имеем в виду в настоящем объяснении. Но мы желали только по обязанности редакторской, приняв на себя всю ответственность за произвольное напечатание помянутых выписок, отклонить ее от того, который писал их, забывая, что есть книгопечатание на белом свете.

II

Статья, присланная нам из Твери с подписью А.Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени.

Мы получили также статью г. Косичкина. Но, к сожалению, и эта статья доставлена

поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей.

ПРИМЕЧАНИЕ К СЛОВУ "БОГОДЕЛЬНЯ" В
СТАТЬЕ М.П. ПОГОДИНА "ПРОГУЛКА ПО
МОСКВЕ"

Слово это весьма неправильно составлено из двух слов, бога деля (для), и потому должно писаться богадельня.

Изд.

ПРИМЕЧАНИЕ К ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ
"НОС"

Н.В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись.

ОТ РЕДАКЦИИ

I

"Современник" будет издаваться и в следующем, 1837 году.

Каждые три месяца будет выходить по одному тому.

Цена за все четыре тома, составляющие годовое издание, 25 рублей асс., с пересылкою

30 рублей асс.

Подписка в СПб. принимается во всех книжных лавках. Иногородные могут адресоваться в Газетную экспедицию.

II

Издатель "Современника" не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова: литературный журнал - уже заключают в себе достаточное объяснение.

Некоторые из журналистов почли нужным составить программу нового журнала. Один из них объявил, что "Современник" будет иметь целью - уронить "Библиотеку для чтения", издаваемую г. Смирдиным; в "Северной же пчеле" сказано, что "Современник" будет продолжением "Литературной газеты", издаваемой некогда покойным бароном Дельвигом.

Издатель "Современника" принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с гг. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу, и что он никогда им того не поручал. Отклоняя, однако ж, от себя цель, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную в "Библио-

теке для чтения", он вполне признает справедливость объявления, напечатанного в "Северной пчеле": "Современник", по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнений о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением "Литературной газеты".

III

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух номеров своего журнала; вкрались некоторые ошибки, и одна довольно важная, происшедшая от недоразумения: публике дано обещание, которое издатель ни в каком случае не может и не намерен исполнить - сказано было в примечании к статье: "Новые книги", что книги, означенные звездочкою, будут со временем разобраны. В списке вновь вышедшим книгам звездочкою означены были у издателя те, которые показались ему замечательными или которые намерен он был прочитать; но он не предполагал отдавать о всех их отчет публике: многие не входят в область литературы, о других потребны сведения, которых он не приобрел.

IV

В первом томе "Современника", в статье: "Новые книги", под параграфом, относящимся к "Востоле", поэме Виланда, изданной А. Пушкиным, ошибкою пропущена подпись издателя.

V

Редакция "Современника" не может принять на себя обратного доставления присылаемых статей.

ПРИМЕЧАНИЕ К СТИХОТВОРЕНИЮ Л.А. ЯКУБОВИЧА "ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ"

Из собрания стихотворений, которое на днях выйдет из печати.

Изд.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ПРЕДНАЗНАЧАВШИЕСЯ ДЛЯ "СОВРЕМЕННОГО"

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

Il ne faut pas qu'un honnête
homme mérite d'être pendu. {1}

Слова Карамзина в 1819 году.

В конце первого десятилетия царствования Екатерины II несколько молодых людей, едва вышедших из отрочества, отправлены были, по ее повелению, в Лейпцигский уни-

верситет, под надзором одного наставника и в сопровождении духовника. Учение пошло им не впрок. Надзиратель думал только о своих выгодах; духовник, монах добродушный, но необразованный, не имел никакого влияния на их ум и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились в Россию, где служба и заботы семейственные заменили для них лекции Геллерта и студенческие шалости. Большая часть из них исчезла, не оставя по себе следов; двое сделались известны: один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие и несчастную посредственность; другой прославился совсем иначе.

Александр Радищев родился около 1750-го года. Он обучался сперва в Пажеском корпусе и обратил на себя внимание начальства как молодой человек, подающий о себе великие надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Он не взял даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и немецкому языку, дабы по крайней мере быть в состоянии понимать своих профессоров. Беспокойное любопытство, более нежели

жажда познаний, была отличительная черта ума его. Он был кроток и задумчив. Тесная связь с молодым Ушаковым имела на всю его жизнь влияние решительное и глубокое. Ушаков был немногим старше Радищева, но имел опытность светского человека. Он уже служил секретарем при тайном советнике Теплове, и его честолюбию открыто было блестящее поприще, как оставил он службу из любви к познаниям и вместе с молодыми студентами отправился в Лейпциг. Сходство умов и занятий сблизили с ним Радищева. Им попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге застал русских студентов за книгою "О Разуме" и привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей братии. Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастю, не знали, как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые зако-

ном и преданиями. Нам уже слишком известна французская философия 18-го столетия; она рассмотрена со всех сторон и оценена. То, что некогда слыло скрытным учением гиерофантов, было потом обнародовано, проповедано на площадях и навек утратило прелесть таинственности и новизны. Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими.

Радищев написал "Житие Ф.В. Ушакова". Из этого отрывка видно, что Ушаков был от природы остроумен, красноречив и имел дар привлекать к себе сердца. Он умер на 21-м году своего возраста от следствий невоздержанной жизни; но на смертном одре он еще успел преподать Радищеву ужасный урок. Осужденный врачами на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки его сделались нестерпимы, и он потребовал яду от одного из своих товарищей {1}. Ради-

щев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений.

Возвратясь в Петербург, Радищев вступил в гражданскую службу, не преставав между тем заниматься и словесностию. Он женился. Состояние его было для него достаточно. В обществе он был уважаем как сочинитель. Граф Воронцов ему покровительствовал. Государыня знала его лично и определила в собственную свою канцелярию. Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен был достигнуть одной из первых степеней государственных. Но судьба готовила ему иное.

В то время существовали в России люди, известные под именем мартинистов. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить

мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов как на игры искусных бойцов и сама их ободрявшая своим царским рукоплесканием, с беспокойством видела их торжество и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франмасонских ужинах. Радищев попал в их общество. Тайнственность их бесед воспламенила его воображение. Он написал свое "Путешествие из Петербурга в Москву", сатирическое воззвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил его в продажу.

Если мысленно перенесемся мы к 1791 году, если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу

нашего правительства, наши законы, не изменившиеся со времен Петра I, их строгость, в то время еще не смягченную двадцатипятилетним царствованием Александра, самодержца, умевшего уважать человечество; если подумаем, какие суровые люди окружали еще престол Екатерины, - то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха - а какого успеха может он ожидать? - он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а "Путеше-

ствие в Москву" весьма посредственную книгу; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестью.

Но, может быть, сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений. Как иначе объяснить его беспечность и странную мысль разослать свою книгу ко всем знакомым, между прочими к Державину, которого поставил он в затруднительное положение? Как бы то ни было, книга его, сначала не замеченная, вероятно потому, что первые страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскоре произвела шум. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. "Он мартирист, - говорила она Храповицкому (см. его записки), - он хуже Пугачева; он хвалит Франклина". - Слово глубоко замечательное: монархия, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не

могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии. Радищев предан был суду. Сенат осудил его на смерть (см. Полное собрание законов). Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь.

В Илимске Радищев предался мирным литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к китайской торговле и пр. Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож, который, может быть, не вовсе был чужд изданию "Путешествия". Радищев был тогда вдовцом. К нему поехала его свояченица, дабы разделить с изгнанником грустное его уединение. Он в одном из своих стихотворений упоминает о сем трогательном обстоятельстве.

Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Сядясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы,
Был блажен, и где оставил

Души нежной половину
Бова, Вступление.

Император Павел I, взошед на престол, вызвал Радищева из ссылки, возвратил ему чины и дворянство, обошелся с ним милостиво и взял с него обещание не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал свое слово. Он во все время царствования императора Павла I не написал ни одной строчки. Он жил в Петербурге, удаленный от дел и занимаясь воспитанием своих детей. Смиренный опытностию и годами, он даже переменял образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему и помирился искренно со славной памятью великой царицы.

Не станем укорять Радищева в слабости и непостоянстве характера. Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом иль с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и молодежавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит

ему развития, а опыты для него не существуют. Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время Ужаса? Мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедаемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни? Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра.

Император Александр, вступив на престол, вспомнил о Радищеве и, извиняя в нем то, что можно было приписать пылкости молодых лет и заблуждениям века, увидал в сочинителе "Путешествия" отвращение от многих злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений. Бедный Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался своим прежним мечтани-

ям. Граф З. удивился молодости его седин и сказал ему с дружеским упреком: "Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! или мало тебе было Сибири?" В этих словах Радищев увидел угрозу. Огорченный и испуганный, он возвратился домой, вспомнил о друге своей молодости, об лейпцигском студенте, подавшем ему некогда первую мысль о самоубийстве, и ... отравился. Конец, им давно предвиденный и который он сам себе напороочил!

Сочинения Радищева в стихах и прозе (кроме "Путешествия") изданы были в 1807 году. Самое пространное из его сочинений есть философическое рассуждение "О Человеке, о его смертности и бессмертии". Умствования оно пошло и не оживлены слогом. Радищев хотя и вооружается противу материализма, но в нем все еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма. Между статьями литературными замечательно его суждение о Тилемахиде и о Тредьяковском, которого он любил по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: из отвращения от

общепринятых мнений. В стихах лучшее произведение его есть "Осьмнадцатый век", лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером, где находятся следующие стихи, столь замечательные под его пером.

Урна времян часы изливает каплям подобно,

Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли,

И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны

Вечности в море, а там нет ни предел, ни берегов.

Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;

Веки в него протекли, в нем исчезает их след,

Но знаменито вовеки своею кровавой струею

С звуками грома течет наше столетье туда,
И сокрушен наконец корабль, надежды несущий,

Пристани близок уже, в водоворот поглощен.

Счастье и добродетель и вольность по-
жрал омут ярый,

Зри, всплывают еще страшны обломки в
струе.

Нет, ты не будешь забвенно, столетье
безумно и мудро,

Будешь проклято во век, в век удивлением
всех,

Крови в твоей колыбели, припевание гро-
мы сраженъев.

Ах, омочено в крови, ты ниспадаешь во
гроб.

Но зри, две вознеслись скалы во среде
струй кровавых,

Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.

Первая песнь "Бовы" имеет также достоин-
ство. Характер Бовы обрисован оригинально,
и разговор его с Каргою забавен. Жаль, что в
"Бове", как и в "Алеше Поповиче", другой его
поэме, не включенной, не знаем почему, в со-
брание его сочинений, нет и тени народно-
сти, необходимой в творениях такого рода; но
Радищев думал подражать Вольтеру, потому
что он вечно кому-нибудь да подражал. Вооб-
ще Радищев писал лучше стихами, нежели

прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык.

"Путешествие в Москву", причина его несчастья и славы, есть, как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного.

В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналья; но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные по-

верхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, - вот что мы видим в Радищеве. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить? Он поносит власть господ как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру; не лучше ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар божий, не была работой и жертвою бессмысленной и своенравной управы, а с другой - чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы - чувствовало нуж-

ду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью. Какую цель имел Радищев? чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли бы мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви.

3 апреля 1836 г. СПб.

ПРИБАВЛЕНИЯ

I

От императрицы главнокомандовавшему
в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу

Граф Яков Александрович!

Недавно издана здесь книга под названи-

ем: "Путешествие из Петербурга в Москву", наполненная самыми вредными умствовани-ями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко власти уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в на-роде негодование противу начальников и на-чальства, наконец оскорбительными выраже-ниями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский со-ветник Александр Радищев, который сам учи-нил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы Благочиния взнес он многие листы в помянутую книгу, в соб-ственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступ-ление повелеваем рассмотреть и судить уза-коненным порядком в Палате Уголовного Су-да Санкт-Петербургской губернии, где, заклю-ча приговор, взнести оный в Сенат наш.

Пребываем вам благосклонны.

Екатерина.

II

26-го июня. Говорили (государыня) о книге "Путешествие из Петербурга в Москву": "Тут рассеяние заразы французской: автор марти-

нист. Я прочла тридцать страниц". Посылала за Рылеевым (обер-полицмейстером). Открывается подозрение на Радищева.

2 июля. Продолжает писать примечания на книгу Радищева. А он, говорят, препоручен Шешковскому и сидит в крепости.

7 июля. "Примечания на книгу Радищева послать к Шешковскому". Сказать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина и себя таким же представляет. Говорили с жаром и чувствительностью.

11 августа. Доклад о Радищеве с приметною чувствительностью приказано рассмотреть в Совете, "чтоб не быть пристрастною, и объявить, чтоб не уважали до меня касающееся, понеже я презираю".

(Записки Храповицкого.)

III

КЛИН

"Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь.." Поющий сию народную песню, называемую Алексеем божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по

большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусный хотя его напев, но нежно-стию изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе немлющих, нежели взрощенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга немлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилося исступаящих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела спутница ее улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид

восприял важности О! природа, возопил я паки...

Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико сердце оно обновляет и оно чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером... О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику, как будто бы награду за его труд. Он принимал все денежки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестясь и говоря к подающему: "Дай бог тебе здоровья". Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего конечно приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности. Подошед к нему, я в

дрожащую его руку толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения лежащего в его горсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соблезнование человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу! - Не пятак ли? - сказал он, обращая речь свою неопределенно, как и всякое свое слово. - Нет, дедушка, рублевик, - сказал близ стоящий его мальчик. - Почто такая милостыня? - сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалось, мысленно вообразити себе то, что в горсти его лежало. Почто она не могущему ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего! Ах!

если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он, может быть, случай к преступлению. Полушку не много прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. - О истина! коликко ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну. - Возьми его назад, мне, право, он ненадобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы еще в бодрых моих летах лишен я был вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил... Я был воин; на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего, безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на кара-

ние и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств пролетевшим мимо очей, в силе своей, пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество. - Возвратил он мне мой рубль и сел опять на место свое покойно.

- Прими свой праздничный пирог, дедушка, - говорила слепому подошедшая женщина лет пятидесяти. - С каким восторгом он принял его обеими руками. Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять, он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика и его избавил от побой; может быть, чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот,

что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот, чего не позабывает она каждый день и каждый праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадает.

- Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, - сказал я ему, - и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника? Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. - Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию, - говорил старец; - не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло - платчишка не было чем повязать шеи бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание нищего. Я снял

платок с моей шеи, повязал на шею слепого...
И расстался с ним.

Возвращаясь через Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дня моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел, заболев, перед смертью на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие.

Вот каким слогом написана вся книга!

1 А.М. Кутузова, которому Радищев и посвятил "Житие Ф.В. Ушакова". (Прим. Пушкина.)

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СВОЙСТВЕННИКОВ ИОАННЫ Д'АРК

В Лондоне, в прошлом, 1836, году, умер некто г. Дюлис (Jean-Francois-Philipp Dulys), потомок родного брата Иоанны д'Арк, славной Орлеанской девственницы. Г-н Дюлис переселился в Англию в начале французской революции; он был женат на англичанке и не оставил по себе детей. По своей духовной назначил он по себе наследником родственника жены своей - Джемса Белли, книгопродавца

Эдимбургского. Между его бумагами найдены подлинные грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис (d'Arc Dulys). Все сии грамоты проданы были с публичного торгу за весьма дорогую цену, так же как и любопытный автограф: письмо Вольтера к отцу покойного господина Дюлиса.

По-видимому, Дюлис-отец был добрый дворянин, мало занимавшийся литературою. Однако ж около 1767-го году дошло до него, что некто Mr. de Voltair издал какое-то сочинение об Орлеанской героине. Книга продавалась очень дорого. Г-н Дюлис решился, однако же, ее купить, полагая найти в ней достоверную историю славной своей прабабки. Он был изумлен самым неприятным образом, когда получил маленькую книжку in 1/8, напечатанную в Голландии и украшенную удивительными картинками. В первом пылу негодования написал он Вольтеру следующее письмо, с коего копия найдена также между бумагами покойника. (Письмо сие, так же как и ответ Вольтера, напечатано в журнале Morning Chronicle.)

"Милостивый государь.

Недавно имел я случай приобрести за шесть луидоров написанную вами историю осады Орлеана в 1429 году. Это сочинение преисполнено не только грубых ошибок, непростительных для человека, знающего сколько-нибудь историю Франции, но еще и нелепою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны д'Арк, по прозванию Орлеанской девственницы, Агнессы Сорель, господ Латримулья, Лагира, Бодрикура и других благородных и знатных особ. Из приложенных копий с достоверных грамот, которые хранятся у меня в замке моем (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourgaine), вы ясно увидите, что Иоанна д'Арк была родная сестра Луке д'Арк дю Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), от коего происхожу по прямой линии. А посему, не только я полагаю себя вправе, но даже и ставлю себе в неперемнную обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе дозволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы.

Итак, прошу вас, милостивый государь,

дать мне знать о месте и времени, так же и об оружии, вами избираемом для немедленного окончания сего дела.

Честь имею и проч."

Несмотря на смешную сторону этого дела, Вольтер принял его не в шутку. Он испугался шуму, который мог бы из того произойти, а может быть и шпаги щекотливого дворянина, и тотчас прислал следующий ответ.

22 мая 1767

"Милостливый государь.

Письмо, которым вы меня удостоили, стало меня в постели, с которой не схожу вот уже около осьми месяцев. Кажется, вы не изволите знать, что я бедный старик, удрученный болезнями и горестями, а не один из тех храбрых рыцарей, от которых вы произошли. Могу вас уверить, что я никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники (*l'impertinante chronique rimée*), о которой изволите мне писать. Европа наводнена печатными глупостями, которые публика великодушно мне приписывает. Лет сорок тому назад случилось мне напечатать поэму под заглавием "Генриада". Исчисляя в ней ге-

роев, прославивших Францию, взял я на себя смелость обратиться к знаменитой вашей родственнице (votre illustre cousine) с следующими словами:

Et toi, brave Amazone,

La honte des anglais et le soutien du trone {1}.

Вот единственное место в моих сочинениях, где упомянуто о бессмертной героине, которая спасла Францию. Жалею, что я не посвятил слабого своего таланта на прославления божиих чудес, вместо того чтобы трудиться для удовольствия публики бессмысленной и неблагодарной.

Честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою

Voltaire,

gentilhomme de la chambre du Roy {2}"

Английский журналист по поводу напечатания сей переписки делает следующие замечания:

"Судьба Иоанны д'Арк в отношении к ее отечеству поистине достойна изумления; мы, конечно, должны разделить с французами стыд ее суда и казни. Но варварство англичан может еще быть извинено предрассудками

века, ожесточением оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала действию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? Конечно, не страхом дьявола, которого исстари они не боялись. По крайней мере мы хоть что-нибудь да сделали для памяти славной девы; наш лауреат посвятил ей первые девственные порывы своего (еще не купленного) вдохновения. Англия дала пристанище последнему из ее сродников. Как же Франция постаралась загладить кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ее хроники? Правда, дворянство дано было родственникам Иоанны д'Арк; но их потомство пресмыкалось в неизвестности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворе французских королей от Карла VII до самого Карла X. Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти Орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребля-

ет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и, как пьяный дикарь, пляшет около своего потешного огня. Он, как римский палач, присовокупляет поругание к смертным мучениям девы. Поэма лауреата не стоит, конечно, поэмы Вольтера в отношении силы вымысла, но творение Соуте есть подвиг честного человека и плод благородного восторга. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества, и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостиных барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латри-

мулья. Жалкий век! жалкий народ!"

О МИЛЬТОНЕ И ПЕРЕВОДЕ "ПОТЕРЯННОГО РАЯ" ШАТОБРИАНОМ

Долгое время французы пренебрегали словесностью своих соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отделились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками.

В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы ни находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованный французского читателя. Странно, когда подумаешь, кого и перед кем извинял таким образом! И вот к чему ведет невежественная страсть к народности!.. Наконец критика спохватилась. Стали подозревать, что г. Летурнер мог ошибочно судить о Шекспире и не совсем благо- разумно поступил, переправляя на свой лад Гамлета, Ромео и Лира. От переводчиков ста-

ли требовать более верности, а менее щекотливости и усердия к публике - пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде - и с их природными недостатками. Даже мнение, утвержденное веками и принятое всеми, что переводчик должен стараться передавать дух, а не букву, нашло противников и искусные опровержения.

Ныне (пример неслыханный!) первый из французских писателей переводит Мильтона слово в слово и объявляет, что подстрочный перевод был бы верхом его искусства, если бы только он был возможен! Таковое смирение во французском писателе, первом мастере своего дела, должно было сильно изумить поборников исправительных переводов и, вероятно, будет иметь большое влияние на словесность.

Изю всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он был безвинно оклеветан, не говорим о переводе в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и

украсил его без милосердия; но как же выводили его собственное лицо в трагедиях и в романах писатели новейшей романтической школы? Что сделал из него г. Альфред де Виньи, которого французские критики без церемонии поставили на одной доске с В. Скоттом? Как выставил его Виктор Юго, другой любимец парижской публики? Может быть, читатели забыли и "Sing Mars", и "Кромвеля" - и потому не могут судить о нелепости вымыслов Виктора Юго. Выведем того и другого на суд всякого знающего и благомыслящего человека.

Начнем с трагедии - одного из самых нелепых произведений человека, впрочем одаренного талантом.

Мы не станем следовать за спотыкливым ходом этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотим только показать нашим читателям, в каком виде в ней представлен Мильтон, еще неизвестный поэт, но политический писатель, уже славный в Европе своим горьким и заносчивым красноречием.

Кромвель во дворце своем беседует с лордом Рочестером, переодетым в методиста, и с

четырьмя шутами. Тут же находится Мильтон со своим вожатым (лицом довольно не нужным, ибо Мильтон ослеп уже гораздо после). Протектор говорит Рочестеру:

- Так как мы теперь одни, то я хочу посмеяться: представляю вам моих шутов. Когда мы находимся в веселом духе, тогда они бывают очень забавны. Мы все пишем стихи, даже и мой старый Мильтон.

Мильтон (с досадою). Старый Мильтон! Извините, милорд: я девятью годами моложе вас.

Кромвель. Как угодно.

Мильтон. Вы родились в 99, а я в 608.

Кромвель. Какое свежее воспоминание!

Мильтон (с живостию). Вы бы могли обходиться со мною учтивее: я сын нотариуса, городского альдермана.

Кромвель. Ну, не сердись - я знаю, что ты великий феолог и даже хороший стихотворец, хотя пониже Вайверса и Дона.

Мильтон (говоря сам про себя). Пониже! Как это слово жестоко! Но погодим. Увидят, отказало ли мне небо в своих дарах. Потомство мне судия. Оно поймет мою Еву, падаю-

щую в адскую ночь, как сладкое сновидение; Адама преступного и доброго, и Неукротимого духа, царствующего также над одною вечностью, высокого в своем отчаянии, глубокого в безумии, исходящего из огненного озера, которое бьет он огромным своим крылом! Ибо пламенный гений во мне работает. Я обдумываю молча странное намерение. Я живу в мысли моей, и ею Мильтон утешен: так я хочу в свою очередь создать свой мир между адом, землею и небом.

Лорд Рочестер (про себя). Что он там горюдит?

Один из шутов. Смешной мечтатель!

Кромвель (пожимая плечами). Твой "Иконокласт" очень хорошая книга, но твой черт, Левиафан... (смеясь) очень плох...

Мильтон (сквозь зубы, с негодованием). И Кромвель смеется над моим Сатанюю!

Рочестер (подходит к нему). Г-н Мильтон!

Мильтон (не слыша его и обратясь к Кромвелю). Он это говорит из зависти.

Рочестер (Мильтону, который слушает его с рассеянностью). По чести, вы не понимаете поэзию. Вы умны, но у вас недостает вкуса.

Послушайте: французы - учителя наши во всем. Изучайте Ракана, читайте его пастушеские стихотворения. Пусть Аминта и Тирсис гуляют у вас по лугам; пусть она ведет за собою барашка на голубой ленточке. - Но Ева, Адам, ад, огненное озеро! Сатана голый, с опаленными крыльями. Другое дело: кабы вы его прикрыли щегольским платьем; кабы вы дали ему огромный парик и шлем с золотою шишкою, розовый камзол и мантию флорентинскую, как недавно видел я во Французской опере Солнце в праздничном кафтане.

Мильтон (удивленный). Это что за пустословие?

Рочестер (кусая губы). Опять я забылся! - Я, сударь, шутил.

Мильтон. Очень глупая шутка!

Далее Мильтон утверждает, что править государством - безделица; то ли дело писать латинские стихи. Немного времени спустя Мильтон бросается в ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протектор отвечает ему: г. Мильтон, государственный секретарь, ты пиит, ты в лирическом восторге забыл, кто я таков, и проч.

В сцене, не имеющей ни исторической истины, ни драматического правдоподобия, в бессмысленной пародии церемониала, наблюдаемого при коронации английских королей, Мильтон и один из придворных шутов играют главную роль. Мильтон проповедует республику, шут подымает перчатку королевского рыцаря...

Вот каким жалким безумцем, каким ничтожным пустомелей выведен Мильтон человеком, который, вероятно, сам не ведал, что творил, оскорбляя великую тень! В течение всей трагедии, кроме насмешек и ругательства, ничего иного Мильтон не слышит; правда и то, что и сам он, во все время, ни разу не вымолвит дельного слова. Это старый шут, которого все презирают и на которого никто не обращает никакого внимания.

Нет, г. Юго! Не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец "Иконокласта" и книги "Defensio populi"! Не таким языком изъяснялся бы с Кромвелем тот, который написал ему свой славный пророческий сонет "Cromwel, our chief, etc" {1}.

Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непеклонность души и продиктовал "Потерянный Рай".

Если г. Юго, будучи сам поэт (хотя и второстепенный) так худо понял поэта Мильтона, то всяк легко себе вообразит, что под его пером стало из лица Кромвеля, с которым не имел он уж ровно никакого сочувствия. Но это не касается до нашего предмета. От неровного, грубого Виктора Юго и его уродливых драм перейдем к чопорному манерному графу Виньи и к его облизанному роману.

Альфред де Виньи в своем "Сен-Марсе" также выводит перед нами Мильтона и вот в каких обстоятельствах:

У славной Марии Делорм, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворных и ученых. Скюдери толкует им свою аллегорическую карту любви. Гости в восхищении от крепости Красоты, стоящей на реке Гордости, от деревни Записочек, от гавани Равнодушия и проч. и проч. Все осыпают г-на Скюдери напыщенными похвалами, кроме

Мольера, Корнеля и Декарта, которые тут же находятся. Вдруг хозяйка представляет обществу молодого путешествующего англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляет его читать гостям отрывки из "Потерянного Рая". Хорошо; да как же французы, не зная английского языка, поймут Мильтоновы стихи? Очень просто: места, которые он будет читать, переведены на французский язык, переписаны на особых листочках и списки розданы гостям. Милтон будет декламировать, а гости следовать за ним. Да зачем же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Милтон великий декламатор, - или звуки английского языка чрезвычайно как любопытны? А какое дело графу де Виньи до всех этих нелепых несообразностей? Ему надобно, чтоб Милтон читал в парижском обществе свой "Потерянный Рай" и чтоб французские умники над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта (разумеется, кроме Мольера, Корнеля и Декарта), а из этого выйдет следующая эффектная сцена.

Хозяйка взяла листы и раздала их гостям.

"Все уселись и замолчали. Не скоро угово-

рили молодого иностранца начать чтение и отойти от окна, где он, казалось, с большим удовольствием разговаривал с Корнелем. Наконец он подошел к креслам, стоявшим у стола; он, казалось, был слабого здоровья и, можно сказать, упал, а не сел в них. Он облокотился на стол и закрыл рукою глаза свои, большие и выразительные, но полузакрытые и покрасневшие от бдений или слез. Он читал стихи свои наизусть, недоверчивые его слушатели смотрели на него с видом высокомерным или по крайней мере покровительственным; другие с рассеянным видом просматривали перевод стихов его.

Голос его, сначала глухой, постепенно очищался; скоро поэтическое вдохновение исхитило его из него самого, и взгляд его, возведенный к небу, сделался высоким, как взгляд Рафаэлева евангелиста, ибо свет еще отражался в нем. Он повествовал в стихах своих о первом грехопадении человека и призывал святого духа, который предпочитает всем храмам сердце чистое и бесхитростное, который все ведает и присутствовал при рождении времени.

Это начало принято было с глубоким молчанием, а последняя мысль с легким ропотом. Он ничего не слышал, видел все сквозь какое-то облако, - он был в мире, им созданном, и продолжал.

Он повествовал о духе адском, прикованном в пламени мстительном цепями диамантовыми; о времени, девять раз наделившем смертных днями и ночами, в продолжение его падения; о зримой тьме вечных темниц и пламенеющем океане, в котором плавали падшие ангелы; гремевший его голос начал речь князя демонов: Ты ли, говорил он, ты ли тот сиявший в ослепительном блеске блаженных селений света! О! как ниспал ты! Теки со мною... Что нам до поля нашей небесной битвы? Ужели все для нас погибло? Мы все сохранили, и волю непреклонную, и дух мести ненасытимый, и ненависть бесконечную, и мужество непреодолимое, ужели это не победа?

Тут слуга громким голосом возвестил о прибытии гг. Монтрезора и д'Антрэг. Они раскланялись, поговорили, передвигали все кресла и наконец уселись. Слушатели вос-

пользовались этим, чтобы начать множество частных разговоров; в них слышались только хулы и упреки в безвкусице; некоторые умные, но слишком привязанные к старине люди вскричали, что они этого не понимают, что это выше их разума (не думая, чтобы говорили правду), и этим ложным смирением привлекали себе похвалу, а поэту осуждение; выгода двойная. Иные говорили даже, что это поругание святыни.

Прерванный поэт закрыл лицо руками и облокотился на стол, чтобы не слышать всего этого шума похвал и критик. Только три человека подошли к нему: то были какой-то офицер, Покелень и Корнель; сей последний сказал Мильтону на ухо:

"Советую вам переменить ваши картины; та, которую вы нам изобразили, слишком высока для ваших слушателей".

Мильтон, несмотря на то что назначенные для чтения места переведены и что он должен читать их по порядку, ищет в памяти своей то, что, по его мнению, более произведет действия на слушателей, не заботясь о том, поймут ли его или нет. Но посредством

какого-то чуда (неизъясненного г-м де Виньи) все его понимают. Дебарро находит его приторным; Скюдери - скучным и холодным. Мария Делорм очень тронута описанием Адама в первобытном его состоянии. Мольер, Корнель и Декарт осыпают его комплиментами etc. etc.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя, как заезжий фигляр, и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, не известном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то возводя их в потолок. Разговоры его с Дету, с Корнелем и Декартом не были бы пошлым и изысканным пустословием; а в обществе играл бы он роль, ему приличную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека.

После удивительных вымыслов В. Юго и графа де Виньи, хотите ли видеть картину, просто набросанную другим живописцем? Прочтите в "Вудстоке" встречу одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля.

Французский романист, конечно, не довольствовался бы таким незначущим и естественным изображением. У него Мильтон, занятый государственными делами, непременно терялся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из "Потеряного Рая"; Кромвель бы это подметил, разобрал бы своего секретаря, назвал бы его стихоплетом и вралем etc., а из того бы вышел эффект, о котором бедный В. Скотт и не подумал!

Перевод, изданный Шатобрианом, заглаживает до некоторой степени прегрешения молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень. Мы сказали уже, что Шатобриан перевел Мильтона почти слово в слово, так близко, как только то мог позволить синтаксис французского языка: труд тяжелый и неблагодарный, незаметный для большинства читателей и который может быть оценен двумя, тремя знатоками!

Но удачен ли новый перевод? Шатобриан нашел в Низаре критика неумолимого. Низар в статье, исполненной тонкой сметливости,

сильно напал и на способ перевода, избранный Шатобрианом, и на самый перевод. Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона слово в слово, Шатобриан, однако, не мог соблюсти в своем преложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: *Comment vous portez-vous*; *How do you do*. Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык {1}.

Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к преложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона, сего поэта,

все вместе и изысканного и простодушного, темного, запутанного, выразительного, свое нравного и смелого даже до бессмыслия?

Перевод "Потерянного Рая" есть торговая спекуляция. Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения, бывший некогда первым министром, несколько раз посланником, Шатобриан на старости лет перевел Мильтона для куса хлеба. Каково бы ни было исполнение труда, им предпринятого, но самый сей труд и цель оного делают честь знаменитому старцу. Тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властью, почестями и богатством, предпочел им честную бедность. Уклонившись от палаты пэров, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриан приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестью. После этого что скажет критика? Станет ли она строгостию оценки смущать благородного труженика и подобно скупому покупщику хулить его товар? Но Шатобриан не имеет нужды в снисхождении: к своему пере-

воду присовокупил он два тома, столь же блестящие, как и все прежние его произведения, и критика может оказаться строгою к их недостаткам столько, сколько ей будет угодно: несомненные красоты, страницы, достойные лучших времен великого писателя, спасут его книгу от пренебрежения читателей, несмотря на все ее недостатки.

Английские критики строго осудили "Опыт об английской литературе". Они нашли его слишком поверхностным, слишком недостаточным; поверив заглавию, они от Шатобриана требовали ученой критики и совершенного знания предметов, близко знакомых им самим; но совсем не того должно было искать в сем блестящем обзрении. В ученой критике Шатобриан не тверд, робок и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал; судит о них вскользь и понаслышке и кое-как отделяется от скучной должности библиографа; но поминутно из-под пера его вылетают вдохновенные страницы; он поминутно забывает критические изыскания и на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с те-

ми, коим сам он был свидетель. Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, но которые и составляют истинное достоинство "Опыта".

Книга Шатобриана начинается быстрым и широким изображением средних веков, служащим введением в "Историю английской литературы".

1

"Порядок общественный, вне порядка политического, составлен из религии, умственной деятельности и промышленности материальной. Во всяком народе, во время величайших бедствий и важнейших событий, священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец, ваятель, зодчий творят и ожидают, ремесленник работает. Смотря только на них, вы видите мир настоящий, истинный, неподвижный, основание человечества, однако, по-видимому, чуждый обществу политическому. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях,

ремесленник в своем труде - открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и дары вдохновения..."

2

"Средние века представляют картину странную и которая кажется произведением мощного, но расстроенного воображения. В древности каждый народ исходит, так сказать, из собственного своего источника, некий первобытный дух проникает во все и во всем отзывается, нравы и гражданские установления делаются однородными. Общество в средних веках было составлено из обломков тысячи других обществ. Римская цивилизация и паганизм в нем оставили свои следы; христианская религия несла ему свое учение и торжества; франки, готфы, бургундцы, англо-саксы, датчане, норманцы сохраняли обычаи и нравы, свойственные их племенам. Все роды собственности и законов были перемешаны между собою... Все формы свободы и рабства сталкивались между собою: монархическая свобода короля, аристократиче-

ская свобода благороднорожденного, личная свобода священника, общая свобода волостей, исключительная свобода городов, судилищ, сословий ремесленных и купечества, представительная свобода народа, рабство римское, повинность варварских племен, крепость приземельная. Отселе явления, несообразные ни с чем, обычаи, один другому противуречающие и связанные только узами религии. Кажется, будто народы разные, не имеющие между собою никакого сношения, согласились жить под единою властью, около единого алтаря".

1 Кстати, недавно (в "Телескопе" кажется) кто-то, критикуя перевод, хотел, вероятно, блеснуть знанием итальянского языка и пенял переводчику, зачем он пропустил в своем переводе выражение *battarsi la guancia* - бить себя по щекам. - *Battarsi la guancia* - значит раскаяться, перевести иначе не имело бы никакого смысла. (Прим. Пушкина.)

ТРИ ПОВЕСТИ Н. ПАВЛОВА

Три повести г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к

которому не приучили нас наши записные романисты. Повесть "Именины", несмотря на свою занимательность, представляет некоторые несообразности. Идеализированное лакейство имеет в себе что-то неестественное, неприятное для здравого вкуса. Может быть, то же самое происшествие представляло в разительной простоте своей сильнейшие краски и положения более драматические, но требовало и кисти более сильной и более глубины в знании человеческого сердца.

"Аукцион" есть очень милая шутка, легкая картинка, в которой оригинально помещены три или четыре лица. - А я на аукцион - а я с аукциона черта истинно комическая.

Об "Атагане" скажем то же, что и об "Именинах". Занимательность этой повести не извиняет несообразности. Развязка не сбыточна или по крайней мере есть анахронизм - зато все лица живы и действуют и говорят каждый, как ему свойственно говорить и действовать. В слогe г. Павлова, чистом и свободном, изредка отзывается манерность; в описаниях - близорукая мелочность нынешних французских романистов. Г-на Павлова так расхва-

лили в "Московском наблюдателе", что мы в сих строках хотели ограничить наши замечания одними порицаниями, но в заключение должны сказать, что г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь идти обедать.

Талант г-на Павлова выше его произведений. В доказательство привожу одно место, где чувство истины увлекло автора даже противу его воли. В "Именинах", несмотря на то что выслужившийся офицер, видимо, герой и любимец его воображения, автор дал ему черты, обнаруживающие холопа: "Верьте, что не сметь сесть, не знать, куда и как сесть - это самое мучительное чувство!.. Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадетя. Понимаете ли вы удовольствие отвечать грубо на вежливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу, и развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед чинным богачом?"

ЗАПИСКИ ЧУХИНА,

сочинение Фаддея Булгарина etc.

Г-н Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, по-видимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!).

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина нимало не уступает его прежним.

НЕДОВОЛЬНЫЕ,
комедия М.Н. Загоскина

Московские журналы произнесли строгий приговор над новой комедией г-на Загоскина. Они находят ее пошлой и скучной. "Недовольные" в самом деле скучная, тяжелая пьеса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор, пошлый и натянутый, не заставляет забывать отсутствие действия.

Г-н Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами. - В них есть и живость воображения, и занимательность, и да-

же веселость, это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров.

Мы наскоро здесь упомянули о неудаче автора "Рославлева", дабы уж более не возвращаться к предмету, для нас неприятному.

"ИСТОРИЯ ПОЭЗИИ" С.П. ШЕВЫРЕВА

"История поэзии" явление утешительное, книга важная!

Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище, приказ Европы. - Nous sommes les grands juges {1}. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны - примеры тому.

Критика литературная у нас ничтожна: почему? Потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви и науки. - Взгляд на нашу критику - Мерзляков - Шишков - Дашков - etc.

Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе французской критики, ни отвлеченной философии немцев (стр. 6-11). Он избирает способ изложения исторический - и поделом: таким образом придает он науке заманчи-

вость рассказа.

Критик приступает к истории западных словесностей.

В Италии видит он чувственность римскую, побежденную христианством обретающую покровительство религии - воскресшую в художествах, покорившую своему роскошному влиянию строгий кафолицизм и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он то же начало - но встречает мавров, и видит в ней магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Шевырев переходит к северным народам, рабам нужды, пасынкам природы.

В туманной Англии видит он нужду, развивающую богатство, -, промышленность, труд, изучение - литературу без преданий etc., вещественность.

В германских священных лесах открывает он уже то стремление к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению, которые и доньше господствуют и в политическом составе Германии, и в системах ее мыслителей, и при дворах ее князьков, и на

кафедрах ее профессоров.

Франция, средоточие Европы, представительница жизни общественной, жизни все вместе эгоистической и народной. - В ней наука и поэзия - не цели, а средства. - Народ (*dei Herr Omnis* {2}) властвует со всей отвратительной властью демократии. - В нем все признаки невежества - презрение к чужому, *une morgue petutante et tranchante* {3} etc.

Девиз России: *Suum cuique* {4}.

"ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ" ШАПП Д'ОТРОША И "АНТИДОТ" ЕКАТЕРИНЫ II

В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии, Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан Французскою Академиею наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться 26 мая 1761 года. - Аббат выехал из Петербурга 10 марта и 10 апреля прибыл в Тобольск, где и оставался до июля.

В 1768 году аббат напечатал свое путешествие, которое смелостию и легкомыслием замечаний сильно оскорбило Екатерину, и она велела Миллеру и Болтину отвечать аббату.

ПУТЕШЕСТВИЕ В. Л. П.

Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова, 1808, in 160. Картинка на заглавном листе представляет В.Л. Пушкина, берущего урок декламации у Тальма.

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастье получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его как памятник благосклонности, для меня драгоценной...

Путешествие есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В.Л. Пушкин отправлялся в Париж, и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь Василий Львович. - Это образец игривой легкости и шутки, живой и незлобной.

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обшир-

ных созданиях драмы и эпопеи, но и в игривости шуток, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостью - искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств - и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...

Благоговею пред созданием "Фауста", но люблю и эпиграммы etc.

Виноват: я бы отдал все, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие незадумчивые и невосторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям:

Друзья! Сестрицы! я в Париже!

Я начал жить, а не дышать!

Садитесь вы друг к другу ближе

Мои маленький журнал читать.

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выпренной; есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?). Пусть так. Но жаль было бы, если б

не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА

Вольтер в своем *Siecle de Luois XIV* (в 1760) первый сказал несколько слов о Железной маске.

"Несколько времени после смерти кардинала Мазарини, пишет он, случилось происшествие беспримерное, и что еще удивительнее, не известное ни одному историку. Некто, высокого росту, молодых лет, благородной и прекрасной наружности, с величайшей тайною послан был в заточение на остров св. Маргариты. Дорогою невольник носил маску, коей нижняя часть была на пружинах, так что он мог есть, не сымая ее с лица. Приказано было, в случае, если б он открылся, его убить. Он оставался на острове до 1690 году, когда Сен-Марс, губернатор Пиньрольской крепости, быв назначен губернатором в Бастилью, приехал за ним и препроводил его в Бастилью, все так же маскированного. Перед сим маркиз де Лувоа посетил его на сем острове и говорил с ним стоя, с видом уважения. Неизвестный посажен был в Бастилью, где

всевозможные удобства были ему доставляемы. Ему ни в чем не отказывали. Он любил самое тонкое белье и кружева. Он играл на гитаре. Стол его был самый отличный. Губернатор редко садился перед ним. Старый лекарь, часто его лечивший в различных болезнях, сказывал, что никогда не видывал его лица, хотя и осматривал его язык и другие части тела. По словам лекаря, он был прекрасно сложен, цветом довольно смугл. Голос его был трогателен; он никогда не жаловался и не намекал о своем состоянии.

Неизвестный умер в 1703 году и был похоронен ночью, в приходе св. Павла. Удивительно и то, что в то время, когда привезен он был на остров св. Маргариты, никого из важных особ в Европе не исчезло. Невольник сей, безо всякого сомнения, был особа важная. Доказательством тому служит происшествие, случившееся в первые дни его заточения на острове. Сам губернатор приносил ему кушание на стол, запирали дверь и удалялся. Однажды невольник начертал что-то ножом на серебряной тарелке и бросил ее из окошка. Рыбак поднял тарелку на берегу моря и принес ее гу-

бернатору. Сей изумился. "Читал ли ты, что тут написано, - спросил он у рыбака, - и видел ли кто у тебя эту тарелку?" - "Я не умею читать, - отвечал рыбак, - я сей час ее нашел, никто ее не видал". Рыбака задержали, пока не удостоверились, что он в самом деле был безграмотный и что тарелки никто не видал. Губернатор отпустил его, сказав: "Ступай; счастлив ты, что не умеешь читать".

Г-н де Шамильяр был последний из министров, знавших эту странную тайну. Зять его, маршал де ла Фельяд, сказывал мне, что при смерти своего тестя он на коленях умолял его открыть, кто таков был человек в железной маске. Шамильяр отвечал, что это государственная тайна и что он клялся ее не открывать. Многие из моих современников подтвердят истину моих слов. Я не знаю ничего ни удивительнее, ни достовернее".

Сии строки произвели большое впечатление. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Железная маска был граф de Vermandois, осужденный на вечное заключение будто бы за пощечину, им дан-

ную дофину (Людовику XIV). Другие видели в нем герцога де Бофор, сего феодального демагога, мятежного любимца черни парижской, пропавшего без вести во время осады Кандии в 1669 г.; третьи утверждали, что он был некто иной, как герцог Монмуф, и проч. и проч. Сам Вольтер, опровергнув все сии мнения с ясностью критики, ему свойственной, романтически думал или выдумал, что славный невольник был старший брат Людовика XIV, жертва честолюбия и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрешенною. Взятие Бастилии в 1789 году и обнародование ее архива ничего не могли открыть касательно таинственного затворника.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЗАПИСКЕ Н.М.КАРАМЗИНА "О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ"

Во втором Э "Современника" (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат, если не полную речь великого нашего соотечествен-

ника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса.

ПРИМЕЧАНИЕ О ПАМЯТНИКЕ КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ И ГРАЖДАНИНУ МИНИНУ

Надпись Гражданину Минину, конечно, не удовлетворительна: он для нас или мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукой, или думный дворянин Косма Минич Сухорукой, или, наконец, Кузьма Минин, выборный человек от всего Московского государства, как назван он в грамоте о избрании Михаила Федоровича Романова. Все это не худо было бы знать, также как имя и отчество князя Пожарского. Кстати, недавно в одной исторической статье сказано было, что Минину дали дворянство и боярство, но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 году удалиться в Нижний-Новгород. - Сколько несообразностей! Минин никогда не бывал боярином; он в думе заседал, как думный дворянин; в 1616 их было всего два: он и Гаврила Пушкин. Они получали по 300 р. окладу. О годе его смерти нет нигде никакого известия; полагают, что Минин умер в Нижнем-Новгороде, потому что он там похоро-

нен и что в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чином в 1616.

ЗАМЕТКА ОБ УТЕРЕ АДРЕСА ПОДПИСЧИКА
ИЗ г. ХОЛМА

Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности, покорнейше просит особу, подписавшуюся на получение "Современника" в гор. Холме, прислать к нему свой адрес, который затерялся.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, НАМЕЧАВШИХСЯ ДЛЯ
ОТДЕЛА "ОПЫТЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ" В
"СОВРЕМЕННОМ"

Поход 1711 +

St. Razin +

Путешествие В.Л. (Дм.)

Календарь на 1721 г. +

Путешествие Радищева +

Собрание русских песен

Тредьяковский

О Пугачеве

Сказки

Русские шутки

О Ваньке Каине

L'Abbe Charpe

Antidote

О легчайшем способе etc. Дашкова

О пословицах

О Hist. tragiques

Aventuriers etc.

О Библ. Новикова

О путешествии артиллериста Ар.

О MS

Опыты библиографические.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ, ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ,

ПЛАНЫ

МОИ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ РУССКОМ ТЕАТРЕ

Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужнического пустынного критика "Истории" Карамзина? Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет, и потому не прилагаю здесь ни своего послужного

списка, ни свидетельства о рождении, ни росписи своим знакомым и друзьям, ни собственной аполлогии. Читатель, которому до меня нет никакой нужды, этим нимало не оскорбится, и если ему нечего делать, то пробежит мои замечания об русском театре, не заботясь, по какому поводу я их написал и напечатал.

Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. "Откуда ты?" - "От Семеновой, от Сосницкой, от Колесовой, от Истоминой". - "Как ты счастлив!" - "Сегодня она поет - она играет, она танцует - похлопаем ей - вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!.." - Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Боэльдье или della Maria. Знатоки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. Прочие хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раек приходит в исступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актеров по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (то есть кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъяснении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное

отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

Но посмотрим, достойны ли русские актеры такого убийственного равнодушия. Разберем отдельно трагедию, комедию, оперу и балет и постараемся быть снисходительными и

строгими, но особливо беспристрастными.

Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, все сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано. Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союз-

ных поэтов, от которых каждый отец отрекается . Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости, прекратились, она осталась единодержавною царицею трагической сцены. Было время, когда хотели с нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роли Дидоны живо напоминала нам жеманную Селимену (так, как в роли Ревнивой жены¹ напоминает она и теперь Карфагенскую царицу). Но истинные почитатели ее таланта забыли, что видали ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями.

В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно, частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во все продолжение игры ее руко-

плесканья не прерывались. По окончании трагедии она была вызвана криками иступления, и когда г-жа Колосова большая *Filiae pulchrae mater pulchrrior*¹⁾

в русской одежде, блистая материнскою гордостью, вышла в последующем балете, все загремело, все закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Пример единственный в истории нашего театра. Рассказываю просто, не делая на это никаких замечаний. Три раза сряду Колосова играла три разные роли с равным успехом. Чем же все кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-помалу охолодел, похвалы стали умереннее, рукоплескания утихли, перестали ее сравнивать с несравненною Семеновой; вскоре стала она являться пред опустелым театром. Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры, все заснуло и проснулись только тогда, когда христианка Заира, умерщвленная в пятом действии трагедии, показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повязке, и пошла плясать по-русски с большою приятностию на голос: Во саду ли, в огороде.

Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантами е. и. в., а более своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикивания и парижский выговор буквы Р, очень приятный в комнате, но неприличный на трагической сцене, если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными, если будет подражать не только одному выражению лица Семеновой, но постарается себе присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях, то мы можем надеяться иметь со временем истинно хорошую актрису - не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием. Красота проходит, таланты долго не увядают. Кто нынче говорит об Каратыгиной, которая, по собственному признанию, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослепленная публика кричала об чудном таланте прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду с его законною вдовою, и никто не возьмет на себя решить, которая из них непонятнее и неприятнее. Скромная, никем не замеченная Яблоч-

кина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, предпочитается им обоим простым, равнодушным чтением стихов, которое по крайней мере никогда не вредит игре главной актрисы.

Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма. В то время имели мы двух трагических актеров! Яковлев умер; Брянский заступил его место, но не заменил его. Брянский, может быть, благопристойнее, вообще имеет более благородства на, сцене, более уважения к публике, тверже знает свои роли, не останавливает представлений внезапными своими болезнями; но зато какая холодность! какой однообразный, тяжелый напев! По мне уж лучше пей,

Да дело разумей.

Яковлев имел часто восхитительные порывы гения, иногда порывы лубочного Тальма. Брянский всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Дмитрий - равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы

ему: расшевелись, батюшка! развернись, рассердись, ну! ну! Неловкий, размеренный, сжатый во всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни своей фигурой. Брянский в трагедии никогда никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комический актер он имеет преимущество и даже истинное достоинство.

Оставляю на жертву бенуару Щеникова, Глухарева, Каменогорского, Толченова и проч. Все они, принятые сначала с восторгом, а после падшие в презрение самого райка, погибли без шума. Но из числа сих отверженных исключим Борецкого. Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, ни даже довольно приятной фигуры Брянского, его напев еще однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. Certes! c'est beaucoup dire²⁾ - со всем тем я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкий имеет чувство; мы слышали порывы души его в роли Эдипа и старого Горация. Надежда в нем не пропала. Искоренение всех привычек, совершенная перемена

методы, новый образ выразиться могут сделать из Борецкого, одаренного средствами душевными и физическими, актера с великим достоинством.

Но оставим неблагоприятное поле трагедии и приступим к разбору комических талантов.

1 Иные почитают лучшею ролью г-жи Валберховой роль ревнивой жены. Совершенно несправедливо. Разве они не видали ее в "Мизантропе", в "Нечаянном закладе", в "Пустодомах" и проч.? (Прим. Пушкина.)

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ "ПРОЕКТА ВЕЧНОГО МИРА" СЕН-ПЬЕРА В ИЗЛОЖЕНИИ Ж.-Ж.

РУССО

1. Il est impossible que les hommes ne conçoivent avec le temps la ridicule atrocité de la guerre comme ils ont conçu l'esclavage, la royauté etc. Ils verront que nous sommes destinés à manger, à boire et à être libres.

2. Les constitutions qui sont un grand pas de l'esprit humain et qui n'en sera pas l'unique tendant nécessairement à diminuer le nombre des troupes d'un état, l'esprit de la force armée étant directement opposé à toute idée constitutionnelle, il serait très possible qu'avant

100 ans l'on n'eut plus d'armee permanente.

3. Quant aux grandes passions et aux grands talents militaires on aura toujours la guillotine - la societe se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un general victorieux - on a bien autre chose a faire - et ce n'est que pour cela qu'on s'est mis sous l'egide des lois.

Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un croyant de protestantisme dit en propres termes: "ce qui est utile au public ne s'introduit guere que par la force, attendu que les interets particuliers y sont presque toujours opposes. Sans doute la paix perpetuelle est a present un projet bien absurde; mais qu'on nous rende un Henri IV et un Sully, la paix perp etuelle redeviendra un projet raisonnable; ou plutot, admirons un si beau plan, mais consolons-nous de ne pas le voir ex ecuter; car cela ne peut se faire que par des moyens violents et redoutables a l'humanite". Il est evident que ces terribles moyens, dont il parlait, c'etaient les r evolutions - or nous y sommes. Je sais bien que toutes ces raisons sont tres mauvaises, le temoignage d'un petit gar con comme Rousseau qui n'a jamais gagne seulement une pauvre bataille ne peut

avoir aucun poids - mais la dispute est toujours une tres bonne chose en se qu'elle aide a digerer - du reste elle n'a jamais persuade personne {1}.

О РУССКОЙ ПРОЗЕ

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: "Не выхваляйте мне Бюфона, этот человек пишет: Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать лошадь". Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер очень умный человек и, признаюсь, я почти согласен с его мнением.

Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне - великом живописце природы. Слог его, цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы. Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут дружба, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру - а они пишут: едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба - ах,

как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее.

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса - и продолжай - будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

Презренный зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостию... боже мой, зачем просто не сказать лошадь: не короче ли - г-н издатель такого-то журнала.

Вольтер может почестся лучшим образцом благоразумного слога. Он осмеял в своем "Микромегасе" изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить {1}.

Точность и краткость - вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей - без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей

гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется).

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ - Карамзина. Это еще похвала не большая - скажем несколько слов об сем почтенном

1 Кстати о слоге, должно ли в сем случае сказать - не мог ему того простить - или не мог ему то простить? Кажется, что слова сии зависят не от глагола мог, управляемого частицей не, но от неопределенного наклонения простить, требующего винительного падежа. Впрочем, Н. М. Карамзин пишет иначе. (Прим. Пушкина)

О ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Изо всех литератур она имела самое большое влияние на нашу. Ломоносов, следуя немцам, следовал ей. Сумароков - (Тредьяковский нехотя отделил стихосложением) - Дмитриев, Карамзин, Богданович. Вредные последствия манерность, робость, бледность. Жуковский подражает немцам, Батюшков и Баратынский - Парни. Некоторые пишут в

русском роде, из них один Крылов, коего слог русский. Князь Вяземский имеет свой слог. Катенин - пиесы в немецком роде - слог его свой.

Что такое французская словесность? Трубатуры. Малерб держится четырьмя строками оды к Дюперье и стихами Буало. Менар, чистый, но слабый. Ракан. Воатюр - дряннь. Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Ж.-Б. Руссо, Вольтер. Буало убивает французскую словесность, его странные суждения, зависть Вольтера французская словесность искажается - русские начинают ей подражать Дмитриев, Карамзин, Богданович - как можно ей подражать: ее глупое стихосложение - робкий, бледный язык - вечно на помочах, Руссо в одах дурен. Державин.

Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! - обычаи, история, песни, сказки - и проч.

О ПРИЧИНАХ, ЗАМЕДЛИВШИХ ХОД НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пре-

небрежение русского. Все наши писатели на то жаловались, - но кто же виноват, как не они сами. Исключая тем, которые занимают-ся стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен. У нас еще нет ни словесности, ни книг {1}, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись - метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны.

Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на

неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в "Душеньке" Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского; что Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил.

1 ...в стране моей родной

Журналов тысячи, а книги ни одной.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ "ЦЫГАНЫ"

1

Долго не знали в Европе происхождения цыганов; считали их выходцами из Египта - донныне в некоторых землях и называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения - доказано, что цыгане принадлежат отверженной касте индейцев, называемых париа. Язык и то, что можно назвать их верою, - даже черты лица и образ жизни - верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности,

обеспеченной бедностью, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг - они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, пеньем и плясками.

В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой. Они не промышляют ни кражей, ни обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами. Дань их составляет неограниченный доход супруги господаря.

2

Примечание. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть осо-

бенно любопытна для нас: Она Державиным воспета

И славой русскою полна.

Но доньше область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выйдет ли когда-нибудь "Историческое и статистическое описание оной", составленное И.П. Липранди, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека.

О СТАТЬЕ А. БЕСТУЖЕВА "ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1824 И НАЧАЛЕ 1825 ГОДОВ"

Бестужев предполагает, что словесность всех народов следовала общим законам природы. Что это значит? Первый век ее был возрастом гениев.

Кажется, автор хотел сказать, что всякая словесность имеет свое постепенное развитие и упадок. Нет.

Автор первым ее периодом предполагает век "сильных чувств и гениальных творений". "По времени круг сей (какой) стесняется... Жажда нового ищет нечерпанных источников, и гении смело кидаются в обход мимо

толпы в поиске новой земли мира нравственного и вещественного, пробивают свои стези". Следовательно, настает новый период, но г-н Бестужев сливает их в одно и продолжает: "За сим веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедией; но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности. Так было везде". Нет. О греческой поэзии судить нам невозможно - до нас дошло слишком мало памятников оной. О греческой критике мы не имеем и понятия. Но мы знаем, что Геродот жил прежде Эсхила, гениального творца трагедии. Невий предшествовал Горацию, Энний - Virгилию, Катулл - Овидию, Гораций - Квинтилиану, Лукан и Сенека явились гораздо позже. Все это не может подойти под общее определение г. Бестужева.

Спрашивается, которая из новейших словесностей являет постепенность, своевольно определенную г. Бестужевым? Романтическая словесность началась триолетами. Таинства, ле, фаблио предшествовали созданиям Ариоста, Кальдерона, Dante, Шекспира. После

кавалера Marini явился Alfieri, Monti и Foscolo, после Попа и Аддиссона - Байрон, Мур и Соуве. Во Франции романтическая поэзия долго младенчествовала. Лучший стихотворец времени Франциска I Marot Rima des triolets, fit fleurir la ballade {1}.

Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота.

Спрашивается, где видим и тень закона, определенного г. Бестужевым?

У нас есть критика? где ж она? Где наши Аддиссоны, Лагарпы, Шлегели, Sismondi? что мы разобрали? чьи литературные мнения сделались народными, на чьи критики можем мы сослаться, опереться?

Но г-н Бестужев сам же говорит ниже - "критик, антикритик и перекритик мы видим много, а дельных критиков мало". Назад Вперед Примечания Содержание тома Указатель Содержание

О СТИХОТВОРЕНИИ "ДЕМОН"

Думаю, что критик ошибся. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они

не правы, по крайней мере вижу я в "Демоне" цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения, и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оногo на нравственность нашего века.

ОБ АНДРЕЕ ШЕНЬЕ

Andre Chenier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года. Нельзя воздержаться от го-

рестного чувства...

О ТРАГЕДИЯХ КАТЕНИНА

П.А. Катенин прекрасно перевел многие трагедии, также комедию "Le Mechant" и проч. Не упоминаю об его трагедии "Андромаха", которая еще в рукописи и не играна. Она, без сомнения, лучшая из всех.

О ПОЭЗИИ КЛАССИЧЕСКОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ

Наши критики не согласились еще в ясном определении различий между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму все, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому.

Если вместо формы стихотворения будем брать за основание только дух, в котором оно писано, то никогда не выпутаемся из определений. Гимн Ж.-Б. Руссо духом своим, конеч-

но, отличается от оды Пиндара, сатира Ювенала от сатиры Горация, "Освобожденный Иерусалим" от "Энеиды", однако ж все они принадлежат к роду классическому.

К сему роду должны отнести те стихотворения, коих формы известны были грекам и римлянам, или коих образцы они нам оставили; следственно, сюда принадлежат: эпическая поэма, дидактическая поэма, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и баснь.

Какие же роды стихотворения должны отнести к поэзии романтической?

Те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности. Взглянем на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная империя клонилась быстро к падению, а с нею науки, словесность и художества. Наконец она пала; просвещение погас-

ло. Невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи скобляли с пергамента стихи Лукреция и Вергилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции - рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, имело важное влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков; побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие - любить размеренность, ответственность свойственно уму человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее всевозможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virelai*, баллада, рондо, сонет и проч.

От сего произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним; мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться триолетами. Мы находим несчастные сии

следы в величайших гениях новейших времен.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии, воображение требует картин и рассказов. Трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания, родился ле, романс и фаблио.

Темные понятия о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению таинств (*mystires*). Они почти все писаны на один образец и подходят под одно уложение, но, к несчастью, в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие Востока; рыцари сообщили свою набожность и простодушие, свои понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфреда и Ричарда.

Таково было смиренное начало романти-

ческой поэзии. Если бы она остановилась на сих опытах, то строгие приговоры французских критиков были бы справедливы, но отрасли ее быстро и пышно процвели, и она является нам соперницею древней музыки.

Италия присвоила себе ее эпопею, полуафриканская Гишпания завладела трагедией и романом, Англия противу имени Dante, Ариосто и Кальдерона с гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона и Шекспира. В Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая, коей памятником остался Ренике Фукс.

Во Франции тогда поэзия все еще младенчествовала: лучший стихотворец времени Франциска I *rima des triolets, fit fleurir la ballade*¹).

Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже проложенной: были поэмы прежде Ариостова "Орландо", были трагедии прежде созданий de Vega и Кальдерона.

Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве, без всякого направления, безо всякой силы. Образованные умы века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало обнаружил свой Коран - и французская словесность ему покорилась.

Сия лжеклассическая поэзия, образованная в передней и никогда не доходившая далее гостиной, не могла отучиться от некоторых врожденных привычек, и мы видим в ней все романтическое жеманство, облеченное в строгие формы классические.

P. S. Не должно думать, однако ж, чтоб и во Франции не осталось никаких памятников чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и "Дева" сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю уже о многочисленных подражаниях тем и той (подражаниях, по большей части посредственных: легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве).
Назад Вперед Примечания Содержание тома
Указатель Содержание

О КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Изю всех родов сочинений самые неправдоподобные (*invraisemblables*) сочинения драматические, а из сочинений драматических - трагедии, ибо зритель должен забыть, по большей части, время, место, язык; должен усилением воображения согласиться в известном наречии - к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила: действие, место, время. Занимательность, будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны: от сего происходят какие неудобства, стеснения места действия. Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества - все происходит в одной комнате! - Непомерная быстрота и стесненность происшествий, наперсники... а *partie* столь же несообразны с рассудком - принуждены были в двух местах и проч. И все это ничего не значит. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства?

Интерес - единство.

Смешение родов комического и трагического, напряжение, изысканность необходимых иногда простонародных выражений.

О НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, то есть радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения.

Но мудрено отъять у Шекспира в его "Отелло", "Гамлете", "Мера за меру" и проч. - достоинства большой народности; Vega и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заедают предметы своих трагедий из итальянских новелл, из французских ле. Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую царевну. Трагедии Расина взяты им из древней истории.

Мудрено, однако же, у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности. Напротив того, что есть народного в "Россиаде" и в "Петриаде", кроме имен, как справедливо заметил кн. Вяземский. Что есть народного в Ксении, рассуждающей шестистопными ямбами о власти родительской с наперницей посреди стана Димитрия?

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками - для других оно или не существует, или даже может показаться пороком. Ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Все это носит, однако ж, печать народности.

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.

О СТАТЬЯХ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В АЛЬМАНАХЕ

"МНЕМОЗИНА"

Статьи "О направлении нашей поэзии" и "Разговор с г. Булгариным", напечатанные в "Мнемозине", послужили основанием всего, что сказано было противу романтической литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Правый или неправый, он везде предлагает причины своего образа мыслей и доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе.

Никто не стал опровергать его, потому ли, что все с ним согласились, потому ли, что не хотели связаться с атлетом, по-видимому сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей.

Теперь положим, что разделение сие справедливо, и рассмотрим, каким образом критик определяет степень достоинства сих двух родов.

"Мы, напр...", выписываем сие мнение, потому что оно совершенно согласно с нашим.

Что такое сила в поэзии? сила в изобретенье в расположении плана, в слоге ли?

Свобода? в слоге, в расположении, - но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торжественной оде?

Вдохновение? есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следовательно к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Критик смешивает вдохновение с восторгом.

Нет; решительно нет: восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следовательно не в силе произвести истинное великое совершенство (без которого нет лирической поэзии).

Гомер неизмеримо выше Пиндара; ода стоит на низших ступенях, не говоря уже об элегии; трагедия, поэма, сатира все более ее тре-

буют творчества (fantaisie), воображения - гениального знания природы.

Но плана нет в оде и не может быть; единый план "Ада" есть уже плод высокого гения. Какой план в олимпийских одах Пиндара, какой план в "Водопаде", лучшем произведении Державина?

Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого.

Восторг есть напряженное состояние единого воображения. Вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения не существует.

ОБ АЛЬМАНАХЕ "СЕВЕРНАЯ ЛИРА"

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков - имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех "Северной лиры", первенца московских альманахов.

Из стихотворений "Греческая песнь" Туманского, "К одесским друзьям" (его же) отличаются гармонией, точностью слога и обли-

чают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостью. О г. Шевыреве умолчим как о своем сотруднике.

Заметим, что г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину - Андрея Шенье. Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-ном Делибюрадером, - что касается до нас, то мы находим его предложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле, сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы. Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходствуют твердостью, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотече-

ственников. Но г-н Р. глубокомысленно замечает, что Петрарка был влюблен в Лауру, а Ломоносов уважал Петра и Елисавету; что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму Сципион Африканский (то есть Africa), а Ломоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что такой же старец, но к тому же слепой, приходил видеть Петрарку, - таковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить; наконец, что Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч., но что он (г. Р.) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Долго г-н Р. не знал, почему "у нашего холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах, не говорю уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним; но, перечитавши все, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые так называемые *concetti*" {1}. Сомнительно.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКО-

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше мнение об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. Знатоки с удивлением увидели в первых опытах стройность и зрелость необыкновенную.

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей, может быть, зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом.

Первые произведения Баратынского были элегии, и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии, как в старину старались осмеять оды; но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической

олигархии.

Да и к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирический (чему в новейшие времена видим примеры у Гете).

О ТРАГЕДИЯХ БАЙРОНА

Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант. Они, кажется, правы. Байрон, столь оригинальный в "Чильд-Гарольде", в "Гяуре" и в "Дон Жуане", делается подражателем, коль скоро вступает на поприще драматическое: в "Manfred"е подражал он "Фаусту", заменяя простонародные сцены и субботы другими, по его мнению благороднейшими; но "Фауст" есть величайшее создание поэтического духа: он служит представителем новейшей поэзии, точно как "Илиада" служит памятником классической древности.

В других трагедиях, кажется, образцом Байрону был Alfieri. "Каин" имеет одну токмо форму драмы, но его бессвязные сцены и отвлеченные рассуждения в самом деле отно-

сятя к роду скептической поэзии "Чильд-Гарольда". Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то странствующим посреди... В конце концов он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сего мрачного и сильного характера и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных. Байрон чувствовал свою ошибку и впоследствии времени принялся вновь за "Фауста", подражая ему в своем "Преображенном уроде" (думая тем исправить le chef d'oeuvre).

МАТЕРИАЛЫ К "ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ,

МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ"

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. "Мне скучно, - сказал дядя, - хотел бы я писать, но не знаю о чем". - "Пиши все, что ни попало, отвечал приятель, - мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т.п. Это очень легко: так писывал Сенека и Монтань". Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило, теперь он философически рассудил, что его огорчила безделица, и написал: "Нас огорчают иногда сущие безделицы". В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: "Я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону - несмотря на крики новейших критиков". - Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелью. На другой день послал он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.

*

Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков требовал уважения к стихотворству.

*

Если все уже сказано, зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие! нет, не будем клеветать разума человеческого, неистоцимого в соображениях понятий, как язык неистоцим в соображении слов. В сем-то смысле счастливая шутка князя Вяземского совершенно справедлива; он, оправдывая излишество эпитетов, делающих столь вялыми русские стихи, сказал очень забавно, что все существительные сказаны и что нам остается заново оттенивать их прилагательными. Добросовестные люди задумались и важно стали доказывать, что и глаголы и деепричастия и прочие части речи давно уже сказаны.

*

У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для

выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм.

*

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола - все женщины восстанут на вас единодушно - они составляют один народ, одну секту.

*

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, - наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками - даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если бы они оставляли нам свои признания.

*

Кс. находит какое-то сочинение глупым.

- Чем вы это докажете? - Помилуйте, - простодушно уверяет он, - да я мог бы так написать.

*

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностью оригинально выражать мысли - к счастью, он мыслит, что довольно редко между нами.

*

Есть различная смелость: Державин написал: "орел, на высоте паря", когда счастье "тебе хребет свой с грозным смехом повернуло, ты видишь, видишь, как мечты сиянье вкрут тебя заснуло".

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора

С высот

и проч.

Жуковский говорит о боге:

Он в дым Москвы себя облек.

Крылов говорит о храбром муравье, что

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней.

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и поэтические картины.

Французы донныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *rave*, по-мост. *Et baise avec respect le rave de tes temples* {1}.

И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vache* {2}. Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике. Жалка участь поэтов (какого б достоинства они, впрочем, ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлет-ся творческою мыслию - такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в "Фаусте", Мольера в "Тартюфе".

*

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? Разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, не маротическую, в которой сжимается живой рассказ, но ту, которую Буало определяет словами: *Un bon mot de deux rimes orne* {3}.

ЕСЛИ ЗВАНИЕ ЛЮБИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВЕН-

НОЙ ЛИТЕРАТУРЫ...

Если звание любителя отечественной литературы само по себе достойно уважения и что-нибудь да значит, то и я во мнении публики, невзирая на убожество дарований, имею право на некоторое ее внимание. Произошед в 1761 году от честных, но недостаточных родителей, я не мог пользоваться источниками просвещения, открытыми впоследствии времени в столь великом изобилии, и должен был довольствоваться уроками приходского дьячка, человека, впрочем, весьма довольно образованного в смиренном своем звании. Сему-то почтенному мужу обязан я благородною страстию к изящному вообще и к российской словесности в особенности. Вверенный мне им "Письмовник" г. Курганова не выходил из моих рук, и восьми лет знал я его наизусть. С того времени, смело могу сказать, что не вышло из печати ни одного русского творения, ни одного перевода, ни одного русского журнала (включая тут хозяйственные и поваренные сочинения, также и месяцесловы), коих бы я не прочитал или о коих по крайней мере не получил достаточного поня-

тия. Старых людей обвиняют вообще в слепой привязанности к прошедшему и в отвращении от настоящего. Но я не заслуживаю такого упрека. Успехи нашей словесности всегда радовали мое сердце, и я не мог без негодования слышать в нынешних журналах нападки, столь же безумные, как и несправедливые, на произведения писателей, делающих честь не только России, но и всему человечеству, и вообще на состояние просвещения в любезнейшем нашем отечестве. Сии журналы не суть ли сами красноречивыми доказательствами исполинских успехов нашего просвещения; какой из иностранных превзойдет их - в глубокомыслии "Вестник Европы", в учености "Северный архив", в приятном разнообразии "Московский телеграф" и в прочих достоинствах "Сын отечества", "Московский вестник", "Северную пчелу" и другие. В чем, конечно, согласятся почтенные издатели "Вестника Европы", "Северного архива", "Московского телеграфа", "Северной пчелы" и проч. Сии-то несправедливые и безумные нападения принудили меня в первый раз выступить на поприще писателей, надеясь быть полезен лю-

безным моим соотечественникам, пока неумолимые Парки прядут еще нить жизни, как говорит г. Ф. в одном трогательном газетном объявлении о поступившей в продажу книжке своего сочинения.

О ТРАГЕДИИ В. Н. ОЛИНА "КОРСЕР"

Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма "Корсар", несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: "Гяуру" в пламенном изображении страстей, "Осаде Коринфа", "Шильонскому узнику" в трогательном развитии сердца человеческого, в трагической силе "Паризине", наконец 3 и 4-ой песням "Child Harold" в глубокомыслии и высоте парения истинно лирического и в удивительном шекспировском разнообразии "Дон Жуану". "Корсар" неизмеримым своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мере английские критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо, являю-

щееся во всех его созданиях и которое наконец принял он сам на себя в "Чильд-Гарольде". Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения: сближение себя с Наполеоном нравилось его самолюбию.

Байрон мало заботился о планах своих произведений или даже вовсе не думал о них: несколько сцен, слабо между собою связанных, были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин. Английские критики оспаривали у него гений драматический, и Байрон за то на них досадовал. Дело в том, что он постиг, полюбил один токмо характер (именно свой), все, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сего мрачного и сильного характера - и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Вот почему, несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его

гения, и драматическая часть в его поэмах (кроме разве одной "Паризины") не имеет никакого достоинства.

Что же мы подумаем о писателе, который из поэмы "Корсар" выберет один токмо план, достойный нелепой испанской повести, и по сему детскому плану составит драматическую трилогию, заменив очаровательную глубокую поэзию Байрона прозой надутой и уродливой, достойной наших несчастных подражателей покойного Коцебу? - вот что сделал г-н Один, написав свою романтическую трагедию "Корсер", - подражание Байрону. Спрашивается: что же в Байроновой поэме его поразило - неужели план? o miratores!.. {1}

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ "МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА"

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе "Годунова": ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда по стечению благоприятных обстоятельств открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года, будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось, однако, довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признание ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая

свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего Шекспира и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранив последнее. Кроме сей пресловутой тройственности, есть единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспаривать его необходимость), единство слога - сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрий-

ский стих переменял я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия, - и думал уже, что публика скажет мне большое спасибо.

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, - словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности, что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очаро-

ванных читателей, не усумнился включить Озерова в число поэтов романтических, что, наконец, наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Dante и Ламартина, самовластно разделяют Европу литературную на классическую и романтическую, уступая первой - языки латинского Юга и приписывая второй германские племена Севера, так что Dante (il gran padre Alighieri) {1}, Ариосто, Лопец de Vega, Кальдерон и Сервантес попались в классическую фалангу, которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем "Московского телеграфа", кажется, будет несомненно принадлежать.

Все это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в них не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лжекласицизма французского. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в первой книге "Московского

вестника" отрывок из "Бориса Годунова", сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия - дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между которыми озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Люди умные обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предло-

жил променять сцену "Бориса Годунова" на картинки "Дамского журнала". Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики.

Что ж из этого следует? Что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на все, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны.

Хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применениям, намекам, allusions. Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с "Constitutionnel" или с "Quotidienne" перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней фран-

цузской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что, кроме "Эсфири" и "Вереники", нет их и у Расина. Летопись французского театра видела в "Британике" смелый намек на увеселение двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc {2}.

Но вероятно ли, чтоб тонкий, придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах, как Юм или Walpole (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал.

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ В ЖУРНАЛЕ "АТЕНЕЙ"

В 4 книге "Афенея" напечатан разбор 4 и 5 главы "Онегина".

Под романтическим автор понимает ого-

ворку, выручающую поэта.

Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными. Порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной влюбленной и что жмет руку у Ольги, с дурным намерением подразнить своего приятеля.

Ему странно, что тихий (?) мечтательный (?) (справедливее: пылкий влюбленный) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную невесту кокеткой и ветреным ребенком (ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело, а любовники никогда не поревнуют по пустякам).

Негодует на Татьяну за то, что, раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти - и пишет ему любовное письмо; что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что сии две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с полною похвалою - хотя и находит в двух последних главах "Онегина" 91 мелочь и еще сотни дру-

гих, цепляющих людей, учившихся по-старинному.

Из 291 мелочи многие достойны осуждения, многие не требуют от автора милостивого отеческого заступления, - вольно всякому хвалить и порицать все, что относится ко вкусу. Но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла. И я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времен, следственно Державин ошибся, сказав: "Глагол времен".

Но Батюшков (который, впрочем, ошибался почти столь же часто, как и Державин) сказал:

То древню Русь и нравы
Владимира времен.

Что звук пустой вместо подобно звуку, как звук. - В поле etc.

Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет его.

Кстати о Крылове. Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели, - вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.

Так одевает бури тень

Едва рождающийся день.

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать все предложение в естественном его порядке (*sine inversione*) {1}.

Стесняет сожаленье, безумные страданья
есть весьма простая метонимия.

Два века ссорить не хочу. - "Кажется, есть правило об отрицании не"...

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу, во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять *indifferement* {2} после отрицательной частицы не родительный и винительный падеж. Например -

Во-вторых, в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею не, требует вместо винительного падежа родительного. Например - я

не пишу стихов. - Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой ею частицею, то он требует падежа винительного, например: Я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи. В следующем предложении - Я не могу позволить ему начать писать стихи - ужели частица не управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мною согласится.

Младой и свежий поцелуй
вместо поцелуй молодых и свежих уст -
очень простая метафора.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед,
"в извлечении для смысла: ребятишки катаются по льду". Точно так - сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора.

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.
Лоно не означает глубины, лоно значит грудь.

...теплотою

Камин чуть дышит
опять простая метафора.

Кибитка удалая
опять метафора.

Людская молвь и конский топ
выражение сказочное (Бова Королевич).

Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка.

"Как приятно будет читать роп вм. ропот, топ вм. топот" и проч. На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляются простолюдимами во многих русских губерниях - NB мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина. Что скажут они о Потемкине сего последнего, который взвесить смел

Дух россов, мощь Екатерины,
И, опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?
Или о войне, который
Поникнул лавровой главою
Или

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы по крайней мере иметь школьные сведения о грамматиках и риториках - и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

ПОЭМА БАРАТЫНСКОГО "БАЛ"

Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики - напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оногo, уже тотчас спешим приветствовать его титулом гения, за гладкие стишки - нежно благодарим его в журналах от имени человечества, неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гете и Байрона. Таким образом набралось у нас несколько

своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, делающих истинную честь нашему веку, - добродушие смешное, но безвредное; истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов. Зачем лишать золотую посредственность невинных удовольствий, доставляемых журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностью журналов. Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (exaggeration) модной поэзии, потому ли, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной, как бы то ни было, критики изъявляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие, или даже неприязненное расположение. Не упоминая уже об известных шуточках покойного "Благонамеренного", известного весельчака, заметим, для назидания молодых писателей, что появление

"Эды", произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление "Эды" подало только повод к неприличной статейке в "Северной пчеле" и слабому возражению, кажется, в "Московском телеграфе". Как отозвался "Московский вестник" об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался последние его произведения являются плодами зрелого таланта. Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее.

Его последняя поэма "Бал", напечатанная в "Северных цветах", подтверждает наше мнение. Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию.

Поэма начинается описанием московского бала. Гости съехались, пожилые дамы в пышных уборах сидят около стен и смотрят на толпу с тупым вниманием. Вельможи в лен-

тах и звездах сидят за картами и, встав из-за ломберных столов, иногда приходят

Взглянуть на мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.

Молодые красавицы кружатся около их.

Гусар крутит свои усы,

Писатель чопорно острится.

Вдруг все смутились; посыпались вопросы.

Княгиня Нина вдруг уехала с бала.

Вся зала шепотом полна:

"Домой уехала она!

Вдруг стало дурно ей". - Ужели?

"В кадрили весело вертяться,

Вдруг помертвела!" - Что причиной?

Ах, боже мой! Скажите, князь,

Скажите, что с княгиней Ниной,

Женою вашею?

- Бог весть, - отвечает с супружеским равнодушием князь, занятый своим бостоном. Поэт отвечает вместо князя. Ответ и составляет поэму.

Нина исключительно занимает нас. Характер ее совершенно новый, развит сn amore {1}, широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно своеобраз-

разный язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит:
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?
Но как влекла к себе всеильно
Ее живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбалися умильно!
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивых
Своих лазоревых очей
И свежести ланит стыдливых
Не отдала бы сей же час
За яркий глянец черных глаз,
Облитых влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланит?

Какая фее самовластной
Не уступила б из харит?
Как в близких сердца разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламенея,
Как зла в словах, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слезы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В нее томленья слезы те:
Кто б не отер их у печали,
Кто б не оставил красоте?

Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее смерти, сатирически описывает нам ее похороны и шуткою кончит поэму свою. Мы чувствуем, что он любит свою бедную страстную героиню. Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе падшего, но еще очаровательного создания.

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина. Он сильно овладел ее воображением и, никогда вполне не удовлетворяя ни ее страсти, ни любопытству, должен был до конца сохранить над нею роковое свое влияние (ascendant).

В ЗРЕЛОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИХОДИТ ВРЕМЯ...

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному. Так некогда во Франции *blases*, светские люди, восхищались музою Ваде, так ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собою мнения многих. Но Ваде не имел ни воображения, ни поэтического чувства, его остроумные произведения дышат одною веселостию, выраженной площадным языком торговков и носильщиков. Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдима. У нас это время, сла-

ва богу, еще не приспело, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Попытки Жуковского и Катенина были неудачны не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность "Убийцы", баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея. Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния,

Гляди, глядя, плешивый
стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас выражается смехом. Сцена тени в "Гамлете" вся писана шутливым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлето-

ВЫХ ШУТОК.

ТОРВАЛЬДСЕН, ДЕЛАЯ БЮСТ ИЗВЕСТНОГО
ЧЕЛОВЕКА...

Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного - верх нахмуренный, грозный, низ же, выражающий всегдашнюю улыбку. Это не нравилось Торвальдсену:

Questa e una brutta figura. {1}

ПИСЬМО О "БОРИСЕ ГОДУНОВЕ"

Voici ma tragedie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines a l'histoire de ce temps-la comme nos sous-ouvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre sine qua non.

A l'exemple de Shakespeare je me suis borne a d evelopper une epoque et des personnages historiques sans rechercher les effets theatrals, le pathetique romanesque etc.. Le style en est melange. - Il est trivial et bas la ou j'ai ete oblige de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers - quand aux grosses indecences, n'y faites pas attention: cela a et e ecrit au courant de

la plume, et disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entraînait beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu ДМИТРИЙ amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquisse dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté, voyez-la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventuriers en aventuriers - partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. Elle est horriblement polonaise comme le disait la cousine de M-me Lubomirska.

Гаврила ПУШКИН est un de mes ancetres, je l'ai peint tel que je l'ai trouve dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assure le succ es du Самозванец par une audace inouie. Apres je l'ai retrouve a Moscou l'un des 7 chefs qui la d efendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siegeant a cote de Козьма Минин, puis воевода a Нижний, puis parmi les deputies qui couronnerent Romanof, puis ambassadeur. Il a ete tout, meme incendiaire comme le prouve une грамота que j'ai trouvee a Погорелое Городище - ville qu'il fit bruler (pour la punir de je ne sais quoi) a la mode des proconsuls de la Convention Nationale.

Je compte revenir aussi sur Шуйский. Il montre dans l'histoire un singulier melange d'audace, de souplesse et de force de caract ere. Valet de Godounof il est un des premiers boyards a passer du cote de Дмитрий. Il est le premier qui conspire et c'est lui-meme, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui meme qui vocifere, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est pret a perdre la t ete,

Дмитрий lui fait grace déjà sur l' échafaud, il l'exile et avec cette générosité et étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйский qui avait frisé de si près la hache et le billot? Il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chute plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eut pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri IV dans Дмитрий. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion - tous deux abjurant leur foi pour cause politique, tous deux aimant les plaisirs et la guerre, tous deux se donnant dans des projets chimeriques - tous deux en butte aux conspirations... Mais Henri IV n'a pas à se reprocher Ксения - il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire.

Грибоедов a critiqué le personnage de Job; le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годунов j'ai réfléchi sur la

tragédie, et si je me mettais de faire une préface, je ferais du scandale. C'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les lois sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, censées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches?

2) La langue. Par exemple le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: hé, vous voulez la règle de 24 heures? Soit. Et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'aparté, il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais

voulu faire. Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin si le diable me tente de faire une preface.

30 jan. 1829, S.-Pb. {1}

НЕСКОЛЬКО МОСКОВСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ...

Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку как своими произведениями, так и нравственностью, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здоровой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности.

Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. Х., бывшего корректора типографии, 17 октября сего года, при стечении многочисленной публики. Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием.

Председателем был избран единогласно г-н Трандафырь, знаменитый переводчик одного бессмертного романа.

Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин, молодой человек из

честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статей.

Ждали г-на Сравцова - но он не мог прийти по причине флюса, полученного им на ярманке во время метания чрезвычайно счастливой тальи.

Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасною речию, в которой трогательно изобразил он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, подвизающихся во мраке, не озаренных светильником критики г-на Трандафырина. Красно речиво убеждал он приняться за дело. "Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели, - сказал он, - перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева, и разобрали заглавный лист "Истории государства Российского" - труды бессмертные бесспорно, но совершенно недостаточные".

После речи г-на председателя г-н Невеждин прочел проект нового журнала, имеющего быть издаваемым в следующем 1830 году под названием "Азиатский рак".

Журнал сей будет выходить каждый месяц по одной книжке. Каждая книжка будет заключать в себе четыре отделения.

Отделение I. Изящная словесность. Переводы Байрона с польского; стихи молодых семинаристов; отрывки из записок г-на Трандафырина; для примеру г-н секретарь общества прочел пленительное описание отрочества почтенного г-на Трандафырина. Все с удовольствием слушали милые проказы маленького купчика, и тогда уже столь много обещавшего.

Отделение II. Критика.

МНОГИЕ НЕДОВОЛЬНЫ НАШЕЙ ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКОЮ...

Многие недовольны нашей журнальной критикою за дурной ее тон, незнания приличия и т. п. Неудовольствие самое несправедливое. Ученый человек, занятый своими делами, погруженный в размышления, может не иметь времени являться в обществе и приобретать навык суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости - залогу добросовестности и

любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются языком пьяного семинариста.

О ПУБЛИКАЦИЯХ М.А. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА В "СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ"

Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе.

Неуважение к литературной собственности сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева нимало не показался мне странным. Так, например, г-н Федоров напечатал под моим именем однажды какую-то идилическую нелепость, сочиненную, вероятно, камердинером г-на Панаева. Но когда альманах нечаянно попался мне в руки и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап, доставившему ему (г. Бестужеву) пьесы, из коих 5 и удостоились печати - то признаюсь, удивление мое было чрезвычайно. В числе пьес, доставленных г-ном Ап, некоторые принадле-

жат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап собрал давно писанные и мною к печати не предназначенные стихотворения и снисходительно заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои прежние и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап, что при первом таком же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов.

НАБРОСКИ ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРАГЕДИИ "БОРИС ГОДУНОВ"

1

С отвращением решаюсь я выдать в свет свою трагедию и хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху иль неудаче своих сочинений, но, признаюсь, неудача "Бориса Годунова" будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен. Как Монтань, могу сказать о своем сочинении: *C'est une oeuvre de bonne foi* {1}.

Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, трагедия сия доставила мне все, чем писателю насладиться доз-

волено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец одобрения малого числа людей избранных.

Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушателей одного не доставало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье одобрение представлялось воображению моему сладчайшею наградою и единственно развлекало меня посреди уединенного труда.

2

Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! Умели ими воспользоваться - не знаю, - по край-

ней мере труды мои были ревностны и добросовестны.

Долго не мог я решиться напечатать свою драму. Хороший или худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести доныне слабо тревожили мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения. И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы *il est indifferent* {1}, что такая-то глава "Онегина" выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены. ("Ермак" А.С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом сво-

им оно обязано прекрасным стихам, коими оно писано.)

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим мы, кажется, в "Арзивянах"; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его. Я сохранил цезурку французского пентаметра на второй стопе - и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия. Есть шутки грубые, сцены престонародные. Хорошо, если поэт может их избежать, - поэту не должно быть площадным из доброй воли, - если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *con amore* {1}, но безо всякой дворянской спеси. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет

дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его уравнены с правами прочих состояний, великие имения давно раздроблены, уничтожены и никто, даже самые потомки и проч. Принадлежать старой аристокрации не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нареkanie в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

3

Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они не удовлетворят надежды преобразователей.

Поэт, живущий на высотах создания, яснее видит, может быть, и недостаточную справедливость требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом, Lopez de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление ни изберет, останется всегда гений - суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси.

4

Pour une preface. Le public et la critique

ayant accueilli avec une indulgence passionnée mes premiers essais et dans un temps où la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allait embrasser, je leur dois reconnaissance entière et je les tiens quittes envers moi - leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.. {1}

5

Je me présente ayant renoncé à ma manière première - n'ayant plus à allaiter un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. - Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. - Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. - d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur. J'éprouvais une grande répugnance à livrer au

public ma tragedie, je voulais au moins la faire prec eder d'une preface et la faire accompagner de notes. - Mais je trouve tout cela fort inutile. {1}

5

Je me present ayant renonce a ma maniere premiere - n'ayant plus a allaiter un nom inconnu et une premiere jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais ete accueilli. - Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. - Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait acueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

Lorsque j'ecrivais cette tragedie, j'etais seul a la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. - d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul a notre scene; je vis que j'etais dans l'erreur. J'eprouvais une grande repugnance a livrer au public ma tragedie, je voulais au moins la faire prec eder d'une preface et la faire accompagner de notes. - Mais je trouve tout cela fort inutile. {1}

О РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Главная прелесть романов Walter Scott co-

СТОИТ В ТОМ, ЧТО МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ПРОШЕД-
ШИМ ВРЕМЕНЕМ НЕ С enflure {1} французских
трагедий, - не с чопорностью чувствительных
романов - не с dignite {2} истории, но совре-
менно, но домашним образом - Ce qui me
degoute c'est ce que... {3} Тут наоборот ce qui
nous charme dans le roman historique - c'est que
ce qui est historique est absolument ce que nous
voyons {4}.

Shakespeare, Гете, Walter Scott не имеют хо-
лопского пристрастия к королям и героям.
Они не походят (как герои французские) на
холопей, передразнивающих la dignite et la
noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances
ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecte
de theatral meme dans les circonstances
solennelles - car les grandes circonstances leur
sont familiares.

On voit que Walter Scott est de la petite
societe des rois d'Angleterre {5}

IGNORANCE DES SEIGNEURS RUSSES...

Ignorance des seigneurs russes. Tandis que les
memoires, les ecrits politiques, les romans -
Napoleon gazetier, Canning poete, Brougham, les
deputes, les paires - les femmes. Chez nous les

seigneurs ne savent pas écrire.

Le tiers etat. L'aristocratie. {1}

КОНСПЕКТ ПРЕДИСЛОВИЯ Ф.Н. ГЛИНКИ К ПОЭМЕ "КАРЕЛИЯ, ИЛИ ЗАТОЧЕНИЕ МАРФЫ ИОАННОВНЫ РОМАНОВОЙ"

Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалялось, король шведский думал о замирении, последняя опора Марины, Заруцкий, злодействовал в отдаленном краю России. Отечество отдохнуло и стало думать об избрании себе нового царя. Выборные люди ото всего государства стеклись в разоренную Москву и приступили к великому делу. Долго не могли решиться; помнили горькие последствия двух недавних выборов. Многие бояре не уступали в знатности родам Шуйских и Годуновых; каждый думал о себе или о родственнике, вдруг посреди прений и всеобщего недоумения произнесено было имя Михаила Романова.

Михаил Феодорович был сын знаменитого боярина Феодора Никитича, некогда сосланного царем Борисом и неволею постриженного в монахи, в царствование Лжедмитрия (1605) из монастырского заточения возведен-

ного на степень митрополита Ростовского и прославившего свое иноческое имя в истории нашего отечества.

Юный Михаил по женскому колену происходил от Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Иоанна Васильевича. С самых первых лет испытал он превратности судьбы. Младенцем разделял он заточение с матерью своею, Ксенией Ивановной, в 1600 году под именем инокини Марфы постриженною в пустынном Онежском монастыре.

Лжедимитрий перевел их в костромской Ипатский монастырь, определив им приличное роду их содержание.

РАЗГОВОР О ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ И ПОЛЕМИКЕ

А. Читали вы в последнем Э "Галатеи" критику NN?

В. Нет, я не читаю русской критики.

А. Напрасно. Ничто иное не даст вам лучшего понятия о состоянии нашей литературы.

В. Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд

произведениям нашей словесности?

А. Нимало. Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец о мнениях, господствующих в публике.

В. Мне не нужно читать "Телеграф", чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде и что романтической поэзии у нас никто не понимает. Что же касается до отношений г-на Раича и г. Полевого, г-на Каченовского и г. Булгарина - это вовсе не любопытно...

А. Однако же забавно.

В. Вам нравятся кулачные бойцы?

А. Почему же нет? Наши бояре ими тешились. Державин их воспевал. Мне столь же нравится кн. Вяземский в схватке с каким-нибудь журнальным буяном, как и гр. Орлов в бою с ямщиком. Это черты народности.

В. Вы упомянули о кн. Вяземском. Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику.

А. Тем хуже для литературы. Если бы все писатели, заслуживающие уважение и доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сде-

лалась бы не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о романтизме или Крылова об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова? Эти господа в короткой связи между собою и, вероятно, друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях. Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах.

В. Публика довольно равнодушна к успехам словесности - истинная критика для нее не занимательна. Она изредка смотрит на драку двух журналистов, мимоходом слушает монолог раздраженного автора - или пожимает плечами.

А. Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца и аплодирую тому, кто сбил своего противника. Если б я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение - какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стре-

ляться на кухонрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны.

В. Критика не имеет у нас никакой гласности, вероятно и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалят ли их или бранят.

А Извините, Пушкин читает все ЭЭ "Вестника Европы", где его ругают, что значит по его энергическому выражению - подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей.

В. Куда как любопытно!

А. Любопытство по крайней мере очень понятное!

В. Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более.

А. Но сатира не критика - эпиграмма не опровержение. Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии.

ДЕТСКАЯ КНИЖКА

1

ВЕТРЕННЫЙ МАЛЬЧИК

Алеша был очень не глупый мальчик, но

слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться. Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдываться разными увертками. Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским и немецким языком, то он отвечал, что он русский и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педантам простительно было им заниматься; русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой философической. Логика казалась ему наукою прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за вокабулы, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. - Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые четыре правила арифметики и читал довольно бегло по-русски, - прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешею.

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок: он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок-астроном, фрейтор-историк и что птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случилось ему сказать и правду.

3

Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун. Целый день проводил он на улице с мальчишками, валяясь с ними в грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша показывал ему язык, бегал за ним и изо всей силы кричал: "Пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака! безбожник, нигилист!" - и кидал в него грязью. Однажды степенный человек, им замаранный, рассердил-

ся и, поймав его за вихор, больно побил его тросточкой. Ванюша в слезах побежал жаловаться своему отцу. Старый дьячок сказал ему: "Поделом тебе, негодяй; дай бог здоровья тому, кто не побрезгал поучить тебя". Ванюша стал очень печален, почувствовал свою вину и исправился.

ПЕРЕВОДЧИКИ...

Переводчики - почтовые лошади просвещения.

О ВТОРОМ ТОМЕ "ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА" ПОЛЕВОГО

1

Противуречия и промахи, указанные в разных журналах, доказывают, конечно, не невежество г. Полевого (ибо сих обмолвок можно было избежать, дав себе время подумать или справиться), но токмо непростительную опрометчивость и поспешность. Презрение, с каковым г-н Полевой отзывался в своих примечаниях о Карамзине, издеваясь над его трудом, оскорбляло нравственное чувство уважения нашего к великому соотечественнику. Но сия опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому во мнении малого

числа просвещенных и благоразумных читателей, ибо они поколебали, если не вовсе уничтожили, доверенность, которую обязан он был им внушить. Теперь мы читаем "Историю русского народа", не полагаясь на добросовестность труда и верность разысканий - но на каждое слово невольно требуем подтверждения постоянного, если не имеем терпения или способов справляться сами. "История русского народа" состоит из отдельных отрывков, часто не имеющих между собою связи по духу, в коем они писаны, и походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу, обдуманную одним человеком и проникнутую единством духа.

Несмотря на сии недостатки "История русского народа" заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB. Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальному и часто неверному, но вообще новому и достойному критических

исследований.

Второй том, ныне вышедший из печати, имеет, по нашему мнению, большое преимущество перед первым.

1) В нем нет сбивчивого предисловия и гораздо менее противуречий и многоречия.

2) Тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее.

3) Самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому.

II том начинается взглядом на всеобщее состояние Европы в XI столетии.

2

Г-н Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около.

Он видит, что Россия была совершенно отделена от Западной Европы. Он предчувствует тому и причину, но вскоре желание приновить систему новейших историков и к России увлекает его. - Он видит опять и феодализм (называет его семейственным феодализмом) и в сем феодализме средство задушить феодализм же, полагает его необходимым для

развития сил юной России. Дело в том, что в России не было еще феодализма, как пэры Карла не суть еще бароны феодальные, а были уделы, князья и их дружина; что Россия не окрепла и не развилась вовремя княжеских драк (как энергически назвал Карамзин удельные междоусобия), но, напротив, ослабла и сделалась легкою добычею татар; что аристокрация не есть феодализм, и что аристокрация, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка. Объяснимся.

Феодализм частность.

Аристокрация общность.

Феодализма в России не было. Одна фамилия, варяжская, властвовала независимо, добиваясь великого княжества.

Феодальное семейство одно (vassaux).

Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий,

не сосредоточиваясь в малом семействе,

не враждуя противу королей,

не продавая своей помощи городам.

Но

они были вместе,

придворные товарищи об их правах заботились,

составили союз,
считались старшинством,
крамольничали.

Великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их усмирить.

Аристократия стала могущественна. Иван Васильевич III держал ее в руках при себе. Иван IV казнил. В междуцарствие она возросла до высшей степени. Она была наследственная - отселе местничество, на которое до сих пор привыкли смотреть самым детским образом. Не Феодор, но Языков, то есть меньшее дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле придворного чина, но в смысле аристократии.

Феодализма у нас не было, и тем хуже.

3

История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сейто священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Пер-

сии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы! Зачем же г-н Полевой за несколько страниц выше повторил пристрастное мнение 18-го столетия и признал концом древней истории падение Западной Римской империи - как будто самое распадение оной на Восточную и Западную не есть уже конец Рима и ветхой системы его?

Гизо объяснил одно из событий христианской истории: европейское просвещение. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя все отдаленное, все постороннее, случайное, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и, наконец, рассветающие века. Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предска-

ны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая - мощного, мгновенного орудия провидения. Один из остроумнейших людей XVIII столетия предсказал Камеру французских депутатов и могущественное развитие России, но никто не предсказал ни Наполеона, ни Полиньяка.

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого рода, еще не отрекся я совершенно от права самозащиты.

Southey.

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критики. Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикою, вероятно и она нас не поймет. Это напоминает старин-

ную эпиграмму:

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова.

Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.

Судья решил: почто ж идти вам брат на брата:

Не тот и не другой, а девка виновата.

Можно не удостоивать ответом своих критиков (как аристократически говорит сам о себе издатель "Истории русского народа"), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. Но из уважения к себе не должно полености или добродушию оставлять без внимания оскорбительные личности и клеветы, ныне, к несчастью, слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших до-

статочны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостью может выставить перед Европою "Историю" Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года Жуковского, перевод "Илиады", несколько цветов элегической поэзии, - так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстройнии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не пришло.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб недоставало во мне веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Я заметил, что самое неосновательное суждение, глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам все еще печатный лист кажется святым. Мы все думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано! Но при-

знаюсь, мне совестно было идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить: *Et moi je vous soutiens que mes vers sont tres bons* {1}.

Ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина, и главная: лень. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения нелитературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее

сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспаривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Все имеет свою злую сторону - и неуважение к чести граждан, и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обиняки. Первым примером обязаны мы **, который в своем журнале напечатал уморительный анекдот о двух китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частью из-за китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице ка-

кого-нибудь вымышленного или безыменного писателя. Большею частью сии китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот, о котором напечатают, что человек такого-то звания, таких-то лет, таких-то примет крадет, например, платки из карманов все-таки должен отозваться и вступить за себя, конечно не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, позволять всякому негодяю швырять в вас грязью. Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских пистолетах с учтивым джентельменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае что прикажете делать с тем, который, по выражению Шатоб-

риана, comme un de noble race, outrage et ne se bat pas? {2}

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в "Литературной газете", человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, скромный, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Француз отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить. On en rit, j'en ris encor moi-meme {3}.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под. Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей

книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (*hommes publics*), к одному из главнейших условий высокообразованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу: мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина, и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом, дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать - но читал ее неоднократно в порядоч-

ных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что, говорят, за ним важивалось) или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случилось) и склеил на скорую руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смиренный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан Хо обокрал его бесстыдным образом. Трагик Фан Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.

Сам съешь {1}. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: "обратите это на себя". То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. "Сам съешь"

есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. - Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе, - и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: "сам съешь".

Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек. - Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь.

Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостию дворян-журналистов. Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно

смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное "сам съешь"! К несчастью, в "Литературной газете" отыскивали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что? а публика, как судья беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она покамест совершенно согласна с нашим мнением: то есть, что "сам съешь" вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспомытность читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском анекдоте Э 1.

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор Расиновой "Федры" (если б, к несчастью, написал ее русский и в наше время).

"Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замуж-

няя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковерность супруга своего, вносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить!!! Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклиняет своего собственного сына (!!) - после чего Ипполита разбивают лошади (!!!); Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется, и точка. И вот что пишут, не краснея, писатели, которые и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас литература, кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!" - Шлюсь на совесть самих критиков. Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведениям Расина, но, верно, ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении. Спрашиваем: должно ли и можно ли се-

рѣзно отвечать на таковыя критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называли это глубокомыслием?

Если б "Недоросль", сей единственный памятник народной сатиры, "Недоросль", которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор, если б "Недоросль" явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою (!!). "Что скажут дамы! - воскликнул бы критик, - ведь эта комедия может попасться дамам!" - В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого В. Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

"Граф Нулин" наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, - разумеется, в журналах, - в свете приняли его благосклонно, и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой

человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы: какая дерзость! Кстати о моей бедной сказке (писанной, буди сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом) - подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Верю стыдливости моих критиков; верю, что "Граф Нулин" точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шуточных повестей Ариост, Бокаччио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? ужели по крайней мере не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить "Душеньку" в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать "Модную жену", сей прелестный образец легкого и шуточного рассказа? А эротические стихотворения Державина,

невинного, великого Державина? Но отстраним уже неравенство поэтического достоинства. "Граф Нулин" должен им уступить и в вольности и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая - и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным etc! как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказки доброго Лафонтена, и эклогу доброго Вергилия, и все, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают, кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous etes donc bien tendre a la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande
impression!

Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous
monte:

Mais a convoiter, moi, je ne suis point si
prompte,

Et je vous verrais nu, du haut jusque en bas
Que toute votre peau ne me tenterait pas {4}.

В "Вестнике Европы" с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапающим кошку (забавный глагол: цапцарапаствую, цапцарапаствуешь, цапцарапаствует). Правда, во всем "Графе Нулине" этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапаствую; но хоть бы и было, что за беда?

Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье обществен-

ное или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостию и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Много желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей... По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. В альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит како-

го-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, "Она мила, скажу меж нами"), или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, "Послание к Юрьеву").

Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как я мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел, что самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам все еще печатный лист кажется святым. Мы все думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

Отчего издателя "Литературной газеты" и

его сотрудников называют аристократами (разумеется, в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты)? В чем же состоит их аристократия? В том ли, что они дворяне? Нет; все журналы побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в "Литературной газете" доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратьев мещан. Может быть, в притязаниях на тон высшего общества? Нет; они стараются сохранить тон хорошего общества; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (*niaiserie*). (NB: не одно просторечие.) Не они поминутно находят одно выражение бурлацким, другое мужицким, третье неприличным для дамских ушей, и т. п. Не они толкуют вечно о будуарных читательницах, о паркетных (?) дамах. Не они провозгласили себя опекунами высшего общества; не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под

светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они *comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas*⁵). Не они разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то мещанином, такого-то аристократом; не они находят 600-летнее дворянство мещанством, не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными. Отчего же они аристократы (разумеется, в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II)⁷, отец Ганнибалы, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Ф.Г. Орлову), генерал-аншеф и проч. - был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему

за русскую ласку марасть грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю **. В свете оно тотчас было замечено, и... были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата - и в статейке, заимствованной у "Минервы", заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы⁸.

Род мой один из самых старинных дворянских. Мы происходим от прусского выходца Радши, или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества святого Александра Ярославича Невского (см. "Русский летописец" и "Историю Российского государства"). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных

(из учтивости к покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г.Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междоусобицы, начальствуя отдельным войском, по словам Карамзина, один с Измайловым сделал честно свое дело. При избрании Романовых на царство четверо Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольный, под соборным деянием о уничтожении местничества (что мало делает ему чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в зато-

чении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный его сын, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странная судьба сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Чрез 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением. Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях.

Если быть старинным дворянином значит подражать английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил - от разночинцев, вышедших во дворяне, или от исторического боярского рода, одного из самых

старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории вашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доньше я его не обнаруживал и никому до него нужды нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние разночинцам, вышедшим во дворяне, и даже досужим балагурам!

Образованный француз иль англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного ры-

царя, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, то есть историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами.

А. Читал ты замечание в Э 45 "Литературной газеты", где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унижительного сравнения!

Б. А так извини:я с тобою не согласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в Газете) с нашими никаким образом сравнивать нельзя, - а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподобленными.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в "Литературной газете"?

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с

ОТЛИЧНЫМ ТАЛАНТОМ.

А. Зачем же обруганы они в "Литературной газете"?

Б. То-то я и говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут ли кричать: повесим их, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в Газете не сказано...

А. Как не сказано? постой, она на мне... (вынимает из кармана Газету). А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приутоновили крики etc. - Так неужто в самом деле эпиграммы приутоновили французскую революцию?

Б. О французской революции "Литературная газета" молчит, и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates a la lanterne {6} и повесим их, повесим. - Ca ira {7}.

Б. И ты видишь тут французскую революцию?

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным.

А. Следственно, я и прав. В крике *les aristocrates a la lanterne* вся революция.

Б. Ты не прав. В крике *les aristocrates a la lanterne* один жалкий эпизод французской революции - гадкая фарса в огромной драме.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною! Если и в самом деле, то уж конечно неумышленно!

Б. Вероятно.

А. А *propos* {8}, какого ты мнения о Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделала "Пчела" всю

"Литературную газету", издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так почти же (дает ему журналы).

Б. Что значат эти точки?

А. Ах! я спрашивал - тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. (отдавая журнал). Жаль, в этих ругательствах, может быть, был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что-то (дает другой журнал).

Б. (прочитав). Тут и ругательства есть, а смысла все-таки не более.

А. Так ты, видно, стоишь за "Литературную газету". Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? о, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель "Литературной газеты" и сотрудники его, и читатели его - все аристократы (разумеется, в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу. Будучи сам литератором, я читаю "Лите-

ратурную газету": ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в "Литературной газете" ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли барон Дельвиг, кн. Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр., мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступясь за грамотное купечество в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

А. Воля твоя, замечание "Литературной газеты" могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь, или сам ты невинный - кто же сии невинные?

А. Как кто? Издатели "Северной пчелы".

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей "Северной пчелы" слишком хорошо известен, и "Литературная газета" повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит *avis au lecteur*?9) к кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия, как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия. Но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию - *pas si b kte*10). Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официаль-

ной газете) нехорошо - и даже неблагоприятно. Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу... Нужно ли тебе еще объяснений?

А. Нет, понимаю, очень хорошо понимаю. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностью за "Северную пчелу"?

Б. Потому что свой своему поневоле брат.

А. Отчего же замечание Газеты показалось сначала столь предосудительным даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступив на один из таких вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой занимаешься, и это тебе понятно, не правда ли? Демократические наши журналы, напав на дворянство...

А. Опять демократические журналы! Какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы,

объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, все таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор, и нашли его в Газете Литературной. Все это естественно и даже утешительно. Но повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю "Литературной газеты", чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они, впрочем, ни происходили.

1 Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для будуарных или даже для паркетных дам, как журналисты называют дам, им незнакомых.) (Прим. Пушкина.)

2 Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч. Голиков ошибся. У Петра I не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочими Орлов и Ру-

мянцев родоначальники исторических фамилии. (Прим. Пушкина.)

3 Примечание. Будем справедливы: г-на Полевого нельзя упрекнуть в низком подобострастии пред знатными, напротив: мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым. (Прим. Пушкина.)

ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ И ЗАМЕЧАНИЯ НА СОБСТВЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и, вероятно, искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастью замечал я, что по большей части мы друг друга не по-

нимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны.

1

"Руслана и Людмилу" вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в "Вестнике Европы", в которой ее побранили весьма неосновательно, и весьма дельных "вопросов", избличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой etc.

За вступление, не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию "Двенадцати спящих дев"; за последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эфетического чувства.

Непростительно было (особенно в мои лета) пародировать, в угождение черни, девственное, поэтическое создание. Прочие упреки были довольно пустые. Есть ли в "Руслане" хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями, хоть, например, Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень, очень смягченное подражание Ариосту (Orlando, canto V, o. VIII).

"Кавказский пленник" - первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я - мы вдоволь над ним насмеялись.

"Бахчисарайский фонтан" слабее "Пленника" и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю - и с размаха

Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама.

Не помню кто заметил мне, что невероятно, чтоб скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

О "Цыганах" одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазющей публики. Вяземский повторил то же замечание. (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее.) Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, *ma tanto meglio* {1}.

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня все еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни "Евгения Онегина". Разбор сих глав, напечатанный в "Атенее", удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать стакан шипит вместо вино шипит в стакане? камин дышит вместо пар идет из камина? Не слишком ли смело ревнивое подозрение? неверный лед?

Как думаете, что бы такое значило:

мальчишки

Коньками звучно режут лед?

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый

(Задумав плыть по лону вод)

Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть
и справедливо замечал, что недалеко
уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности:
после отрицательной частицы не винитель-
ный, а не родительный падеж; времен вместо
времен (как, например, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира времен)

приводили критика моего в великое недо-
умение. Но более всего раздражил его стих:
Людскую молвь и конский топ.

"Так ли изъясняем мы, учившиеся по
старым грамматикам, можно ли так ковер-
кать русский язык?" Над этим стихом жесто-
ко потом посмеялись и в "Вестнике Европы".
Молвь (речь) слово коренное русское. Топ
вместо топот столь же употребительно, как и
шип вместо шипение¹ (следственно, и хлоп
вместо хлопанье вовсе не противно духу рус-
ского языка). На ту беду и стих-то весь не мой,
а взят целиком из русской сказки:

"И вышел он за врата градские, и услышал
конский топ и людскую молвь".

Бова Королевич.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих:

Два века ссорить нехочу

критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я не пишу стихов. Но в моем стихе глагол ссорить управляем не частицей не, а глаголом хочу. Ergo {2} правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать... стихи, а уж конечно не стихов. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу цыганы, а не цыгане, татаре, а не татары. Почему? потому что все имена существительные, кончающиеся на анин, янин, арин и ярин, имеют свой ро-

дательный во множественном на ан, ян, ар и яр, а именительный множественного на ане, яне, аре и яре. Все же существительные, кончающиеся на ан и ян, ар и яр, имеют во множественном именительный на аны, яны, ары и яры, а родительный на анов, янов, аров, яров.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают вместо решу, решишь и проч. Решу спрягается как грешу.

Иностранные собственные имена, кончающиеся на е, и, о, у, не склоняются. Кончающиеся на а, ъ и ь склоняются в мужеском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем, и проч.

Как надобно писать: турков или турок? то и другое правильно. Турок и турка равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):

1. останавлил взор на отдаленные громады
2. на теме гор (темени)
3. воил вместо выл
4. был отказан вместо ему отказали
5. игумену вместо игумну.

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г. **.

Многие пишут юпка, сватьба, вместо юбка, свадьба. Никогда в производных словах т не переменяется на д, ни п на б, а мы говорим юбочница, свадебный.

Двенадцать, а не двснадцать. Две сокращенно из двое, как тре из трое.

Пишут: тслега, телсга. Не правильнее ли: телега (от слова телец - телеги запряжены волами)?

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочай-

ших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы щ и ч пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим женщины, нослег (см. Богдановича).

Шпионы подобны букве ъ. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтись, а они привыкли всюду соваться.

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в "Евгении Онегине", которые я не мог или не хотел напечатать, этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в "Дон Жуане" есть 2 выпущенные

строфы.

Г-н Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5 главу, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею уж, что и называл он ужами, а что в риторике зовется единоначатием. Осудил он также слово корова и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал девчонками (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал девою: В избушке распевая, дева

Прядет...

Шестой песни не разбирали, даже не заметили в "Вестнике Европы" латинской опечатки. Кстати: с тех пор как вышел из лица, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другою, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

Критику 7-ой песни в "Северной пчеле" пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку об жуке. У меня сказано: Был вечер. Небо меркло. Воды

Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик я не читал, ибо, право, мне было не до них.

NB. Критику "Северной пчелы" напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из "Ивана Выжигина", ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия "Борис Годунов" взята из его романа.

3

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны литера-

турного имени. К тому же главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих подражаниях. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, - у г. Булгарина также. Все это драматический вымысел, а не историческое сказание.

4

Прочитав в первый раз в "Войнаровском" сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную им дочь,
я изумился, как мог поэт пройти мимо
столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни од-

ной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. "Полтаву" написал я в несколько дней, долее не мог бы ею заниматься и бросил бы все.

5

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою "Евгения Онегина" и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели "Северной пчелы"? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам

понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее - напечатать 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 коп. или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire³)), не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их?

6

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в лицее один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два

стишка, известные всему лицу:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи,
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного "Вестника Европы" найти следующую шутку: Альманах "Северные цветы" разделяется на прозу и стихи - хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Се-го не довольно. Это хи хи показалось, видно, столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в "Северной пчеле": "хи хи, как весьма остроумно сказано было в Вестнике Европы" etc.

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обзрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: "Древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния". Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: "В стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии"? - Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрейку,

разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, все та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здоровой критики и беспристрастия.

1 Он шип пустил по-змеиному. "Древние русские стихотворения" (Прим. Пушкина.)

ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ

1

Что такое дворянство? потомственное сословие народа высшее, то есть награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом или его представителями. С какою целью? с целью иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных представителей. Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? богатство доставляет ему способ не

трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain* {1} - образ жизни, то есть неремесленный или земледельческий - ибо все сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник - от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? нужно. Чему учится дворянство? независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? так; но образ жизни может их развить, усилить - или задушить. - Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они *la sauvegarde* {2} трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества.

Кто составляет дворянство в республиках? богатые люди, которыми народ кормится.

А в государствах? военные люди, которые составляют гвардию и войско государево.

Чем кончится дворянство в республиках? Аристократическим правлением. А в государствах? рабством народа, а = в.

Что составило в России древнюю аристокрацию? - Варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Какие были права их? равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому. Отчего г. Полевой говорит, что они были наравне со смердами? Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем не ограничены. Какое время силы нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? при Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?.. (Минин.) Было ли зло местничество? натурально ли оно? везде ли существовало оно? зачем уничтожено было оно? и было ли оно в самом деле уничтожено? ПЕТР. Уничтожение дворянства чинами. Майоратства - уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? восшествие Екатерины II, 14 декабря, и т. д.

noblesse (между прочим и моего пращуря Никиты Пушкина).

Pierre I - les rangs - chute de la noblesse - son Указ de 1714, opposition de Dolgoruky (niaise, dans le genre de celle des Panine).

Pierre III - истинная причина дворянской грамоты. Екатерина - Alexandre - Новосильцов, Чарторижский - Кочубей. Speransky, porovitch turbulent et ignare.

Les moyens avec lesquels on accomplit une revolution, ne sont plus ceux qui la consolident. - Pierre I est tout a la fois Robespierre et Napoleon. (La Revolution incarnee.)

La haute-noblesse n'etant pas hereditaire (de fait) elle est donc noblesse a vie; moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires, devoues, et d'etouffer toute opposition et toute independance.

L'heredite de haute-noblesse est une garantie de son independance - le contraire est necessairement moyen de tyrannie, ou plutot d'un despotisme lache et mou. Despotisme: lois cruelles, coutumes douces. {3}

ОБ АЛЬФРЕДЕ МЮССЕ

Между тем как сладкозвучный, но однооб-

разный Ламартин готовил новые благочестивые "Размышления" под заслуженным названием *Harmonies religieuses*, между тем как важный Victor Hugo издавал свои блестящие, хотя и натянутые "Восточные стихотворения" (*Les Orientales*), между тем как бедный скептик Делорм воскресал в виде исправляющегося неопита, и строгость нравов и приличий была объявлена в приказе по всей французской литературе, вдруг явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен и произвел ужасный соблазн. Musset взял, кажется, на себя обязанность воспевать одни смертные грехи, убийства и прелюбодеяние. Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостью самые обнаженные описания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается и, к несчастью, чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость. Воспевает луну такими стихами, какие осмелился бы написать разве только поэт блаженного XVI века, когда не существовали еще ни

Буало, ни гг. Лагарп, Гофман и Кольне. Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что "Испанские сказки" ничего не доказывают, что можно описывать разбойников и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это ремесло - а быть между тем добрым и честным человеком; что живые картины наслаждений простительны 20-летнему поэту, что, вероятно, семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем изверга, что, одним словом, поэзия - вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава богу! давно бы так, м. г. Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикой, как взрослые люди обходятся с детьми; не позволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко

всякой всячине приклеивать нравоучение. Публике это смешно, и она своим опекунам уж, верно, спасибо не скажет.

Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них "Porgia", кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, поседевшего вдруг; разговор двух любовников на море - все это прелесть. Драматический очерк "Les marrons du feu" обещает Франции романтического трагика. А в повести "Mardoche" Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка. Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт {1}, то мы согласимся с его мнением: трудно прилично выражать обыкновенные предметы.

1 В эпиграфе к "Дон Жуану":

Difficile est proprie communia dicere.

Communia значит не обыкновенные предметы, но общие всем (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противоположность предметам вымышленным).

См. ad Pisones). Предмет Д. Жуана принадлежал исключительно Байрону. (Прим. Пушкина.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К "ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ"

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни "Онегина" журналы вообще отозвались об ней весьма неблагоприятно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали 6 частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

"Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII "Евгения Онегина"? Мы сперва подума-

ли, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя "Руслана и Людмилы", пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII, - два маленькие печатные листика, испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже "Евгений Вельский" кажется чем-то похожим на дело {1}. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complete... Читатели наши спросят, какое же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи "Онегина" увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну как рассеять горе Тани?

Вот как: посадят деву в сани

И повезут из милых мест

В Москву на ярманку невест!

Мать плачется, скучает дочка:

Конец седьмой главе - и точка! {2}

Точно так, любезные читатели, все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!"

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеха, ибо век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (то есть в его заключении). Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, - то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно, виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что "Евгений Онегин" и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искусить ее терпение. Вот еще две главы "Евгения Оне-

гина" - последние, по крайней мере для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, - также удерживала меня. Но "Чайльд-Гарольд" стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться.

28 ноября 1830 г.

Болдино

1 Евгений Вельский. Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят "Евгения Онегина" ниже "Евгения Вельского". (Прим. Пушкина.)

2 Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый

ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает. (Прим. Пушкина.)

О НАРОДНОЙ ДРАМЕ И О "МАРФЕ ПОСАДНИЦЕ" М.П. ПОГОДИНА

1

Драматическое искусство родилось на площади - для народного увеселения. Что нравится народу, что поражает его? Какой язык ему понятен?

С площадей, ярманки (вольность мистерий) Расин переносит ее во двор. Какое было ее появление?

(Корнель, поэт испанский).

Сумароков, Озеров - (Катенин).

Шекспир, Гете - влияние его на нынешний французский театр, на нас. Блаженное невведение критиков, осмеянное Вяземским; они на словах согласились, признали романтизм, а на деле не только его не держутся, но детски нападают на него.

Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ - Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик,

несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.

Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. Свобода.

2

Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда; мы все еще повторяем, что прекрасное есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть польза. Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами? И какая польза в Тициановой Венере и в Аполлоне Бельведерском?

Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что самая сущность драматического искусства именно

исключает правдоподобие? Читая поэму, роман, мы часто можем забытья и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можем думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования в настоящих обстоятельствах. Но где правдоподобие в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые условились, etc.

Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок, времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полускиф Ипполит говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. Римляне Корнеля суть или испанские рыцари, или гасконские бароны, а Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Со всем тем Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недостижимой, и их произведения составляют вечный предмет наших

изучений и восторгов...

Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя? Для разрешения сего вопроса рассмотрим сначала, что такое драма и какая ее цель.

Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия. Драма представляет ему необыкновенное, странное происшествие. Народ требует сильных ощущений, для него и казни - зрелище. Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия. Древние трагики пренебрегли сею пружиною. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую, более как пародию. Таким образом родилась комедия, со временем столь усовершенствованная. Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что нередко близко подходит к трагедии.

Трагедия преимущественно выводила тяж-

кие злодеяния, страдания сверхъестественные, даже физические (напр. Филоктет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения - воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно, изображение же страстей и излиятий души человеческой для него всегда ново, всегда интересно, велико и поучительно. Драма стала заведовать страстями и душою человеческою.

Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах - вот чего требует наш ум от драматического писателя.

Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного, избранного общества. Поэт переселился ко двору. Между тем драма остается верною первоначальному своему назначению - действовать на множество, занимать его любопытство. Но тут драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное.

Отселе важная разница между трагедией народной, Шекспировой и драмой придворной, Расиновой. Творец трагедии народной

был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностью своей возвышенности и признанием публики, беспрекословно чувствуемым. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере так думали и он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унижить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей - отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в половицу (*un heros, un roi de comedie* {1}), привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения. У Расина (например) Нерон не скажет просто: "*Je serai cache dans ce cabinet*" {2} - но: "*Cache pres de ces lieux je vous verrai, Madame*" {3}. Агамемнон будит своего наперсника, говорит ему с напыщенностью: *Oui, c'est Agamemnon, c'est ton roi qui t'eville.*

Viens, reconnais la voux qui frappe ton

oreille. {4}

Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и должно быть. Но надобно признаться, что если герои выражаются в трагедиях Шекспира, как конюхи, то нам это не странно, ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди.

Не имею целию и не смею определять выгоды и невыгоды той и другой трагедии, различать существенные различия систем Расина и Шекспира, Кальдерона и Гете. Спешу обозреть историю драматического искусства в России.

Драма никогда не была у нас потребностью народною. Мистерии Ростовского, трагедии царевны Софьи Алексеевны были представлены при царском дворе и в палатах ближних бояр и были необыкновенным празднеством, а не постоянным увеселением. Первые труппы, появившиеся в России, не привлекали народа, не понимающего драматического искусства и не привыкшего к его условиям. Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные

противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие. Озеров это чувствовал. Он попытался дать нам трагедию народную и вообразил, что для сего довольно будет, если выберет предмет из народной истории, забыв, что поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и еврейской истории и что самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из итальянских новеллей.

После "Дмитрия Донского", после "Пожарского", произведения незрелого таланта, мы все не имели трагедии. "Андромаха" Катенина (может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому) не разбудила, однако ж, ото сна сцену, опустелую после Семеновой.

Идеализированный "Ермак", лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В

нем все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры.

Отчего же нет у нас народной трагедии? Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, сумароковскую трагедию низвести на площадь - но какие препятствия!

Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расиновой, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек? Как ей перейти от своего разговора, размеренного, важного и благопристойного, к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? Как ей вдруг отстать от подобострастия, как обойтись без правил, к которым она привыкла, без насильственного принорования всего русского ко всему европейскому, где, у кого выучиться наречию, понятному народу? Какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она

себе созвучия, - словом, где зрители, где публика?

Вместо публики встретит она тот же малый, ограниченный круг и оскорбит надменные его привычки (*d'habitudeux*), вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий услышит она мелочную, привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды - для того, чтоб она могла расставить свои подмости, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий...

Перед нами, однако ж, опыт народной трагедии...

Прежде чем станем судить "Марфу Посадницу", поблагодарим неизвестного автора за добросовестность его труда, поруку истинного таланта. Он написал свою трагедию не по расчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приуготовленных к романтической драме, но, даже решительно ей неприятствующих¹. Он писал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохнове-

нию, уединясь в своем труде. Без сего самоотвержения в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания.

Автор "Марфы Посадницы" имел целью развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единой державии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое - Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт, беспристрастный, как судьба, должен был изобразить столь же искренно, сколько глубокое, добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило, отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его де-

ло оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные необходимые условия автор "Марфы Посадницы"?

Отвечаем: исполнил, и если не везде, то изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная.

Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины. В первой сцене Новгород узнает о властолюбивых его притязаниях и о нечаянном походе. Негодование, ужас, разногласие, смятение, произведенное сим известием, дают уже понятие о его могуществе. Он еще не появлялся, но уже тут, как Марфа, мы уже чувствуем его присутствие. Поэт переносит нас в московский стан, среди недовольных князей, среди бояр и воевод. И тут мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми страстями. Здесь видим могущество его владычества, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его все-

могущество. Князя свободно и ясно понимают его действия, предвидят и изъясняют высокие замыслы; послы новгородские ожидают его. Является Иоанн. Речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная, твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид. Мы слышим точно Иоанна, мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века. Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! Иоанн не заботится о том, правы ли они или нет. Он предписывает свои последние условия, между тем готовится к решительной битве. Но не одним оружием действует осторожный Иоанн. Измена помогает силе. Сцена между Иоанном и вымышленным Борецким кажется нам невыдержанною. Поэту не хотелось совсем унизить новгородского предателя - отсеке заносчивость его речей и недраматическая (то есть неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажут: он терпит, ибо ему нужен Борецкий - правда. Но пред его ли-

цом не смел забыться бы Борецкий, и изменник не говорил бы уже вольным языком новгородца. Зато с какой полнотою, с каким спокойствием развивает Иоанн государственные свои мысли! - и заметим, откровенность - вот лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Последняя речь Иоанна

Российские бояре,
Вожди, князя

и проч. - кажется нам не в духе властвования Иоаннова. Ему не нужно воспламенять их усердия, он не станет им изъяснять причины своих действий. Довольно, если он скажет им, - завтра битва, будьте готовы.

Мы расстаемся с Иоанном, узнав его намерения, его мысли, его могущую волю, и уже видим его опять, когда молча въезжает он победителем в преданный ему Новгород. Его распоряжения, переданные нам историею, сохранены и в трагедии без добавлений затейливых, без объяснений. Марфа предрекает ему семейственные несчастья и гибель его рода. Он отвечает:

Что господу угодно - да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.

Таково изображение Иоанна, изображение, согласное с историей, почти везде выдержанное. В нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко и представляет нам без театрального преувеличения, без противусмыслия, без шарлатанства.

1 Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют решительное влияние не только на публику, но даже на писателей, которые, хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства. (Прим. Пушкина.)

О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Уважение к минувшему - вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства.

Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с этою бездной поэм, романсов, ироических и любовных, простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних ве-

КОВ.

Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх разума, творческого духа, сравнить влияние завоевания скандинавов с завоеванием мавров. Мы бы увидели разницу между простодушною сатирою французских *trouveurs* и лукавой насмешливостию скоморохов, между площадною шуткою полудуховной мистерии и затеями нашей старой комидии.

Но, к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь, и на ней возвышается единственный памятник: "Песнь о полку Игореве".

Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной.

ЗАМЕТКА О ПОЭМЕ "ГРАФ НУЛИН"

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая "Лукрецию", довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась.

Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. "Граф Нулин" писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения.

БАРАТЫНСКИЙ ПРИНАДЛЕЖИТ К ЧИСЛУ ОТЛИЧНЫХ НАШИХ ПОЭТОВ...

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одаренного вкусом и чув-

ством. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и поминутно столь неудачно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. Постараемся объяснить причины.

Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут, юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и, если изредка

еще обнаруживает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете.

Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения. У нас литература не есть потребность народная. Писатели получают известность посторонними обстоятельствами. Публика мало ими занимается. Класс читателей ограничен, и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии, о политической экономии как о музыке, то есть наобум, понаслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частью по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что, с другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки, тем не менее их приговоры имеют решительное влияние.

Третья причина - эпиграммы Баратынско-го, сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнаса. Поэт наш не только никогда не нисходил к журнальной полемике и ни разу не состязался с нашими Аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить иногда своего мнения в этих маленьких сатирах, столь забавных и язвительных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, если б они не существовали {1}.

Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики, очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудом неблагодарным, редко замеченным, трудом отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам увлекающего свой век гения, подбирая им оброненные колосья;

он шел своею дорогой один и независим. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды.

Перечтите его "Эду" (которую критики наши нашли ничтожной, ибо, как дети, от поэмы требуют они происшествий), перечтите сию простую восхитительную повесть; вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя.

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал,
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах...

Она любит как дитя, радуется его подаркам, резвится с ним, беспечно привыкает к его ласкам. Но время идет, Эда уже не ребенок.

На камнях розовых твоих
Весна игриво засветлела,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,

И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристый,
И лес прохладой душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица
Не обращай...

Какая роскошная черта, как весь отрывок
исполнен неги! Эда влюблена...

1 Эпиграмма, определенная законодателем
французской пиитики: *Un bon mot de deux
rimes orne, {1} скоро стареет и, живее дей-
ствуя в первую минуту, как и всякое острое
слово, теряет всю свою силу при повторении.*
Напротив, в эпиграмме Баратынского, менее
тесной, сатирическая мысль приемлет оборот
то сказочный, то драматический и развивается
свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как

острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства. (Прим. Пушкина.)

ПИСАТЕЛИ, ИЗВЕСТНЫЕ У НАС ПОД ИМЕНЕМ АРИСТОКРАТОВ...

Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики. Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле? Разве впрямь они гнушаются своим братом-литератором; или они вообразили себя и в самом деле аристократами? Весьма же они ошибаются: журналы называли их так в шутку, иронически (смотри "Северную пчелу", "Северный Меркурий" и проч.); а если они и принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается.

Один аристократ (все-таки разумею сие слово в ироническом смысле) извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение; что разница-де между поединком и дракой; что, наконец, никто-де не впра-

ве требовать, чтобы человек разговаривал, с кем не хочет разговаривать. Все это не отговорка. Если уж ты пришел в кабак, то не прогневайся - какова компания, таков и разговор; если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто. А если ты будешь молчать с человеком, который с тобой заговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина.

КРИТИКОЮ У НАС БОЛЬШЕЮ ЧАСТИЮ ЗАНИМАЮТСЯ ЖУРНАЛИСТЫ...

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, то есть entrepreneurs, люди хорошо понимающие свое дело, но не только не критики, но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа {1}. У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

1 Сии, с любовью изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащие. (Прим. Пушкина.)

ПЛАН СТАТЬИ О РУССКИХ ПЕСНЯХ

Вступление.

Но есть одно в основании.

Оригинальность отрицательных сравнений.

Исторические песни.

О Иване Грозном, о Мастрюке, о Ст. Разине, о Цыклере, о Петре, о Шереметеве, о Меншикове.

Казацкие.

Далее про Фермора, про Суворова.

Новейшее влияние. Мера, рифмы, Сумароков etc.

Свадьба.

Семейственные причины элегического их тона.

Лестница чувств.

МАТЕРИАЛЫ И ЗАМЕТКИ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗДАНИЕМ ГАЗЕТЫ "ДНЕВНИК"

1. ЧТО ЕСТЬ ЖУРНАЛ ЕВРОПЕЙСКИЙ?..

Что есть журнал европейский? Что есть журнал русский?

Нынешние русские журналы. Каков может быть русский журнал.

Часть политическая. Внешняя политика.

Происшествия политические. Полемика.

Предварительное изъяснение мнений правительства.

Внутренние происшествия и указы. О мерах правительства.

НВ. Материалы от правительства.

Корреспонденция.

Литература. Внешняя литература. - Лучшие статьи из журналов. Критика иностранных книг. Внутренняя. Исторические материалы.

Текущая литература.

Feuilleton.

Theatre.

Библиография.

Объявления.

Пособия: повеления министров.

Журнал мой предлагаю правительству - как орудие его действия на общее мнение.

Официальность.

2. КОНТОРА ПОД ВЕДОМСТВОМ РЕДАКТОРА...

Контора под ведомством Редактора.

Подписка в экспедициях и в почтамте.

Рассылка по домам.

Книги:

1. Подписная, билетов.
2. Поступающих денег.
3. Книга прихода и расхода.
4. Отдельный счет с бумагой.
5. Книги с разнощ., жалоб.
6. Сотрудники.
7. Покупки.

Исполнитель.

Сотрудники.

3. ОБОЗРЕНИЕ ОБОЗРЕНИЙ

Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указателей общего мнения и проч. и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются *Journal des debats* и *Edinburgh review*.

Определяйте значение слов, говорил Декарт. Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление, свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных - они знают

это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит l'ereuve {1} издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издаст сии противоборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Гиффорд, Джеффри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами - шлюсь на собственную совесть наших литераторов? Спрашиваю, по какому праву "Северная пчела" будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь "Северный Меркурий"?

4. О НОВЕЙШИХ РОМАНАХ

Barnave, Confession, Femme guillotinee.

Eugene Sue.

de Vigny. Hugo.

Balzac. Scenes de la vie privee, Peau de chagrin, Contes bruns, drolatiques.

Musset. Table de nuit {1}

Поэзия французская - Вугон.

Муравьев

Полевой (полромана)

Свиньин

Карамзин.

5. О СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Всем известно, что французы народ самый антипоэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа, Montaigne, Voltaire, Montesquieu, Лагарп и сам Руссо, доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно.

Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости. Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются у них равными Расину; Ж.-Б. Руссо доньше сохранил прозвище великого. Первым их лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии да-

леко отставших от прелестных шалостей Коле. Не знаю, признались ли наконец они в том и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром. "Sing Mars", посредственный роман графа де Виньи, равняют с великими созданиями Вальтера Скотта. Разумеется, что их гонения столь же несправедливы, как и любовь. Между молодыми талантами нынешнего времени Сент-Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный.

Стихотворения его, конечно, очень оригинальны и, что важнее, исполнены искреннего вдохновения. В "Литературной газете" упомянули о них с похвалою, которая показалась преувеличена. Ныне V. Hugo, поэт и человек с истинным дарованием, взялся оправдать мнения петербургского журнала: он издал под заглавием "Les Feuilles d'automne" {1} том стихотворений, очевидно писанных в подражание книге Сент-Бева "Les Consolations" {2}.

РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО ЧТО НЫНЕ ЗНАЧИТ?..

Русское дворянство что ныне значит? - ка-

кими способами делается дворянин? - что из этого следует. Глубокое презрение к сему званию. Дворянин-помещик. Его влияние и важность - рекрутство - права. Дворянин в службе - дворянин в деревне. Происхождение дворянства. Дворянин при дворе.

О НИЧТОЖЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработченную Русь и возвратились на степи своего востока. Образающееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией... {1}

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно - в течение двух мрачных столетий - питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою непрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности. Но внутренняя жизнь поработченного народа не развивалась. Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Свержение ига, споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Европа наводнена была невероятным множеством поэм, легенд, сатир, романсов, мистерий и проч., но старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и "Сло-

во о полку Игореве" возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Но и в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Отселе сношения Ивана Васильевича с Англией, переписка Годунова с Данией, условия, поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича... Наконец, явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в поре мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но пронизательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича, невзлюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство, угадал в бедном школь-

нике вечного труженика Тредьяковского. Семена были посеяны. Сын молдавского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища. Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться.

В начале 18-го столетия французская литература обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние. Прежде всего надлежит нам ее исследовать.

Рассмотря бесчисленное множество мелких стихотворений, баллад, рондо, вирле, сонетов и поэм аллегорических, сатирических, рыцарских романов, сказок, фавлю, мистерий etc., коими наводнена была Франция в начале 17-го столетия, нельзя не сознаться в бесплодной ничтожности сего мнимого изобилия. Трудность, искусно побежденная, счастливо подобранное повторение, легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изречение - редко вознаграждают усталого изыскателя.

Романтическая поэзия пышно и величественно расцвела по всей Европе. Германия давно имела свои Нибелунги, Италия - свою тройственную поэму, Португалия - Лузиаду, Испания - Лопе де Вега, Кальдерона и Сервантеса, Англия - Шекспира, а у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камоенсом, *rima des triolets, fit fleurir la ballade* {1}.

Проза уже имела решительный перевес. Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу.

Люди, одаренные талантом, будучи поражены ничтожностью и, должно сказать, подлостью французского стихотворства, вздумали, что скудность языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древнего греческого. Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между которыми также были люди с дарованиями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Язык отказался от направления

ему чуждого и пошел опять своей дорогою.

Наконец, пришел Малерб, с такой яркой точностию, с такою строгой справедливостию оцененный великим критиком.

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence,
D'un mot mis en sa place enseigna le pouvoir
Et reduisit la Muse aux regles du devoir.
Par ce sage ecrivain la langue reparee.
N'offrit plus rien de rude a l'oreille epuree.
Les stances avec grace apprirent a tomber
Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber {2}.

Но Малерб ныне забыт подобно Ронсару, сии два таланта, истощившие силы свои в усовершенствовании стиха... Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!

Каким чудом посреди сего жалкого ничтожества, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса вдруг явилась толпа истинно великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века? Политическая ли щедрость кардинала

Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV были причиной такого феномена? или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блеснит и исчезает?.. Как бы то ни было, вслед за толпою бездарных, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Буало, Расин, Мольер и Лафонтен, Паскаль, Боссюэт и Фенелон. И владычество их над умственной жизнью просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

У других европейских народов поэзия существовала прежде появления бессмертных гениев, одаривших человечество своими великими созданиями. Сии гении шли по дороге уже проложенной. Но у французов возвышенные умы 17-го столетия застали народную поэзию в пеленках, презрели ее бессилие и обратились к образцам классической древности. Буало, поэт, одаренный мощным талантом и резким умом, обнародовал свое уложение, и словесность ему покорилась. Ста-

рый Корнель один остался представителем романтической трагедии, которую так славно вывел он на французскую сцену.

Несмотря на ее видимую ничтожность, Ришелье чувствовал важность литературы. Великий человек, унизивший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу. Писатели (во Франции класс бедный, дерзкий и насмешливый) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне. Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили свою должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения: бедный дворянин (несмотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, исполненной смелой философии, помещал язвительную сатиру на про-

славленное царствование... Зато Лафонтен умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии, отдаленный от двора за мистическую ересь.

Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тем самым попятная для всех дворов Европы, ибо высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Европе одно семейство.

Между тем великий век миновался. Людовик XIV умер, пережив свою славу и поколение своих современников. Новые мысли, новое направление отзывались в умах, алкавших новизны. Дух исследования и порицания начинал проявляться во Франции. Умы, пренебрегая цветы словесности и благородные игры воображения, готовились к роковому предназначению XVIII века...

Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, вели-

кан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслю умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы, и эта легкость казалась верхом поэзии; наконец и он, однажды в своей жизни, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана...

Влияние Вольтера было неимоверно. Следы великого века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман делается скучною проповедью

или галереей соблазнительных картин.

Все возвышенные умы следуют за Вольтером. Задумчивый Руссо провозглашается его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма, Гиббона и Вальполя приветствует Энциклопедию. Европа едет в Ферней на поклонение. Екатерина вступает с ним в дружескую переписку. Фридрих с ним ссорится и мирится. Общество ему покорено. Наконец Вольтер умирает в Париже, благословляя внука Франклина и приветствуя Новый Свет словами, дотоле неслыханными!..

Смерть Вольтера не останавливает потока. Министры Людовика XVI нисходят в арену с писателями. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным. Старая монархия хохочет и рукоплещет.

Старое общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобный отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Европа, оглушенная, очарованная славою

французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Францией на поприще философии, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа. Поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции; Италия отрекается от гения Dante, Метастазियो подражает Расину.

Обратимся к России.

.....

1 А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна. (Прим. Пушкина.)

О БАЙРОНЕ И О ПРЕДМЕТАХ ВАЖНЫХ

Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младшей между европейскими, произошел от норманца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честью упоминается в английских лето-

писях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему и мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве.

Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Carmarthen и женился на ней тотчас после ее развода. Вскоре потом она умерла в 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой год расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Гордона, владельца гайфского. Брак сей был несчастлив; 23 500 f. st. (587 500 руб.) были расточены в два года; и mistress Байрон осталась при 150 f. st. годового дохода. В 1786 году муж и жена отправились во Францию и возвратились в Лондон в конце 1787.

В следующем году 22 января леди Байрон

родила единственного своего сына Георгия Гордона Байрона. (Вследствие распоряжений фамильных наследница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона.) При его рождении повредили ему ногу, и лорд Байрон полагал тому причиною стыдливость или упрямство своей матери. Новорожденно-го крестили герцог Гордон и полковник Доф.

В 1790 леди Байрон удалилась в Абердин, и муж ее за нею последовал. Несколько времени жили они вместе. Но характеры были слишком несовместны вскоре потом они разошлись. Муж уехал во Францию, выманив прежде у бедной жены своей деньги, нужные ему на дорогу. Он умер в Валенсьене в следующем 1791 году.

Во время краткого пребывания своего в Абердине он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой же день он отослал неугомонного ребенка к его матери и с тех пор уже его не приглашал.

Мистрис Байрон была проста, вспыльчива и во многих отношениях безрассудна. Но твердость, с которой умела она перенести бедность, делает честь ее правилам. Она дер-

жала одну только служанку, и когда в 1798 году повезла она молодого Байрона вступить во владение Ньюстида, долги ее не превышали 60 f. st.

Достоинно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными.

Маленький Байрон выучился читать и писать в Абердинской школе. В классах он был из последних учеников - и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подрасться и отплатить старую обиду.

Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником, и Байрон сохранил о нем благодарное воспоминание.

В 1796 году леди Байрон повезла его в горы для поправления его здоровья после скарлатины. Они поселились близ Баллатера.

Суровые красоты шотландской природы глубоко впечатлелись в воображение отрока.

Около того же времени осьмилетний Бай-

рон влюбился в Марию Доф. 17 лет после того, в одном из своих журналов он описал свою раннюю любовь:

"J'ai beaucoup pense dernièrement a Marie Duff. Comme il est etrange qui j'aie ete si completement devoue, et si profondement attache a cette jeune fille, a un age ou je ne pouvais ni sentir la passion, ni meme comprendre la signification de ce mot. Et pourtant c'etait bien la chose! Ma mere avait coutume de me railler sur cet amour enfantin; et plusieurs annees apre;s, je pouvais avoir seize ans, elle me dit un jour: "Oh! Byron, j'ai recu une lettre d'Edimbourg, de miss Abercromby; votre ancienne passion, Marie Duff, aepouse un M. C." Et quelle fut ma reponse? Je ne puis reellement expliquer ni concevoir mes sensations a ce moment. Mais je tombai presque en convulsions; ma mere fut si fort alarmee qu'apres que je fus remis, elle evitait toujours ce sujet avec moi, et se contentait d'en parler a toutes ses connaissances. A present je me demande ce que pouvait-ce etre? je ne l'avais pas revue depuis que, par suite d'un faux pas de sa mere a Aberdeen, elle etaitallee demeurer chez sa grand'-mere, a Banff;

nous étions tout deux des enfants. J'avais et j'aime cinquante fois depuis cette époque; et cependant je me rappelle tout ce que nous nous disions, nos caresses, ses traits, mon agitation, l'absence de sommeil, et la façon dont je tourmentais la femme de chambre de ma mère pour obtenir qu'elle écrivît Marie en mon nom; ce qu'elle fit à la fin pour me tranquilliser. La pauvre fille me croyait fou, et comme je ne savais pas encore bien écrire, elle devint mon secrétaire. Je me rappelle aussi nos promenades, et le bonheur d'être assis près de Marie, dans la chambre des enfants, dans la maison où elle logeait près de Plainstones à Aberdeen, tandis que sa plus petite sœur jouait à la poupée, et que nous nous faisons gravement la cour, à notre manière.

Comment diable tout cela a-t-il pu arriver si tôt? quelle en était l'origine et la cause? je n'avais certainement aucune idée de sexes, même plusieurs années après; et cependant mes chagrins, mon amour pour cette petite fille étaient si violents que je doute quelquefois que j'aie jamais véritablement aimé depuis. Quoi qu'il en soit, la nouvelle de son mariage me frappa

comme un coup de foudre; je fus pres d'en etouffer, a la grande terreur de ma mere et a l'incredulite de presque tout le monde. Et c'est un phenomene dans mon existence (car je n'avais pas huit ans) qui m'a donne a penser, et dont la solution me tourmentera jusqu'a ma derniere heure. Depuis peu, je ne sais pourquoi, le souvenir (non l'attachement) m'est revenu avec autant de force que jamais. Je m'etonne si elle en a garde memoire, ainsi que de moi? et si elle se souvient d'avoir plaint sa petite sur Helene de ce qu'elle n'avait pas aussi un adorateur? Que son image m'est restee charmante dans la tete! ses cheveux chbtains, ses yeux d'un brun clair et doux; jusqu'a son costume! Je serais tout-a-fait malheureux de la voir a present. La realite, quelque belle qu'elle fut, detruirait ou du moins troublerait les traits de la ravissante Peri qui existait alors en elle, et qui survit encore en moi, apres plus de seize ans; j'en ai maintenant vingt-cinq et quelques mois..." {1}

В 1798 году умер в Ньюстиде старый лорд Вильгельм Байрон. Четыре года пред сим родной внук его скончался в Корсике, и маленький Георгий Байрон остался единственным

наследником имений и титула своего рода. Как несовершеннолетний, он отдан был в опеку лорду Карлилю - дальнему его родственнику, и восхищенная мсг. Байрон осенью того же года оставила Абердин и отправилась в древний Ньюстид с одиннадцатилетним сыном и верной служанкой Мэри Гре.

Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его, был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа г. Чаворта. Они дрались без свидетелей, в трактире при свечке. Дело это произвело много шума, и палата пэров признала убийцу виновным. Он был, однако ж, освобожден от наказания и с тех пор жил в Ньюстиде, где его причуды, скупость и мрачный характер делали его предметом сплетен и клеветы. Носились самые нелепые слухи о причине развода его с женою. Уверяли, что он однажды покусился ее утопить в ньюстидском пруду.

Он старался разорить свои владения из ненависти к своим наследникам. Единственные собеседники его были старый слуга и ключница, занимавшая при нем и другое ме-

сто. Сверх того дом был полон сверчками, которых лорд Вильгельм кормил и воспитывал. Несмотря на свою скупость, старый лорд имел часто нужду в деньгах и доставал их способами, иногда весьма предосудительными для его наследников. Но такой человек не мог об них и заботиться. Таким образом продал он Рочдаль, родовое владение, безо всякого на то права (что знали и покупщики; но они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю).

Лорд Вильгельм никогда не входил в сношения с молодым своим наследником, которого звал не иначе, как мальчик, что живет в Абердине.

Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь. Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые

потом сделались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона были частью врожденные, частью им заимствованы. Мур справедливо замечает, что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков: с одной стороны, смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению. Сомнения нет, что память, оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника - многое перенял он у своего странного деда в его обычаях, и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона.

Обстоятельство, по видимому, маловажное имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена - и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбрала его хромым маль-

чишкою. Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства.

МНОЖЕСТВО СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ...

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например, трогательный от слова touchant (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). Хладнокровие, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть *sens froid* - хладномыслие, а не *sang froid*. Так писали это слово до самого 18 столетия. *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значит положение, от слова *asseoir*, но мы перевели каламбуром - "в своей тарелке": Любезнейший, ты не в своей тарелке.

Горе от ума.

ЗАМЕТКА К "СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" В ПЕРЕЛОЖЕНИИ А.Ф. ВЕЛЬТМАНА

"Хочу копьё преломити, а любо испити..." Г-н Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское. Нет, это значит просто неудачу: "Или сломится копьё мое, или напьюсь из Дону". Тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал.

"ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

"Песнь о полку Игореве" найдена была в библиотеке графа А.Ив. Мусина-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, рассказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важ-

нейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley. Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермаолаев, ни А.Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности "Песни о полку Игореве". Великий скептик Шлецер, не видав "Песни о полку Игореве", сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидно казалась ему истина!

Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писа-

телей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка "Песни о полу Игоре". Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто такая смесь естественна? Гомер, если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала пред ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских и других наречий

славянских. Слово о плъку Игоревс, Игоря сына Святославля, внука Ольгова

"Не лспо ли ны бѣшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повсстій о плъку Игоревс, Игоря Святославича! начатися жетъ пснни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню".

У1. Все занимавшіеся толкованіем "Слова о полку Игореве" перевели: "Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым сло-гом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?"

Но в древнем славянском языке частица ли не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому ne; иногда ли значит только, иногда - бы, иногда - же; донныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица ли есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное не; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы и, что, а, как уж, уж как (замечание Тредьяковского) {1}.

В другом месте "Слова о полку" ли поставлено так же, но все переводчики решили, что это есть ошибка, и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи. По мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) - а не по замыслению Боянову (то есть не по-старому). Явное противуречие! {2} Если же признаем, что частица ли смысла вопросительного не дает, то выдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец "Слова о полку Игоре" не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол бяшетъ подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностию в склонении, коему примеры встречаются в лето-

писях) и предполагает условную частицу: неприлично было бы. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

"Боянь бо всцій, аще кому хотяше псснь творити, то растекашется мыслию по древу, ссрым волкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы".

У2. Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом сла- гали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначитель- ную: растекашется мыслию по древу - тут пропущено слово славіем, которое довершает уподобление; ниже сие выражение употреб- лено {3}.

"Помняшетъ бо рсчъ первыхъ временъ усобицъ".

У3. Ни один из толкователей не перевел се- го места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; все это продолжение прежней мыс- ли: поминая предания о прежних бранях (усо- бица значит ополчение, брань, а не между- усобие, как перевели некоторые. Междуусо- бие есть уже слово составленное), напускал

он и проч. "Помняшетъ бо рсчь первыхъ времянь усобицс; тогда пуцаше і соколовъ на стадо лебедсй etc.", то есть 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени, и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А.С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы "Смерть Авеля" {4}. Толкование Александра Семеновича любопытно (т. 7, стр. 43). "Итак, надлежит паче думать, что в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но тако ж и к некоторому прославлению героев, или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими".

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских

князей "доказывать первенство свое, кровию приобретенное", полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы пускали соколов, а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставлять себя перед товарищами. А.С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского крайнюю неосновательность и несчастное самолюбие (т. 11, стр. 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил.

"Почнемъ же, братіе, повссть сію от старого Владимера до нын сшняго Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано Слово о полку Игореве); иже истягнулъ умъ крпостію". (Истянул - вытянул, натянул, изведаль, испробовал. Пожарский - опоясал, первые толкователи напрягши ум крепостию своею.) Истянул, как лук, изострил, как меч, метафоры, заимствованные из одного источника.

"Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь возрс на свстлое солнце и видс отъ него тьмою вся своя воя

прикрыты, и рече Игорь къ дружинс своей: братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти" - лучше быть убиту, нежели полонену.

"А всядемъ, братіе, на свои борзья комони, да позримъ синяго Дону".

Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственнымъ знаменованием, было некогда общим.

"Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго". - Слова запутаны. Первые издатели перевели: "Пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастия на) Дону великом". Печаль ему заступить имеет несколько значений: омрачить, помешать, удержать. Пришлось князю, мысль похоти и горестъ знамение ему удержало. Спали князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало (запрещало) искусити Дону великаго. "Хощу бо, рече (так хочу же, сказал), копие преломити конецъ поля Половецкаго, а любо испити шеломомъ Дону".

"О бояне, соловию стараго времени! абы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыс-

лену древу, летая умомъ подь облаками, сплетая хвалы на все стороны сего времени (если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу), рища въ тропу Трояню чресь поля на горы". ("Четыре раза упоминается в сей песни о Трояне, то есть тропа Трояня, вечи Трояни, земля Трояня и седьмый век Троянов: но кто сей Троян, догадаться ни по чему не возможно", говорят первые издатели), 5 стр., изд. Шишкова. Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием Троянова вала. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем четыре раза упоминает "Слово о полку Игореве", есть не кто иной, как римский император. Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Шишкова): "Вступила Д свою на землю Трояню, на синем морс у Дону". Где же тут Бессарабия? "Следы Трояна в Дакии, видимые

по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян" (Вельтман). Почему же?

"Псти было пссь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бсжать къ Дону великому; чили въспсти было всщей Бояне, Велесовъ(и) вну-че!"

Поэт повторяет опять выражения Бояновы и, обращаясь к Бояну, вопрошает: "Или не так ли петь было, вещей Бояне, Велесов внуче?"

"Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Кыевс; трубы трубятъ въ Новсградс; стоятъ стязи въ Путивлс; Игорь ждетъ мила брата Всеволода".

Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

"И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свст св стлый, ты Игорю, оба есвс Святославичи; ссдлай, брате, свои борзые комони, а мои ти готовы (готовы - значит здесь известны, значение сие сохранилось в

иллирийском словинском наречии: ниже мы увидим, что половцы бегут неготовыми - неизвестными - дорогами. Если же неготовыми значило бы немощеными, то что ж бы значило готовые кони?), ос сдланы у Курьска на переди; а мои ти Куряни свсдомы (сие повторение того же понятия другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри Священное писание) къмети, подъ трубами повиты" (г. Вельтман пишет: "Кмет значит частный начальник, староста". Кметъ значит вообще крестьянин, мужик. Kargospoda stori krivo, kmeti morjo plazhat shivo {1}).

1 Замечание 1-е. В русском языке сохранилосьодно слово, где ли после не не имеет силы вопросительной - неже-ли. Слово неже употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в "Слове о полку Игореве": "луче жь потяту быти, неже полонену быти". (Прим. Пушкина.)

2 Очень понимаем, почему А.С. Шишков не отступил от того же мнения. Ему, сочинителю "Рассуждения о древнем и новом слоге", было

бы неприятно видеть, что и во время сочинителя "Слова о полку Игореве" предпочитали былины своего времени старым словесам. (Прим. Пушкина.)

3 Примечание. Г-н Вельтман перевел это место: былое воспеть, а не вымысел Бояна, кого мысли текли в вышину, как соки по дереву. Удивительно! (Прим. Пушкина.)

4 Но что есть общего между манерной прозой господина Геснера и поэзией "Песни об Игоре"? (Прим. Пушкина.)

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ
НАБРОСОК ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРАГЕДИИ
"БОРИС ГОДУНОВ"

19 июля, Арзрум

С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет "Бориса Годунова". Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму - и чтоб она тем самым не замедлила хода...

Хотя успех "Полтавы" ободряет меня...

ИЗ ЗАМЕТОК О ВТОРОМ ТОМЕ "ИСТОРИИ
РУССКОГО НАРОДА" Н.А. ПОЛЕВОГО

Освобождение городов не существовало в России. Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не общины (communes), удаленные от Великокняжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей. Феодализм мог наконец родиться как первый шаг учреждений независимости (общины второй), но он не успел. Он развился во время татар, был подавлен Иоанном III, гоним, истребляем Иоанном IV, стал развиваться во время междуцарствия, постепенно упразднялся искусством Романовых и наконец разом уничтожен Петром и Анною Ивановною (указом 31 года уничтожившей указ Петра).

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

Планы

1

О китайских анекдотах - [О личностях] - О нравственности - [О дворянстве] Об аристократии - О примеч. Литературной газеты. Разговор - Обо мне - О личностях.

2

У1.О личной сатире - Китайский анекдот - Сам съешь.

У 2. О нравственности - О Графе Нулине. Что есть безнравственное сочинение - О Видоке.

У 3. Об литературной аристократии - О дворянстве.

У 4. Разговор о примечании.

Заключение.

3

Приписки к плану

[О г. Киреевском - хи-хи]. [О невинности наших критиков]

[О цене Евг. Онегина]

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ
ИЗ ЧЕРНОВОЙ РЕДАКЦИИ

После слов "Людовика XV и его преемника":

Все это, конечно, переменилось, и я полагаю, что французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина {1}.

Однако строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина.

К тому ж подушное, боярщина, оброк

И выдался ль когда на свете

Хотя один мне радостный денек?..

Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следственно, свободы нет нигде, ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так, но разница покоряться предписанным нами самими законам или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда. Но разве народ английский участвует в законодательстве? разве власть не в руках малого числа? разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?

Я. В чем вы полагаете народное благополучие?

Он. В умеренности и соразмерности пода-
тей.

Я. Как?

Он. Вообще повинности в России не очень
тягостны для народа. Подушная платится ми-
ром. Оброк не разорителен (кроме в близости
Москвы и Петербурга, где разнообразие обо-
ротов промышленности умножает корысто-
любие владельцев). Во всей России помещик,
наложив оброк, оставляет на произвол свое-
му крестьянину доставать оный, как и где он
хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает,
и уходит иногда за 2000 верст выработать
себе деньгу. И это называете вы раб-
ством? Я не знаю во всей Европе народа, кото-
рому было бы дано более простору действо-
вать.

Я. Но злоупотребления...

Он. Злоупотреблений везде много. Прочти-
те жалобы английских фабричных работни-
ков - волосы встанут дыбом. Сколько отврати-
тельных истязаний, непонятных мучений!
какое холодное варварство с одной стороны, с
другой какая страшная бедность! Вы подумаете,
что дело идет о строении фараоновых пи-

рамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет об сукнах г на Шмидта или об иголках г-на Томпсона. В России нет ничего подобного.

Я. Вы не читали наших уголовных дел.

Он. Уголовные дела везде ужасны; я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях. Кажется, нет в мире несчастнее английского работника - что хуже его жребия? но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять или десять народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию?..

Я. Живали вы в наших деревнях?

Он. Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смышленность и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит

в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ими ни то, что соседи наши называют un badoud, никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо; но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я. Не удалось.

Он. Так вы не видали оттенков подлости, отличающих у нас один класс от другого. Вы не видали раболепного maintien {2} Нижней каморы перед Верхней; джентльменства перед аристокрацией; купечества перед джентльменством; бедности перед богат-

ством; повиновения перед властью... А нравы наши, а conversation criminal {3}, а продажные голоса, а уловки министерства, а тиранство наше с Индией, а отношения наши со всеми другими народами?..

Англичанин мой разгорячился и совсем отдалился от предмета нашего разговора. Я перестал следовать за его мыслями - и мы приехали в Клин.

О НИЧТОЖЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ ПЛАНЫ

1

Летописи, сказки, песни, пословицы.

Послания царские, Песнь о пльку, Побоище Мамаево.

Царствование Петра. Царствование Елисаветы, Екатерины - Александра. Влияние французской поэзии.

2

Язык. Влияние греческое.

Памятники его.

Литература собственно.

Причины 1) ее бедности,

2) отчуждения от Европы,

3) уничтожения или ничтожности влия-

ния скандинавского.

Сказки, пословицы: доказательство сближения с Европою.

Песнь о плъку Игорева.

Песнь о побоище Мамаевом.

Сказки, мистерии.

Песни.

Пословицы (гротеск).

Народность сказок (пересказать по-своему - Калдерон).

Les Epitres des Patriarches, des tzars ne sont pas purement de la litterature ayant un autre but {1}.

3

Кантемир.

Ломоносов.

Тредьяковский.

Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым, Тредьяковского - его бездарностью.

Почтенное борение Тредьяковского. Он побежден.

Сумароков.

Екатерина (Вольтер). Фонвизин. Державин.

4

Петр создал войско,

флот,
науки,
законы,

но не мог создать словесности, которая рождается сама собою, от своих собственных начал. Поколение преобразованное презрело безграмотную, изустную народную словесность, и князь Кантемир, один из воспитанников Петра, в путеводители себе избрал Буало.

Отчего первые стихотворения были сатиры?

Их успех etc.

Отчего сатира существовала еще при Екатерине - а ныне совсем уже не существует?

Кантемир.

5

1. Быстрый отчет о французской словесности в 17 столетии.

2. 18 столетие.

3. Начало русской словесности - Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация, умирает 28 лет - Ломоносов, плененный гармонией рифма, пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости

etc. - и обращается к точным наукам - d'goute {2} славою Сумарокова. - Сумароков - В сие время Тредьяковский - один понимающий свое дело - Между тем 18-е столетие allait son train. Voltaire {3}. Вольтер и великаны не имеют ни одного последователя в России; но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-те Жанлис - овладевают русской словесностью. Sterne нам чужд - за исключением Карамзина.

4. Екатерина, ученица 18-го столетия. Она одна дает толчок своему веку. Ее угождение философам. Наказ. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же как народ (члены комиссии - депутаты). Екатерина, Фонвизин и Радищев, Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин (Радищев).

5. Век Александров. Карамзин уединяется, дабы писать свою историю. Дмитриев - министр. Ничтожество общее. Между тем французская обмелевшая словесность envahit tout {4}.

Парни и влияние сластолюбивой поэзии на Батюшкова, Вяземского, Давыдова, Пушки-

на и Баратынского.

Жуковский и двенадцатый год. Влияние немецкое превозмогает.

6. Нынешнее влияние критики французской и юной словесности Исключения.

КОММЕНТАРИИ

Письмо к издателю "Сына отечества" (стр. 7). Опубликовано в журнале "Сын отечества" от 3 мая 1824 г., Э 18. В этом своем первом печатном литературно-полемическом выступлении Пушкин использовал некоторые установочные положения своего письма к кн. П. А. Вяземскому от начала апреля 1824 г. Их развитию посвящена статья "О поэзии классической и романтической" (1825).

Автором анонимной статьи, с которой полемизирует Пушкин, защищая "Предисловие" Вяземского к "Бахчисарайскому фонтану", был М. А. Дмитриев (1796-1866), литературный критик консервативно-дворянского лагеря, сотрудник "Вестника Европы", а впоследствии "Атеней" и "Москвитянина". О полемике Пушкина с ним в 1828 г. см. стр. 284-288.

О г-же Сталь и о г. А. Муханове (стр. 8). Опубликовано в журнале "Московский теле-

граф", 1825, Э 12;. Подпись Ст. Ар. расшифровывается: Старый Арзамасец.

В пятом абзаце статьи упоминание о "великодушии русского императора" обусловлено было тактическими соображениями, о чем сам Пушкин, находившийся в это время еще в ссылке, писал 13 июля 1825 г. Вяземскому: "Тут есть одно Великодушие, поставленное, во-первых, ради цензуры, а во-вторых, для вящего анонима" (см. т. 9). Ссылка же на "одну рукопись", сделанная в первом абзаце, имела в виду, вероятно, автобиографические записки самого Пушкина, впоследствии им сожженные. Книга г-жи де Сталь "Dix années d'exil" ("Десять лет изгнания"), вышедшая в свет в 1820 г. и сразу же запрещенная в России, принадлежала к числу любимейших книг Пушкина и оставила заметный след в его творчестве. К ней восходят важнейшие страницы повести "Рославлев" (1831), некоторые строки записок по русской истории XVIII в. (1822) и "-->О народном воспитании-->" (1826), возражений на "Путешествие из Петербурга в Москву" Радищева (1833), она же упоминается в первой главе "Евгения Онегина"

(1825).

Статья, с которой полемизировал Пушкин, напечатана в "Сыне отечества", 1825, Э 10, под названием "Отрывки г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями". Автором статьи был А. А. Муханов (1802-1834), адъютант финляндского генерал-губернатора, приятель Баратынского и Вяземского, двоюродный брат декабриста. Имея, очевидно, в виду передовые общественно-политические и литературные взгляды г-жи Сталь, Пушкин 15 сентября 1825 г. писал Вяземскому: "M. de Stael - наша - не тронь ее!" (см. т. 9).

Заключительная строка статьи является неточной цитатой из послания П. А. Вяземского к М. Т. Каченовскому (1820): "Уважен будешь ты, когда других уважишь".

О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова (стр. 11). Опубликовано в "Московском телеграфе", 1825, Э 17. Подпись "Н. К." составлена из двух последних согласных букв фамилии Пушкин, данных в обратном порядке, как в некоторых лицейских подписях поэта "Александр Н. к. ш. п.". В статье частично использован набросок "О причинах,

замедливших ход нашей словесности..." (см. стр. 257).

Двухтомное издание басен Крылова в переводе на французский и итальянские языки организовано было графом Г. В. Орловым (при участии в переводе 59 поэтов и литераторов) и вышло в 1825 г. в Париже. Статья Пушкина явилась откликом на перевод предисловия к этому изданию, опубликованный в "Сыне отечества", 1825, Э 13 и 14.

Лемонте Пьер-Эдуард (1762-1826) - французский историк, высоко ценившийся Пушкиным (см. письмо к Вяземскому от 5 июля 1824 г. - т. 9). Признанием авторитета Лемонте как ученого объясняется негодование Пушкина по поводу его поверхностных и ошибочных суждений о русском языке и литературе.

Способ перевода столь блестящий и столь недостаточный... - Пушкин имел в виду осуществление стихотворных переложений басен Крылова не с русского оригинала, а с подстрочных прозаических их переводов на французский и итальянский языки.

...Ломоносов обнял все отрасли просвещения. - См. характеристику Ломоносова как де-

ателя русской национальной культуры в "Путешествии из Москвы в Петербург", стр. 384-392.

...с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина... - Речь идет об изобретении громоотвода Вениамином Франклином, американским ученым и государственным деятелем. Академик Георг-Вильгельм Рихман, сотрудник Ломоносова, был убит молнией во время наблюдений над электрическими разрядами в Петербурге в 1753 г.

Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен! - стих из эпистолы "О стихотворстве" А. П. Сумарокова (1748).

Enfin Malherb vint... - стих из "Поэтического искусства" Буало.

Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Erinau... - Маркиза дю Деффан (1697 - 1780), графиня Буффлер (1724-1787) и госпожа д'Эпине (1725-1783) вдохновительницы французских великосветско-литературных салонов середины XVIII в.

Но Мильтон и Данте писали не для благоклонной улыбки прекрасного пола... - 8 февраля 1824 г. Пушкин писал А. А. Бестужеву,

негодую на посвящение, которым А. О. Корнилович снабдил свою статью "Об увеселениях российского двора при Петре I" ("Полярная звезда на 1824 год"); "Корнилович славный малый и много обещает, но зачем пишет он для снисходительного внимания милостивой государыни NN и ожидает одобрительной улыбки прекрасного пола для продолжения любопытных своих трудов? Все это старо, ненужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностью" (см. т. 9).

...европейской своей общежительности... - Во французском оригинале этому понятию соответствовало выражение "sociabilite Europeenne", а не "civilisation Europeenne" (европейская цивилизация), как опасался Пушкин.

...в биографии славных писателей наших... - Пушкин имеет в виду "Опыт краткой истории русской литературы" Н. И. Греча, СПб. 1822.

Некто справедливо заметил...- Сентенция, заключительная часть которой (об "отличительной черте в наших нравах"), принадлежит самому Пушкину.

Отрывки из писем, мысли и замечания (стр. 15). Опубликовано в альманахе "Северные цветы на 1828 год" без имени автора и без четырех заметок, исключенных из "Северных цветов" по соображениям частью цензурного, частью редакционно-тактического порядка. Датируется второй половиной 1827 г. Сверх того в черновых рукописях. Пушкина сохранилось еще несколько заметок, связанных с этой публикацией (см. стр. 272-275), а также проект предисловия ко всему циклу, позволяющий установить жанровый первоисточник "Отрывков из писем, мыслей и замечаний". Эта форма непринужденной беседы с читателем на самые разнообразные литературно-политические и интимно-бытовые темы определилась под воздействием "Замечаний о людях и обществе", опубликованных В. Л. Пушкиным в "Литературном музее на 1827 год". Несмотря на несколько пародическую интерпретацию этих "Замечаний" в предисловии к "Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям" (см. стр. 272), жанровая близость обоих произведений несомненна.

Стерн говорит... - Пушкин цитирует "Сен-

тиментальное путешествие" Стерна (1768).

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии... - Пушкин ближайшим образом имел в виду жалобы А. А. Бестужева на равнодушие "прекрасного пола" ко всему, писанному на "нашем родном языке" ("Полярная звезда на 1823 год", стр. 43).

Поэзия скользит по слуху их, не досягая души... - Строкам этим в черновом автографе предшествовало: "Руссо заметил уже, что ни одра из женщин-писательниц не доходила далее посредственности - кроме Сафы и еще одной, говорит Руссо, разумея Новую Элоизу, которую он выдавал за невымышленное лицо. *Vitam impendere vero* . - Они вообще смешно судят о высоких предметах политики и философии, нежные умы их не способны к мужественному напряжению мыслей, предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием, но и тут, чем более вслушиваетесь в их суждения, тем более изумитесь кривизне и даже грубости их понятия. Рожденные с чувствительностью самой раздражительной, они плачут, над посредственными романами Августа Лафонтена и холодно

читают красноречивые трагедии Расина".

Суждения о том, что женщины лишены чувства изящного, вызвали стихотворный протест поэтессы А. И. Готовцовой, которой Пушкин ответил стихами "И недоверчиво и жадно..." ("Ответ А. И. Готовцовой", см. т. 2, стр. 232 и 706). Впоследствии Пушкин и сам отказался от своих скептических высказываний о женщинах (см. "Рославлев" - т. 5, -->"Table-talk"--> - т. 7).

Это напоминает славное решение... - Слова "приписываемое Петру I" в печатном тексте отсутствовали.

...издают ученые книжки, для дам, как будто для детей... - В черновой рукописи далее следовало: "Кстати или некстати некоторые критики, добровольные опекуны прекрасного пола, разбирая сочинения, замечают обыкновенно, что такие-то слова, выражения, описания дамам читать будет неприлично как слишком простонародные, низкие. Как будто остроумные басни Крылова или описание шотландских кабаков в романах Вальтера Скотта должны непременно оскорблять тонкое чувство модной дамы! Как будто женщи-

на какое-то идеальное существо, чуждое всему земному и должно ужасаться простых прозаических подробностей жизни! Эта провинциальная чопорность доказывает малое знание света и того, что в нем принято или нет.

Это-то, по несчастью, слишком у нас обыкновенно и приносит немалый вред нашей младенческой и жеманной литературе".

Один из наших поэтов... - Пушкин имел в виду, вероятно, А. А. Дельвига, которому аналогичное высказывание П. А. Вяземский впоследствии приписал в "Старой записной книжке".

Все, что превышает геометрию... - Пушкин цитирует "Мысли" Б. Паскаля (1623-1662).

Un sonnet sans d'efaut vaut seul un long роеме... - Цитата из "L'art poetique" Буало (1674).

Tous les genres sont bons eхeрte l'ennuyeux... - Сентенция Вольтера в его предисловии к комедии "Блудный сын". В тексте Вольтера: "hors le genre ennuyeux", а не "eхeрte l'ennuyeux".

...некто заметил... - Пушкин имел в виду В. К. Кюхельбекера, который в статье "О направ-

лении нашей поэзии" ("Мнемозина", 1824, ч. 2) отмечал, что Вольтер "не сказал все равно хороши".

Путешественник Ансело - Ансело Жак-Франсуа (1794-1854), французский драматург и публицист, автор памфлета "Six mois en Russie", Paris, 1827, запрещенного в России. В своей ваметке Пушкин иронизирует по поводу отзывов о грамматике Н. И. Греча, романе Булгарина и комедии Грибоедова. Об Ансело см. упоминание в статье "Торжество Дружбы, или Оправданный А. А. Орлов" (1831).

Гордиться славою своих предков и далее. - Первая печатная декларация мыслей, созревших в спорах Пушкина с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым. В конце мая 1825 г. Пушкин писал; "У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение как шестисотлетний дворянин" (см. т. 9). На протестую-

щее замечание Рылеева ("Ты сделался аристократом: это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным") Пушкин отвечал дальнейшим обоснованием своих положений.

...говорит Карамзин... - Цитата из предисловия к "Истории государства Российского".

Mes arriere-neveux... - Стих из басни Лафонтена "Старик и трое молодых".

Байрон говорил... - Взятие Измаила описано в восьмой песне "Дон-Жуана", а поездка Дон-Жуана в Петербург - в песне девятой.

Победитель - А. В. Суворов.

Сон Сарданапалов - речь идет о драме Байрона "Сарданапал".

...напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве... - Карикатура, о которой говорит Пушкин, издана была не в Варшаве, а в Лондоне в 1795 г. В ней изображен был Суворов, подносящий Екатерине II отрубленные головы польских женщин и детей.

Лорд Мидас - Пушкин заклеил под этим

именем графа М. С. Воронцова, своего бывшего одесского начальника, против которого направлены были им также, эпиграммы "Полу-милорд, полу-купец...", "Певец Давид был ростом мал...", "Сказали раз царю..." (см. т. 2, стр. 64, 65, 124).

Москва-девичья... - Сентенция эта, исключенная по цензурным соображениям из печатного текста, была развернута Пушкиным в 1829 г. в "Романе в письмах" (см. т. 5).

Появление "Истории государства Российского"... наделало много шума... В печатном тексте рассказа о появлении в 1818 г. первых томов "Истории" Карамзина имена Каченовского, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова, П. А. Вяземского даны были сокращенно: К., П., М., В. Слова "в государстве самодержавном" (стр. 23, строка 29) в печатном тексте отсутствовали.

Одна дама (впрочем, очень милая)... - княгиня Евдокия Ивановна Голицина (1780-1850), которой посвящены мадригалы Пушкина "Простой воспитанник природы..." и "Краев чужих неопытный любитель..." (см. т. 1, стр. 42 и 53).

Французская словесность родилась в пе-

редней и далее.- Строки эти в начальной редакции даны были Пушкиным в наброске статьи "О поэзии классической и романтической" (1825).

1) Безупречный сонет один стоит длинной поэмы (франц.)

2) Все жанры хороши, кроме скучного (франц.)

3) одинаково хороши (франц.)

4) Морально я остался плотским, но плотски я сделался моральным (франц.)

5) Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью (франц.)

6) Тайные общества - дипломатия народов (франц.)

Отрывок из литературных летописей (стр. 24). Опубликовано в альманахе "Северные цветы на 1830 год" с подписью: А. Пушкин. Статья, датированная в черновом автографе "27 марта 1829 г. Москва", предназначалась для "Невского альманаха" Е. В. Аладьина, но была запрещена цензурой 8 сентября 1829 г. Строки, изъятые цензурой из первопечатного текста, восстановлены по копии с не дошедшего до нас белого автографа. Эпизод, дав-

ший материал для статьи, получил отражение в эпиграмме Пушкина "Журналами обиженный жестоко, Зоил Пахом печалился глубоко..." (см. т. 2, стр. 274).

Tantae ne animis scholasticis irae! - Стих из первой песни "Энеиды" Вергилия. В латинском оригинале не "Scholasticis", а "Coelestibus", то есть "обитающих на небе".

"...и тяжба одного из них с цензурой..." - Слова эти отсутствуют в первопечатном тексте.

Редактор "Вестника Европы" - профессор М. Т. Каченовский.

...замечаниями о заглавном листе "Истории государства Российского" или даже рассуждениями о куньих мордках... - О разборе Каченовским предисловия к "Истории государства Российского" см. стр. 23. Его же статья "О белых лобках и куньих мордках" опубликована в "Вестнике Европы", 1828, Э 13.

...мы не будем слышать то брюзгливого ворчанья какого-нибудь старого педанта, то непристойных криков пьяного семинариста. - Пушкин намекает на статьи М. Т. Каченовского и его ближайшего сотрудника Н. И. Надеж-

дина, писавшего в "Вестнике Европы" под псевдонимом "Никодим Надоумко" (см. далее стр. 535, 536 и 542).

Г-н Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского... - Отзыв о музыке А. Н. Верстовского к стихам Пушкина "Черная шаль" помещен был в первом номере "Вестника Европы", 1829 г.

Г-н Каченовский перевел "Терезу и Фальдони"... - Перевод романа Леонара "Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе" вышел в свет в 1804 г. и был перепечатан в 1816 г.

Бенигна - псевдоним Н. А. Полевого.

Міхаил Трофімович. - Пушкин иронически подчеркивает орфографические архаизмы "Вестника Европы".

Строки от: Оскорбленный, как издатель до статью г. Полевого отсутствуют в первопечатном тексте.

Строки от: Новое лицо выступило на сцену до как и справедливого отсутствуют в первопечатном тексте.

Князь Вяземский уже дал однажды заметить... - Пушкин имеет в виду его "Письмо в

Париж", напечатанное в "Московском телеграфе", 1825, Э 22.

...решение главного управления цензуры... - Слова эти отсутствуют в первопечатном тексте, концовка которого имела следующую редакцию: "Наконец водворилось спокойствие и прекратилась междоусобная распря миром, равно выгодным для победителей и побежденных..."

1) Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей! (лат.)

"Ромео и Джульета" Шекспира (стр. 30). Опубликовано в "Северных цветах на 1830 год" с отметкою: "Извлечено из рукописного сочинения А. С. Пушкина". Однако, как свидетельствует черновой автограф, заметка эта имеет совершенно самостоятельный характер и ни с какими другими статьями Пушкина непосредственно не связана. О трагедиях Шекспира Пушкин писал в одном из проектов предисловия к "Борису Годунову" в 1829 г. (см. стр. 292) и в "Table-talk" (1834-1835) (см. т. 7).

1) блестящих оборотов мысли (итал.)

"Некрология генерала от кавалерии Н. Н.

Раевского" (стр. 31). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 1, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Автором "Некрологии", рецензированной Пушкиным, был М.Ф. Орлов (1788 1842), отставной генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г., один из вождей "Союза Благоденствия", привлекавшийся к дознанию по делу декабристов и высланный в 1826 г. в свою деревню, под надзор полиции. В силу этого имя М. Ф. Орлова не могло быть названо ни в его брошюре, ни в рецензии на нее.

Раевский Николай Николаевич (1771 - 1829) - генерал от кавалерии, один из виднейших боевых генералов периода войны 1812 г., отец приятелей Пушкина. В семье Н. Н. Раевского Пушкин провел осень 1820 г., на Кавказе и в Крыму.

...он не упомянул о двух отроках... - Пушкин имел в виду сражение при Дашковке 11 июля 1812 г., когда Н. Н. Раевский повел с собою в атаку двух своих сыновей - шестнадцати и одиннадцати лет.

Роман Б. Констана "Адольф" в переводе П. А. Вяземского (стр. 31). Опубликовано в "Лит.

газете", 1830, Э 1, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Перевод "Адольфа", сделанный П. А. Вяземским, вышел в свет лишь в 1831 г. Перевод посвящен был Пушкину, а самый роман назван был в этом посвящении "любимым нашим романом".

...обнародованный гением лорда Байрона. - Имеется в виду "Чайльд-Гарольд".

"Илиада" Гомерова, переведенная Н. Гнедичем (стр. 32). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 2, в отделе "Библиография", без подписи. На перевод "Илиады" Пушкин откликнулся и двустишием:

Слышу божественный звук воскреснувшей эллинской речи,

Старца великого тень чую смущенной душой.

О журнальной критике (стр. 33). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 3, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Ближайшим поводом выступления Пушкина явилось "Послание Северной пчелы к Северному муравью" ("Северная пчела", 1830, Э 3), в котором утверждалось, что русским га-

зетам и журналам нечего критиковать, так как "наша литература есть литература невидимка. Все говорят об ней, а никто ее не видит".

Заявление Пушкина о том, что "Литературная газета" была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов", вызвало ряд резких выступлений "Северной пчелы", "Московского телеграфа" и "Северного Меркурия" против так называемой "литературной аристократии". Об этой полемике см. далее стр. 334-338.

...превращается в домашнюю переписку... - Речь идет о редакционных примечаниях Каченовского к статье Надеждина в "Вестнике Европы", 1828, Э 24, и 1829, Э 23.

Могущему пороку - брань... - Цитата из "Певца во стане русских воинов" В. А. Жуковского.

"История русского народа, соч. Николая Полевого" (стр. 34). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 4 и 12, в отделе "Библиография".

Первая статья имеет подпись: Р. (французское "П", первая буква фамилии Пушкина). Наброски "третьей статьи" об "Истории русского народа" см. стр. 321.

Нибур Георг (1776-1831) - немецкий историк, автор первой критической "Римской истории".

Belle conclusion et digne de l'exorde... - Стих из комедии Расина "Plaideurs" ("Сутяги").

...философическую статью об русской истории... - Речь идет о рецензии Н. Полевого на "Историю государства Российского" Карамзина в "Московском телеграфе", 1829, вышученной А. Ф. Воейковым в журнале "Славянин".

...достоинства Баранта и Тьерри... - Барант Амабль-Проспер (1782-1866) - историк и политический деятель дворянско-либерального лагеря; Тьерри Огюстен (1795-1856) - французский историк, основоположник изучения социально-экономических факторов исторического процесса.

Maitre renard, peut-etre on vous croirait - концовка эпиграммы Ж.-Б. Руссо, несколько измененная.

В журнале, издаваемом ученым, извест-

ным профессором... - "Вестник Европы", издававшийся М. Т. Каченовским, откликнулся на "Историю" Полевого резко отрицательной статьей Н. И. Надеждина.

...пойдут в пример галиматьи... - Цитата из эпиграммы И. И. Дмитриева: "Так, Бавий, так! стихи, конечно, и твои // На лекциях пойдут в пример галиматьи".

...et tu autem, Brute! - предсмертные слова Юлия Цезаря, увидавшего в числе своих убийц Марка Юния Брута, одного из ближайших своих друзей.

Издатель "Московского вестника" - М. П. Погодин.

То же бы ты слово // Да не так бы молвил - цитата из сказки "Дурень" ("Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым", изд. 2-е, 1818).

1) Прекрасное и достойное начала окончание! (франц.)

2) по произволу переписчика (лат.)

3) и ты, Брут! (лат.)

"Юрий Милославский, или Русские в 1612 году" (стр. 40). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 5, в отделе "Библиография", без подпи-

си.

11 января 1830 г. Пушкин писал М. Н. Загоскину, благодаря его за присылку романа: "Поздравляю вас с успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи..." (см. т. 9). В частном письме к П. А. Вяземскому в январе 1830 г. Пушкин отозвался о "Юрии Милославском" гораздо более строго, чем в печати.

...подобно ученику Агриппы. - Генрих-Корнелиус-Агриппа Неттестеймский (1486-1535), врач и алхимик. Говоря об "ученике", Пушкин, возможно, имел в виду "Балладу о юноше, который захотел прочесть незаконные книги, и о том, как он был наказан" Р. Соути (1798), или балладу Гете "Ученик чародея".

Фреза - гофрированный высокий воротник (la fraise).

Madame Campan - Жанна-Луиза де Кампан (1752-1822), директриса пансиона для сирот кавалеров Почетного Легиона.

...как утверждала Madame de Stael... - В книге "Взгляд на французскую революцию", ч. 1, гл. 2.

Шиши - лазутчики, перебежавшие - из од-

ного лагеря в другой.

... в 1 Э Московского вестника"... - Пушкин имеет в виду рецензию С.Т. Аксакова на роман Загоскина (1830, Э1, стр. 75-90).

1) денди, щеголя (англ.)

О записках Самсона (стр. 42). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 5, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Заметка вызвана журнальной информацией о выходе в свет первых томов "Записок" парижского палача времен революции Анри Сансона (1740-1793). Составителями этих сенсационных "Записок" были Бальзак и Леритье, широко использовавшие как подлинные рукописи, оставшиеся после смерти Сансона, так и некоторые другие материалы.

После соблазнительных "Исповедей" философии XVIII века... - Пушкин имеет в виду прежде всего "Исповедь" Ж.-Ж. Руссо.

...на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Записки английской актрисы Вильсон вышли в свет в 1825 г., записки Казановы опубликованы были в 1826 г., воспоминания французской авантюристки Иды Сент-Эльм ("Современницы")

появились в 1827 г.

Поэт Гюго не постыдился... - В повести "Последний день осужденного" (1829) Гюго упомянул о двух жертвах Сансона - лекаре Кастене и детоубийце Папавуане.

...сие творение, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу. - Имеется в виду "Портрет палача" в сборнике "Les Soirees de Saint-Petersbourg" ("Петербургские вечера") Жозефа де Местра.

"Разговор у княгини Халдиной" Д. И. Фонвизина (стр. 43). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 7, в отделе "Смесь", без подписи.

...в одном из наших журналов изъявили сомнение... - Речь идет о статье Булгарина в "Северной пчеле", 1830, Э 10.

Денница. Альманах на 1830 год (стр. 44). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 8, в отделе "Библиография", без подписи. О положительном отношении Пушкина к "Обозрению русской словесности 1829 года", помещенному в этом альманахе, свидетельствует письмо И. В. Киреевского к его отчиму от 15 января 1830 г.: "Пушкин был у нас и сделал мне три короба комплиментов об моей статье". Эту

свою рецензию Пушкин отметил в перечне статей, предназначавшихся им в 1834 г. к включению в сборник его прозаических произведений ("Рукописи Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833 - 1835 годов". Комментарий. М. 1939, стр. 28).

...одобрительное внимание великого Гете... - Пушкин имеет в виду положительный отзыв Гете о разборе отрывка из "Фауста" в "Московском вестнике", 1827 г. Этот отзыв был опубликован в "Московском вестнике", 1827 г., Э 11.

Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение Ф. Глинки (стр. 53). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 10, в отделе "Библиография", без подписи. Упоминается Пушкиным в перечне избранных его статей ("Рукописи Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833 - 1835 годов". Комментарий. М. 1939, стр. 28). Вариантом начала рецензии на "Карелию" является набросок "Москва была освобождена..." (см. выше, стр. 304-305).

Глинка Федор Николаевич (1786 - 1880) - поэт и публицист, видный деятель "Союза

Благоденствия", арестованный после 14 декабря и сосланный под надзор полиции в Петрозаводск. Сочувствием к ссыльному автору объясняется подчеркнута комплиментарная оценка его новой поэмы в рецензии Пушкина. Общая характеристика Глинки-декабриста дана в послании Пушкина "Когда среди оргий жизни шумной..." (1822). Иронические отзывы о его стихах см. в эпиграммах "Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах..." (1825) и "Собрание насекомых" (1829). Текст Содержание тома Указатель Содержание

О статьях кн. Вяземского (стр. 59). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 10, в отделе "Смесь", без заголовка и подписи. Заметка вызвана была нападками на Вяземского в "Московском телеграфе", 1830, Э 1, и в "Северной пчеле", 1830, Э 12, за его статью "Отрывок из письма А. И. Г." в альманахе "Денница на 1830 г.". О начале этой полемики см. стр. 33.

Острая шутка не есть окончательный приговор... (стр. 60). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 10, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

*** сказал... - Этот каламбур принадлежит,

видимо, самому Пушкину и отражает характерную для него неудовлетворенность всеми существовавшими в эту пору книгами по русской истории - "Историей государства Российского" Карамзина, "Историей Российской" С. Н. Глинки и "Историей русского народа" Н. А. Полевого.

В одной из Шекспировых комедий... (стр. 60). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 10, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Крестьянка Одрей - одно из действующих лиц в комедии Шекспира "Как вам это понравится?".

...в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из московских журналов... - В статье Н. И. Надеждина "О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии" ("Вестник Европы", 1830, Э 1 и 2).

Невский альманах на 1830 год (стр. 61). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 12, в отделе "Библиография", без подписи.

Издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы. Н. А. Полевой.

Англия есть отечество карикатуры и пародии.

дии... (стр. 61). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 12, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Заметка является ответом на выступление Полевого в первых номерах "Московского телеграфа", 1830, против "Литературной газеты". Нападая на "литературных аристократов", Полевой в публикации "Отрывки из нового альманаха "Литературное зеркало" вышучивал идеологические установки "Лит. газеты" и пародировал произведения Дельвига (Феокритов), Вяземского (Шолье Андреев), Баратынского (Гамлетов), Языкова (Буршев) и Катенина (Анакреонов). О пародия Полевого на Языкова см. выше гневную отповедь Пушкина в рецензии на "Невский альманах", стр. 61.

...пародировал Гизота, и Тьерри. - Иронический намек на "Историю русского народа" Полевого (см. стр. 34-40).

Объяснение к заметке об "Илиаде" (стр. 61). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 12, в отделе "Смесь".

Заметка вызвана статьей С. Е. Раича в журнале "Галатея", 1830, Э 4.

Г-н Раич счел за нужное отвечать (стр. 63). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 13, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Раич Семен Егорович (1792 - 1855) - московский поэт, переводчик, литературный теоретик и педагог, член "Союза Благоденствия", автор "Рассуждения о дидактической поэзии" (1822), издатель альманахов "Новые Аониды" (1823) и "Северная лира" (1827), редактор журнала "Галатейя" (1829 1830). О произведениях Раича Пушкин отзывался неизменно отрицательно (см. выше стр. 270, и далее стр. 526 и 540).

1) завистники (лат.)

Мильтон говаривал... (стр. 63). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 16, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

О записках Видока (стр. 63). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 20, в отделе "Смесь", без заголовка и без подписи.

Заметка предназначалась для "Московского вестника", но М. П. Погодин уклонился от ее публикации, так как она имела в виду вовсе не Видока, начальника парижской сыскной полиции, а Булгарина. Взаимоотношения

Пушкина и Булгарина к этому времени крайне обострились. До Булгарина дошли слухи о том, что Пушкин обвиняет его в заимствовании некоторых ситуаций из трагедии "Борис Годунов" для романа "Димитрий Самозванец". Ошибочно приписав Пушкину анонимный разбор "Димитрия Самозванца", опубликованный в "Литературной газете", Булгарин напечатал в "Северной пчеле" от 11 марта 1830 г. пасквильный "Анекдот", в котором Пушкин выведен был под именем "французского стихотворца, служащего усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам", "бросающего рифмами во все священное, чванящегося перед чернью вольнодумством, а тишком ползающего у ног сильных" и т. п.

Ответом Пушкина на эти инсинуации были две эпиграммы ("Не то беда, что ты поляк..." и "Не то беда, Авдей Флюгарин...", см. т. 2, стр. 334 и 335) и резкая памфлетная характеристика Булгарина в заметке о литературных претензиях авантюриста и шпиона Видока. Общественно-политическое значение этого "ответа" определялось прежде всего тем, что в нем впервые была печатно объявлена и

заклеймена связь Булгарина с органами тайного полицейского надзора, о чем Пушкин и его друзья узнали за год перед тем от бывших "арзамасцев" Д. В. Дашкова и Д. Н. Блудова, ставших при Николае I министрами. О продолжении борьбы Пушкина с Булгариным см. статьи "Торжество дружбы, или Оправданный А. А. Орлов" и "Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем" (1831), а также стр. 200, 236, 547-549, 551, 552.

Собрание насекомых. Стихотворение А. С. Пушкина (стр. 65). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 43, в отделе "Смесь", без подписи.

Адресаты эпиграмм, обозначенные в "Собрании насекомых" только звездочками, с наибольшею точностью расшифрованы в письме П. А. Плетнева к Я. К. Гроту в 1849 г.: "Глинка (Фед.) - божия коровка, Каченовский - злой паук, Свињин - российский жук, Рюмин (Бестужев) издавал какой-то журнал, Борька (Федоров, Борис) - мелкая букашка". В некоторых списках "Собрания насекомых" имена Бестужева-Рюмина и Б. М. Федорова заменялись фамилией "Раич".

Оно удостоилось двух пародий... - В первой

из них упоминались: "Полтава - божия коровка, Кавказский пленник - злой паук; вот Годунов - российский жук, Онегин - тощая пиявка, Граф Нулин - мелкая козявка" ("Вестник Европы", 1830, ч. II). Вторая пародия ("На ниве бедной и бесплодной..." и пр.) напечатана была в "Московском телеграфе", 1830, ч. 32, с подписью: Обезьянинов.

В газете "Le Furet" напечатано... (стр. 66). Опубликовано в "Лит. газете", 1830, Э 45, в отделе "Смесь", без подписи.

Заметка пародирует один из "китайских анекдотов" Булгарина в "Северной пчеле", 1829, по поводу распри Каченовского с Полевым (см. об этом "Отрывок из литературных летописей", стр. 24). О других откликах Пушкина на "китайские анекдоты" см. стр. 326-327.

"Le Furet" - литературный и театральный еженедельник, выходивший в Петербурге на французском языке.

Vie, poesies et pensees de Joseph Delorme (Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма, Париж, 1829).

Les consolations. Poesies par Sainte Beuve

(Утешения. Стихотворения Сент-Бева, Париж, 1830) (стр. 66). Опубликовано в "Лит. газете", 1831, Э 32, в отделе "Библиография", с подписью: Р.

11 апреля 1831 г. Пушкин писал из Москвы П. А. Плетневу: "Скажи ему , что Делорма я сам ему привезу, потому и не посылаю". 17 июня 1831 г. П. А. Вяземский писал Пушкину под впечатлением его статьи: "Я с удовольствием узнал тебя в Делорме".

В 1834 г. Пушкин предполагал включить статью о Делорме в проектировавшийся им сборник разных своих прозаических произведений.

Gardez qu'une voyelle a courir... - Пушкин цитирует стихи из первой песни "L'art poétique" ("Поэтическое искусство") Буало.

1 Перевод стихов И. Делорма см. в примечаниях.

Переводы стихотворений Делорма, цитируемых Пушкиным:

Стр. 67 Для желающего утопиться место очень удобно.

В любой день стоит только пойти сюда,
Спрятать одежду под этой березой

И, словно для купанья, погрузиться в воду:
Не как безумец, стремглав,
Но присесть, поглядеть вокруг; следить
За длинным отблеском луча света на лист-
ве и на воде;

Затем, когда почувствуешь, что дух исчер-
пал себя до конца,

И озябнешь, тогда, не затягивая праздника,
Нырнуть головой, чтобы ее больше не под-
нимать.

Вот моя заветная мечта, когда я задумы-
ваю умереть.

Я всегда одиноко плакал и страдал;
Ничье сердце не билось рядом с моим, ко-
гда я проходил жизненный путь.

Так же, как я жил, пусть я умру - тайно,
Без шума, без криков, без толпы собрав-
шихся соседей.

Жаворонок, умирая, прячется во ржи,
Соловей, чувствуя, что голос его ослабева-
ет,

И приближается холодный ветер, и падает
его оперение,

Исчезает из жизни незаметно для всех, как
лесное эхо:

Я так же хочу исчезнуть. Только через месяц или два,
Может быть через год, однажды вечером,
Пастух, в поисках за заблудившейся козой,
Или охотник, спустившись к ручью и заметив,
Что его собака бросилась туда и возвратилась с лаем,
Взглянет; луна, с ним вместе смотря,
Осветит тусклым сиянием это тело
И внезапно он побежит до самого поселка,
без оглядки.
Несколько местных жителей придут ранним утром,
Вытянут за волосы неузнаваемый труп,
Эти обрывки тела и кости, забитые песком.
И, примешивая шутки к каким-нибудь глупым рассказам,
Долго будут совещаться над моими почерневшими останками
И, наконец, повезут их на тачке на кладбище,
Поскорее заколотят их в какой-нибудь старый гроб,
Который священник трижды окропит свя-

той водой,

И оставят меня без имени, без деревянного креста!

Стр. 68-69 Мой друг, вот вы отец новорожденного;

Это еще один мальчик; небо даровало его вам

Прекрасного, свежего, радостно улыбающегося этой горькой жизни.

Он стоил едва лишь нескольких стонов своей матери.

Ночь; я вижу вас... При легком шуме сон
Обнял розового ребенка на белой спящей груди,

А вы, отец, бодрствуя у камина,
Углубившись в раздумья и склонив голову,
Вы часто оборачиваетесь, чтоб вновь увидеть, - о счастье!

Младенца, мать, и брата, и сестру,
Как пастух, радующийся своим новым ягнтятам,

Или как хозяин, ввечеру считающий снопы хлеба.

В этот торжественный час, в этой глубокой тишине,

Кто, кроме вас, знает бездну, в которой та-
ет ваше сердце, друг?

Кто знает ваши слезы, ваши немые ласки,
Сокровища гения, изливающиеся в нежно-
сти,

Стон орла, более грустный, чем у голубки в
гнезде,

Потоки, струящиеся с гранитной скалы,
И бесчисленные ручьи от снега,
Тающего под зноем норвежского лета на
склонах ледника?

Живите, будьте счастливы и когда-нибудь
воспойте

Нам эти сверхчеловеческие тайны невыра-
зимой любви.

А я в это время также бодрствую,
Не у голубых занавесей розового детства,
Не у брачного ложа, орошенного благово-
ниями,

Но у холодного одра, над телом усопшего.
Это - сосед, подагрический старик, умер-
ший от камня в печени.

Его племянницы позвали меня, я здесь по
их просьбе;

Один я присел к одру с девяти часов вече-

ра,

В главах постели - черный деревянный
крест

С костяным распятием положен между
двух свечей,

На стуле; рядом ветка самшита, дорогого
для верующих,

Мокнет в тарелке, и я вижу под простыней
Мертвого, во всю длину, со сжатыми нога-
ми и скрещенными руками.

О! если бы по крайней мере я долгое время
знал

Этого мертвеца при жизни! Если бы мне
хотелось

Поцеловать этот желтый лоб в последний
раз!

Если бы, глядя все время на эти жесткие
прямые складки,

Я бы наконец увидел, как что-то шевелит-
ся,

Движется подобно ноге отдыхающего че-
ловека,

И что пламя голубеет! Если б я услышал,
Как заскрипела кровать!.. или если бы я
мог молиться!

Но нет: никакого священного ужаса, никакого нежного воспоминания.

Я смотрю и не вижу, слушаю и не слышу.

Каждый час бьет медленно, и когда, переутомленный

От этого удручающего спокойствия и этих глупых грез,

Я подхожу к окну немного подышать

(Так как на полночном небе только что родился серп месяца),

Вон, вдруг, над далекой крышей дома,

Не на востоке, вспыхивает небосклон,

И я слышу вместо песни

Лай собак, воющих на пожар.

Стр. 69 Нет, моя муза - не блистающая одалиска

С черными блестящими волосами, с продолговатыми глазами гурии,

Пляшущая с обнаженной грудью при резких звуках своего голоса;

Это не юная и розовая Пери,

Сверкающие крылья которой затмили бы хвост прекрасного павлина,

Не белокрылая и голубокрылая фея,

Эти две сестры-соперницы, которые откры-

вают миры и небеса

Ослепленному светом ребенку, лишь только он скажет да.

Она - о моя обожаемая муза!

Не дева иль плачущая вдова,

Одинокая обительница пустынного монастыря

Или башни без вассалов, которая бродит под сводами,

Произнося чье-то имя; спускается в рыцарские гробницы;

Склоняя колени, широко покрывает плиты бархатом платья

И, прикинув челом к мрамору, изливает со слезами,

В мелодичном гимне свои благородные несчастья,

Нет. - Но, когда ваша скорбь одиноко бредет по лесу,

Видали ли вы там, в глубине, хижину

Под высохшим деревом? Рядом с нею вырыта канава;

Девушка постоянно стирает там ветхое белье.

Может быть, при виде вас, она опустила

голову,

Так как, при всей своей бедности, она из хорошей семьи;

Она могла бы, как и другая, в более счастливые дни

Блистать в свете и цвести для любви;

Мчаться в экипаже; бывать на балах, на гуляньях;

Вдыхать на балконе ароматы и серенады;

Или, своей золотой арфой возбуждая сотни соперников,

Видеть лишь одну улыбку среди бесчисленных рукоплесканий.

Но небо с самого начала потемнело над нею,

И деревцо, едва родившись, было побито градом:

Она прядет, шьет и ухаживает дома

За старым, слепым и безумным отцом.

Стр. 70 раздирающий кашель

Прерывает ее песню, испускает крик со свистом

И извергает кровавые сгустки из ее больной груди.

Стр. 70-71 Я всегда знавал ее задумчивой и

строгой;

Ребенком она редко принимала участие

В забавах веселого детства; она уже была
рассудительна,

И когда ее маленькие сестры бегали по
траве,

Она первая напоминала им о часе,

О том, что пора уже идти домой,

Что она услышала звон колокола,

Что запрещено подходить к каналу,

Пугать в роще ручную лань,

Играя, подбегать слишком близко к птич-
нику,

И сестры слушались ее. Скоро ей исполни-
лось пятнадцать лет.

И ее разум украсился очарованиями, более
привлекательными:

Прикрытая грудь, ясное чело, на котором
почиет спокойствие,

Розовое лицо под прекрасными темными
волосами,

Скромные губы со сдержанной улыбкой.

Холодный и трезвый разговор, который,
однако, нравится,

Нежный и твердый голос, никогда не дро-

жащий,

И черные, сходящиеся брови,

Чувство долга рождало в ней важное усердие,

Она держалась рассудительно, выдержанно, не рассеянно;

Она не мечтала, как молодая девушка,

Рассеянно роняющая из рук иглу

И думающая от вчерашнего до завтрашнего бала

О прекрасном незнакомце, пожавшем ей руку.

Никогда не видел никто, чтобы, облокотившись на окно

И позабыв работу, она следила сквозь ветви

Прерывный бег вечерних облаков,

А потом внезапно прятала бы лицо в платок,

Нет, она говорила себе, что счастливое будущее

Внезапно изменилось со смертью отца,

Что она - старшая дочь и потому должна

Принимать деятельное участие в домашних заботах.

Это юное и строгое сердце не знало власти
Тоски, от которой вздыхает и волнуется
невинность.

Оно всегда подавляло разнеживающую
грусть,

Возникающую бессознательно, очарова-
тельные тревоги

И темные желания, все те смутные волне-
ния,

Этих естественных пособников любви.

Владея вполне собой, она в самые нежные
мгновения,

Обнимая свою мать, говорила ей вы.

Приторные комплименты и пылкие фразы

Праздных молодых людей для нее трати-
лись попусту.

Но когда измученное сердце рассказывало
ей свое горе,

Ее ясное чело тотчас омрачалось:

Она умела говорить о страданиях, о горь-
кой жизни

И давала советы, как молодая мать.

Теперь она сама мать и жена,

Но это скорее по рассудку, чем по любви.

Ее мирное счастье умеряется уважением;

Ее муж, уже не молодой, мог бы быть для
нее отцом;

Она не знала забвенья первого месяца,
Медового месяца, сияющего только одна-
жды,

И чело ее, и глаза сохранили ото всех
Целомудренные тайны, о которых женщи-
на должна молчать.

Счастливая по-прежнему, она сообразует
свою жизнь

С новыми обязанностями... Отраднo видеть
ее,

Когда, освободившись от хозяйства, вече-
ром в будни,

Часов около шести, не наряжаясь, летом,
она выходит погулять

И садится в тени от палящего солнца,
На траву, с своей прекрасной дочкой.

Так текут ее дни с ранних лет,
Как безыменные волны под безоблачным
небом,

Медленным, однообразным, но торже-
ственным потоком.

Ибо они знают, что стремятся к вечному
берегу.

И при виде того, как тихо течет эта скромная доля,

Кротко уступая влечению долга,

Эти чистые, прозрачные, спокойные, молчаливые дни,

Которые успокаивают от шума и на которых отдыхают глаза.

Невольню, увя, я вновья впадаю в грусть;

Я думаю о моих быстро ушедших долгих днях,

Бурных, несчастных, потерянных для долга,

И, о боже, я думаю о том, что скоро настает вечер!

2 Остерегайтесь, как бы в слишком поспешном беге одна гласная не столкнулась на своем пути с другою (франц.)

3 будем религиозны, будем политиками... будем сумасбродами (франц.)

Торжество дружбы, или Оправданный А. А. Орлов (стр. 76). Опубликовано в журнале "Телескоп", 1831, .Э 13, с подписью: Феофилакт Косичкин. Этим же псевдонимом подписана статья "Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем" (см. стр. 492).

Орлов Александр Анфимович (1791-1840) - московский литератор, автор сатирических рассказов и повестей, издававшихся отдельными брошюрами, учебных компиляций и пр. Спекулируя на успехе "Ивана Выжигина" Булгарина, Орлов выпустил весной 1831 г. три брошюры: "Смерть Ивана Выжигина", "Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина" и "Хлыновские степняки, или Дети Ивана Выжигина". Эти публикации совпали с выходом в свет подлинного продолжения первого романа Булгарина - "Петр Иванович Выжигин". Н. И. Надеждин, литературный враг Булгарина, не упустил случая в своей рецензии ("Телескоп", 1831, Э 9) связать в полемических целях произведения Булгарина и А. А. Орлова как явления якобы одинаковой общественно-литературной значимости. Это сопоставление было особенно оскорбительно потому, что в газете Булгарина "Северная пчела" А. А. Орлов неоднократно квалифицировался как ничтожный лубочный писака "на потребу толкучего рынка". В защиту Булгарина выступил Н. И. Греч, резко протестуя против практикуемых Надеждиным ме-

годов литературной борьбы. Ответом на выступление Греча и явился критический памфлет Пушкина на страницах "Телескопа". О начале борьбы Пушкина с Булгариным см. статью "О записках Видока", стр. 63-65.

...он живет в своей деревне, близ Сокольников... - Пушкин пародирует заключительные строки статьи Греча в "Сыне отечества": "Булгарин живет в деревне своей подле Дерпта и не читает "Телескопа" (он просил меня не посылать к нему вздоров)".

...бегать ли им под орлом французским... - Булгарин во время Отечественной войны 1812 г. служил во французской армии.

...подражания "Совестдралу" и "Английскому милорду"... - Пушкин имеет в виду лубочные повести: "Похождение ожившего нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совестдрала - Большого Носа" (1781) и "Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы" (1782).

Он не задавал обедов иностранным литераторам... - Намек на обед, устроенный Булгариным и Гречем в честь французского лите-

ратора Ансело, который затем расхвалил романы Булгарина и грамматику Греча в своей книге "Six mois en Russia" (1827) (см. об этом стр. 474).

Но разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем "Борисе Годунове" все лица романа г. Булгарина... - Пушкин иронизирует по поводу использования в романе Булгарина "Димитрий Самозванец" (1829) некоторых страниц рукописи "Бориса Годунова" (1825) (см. стр. 350 и 556).

1) На арену я вышел вместе с равными мне. Цицерон (лат.)

2) глас народа - глас божий (лат.)

3) где хорошо, там и родина (лат.)

Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем (стр. 84). Опубликовано в журнале "Телескоп", 1831, Э 15, с подписью: Ф. Косичкин.

Ведь, кажется, у нас по полной оплеухе. - Стих из комедии Княжнина "Чудаки" (реплика лакея Высоноса после его драки с Пролозом).

...у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензен-

тов. - На эти строки Н. И. Греча обратил внимание Пушкина кн. П. А. Вяземский в своем письме от 27 июля 1831 г. Отвечая Вяземскому, Пушкин 3 августа 1831 г. писал: "Твое замечание о мизинце Булгарина не пропадет; обещаюсь тебя насмешить".

Письма Бригадирши. - Пушкин имеет в виду сводку отрицательных отзывов о Н. А. Полевом, опубликованную А. Ф. Воейковым в "Славянине", 1829, под названием "Венок, сплетенный Бригадиршею из журнальных листов для Издателя "Московского телеграфа".

Славный Грипусье - прозвище Н. А. Полевого, в журнале которого напечатана была статья о модных платьях "цветов голубого, розового и грипусье" ("Московский телеграф", 1825, прибавл. к Э 14, стр. 309). Этот ляпсус ("gris-roussiere" следовало бы перевести пыльно-серый) использован был в "Северной пчеле" для вышучивания издателя нового журнала.

...я не похожу на того китайского журналиста... - Намек на Н. И. Греча, который в частных беседах всячески отмежевывался от Бул-

гарина, подчеркивая вынужденный характер своих деловых отношений с последним.

Настоящий Выжигин. - В этом проспекте проектируемого якобы им романа Пушкин давал памфлетную общественно-политическую и литературную биографию Булгарина ("Выжигина"), основанную на хорошем знакомстве с самыми темными сторонами его жизненного пути.

1) Где хорошо, там и родина (лат.)

Письмо к издателю "Литературных прибавлений к Русскому инвалиду" (стр. 88). Опубликовано в "Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду", 1831, Э 79, как цитата в рецензии Л. А. Якубовича на первую книжку "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Гоголя. Цитате предшествовали строки: "Вот что говорит А. С. Пушкин в письме своем к издателю "Литературных прибавлений" о сей книге". Письмо это не сохранилось. Об отклике Пушкина на второе издание "Вечеров" (1836) см. стр. 108.

"Les precieuses ridicules" - комедия Мольера. О "смешной стыдливости и жеманстве" некоторых русских критиков см. гневные за-

мечания Пушкина в полемических набросках по поводу "Графа Нулина" (стр. 318-319 и 331-333).

1) смешных жеманниц (франц.).

Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина (стр. 89). Опубликовано в "Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду" от 1 апреля 1833 г., Э 26.

Катенин Павел Александрович (1792 - 1853) - поэт и критик, литературный единомышленник Грибоедова и Кюхельбекера, противник Карамзина и его школы, один из видных деятелей ранних декабристских организаций, высланный в 1822 г. из Петербурга. Откликом на эту высылку является дружеское упоминание о Катенине в первой главе "Евгения Онегина". В феврале 1826 г. Пушкин писал ему: "Голос истинной критики необходим у нас, кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление... Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли" (см. т. 9). О столкновении Пушкина с Катениным в

1828 г. в связи с балладой "Старая быль" см. в исследовании Ю. Н. Тынянова "Архаисты и Пушкин" ("Пушкин в мировой литературе", Л. 1926, стр. 260-265). Другие отзывы о нем см. выше, стр. 291-292.

Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою... мы еще не имеем нужды ни, в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. - Это суждение впервые сформулировано было в 1830 г. в набросках "Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений" (см. стр. 325). Шлегель Август-Вильгельм (1767 1845) - поэт и критик, автор работ по истории и теории драмы, один из основоположников немецкой романтической школы; Лагарп Франсуа (1739 - 1803) - французский историк и теоретик литературы, апологет классицизма, автор шестнадцатитомного труда "Лицей, или Курс древней и новой литературы".

...он написал "Ольгу". - Баллада "Ольга" опубликована была в 1816 г. В рецензии на нее Н. И. Гнедича отмечалось, что стихи Катенина "оскорбляют слух, вкус и рассудок" ("Сын отечества", 1816, Э 27). В защиту Катенина выступил в том же журнале Грибоедов. К

концу 1819 г. относится отзыв Пушкина о "славянских стихах Катенина, полных силы и огня, но отверженных вкусом и гармонией" ("Мои замечания об русском театре", см. выше, стр. 250).

...геснеровская, чопорная и манерная... - Саломон Геснер (1730 - 1788) - швейцарский идиллик. См. эпиграмму Пушкина "Русскому Геснеру" (т. 2, стр. 194).

Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа белорусского (стр. 92). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. I, без подписи.

В библиотеке Пушкина сохранился том второй собрания сочинений Георгия Кониского, на полях которого Пушкин отметил, для включения в свою статью, ряд отрывков из проповедей Кониского и его стихотворение "Песнь" ("Серпа ожидают созрелые класы").

Один из этих отрывков, в котором Кониский с гневом говорит о "пастырях", не попал в статью Пушкина, вероятно по цензурным соображениям.

поддерживаемая политикою Шуазеля. - Шуазель Этьен-Франсуа (1719-1785) француз-

ский министр иностранных дел, вдохновитель, антирусской политики в Польше и Турции.

Но главное произведение Кониского остается до сих пор не изданным... Рукописная историческая хроника, известная под названием "История Руссов или Малой России", приписывалась Конискому ошибочно. Ее составителем был, видимо, Г. А. Полетика. Пушкин, познакомившись с этой хроникой в 1829 г. (по списку, принадлежавшему М. А. Максимовичу), сослался на нее в своем ответе критикам "Полтавы" (см. стр. 75) и предполагал ее издать (см. наброски его предисловия к этой хронике, т. 7).

Послесловие к "Долине Ажитугай" (стр. 107). Опубликовано в "Современнике", кн. 1, без подписи.

...эту хоругвь Европы и просвещения. - Цитата из "Долины Ажитугай".

Вастола, или Желания (стр. 107). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 1, без подписи.

В одном из наших журналов... - Пушкин имеет в виду глумливую информацию о вы-

ходе в свет "Вастолы", данную О. И. Сенковским в "Библиотеке для чтения", 1836, Э 1, и его же рецензию на эту книгу, напечатанную в Э 2.

Переводчик Виландовой поэмы... - Анонимным автором перевода "Вастолы" был Ефим Петрович Люценко (1776-1854), один из служащих Царскосельского лицея в пору пребывания в последнем Пушкина.

Вечера на хуторе близ Диканьки (стр. 108). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 1, без подписи. Отклик Пушкина на первое издание "Вечеров" см. стр. 88-89.

... "Невский проспект", самое полное из его произведений. - Понятие "полный" в данном контексте расшифровывается в одном из признаний Гоголя: "После "Ревизора" я почувствовал, более, нежели когда-либо прежде, потребность сочинения полного, где было бы не одно то, над чем следует смеяться" ("Авторская исповедь", 1847).

Российская Академия (стр. 109). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 2, без подписи.

Деятельный Кольбер... приехал однажды в

собрание Академии. - Анекдот этот заимствован Пушкиным из предисловия Вильмена к шестому изданию "Dictionnaire de l'Academie Francaise", Paris, 1835.

В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла... Эта строка из печатного текста статьи была исключена цензурой.

Мнение сие заслуживает особенного разбора... - О речи М. Е. Лобанова см. стр. 134-142 и 497-498.

...бывшему некогда предметом жестокой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной. - Слова эти, были исключены цензурою из печатного текста статьи.

Карамзин написал свои мысли о древней и новой России. - Этот рукописный политический трактат, представленный Карамзиным царю в 1811 г., случайно обнаружен был; В. А. Жуковским в одном из дворцовых архивов в самом начале 1836 г. ("Русский архив", 1866, стр. 1639, и 1868, стр. 644). 15 марта 1836 г. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву, что Пушкин рассчитывает опубликовать в "Современ-

нике" хотя бы первую часть записки Карамзина. Однако эта публикация при жизни поэта не была допущена цензурой (см. стр. 242 и 514).

Французская Академия (стр. 114). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 2, без подписи. Переводы речей Скриба и Вильмена, французский оригинал которых был прислан из Парижа А. И. Тургеневым, сделаны были в редакции "Современника" под наблюдением кн. В. Ф. Одоевского.

Он занял кресла Арно. - Арно Антуан-Венсан (1766-1834) - французский поэт и драматург. Одно из его стихотворений было переведено Пушкиным в 1819 г. под названием "Уединение" (см. т. 1, стр. 84 и 569). В 1836 г. Пушкин заимствовал для своего послания к Д. В. Давыдову первый стих обращения к последнему Арно ("Тебе, певцу, тебе, герою...", т. 2, стр. 452).

Наш боец чернокудрявый // С белым локоном на лбу. - Стихи Языкова из послания его к Денису Давыдову (1835).

J. Janin в своем фельетоне осмеял того и другого. - Пушкин имеет в виду фельетон

"Скриб и его вступительный водевиль", опубликованный в "Journal des Debates" от 3 февраля 1836г.

См. Memorial de Las-cazes. - Эта ссылка на мемуары Лас-Каза принадлежит Пушкину.

Кто возвратит нам Лене? - Лене Жозеф-Анри-Иоаким (1767-1835) политический деятель либерального лагеря, выдающийся оратор.

Мы же не знаем, что такое г. Дюпати. - Дюпати Луи-Эммануил Шарль (1775-1851) - посредственный стихотворец и драматург.

1) Оторвавшись от своего стебля,
Бедный сухой листок,
Куда несешься ты? - Не знаю, и т. д.
(франц.)

2) Листок удостоился чести быть переведенным на несколько языков. Русский перевод его, сделанный генералом Давыдовым, замечателен, говорят, по своему изяществу и точности. Господин Давыдов - один из тех людей, которые, обладая природным даром к поэзии, предаются ей лишь из прихоти и чтобы отдохнуть от войны и наслаждений. Узнав о чести, оказанной ему г. Давыдовым, автор этих басен направил ему экземпляр их с по-

священием

Вам, поэт, вам, воин,

Который, упиваясь шампанским на берегу

Гиппокрены,

Из дубового листка

Создал лист лавра (франц.)

3) Если только не будет особого повеления
короля... (франц.)

4) Оленьем парке (франц.)

5) В этих наивных картинах,

Бессмертных архивах лукавства века
(франц.)

6) Братья мои, песенники,

Сердце, любовь, это - химеры.

В ваших песенках

Изображайте как старый обман

Эти добродетели,

Которых больше нет (франц.)

7) Любовь умерла во Франции.

Это

Покойник,

Умерший от слишком хорошей жизни!

.....

А все эти дурачки,

Что сочиняют мадригалы,

Предполагают у наших дам
Сердца,
Добрые нравы,
Добродетели, души!
И наполняют пламенем
Наших почти угасших любовников
Этих сластолюбивых
Марионеток (франц.)

8) Жил король в Ивето,
Мало известный в истории;
Он вставал поздно, ложился рано,
Проводил дни в попойках
И был увенчан Жанетою
Простым ночным колпаком и пр. (франц.)

9) Даже в песенке требуется великое искусство (франц.)

Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным (стр. 133). Опубликовано в "Современнике", 1836, Э 2, как предисловие к отрывку из записок Н. А. Дуровой.

Дурова Надежда Андреевна (1783-1866) - дочь отставного гусарского ротмистра, служившая в войсках с 1806 по 1817 г. сперва под именем рядового А. В. Соколова, а с 1808 г. под именем корнета А. А. Александрова. Ее био-

графия (с существеннейшими, впрочем, умолчаниями и искажениями) рассказана в ее записках.

Пушкин, узнав о записках Дуровой от ее брата, своего старого знакомца, писал ей 17 марта 1836 г., что он готов помочь опубликовать полный текст ее записок, с тем чтобы часть их (главы о 1812 г.) появилась в "Современнике". 11 мая 1836 г. Пушкин писал жене: "Что записки Дуровой? Пропущены ли цензурою? Они мне необходимы. Без них я пропал" (см. т. 10). Рецензию Пушкина на первую часть отдельного издания записок Дуровой см. выше, стр. 204.

Modo vir, modo foemina. - Стих из "Метаморфоз" Овидия.

1) То мужчина, то женщина. Овидий (лат.)

Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной (стр.134). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, без подписи.

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787-1846) - драматург и переводчик, эпигон классицизма, член Российской Академии с 1828 г., биограф Крылова.

...известное мнение эдимбургских журналистов... - Пушкин имеет в виду редакционную статью в "Эдинбургском обозрении", переведенную в "Библиотеке для чтения", 1834, т. I, отд. 2, стр. 52-78.

...sponte sua, sine lege. - Цитата из "Метаморфоз" Овидия.

Мы не полагаем, чтобы нынешняя... французская словесность была следствием политических волнений. - Пушкин обозначает курсивом цитату из статьи Гоголя "О движении журнальной литературы".

Поэзия... более и более дружится с поэзией германскою... - Пушкин еще в 1830 г., реферируя в рецензии на альманах "Денница" статью И. В. Киреевского, сочувственно повторил его суждения о "поэтах немецкой школы", к числу которых отнесены были Шевырев, Хомяков и Тютчев.

Критика... обратилась... в способ добывать себе поживу... дерзкими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных... Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета - ничто не уважается. - Пушкин, полемизируя с этими формулировками Лобанова, хорошо

знал, что последний имел в виду прежде всего статьи Белинского, который еще в "Литературных мечтаниях" выступил с исключительным по своей откровенности протестом против царствующего в литературе "детского благоговения к авторитетам". "Говоря о знаменитом писателе, - писал Белинский, - мы всегда ограничиваемся одними простыми возгласами и надутыми похвалами; сказать о нем резкую правду у нас святотатство. И добро бы еще это было вследствие убеждения! Нет, это просто из нелепого и вредного приличия или из боязни прослыть выскочкою, романтиком". А между тем, "что за блаженство, что за сладострастие души сказать какому-нибудь гению в отставке без мундира, что он смешон и жалок со своими детскими претензиями; сказать какому-нибудь ветерану, что он пользуется своим авторитетом в кредит, по старым воспоминаниям или по старой привычке; доказать какому-нибудь литературному учителю, что он близорук, что он отстал от века и что ему надо переучиваться с азбуки" ("Молва", 1834, Э 50). М. Е. Лобанов неоднократно являлся и сам объектом резкой

критики Белинского.

Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей... - Пушкин имеет в виду московских пропагандистов философии Шеллинга, о которых он писал в своих заметках по поводу "Путешествия из Петербурга в Москву" (см. выше, стр. 384).

1) по собственному желанию, без закона (лат.)

Вольтер (стр. 142). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, без подписи.

Черновой набросок третьего от конца абзаца статьи позволяет установить, что характеристика отношений Вольтера и Фридриха II построена была Пушкиным с определенным учетом данных о его собственном двусмысленном положении при дворе Николая I. Так, например, зачеркнутые строки о "шутовском кафтане", надетом на поэта, преданного "с такою жестокостию посмеянию пажей", никак не вязались с Вольтером, но очень близки записям в дневнике и письмах Пушкина 1834 г. "Третьего дня, - писал Пушкин, - я пожалован в камер-юнкеры, что довольно неприлично

моим летам", или "Великий князь намеренно поздравил меня в театре: "Покорнейше благодарю, ваше высочество, до сих пор все надомною смеялись...", или желчные строки в письме к жене от 20-22 апреля 1834 г. о царе, который "упек" его "в камер-пажи под старость лет" (ср. также письмо к жене от 8 июня 1834г., т. 10). Таким образом, сравнение с Фридрихом II оказывалось явно не в пользу Николая I.

...г. д'Аржанталь имел... то же намерение. - Д'Аржанталь Шарль-Огюстен (1700-1788) - крупный парижский чиновник, друг Вольтера.

...как на Фрерона... - Фрерон Эли-Катрин (1719-1776) - французский литератор, враг Вольтера, многократно клейменый в эпиграммах последнего.

Вспомните устрицу Лафонтена... - В басне "Устрица и сутяга".

...заступление за семейство Каласа. - Калас - французский протестант, казненный в 1762 г. по ложному обвинению в убийстве своего сына, пожелавшего перейти в католичество. Вольтер после трехлетней борьбы до-

бился пересмотра "дела Каласа" и реабилитации казненного.

1) Неизданная переписка Вольтера с президентом де Броссом и т. д. Париж, 1836 (франц.)

2) История плаваний в южные земли; Трактат о механическом образовании языков; История VII века Римской республики; Трактат о культе богов-фетишей.

3) "Италия сто лет тому назад" (франц.)

4) Пусть он трепещет!.. Дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить! (франц.)

5) здравого ума в здоровом теле (лат.)

6) Ваши розовые кусты - в моих садах,

И на них скоро появятся цветы

Сладостный приют, где я сам себе хозяин!

Я отказываюсь от суетных лавров,

Которые слишком, быть может, любил в

Париже.

Я слишком исколол себе руки

Шипами, которые выросли на них (франц.)

Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова (стр. 150). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, без подписи.

В рукописи зачеркнуты строки, следовавшие за первым абзацем: "Так, Брюллов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием списывал "Афинскую школу" Рафаэля. А между тем в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице, чудно освещенной вулканом".

Тепляков Виктор Григорьевич (1804-1842) - поэт, отставной поручик, заподозренный в политической неблагонадежности за уклонение от присяги Николаю I и высланный в 1826 г. из Петербурга в Херсон, под надзор полиции; впоследствии дипломат; автор двух сборников "Стихотворений" (ч. I-1832; ч. II-1836) и "Писем из Болгарии" (1833). В 1835-1836 гг. В. Г. Тепляков жил в Петербурге. Автором предисловия к его книге, рецензированной Пушкиным, был В. Ф. Одоевский.

Грессет в одном из своих посланий... - Пушкин далее цитирует "La Chartreuse" ("Обитель") Жана-Батиста Грессе (1709-1777).

- 1) Прощай, прощай, родная земля! (англ.)
- 2) Я перестаю ценить Овидия,
Когда он в вялых стихах

Поет мне, пресный и плаксивый,
Тягучие жалобы (франц.)

Анекдоты (стр. 161). Опубликовано в "Современнике", кн. 3, без подписи. Для этой же публикации предназначался анекдот "Когда Пугачев сидел на Монетном дворе...", в автографе которого сохранились следы приспособления его к цензурным требованиям (см. т. 7). При анекдоте VIII в рукописи сделана отметка: "Слышано от кн. А. Н. Голицына", а при анекдоте XI: "Сл. от Загряжской Н. К."

Тематически и стилистически "Анекдоты", опубликованные Пушкиным в "Современнике", близки двум анекдотам, анонимно напечатанным в "Литературной газете" от 5 февраля 1830 г., Э 8 (второй из этих анекдотов в несколько иной редакции см. в наст. томе, стр. 391):

Старый генерал Щ. представлялся однажды, Екатерине II. "Я до сих пор не знала вас", - сказала императрица. "Да и я, матушка государыня, не знал вас до сих пор", - отвечал он простодушно. "Верю, - возразила она с улыбкой: где и знать меня, бедную вдову?"

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносо-

вым, сказал ему сердито: "Мы отставим тебя от Академии". - Нет, - возразил великий человек: - разве Академию отставите от меня".

Граф Самойлов получил Георгия... - Самойлов Александр Николаевич (1744-1814) был награжден георгиевским крестом за участие во взятии Силистрии в 1773 г.

Покойный Н. Н. Раевский. - Раевский Николай Николаевич (1771-1829) генерал от кавалерии, отец приятелей Пушкина. О нем см. стр. 31.

Эйлер сначала отказывался... - Эйлер Леонард (1707-1783) - математик и астроном, член Академии наук. В рукописной редакции этого анекдота, после слов "вместе с другим академиком", следовало: "и, как добросовестные немцы, они составили его".

Джон Теннер (стр. 165). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, с подписью: The Reviewer {1}.

"Записки" Джона Теннера изданы были в Нью-Йорке в 1830 г. В библиотеке Пушкина сохранился купленный им 29 августа 1836 г. французский их перевод, выпущенный в Париже в 1835 г.

Первые страницы статьи Пушкина основаны на материалах книги А. Токвиля "De la democratie en Amerique" {2} (1835), вскрывавшей с исключительной резкостью противоречия принципов формальной демократии, осуществленных в общественном и государственном строе североамериканских Соединенных Штатов. Близка взглядам Токвиля и та критика капиталистической "цивилизации", которую дает Пушкин, ссылаясь на "наблюдения нескольких глубоких умов".

Книга Токвиля была высоко оценена на страницах "Современника" А. И. Тургеневым в его статье "Париж. Хроника русского" (кн. 1 за 1836 г., стр. 273-274).

"Дикари, выставленные в романах", - пишет Вашингтон Ирвинг... - Отзыв этот цитировался в предисловии к французскому переводу записок Джона Теннера.

...некоторые философы... - Жан-Жак Руссо и его последователи, которых резко критиковал Эдвин Джемс в введении к запискам Д. Теннера.

1) Обозреватель (англ.)

2) "Демократия в Америке" (франц.)

Об обязанностях человека. Соч. Сильвио Пеллико (стр. 191). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, без подписи. Заметка Пушкина перепечатана была в предисловии к переводу этой книги, вышедшему в свет в середине января 1837 г.

Пеллико Сильвио (1789-1854) - итальянский поэт и публицист, автор трагедии "Франческо да Римини", переведенной Байроном. Арестованный в 1820 г. за принадлежность к революционной организации карбонаров, борющейся против австрийской оккупации Италии, Пеллико провел 10 лет в тюремном заключении. Книга его воспоминаний "Мои темницы" (1832) переведена была на все европейские языки; несравненно меньший успех имел его мистико-дидактический трактат "Об обязанностях человека" (1834), дважды переведенный на русский язык.

П. А. Вяземский, вспоминая о рецензии Пушкина на книжку Пеллико (в переводе С. Н. Дирина), подчеркивал, что "взгляд Пушкина на жизнь - не взгляд С. Пеллико. По-видимому, в них мало духовных соотношений и сродства. Но Пушкин питал сочувствие ко

всему прекрасному, искреннему, возвышенному. Он постигал его даже и тут, где не был единомышленником" (Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, 1879, т. 2, стр. 327).

...неизвестный творец книги "О подражании Иисусу Христу"... - Сочинение это обычно приписывается Фоме Кемпийскому, немецкому монаху XV в.

...человеков благоволения... - Пушкин неточно использует строку из евангелия от Луки, гл. 2, ст. 14 ("На земле мир, в человеках благоволение").

В одном из наших журналов... с удивлением прочли мы следующие строки... - Пушкин имеет в виду критический отклик С. П. Шевырева на книгу Пеллико в "Московском наблюдателе", 1836, ч. 6, стр. 91-98.

Но все уже было сказано... - Об этом же Пушкин писал еще в 1827 г. (см. заметку "Если все уже сказано, зачем же вы пишете?", стр. 273).

Словарь о святых, прославленных в российской церкви... (стр. 194). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, без подписи. Составителем словаря был кн. Д. А. Эристов, ли-

цеист выпуска 1820 г., а ближайшее участие в его издании принимал М. Л. Яковлев, лицейский товарищ Пушкина, чем и объясняется рекомендательный характер рецензии.

Новый роман (стр. 196). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, без подписи.

Авантюрно-бытовой роман, о предстоящем выходе которого в свет Пушкин информировал читателей, не был разрешен цензурой и появился лишь в 1864 г. под названием: "Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия. Роман в 4-х частях. Сочинение В. М...ой". Автором его была Варвара Семеновна Миклашевич (1772-1846), талантливая переводчица, приятельница Грибоедова, Кюхельбекера, А. А. Жандра и других передовых писателей 20-х гг.

Письмо к издателю (стр. 196). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, с подписью: А. Б.

Маскировка выступления Пушкина против помещенной в его же издании статьи Гоголя "О движении журнальной литературы" обусловлена была неудобством открыто polemизировать редактору "Современника" с од-

ним из ближайших его сотрудников, нежеланием обнаружить отсутствие единства мнений в новом журнале по основным вопросам литературной политики. Эта же маскировка позволяла Пушкину в нескольких строках делового примечания к якобы чужой статье подчеркнуть свою солидарность с нею и попутно отмежеваться от выступления Гоголя, которое ошибочно понято было многими читателями как программа "Современника".

Разница - критиковать "Историю государства Российского" и романы гг. ***... - Строки эти заимствованы Пушкиным из его же черновых набросков письма в редакцию "Литературной газеты", 1830 (см. стр. 319). Гг. *** видимо, Булгарин и Греч.

...разбор альманаха "Мое новоселье"... - рецензия Гоголя, помещенная в первой книжке "Современника".

Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений сей, сия, сие, оный, она, оно... - О. И. Сенковский в ряде статей на страницах "Библиотеки для чтения" доказывал необходимость изгнания из литературного языка этих архаизмов. Особенно большой

успех имел его фельетон "Резолюция на челобитную сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы и других частных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка" ("Библиотека для чтения", 1835, кн. VIII, отд. 6, стр. 26-34).

Мы помним "Хамелеонистику"... - Под этим названием А. Ф. Воейков печатал в "Славянине" 1828 г. свои сатирические литературно-бытовые фельетоны. Сочувственное упоминание о них Пушкина см. выше в статье "Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о проч.", стр. 85.

1) тысяча извинений (франц.)

2) Это вам так мало стоит, а мне доставляет столько удовольствия! (франц.)

Объяснение (стр. 202). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 4. "Обвинение", на которое отвечал Пушкин, высказано было в брошюре Л. Голенищева-Кутузова "Критическая заметка о стихотворении Пушкина "Полководец".

13 октября 1836 г., отвечая Гречу на его вос-

торженное письмо по поводу "Полководца", Пушкин писал: "Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения" (см. т. 10).

Стихи "Перед гробницею святой...", написанные Пушкиным в сентябре 1831 г. и в печати до "Объяснения" не появлявшиеся, были опубликованы в "Современнике" без двух заключительных строк, непосредственно связанных с польским восстанием.

Кавалерист-девица, происшествие в России (стр. 204). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 4, без подписи. Об этих записках и об их авторе см. выше, стр. 133-134.

Ключ к "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина (стр. 204). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 4, без подписи.

...г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. - Пушкин противопоставляет археографа П. М. Строева (1796-1876) Н. А. Полевому и Н. Г. Устрялову.

Указатели к "Истории государства Российского", упоминаемые Пушкиным, были ему известны еще в марте 1830 г., когда он писал П. А. Вяземскому о необходимости их публикации.

Примечание к строке "Руссо (или кто, не помню)" в статье А. И. Тургенева "Хроника русского в Париже" (стр. 205). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 1, с подписью "Изд."

Fontenelle (Фонтенелль) Бернар-Ле-Бувьё (1657-1757) - французский просветитель, автор "Разговоров о множественности миров" (1686) и "Истории оракулов" (1687).

От редакции. I-II (стр. 205). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 2, без подписи. В академическое издание сочинений Пушкина (т. XI, 1949) первый раздел ошибочно не включен.

I. Автором анонимной "Хроники русского в Париже" был А. И. Тургенев (1784-1845) - историк, член "Арзамаса", брат известного декабриста, приятель Пушкина. Публикация в "Современнике" его "Хроники" без необходимых купюр вызвала резкий протест Тургенева в

его письмах к П. А. Вяземскому, передававшему "Хронику" в "Современник". Пушкин должен был ликвидировать конфликт, избрав естественную в таких случаях форму разъяснения "От редакции". Через много лет, в предисловии Н. И. Тургенева к "Письмам А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу" (Лейпциг, 1872, стр. V-VI), заметка Пушкина по поводу "Хроники русского в Париже", очень характерная для его публицистического стиля, приписана была, без какой бы то ни было аргументации, кн. П. А. Вяземскому. Последний при этом назван был "издателем журнала", то есть "Современника", каковым он также никогда не являлся. В виду того что в разделе "От редакции" Пушкин никогда не печатал объяснений, ему не принадлежащих, а вся дошедшая до нас переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым о конфликте из-за публикации "Хроники русского" ("Остафьевский архив", т. III, 1899, стр. 320-329; "Лит. наследство", т. 58, 1952, стр. 128-130) ни в какой мере не подтверждала атрибуции Н. И. Тургенева, свидетеля в данном случае совершенно некомпетентного, мы не имеем оснований для сомнений в принад-

лежности Пушкину обоих разделов заметки "От редакции" во второй книге "Современника" (1836).

...тупые печатные замечания... - Пушкин имеет в виду отзыв Булгарина о "Хронике русского" в "Северной пчеле".

II. Статья, присланная нам из Твери... - См. выше "Письмо к издателю" и примечания к нему. Ссылка на получение "также статьи г. Косичкина" (общеизвестный псевдоним Пушкина) сделана для отвода всяких подозрений в принадлежности ему же "Письма к издателю" с подписью А. Б. (см. стр. 196).

1) разговор с самим собой (франц.)

Примечание к слову "богодсльня" в статье М. П. Погодина "Прогулка по Москве" (стр. 207). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3, как подстрочное примечание "издателя" к следующей строке анонимной статьи М. П. Погодина: "Богодсльни везде написаны Богадсльнями". Пушкин указал неправильность написания самого Погодина, протестуя не только против "о", но и против "с" в его поправке.

Примечание к повести Н. В. Гоголя "Нос"

(стр. 207). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3.

Повесть "Нос" предназначалась Гоголем для журнала "Московский наблюдатель", но была отвергнута редакцией последнего в 1835 г. как произведение "грязное". Под влиянием этой несправедливой оценки определились те сомнения автора повести, на которые ссылался Пушкин в своем примечании к ее первой публикации.

От редакции (стр. 207). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 3.

Некоторые из журналистов почли нужным составить программу нового журнала. - Пушкин имеет в виду О. И. Сенковского и Ф. В. Булгарина. Первый из них протестовал против мнимых тенденций "Современника" "уронить "Библиотеку для чтения" нападками на своих соперников по ремеслу" ("Библиотека для чтения", 1836, т. XV, отд. VI, стр. 67-70); второй доказывал, что "Современник" есть возобновленная "Литературная газета", только в другом виде" ("Северная пчела", 1836, Э 127). Оба эти выступления против журнала Пушкина обусловлены были статьей Гоголя "О

движении журнальной литературы" в первой книжке "Современника".

...публике дано обещание, которое издатель... не может и не намерен исполнить... - Пушкин имеет в виду "обещание", данное Гоголем, который первоначально вел отдел "Новые книги" в "Современнике".

Примечание к стихотворению Л. А. Якубовича (стр. 209). Опубликовано в "Современнике", 1836, кн. 4.

Александр Радищев (стр. 210). Впервые опубликовано П. В. Анненковым в дополнительном томе "Сочинений Пушкина" в 1857 г.

Статья, черновая редакция которой закончена была 3 апреля 1836 г., предназначалась для третьей книги "Современника". В основу ее положены были все известные в ту пору скудные печатные материалы о Радищеве, а также некоторые рукописные источники и устные свидетельства, в том числе рассказы М. М. Сперанского о последних годах жизни Радищева. Статья тесно связана с работой Пушкина о "Путешествии из Петербурга в Москву", которую он готовил к печати в 1834-1835 гг. (см. стр. 378).

Как в разборе этой книги, так и в биографии ее автора Пушкин вынужден был широко пользоваться разными формами эзоповского языка, подчеркивая не только некоторые свои разногласия с Радищевым, но и явную якобы беспочвенность и устарелость его идеологических позиций. Все эти ухищрения оказались, однако, напрасными. Статья была задержана цензором "Современника", а затем окончательно запрещена главным управлением цензуры 26 августа 1836 г. на основании резолюции министра народного просвещения С. С. Уварова, признавшего "излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения".

Интерес Пушкина к Радищеву и его запрещенной книге начался еще в лицее и продолжался на протяжении всей жизни. Положительные оценки Радищева как поэта, публициста и общественного деятеля рассеяны во многих произведениях и письмах Пушкина. Поэма "Бова" (1815) и ода "Вольность" (1819) написаны в подражание одноименным произведениям Радищева. В письме к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г., откликаясь на исто-

рический обзор русской литературы, помещенный им в "Полярной звезде", Пушкин писал: "Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?" (см. т. 9). Его же значение Пушкин с исключительной выразительностью подчеркнул в своем "Памятнике" (1836).

Слова Карамзина в 1819 г. - В произведениях и письмах Н. М. Карамзина эти "слова" не обнаружены. Возможно, что Пушкин имел в виду устное его высказывание, относившееся к предстоящей казни декабристов, так как до 1826 г. смертная казнь через повешение в России не применялась. Ложной же ссылкой на 1819 г. обеспечивалось цензурное разрешение эпиграфа.

...лекции Геллерта... - Геллерт Христиан (1715-1769) - немецкий баснописец, профессор словесных наук Лейпцигского университета.

...один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие... - Пушкин имел в виду О. П. Козодавлева (1754-1819), члена Российской Академии, министра внутренних дел с 1810 по 1819 г.

...родился около 1750-го года. - А. Н. Ради-

цев родился 20/31 августа 1749 г.

Он не взял даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и немецкому языку... - Пушкин основывается на ложных сведениях одного из ранних рапортов официального наблюдателя за русскими студентами в Лейпциге.

Гримм, странствующий агент французской философии... - Гримм Фридрих-Мельхиор (1723-1807) - французский литератор, немец по происхождению, идеолог просвещенного абсолютизма, корреспондент Екатерины II и Фридриха II.

...Державину, которого поставил он в затруднительное положение... Пушкин имеет, вероятно, в виду рассказ И. И. Дмитриева о том, что Державин вынужден был донести о "Путешествии из Петербурга в Москву" гр. П. А. Зубову, фавориту Екатерины. См. запись об этом, сделанную Пушкиным в 1835 г. (т. 7).

...он хвалит Франклина. - Франклин Вениамин (1706-1790) североамериканский ученый и политический деятель, организатор борьбы США за государственную независимость.

Один из тогдашних вельмож. - Граф А. Р.

Воронцов (1741-1805) президент коммерц-коллегии, в которой Радищев служил с 1777 г.

...во время Ужаса - в пору террора 1791-1793 гг.

Граф З. - Граф П. В. Завадовский (1738-1812) - председатель Комиссии составления законов и министр народного просвещения.

...в "Алеше Поповиче", другой его поэме... - Автором поэмы "Алеша Попович", вышедшей в свет в 1801 г., был не А. Н. Радищев, а его старший сын.

...политический цинизм... Реналья... - Рейналь Гильом-Тома (1713-1796) французский публицист, книга которого "Философская и политическая история установлений и торговли европейцев в обеих Индиях" (1770) оказала большое влияние на "Путешествие из Петербурга в Москву".

Невежественное презрение ко всему прошедшему... вот что мы видим в Радищеве. - После этих строк в рукописи зачеркнуто: "Отымите у него честность, в остатке будет Полевой". Вся характеристика Радищева от слов "Он есть истинный представитель полупросвещения", ничего общего не имеющая с

историческим образом автора "Путешествия из Петербурга в Москву", очень близка обычным высказываниям Пушкина именно о Полевом.

1) Не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения (франц.)

Последний из свойственников Иоанны д'Арк (стр. 221). Впервые опубликовано после смерти Пушкина в "Современнике", 1837, кн. 1 (с основания журнала - книга пятая).

Ключом к выяснению замысла Пушкина является запись в дневнике А. И. Тургенева от 9 января 1837 г.: "Я зашел к Пушкину; он читал мне свой *pastiche* на Вольтера и на потомка Jeanne d'Arc". Эти строки, опубликованные в 1928 г. П. Е. Щеголевым в третьем издании его книги "Дуэль и смерть Пушкина", позволили установить, что статья Пушкина является не переводом материалов, якобы опубликованных в журнале "Morning Chronicle", а оригинальным произведением Пушкина. Им вымышлен и самый эпизод столкновения Вольтера с Дюлисом и "письма", которыми они якобы обменялись. Об этой литературной мистификации Пушкина см. книгу Н. О. Лернера

"Рассказы о Пушкине", Л. 1929, стр. 190-198.

Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом... - Высокая оценка Вольтера, как автора "Орлеанской девственницы", дословно совпадает в этой статье с сентенцией Жан-Поля: "Voltaire n'a ete poete, qu'une foi, et c'est dans la Pucelle" ("Pensees de Jean-Paul, extraites de tous ses ouvrages", Paris, 1829, p. 73. Книга эта цитируется нами по экземпляру, сохранившемуся в библиотеке Пушкина). Этот же афоризм был использован Пушкиным в статье "О ничтожестве литературы русской" (1834).

1) А ты, храбрая амазонка,

Позор англичанам и опора трона (франц.)

2) Вольтер, дворянин, камер юнкер-короля (франц.)

О Мильтоне и переводе "Потерянного рая" Шатобрианом (стр. 225). Статья, предназначенная для первой книги "Современника" 1837 г., где и опубликована после смерти Пушкина, сохранилась в незаконченной черновой редакции без заголовка. Она написана под впечатлением полемики, возникшей в конце 1836 г. во французской и английской печати в связи с публикацией нового перево-

да поэмы Мильтона "Потерянный рай", сделанного Шатобрианом. Переводы отрывков из книги Шатобриана "Essai sur la litterature anglaise et consideration sur le genie des hommes, des temps et des revolutions", Paris, 1836, заготовленные Пушкиным для настоящей статьи, принадлежат ему самому.

...г. Летурнер мог ошибочно судить о Шекспире... - Пьер Летурнер (1736-1788) - французский литератор, популяризатор и переводчик Шекспира.

...человека, впрочем одаренного талантом. - Далее зачеркнуты строки о драме В. Гюго "Кромвель" (см. их на стр. 446).

"Defensio populi" - трактат Мильтона "Защита английского народа" (1651).

Cromwell our chief etc. - Стих из сонета Мильтона "Генералу Кромвелю".

"Хозяйка взяла листы" и далее. - Пушкин цитирует перевод романа "Сен Марс", изд. 2-е, 1835, ч. 3, стр. 188-191.

Прочтите в Вудстоке встречу... в кабинете Кромвеля... - В рукописи оставлено место для вставки цитаты. Пушкин, однако, ошибся, ибо в романе Вальтера Скотта "Вудсток"

Мильтон только упоминается, а не является действующим лицом.

Кстати, недавно (в "Телескопе" кажется)... - Пушкин имеет в виду анонимную рецензию на перевод "Неистового Роланда" ("Телескоп", 1832, Э 4, стр. 603).

1) Кромвель, наш вождь, и т. д. (англ.)

Три повести Н. Павлова (стр. 235). Рецензия (без заголовка) осталась в бумагах Пушкина потому, что он был осведомлен о специальной докладной записке, представленной царю министром народного просвещения С. С. Уваровым 29 марта 1835 г, по поводу "различных толков и суждений, возбуждаемых в обществе книгой Н. Ф. Павлова "Три повести". Сборник этот не был изъят из обращения, так как его запрещение, как доказывал министр, "могло бы только содействовать его известности". Николай I, согласившись с доводами Уварова, ограничился запрещением перепечатки "Трех повестей".

По свидетельству А. П. Керн, Пушкин, в ответ на отрицательное суждение А. Н. Вульфа о "Трех повестях", сказал: "Я начал их читать и до тех пор не оставил, пока не кончил. Они

читаются с большим удовольствием" (А. П. Керн, Воспоминания, Л. 1929, стр. 346).

Г-на Павлова так расхвалили в "Московском наблюдателе"... - Пушкин имеет в виду рецензию С. П. Шевырева.

Записки Чухина. Соч. Ф. Булгарина (стр. 236), Рецензия не была напечатана в "Современнике" по соображениям, видимо, тактического порядка, чтобы не обострять отношения с "Северной пчелой".

Недовольные. Комедия М. Н. Загоскина (стр. 237). Заголовок в автографе отсутствует.

Комедия "Недовольные", поставленная на сцене московского Большого театра 2 декабря 1835 г. и появившаяся в печати в самом начале 1836 г., написана была по прямому заданию Николая I и являлась памфлетом на М. Ф. Орлова и П. Я. Чаадаева, виднейших представителей передовой московской общественности 30-х гг.

Комедия встретила суровую оценку в печати, и Пушкин, солидаризируясь со "строгим приговором московских журналов", имел в виду прежде всего рецензии в "Московском наблюдателе", 1835, ч. IV, кн. 1 (отзыв В. Ф.

Одоевского), в "Телескопе", 1835, кн. 13 (статья Н. А. Мельгунова), и в "Молве", 1835, Э 48-49 (рецензия Белинского). С проблематикой памфлета М. Н. Загоскина связана была "сцена из комедии "Настоящие недовольные" В. Ф. Одоевского, предложенная для "Современника", но отвергнутая Пушкиным.

"История поэзии" С. П. Шевырева (стр. 237). Рецензия, предназначавшаяся для первой книги "Современника", осталась незаконченной. Заголовок в автографе отсутствует. Слухи же о ней получили распространение в петербургских литературных кругах еще в начале 1836 г. Так, 24 февраля Я. М. Неверов извещал Шевырева о том, что Пушкин "подробно разбирает" его книгу и "следит ее шаг за шагом" ("Литературное наследство", т. 58, 1952, стр. 120). В марте этого же года В. Ф. Одоевский писал С. П. Шевыреву: "Пушкин издает "Современник", в котором и я несколько участвую. Он написал разбор твоей "Истории поэзии" ("Русский архив", 1878, кн. II, стр. 55). Осенью 1836 г. кн. П. А. Вяземский запрашивал Пушкина об этой же рецензии: "У тебя есть замечания на книгу Шевырева о поэзии."

Дай их мне, если не готовишь их в свой журнал. Мне хочется написать несколько писем о текущей словесности".

Заметки Пушкина об "Истории поэзии" представляют собою конспект первой главы книги Шевырева (стр. 1-36), которому предшествуют лишь несколько строк собственных суждений рецензента о России как "судилище Европы" и о "ничтожестве" нашей литературной критики. Пушкину, а не Шевыреву, принадлежит и резкая формулировка предпоследнего абзаца: "Народ (der Herr Omnis) властвует со всей отвратительной властью демократии. В нем все признаки невежества" и пр. Ср. аналогичное высказывание о противоречиях буржуазной демократии в статье "Джон Теннер" (стр. 165).

Девиз России: *sum cuique*. - В книге Шевырева это положение формулировано так: "И давно ли Франция, подвигнутая исполином, рожденным на огненной земле юга, хотела наложить иго своей национальности на все народы и превратить весь мир человечества в себя? Но какая страна, своими снегами и своим оружием, охладила и пресекла это

стремление и, младшая из всех, была всех великодушнее и избрала девизом: всякому свое?" ("История поэзии", М. 1835, стр. 35).

1) Мы великие критики (франц.)

2) Господин Всякий (нем. и лат.)

3) спесь необузданная и самоуверенная (франц.)

4) Каждому свое (лат.)

"Путешествие в Сибирь" Шапп д'Отроша и "Антидот" Екатерины II (стр. 238). Дата и назначение статьи определяются упоминанием о ней в перечне произведений, намечавшихся для опубликования в "Современнике" (см. стр. 244).

Шапп д'Отрош (1728-1769) - французский астроном, автор "Путешествия в Сибирь" (1768), возбуждившего негодование Екатерины II. Историки Г.-Ф. Миллер и И. Н. Болтин, которым, по данным Пушкина, предложено было ответить аббату Шаппу, очевидно, не выполнили этого задания, ибо "Антидот" был написан Екатериною при помощи других сотрудников. Об аббате Шаппе Пушкин располагал материалами не только "Антидота", но и отрицательной характеристикой его в одной из

записок Дидро ("Memoires, correspondance et ouvrage inedits de Diderot", t. I, Paris, 1830).

Путешествие В. Л. П. (стр. 239). Время написания и назначение статьи определяется упоминанием о ней в перечне произведений, намечавшихся Пушкиным для опубликования в "Современнике" (см. стр. 243).

2 ноября 1836 г. кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву: "Пушкин сказывал мне, что у него есть поэтическая шутка ваша о путешествии Василия Львовича. Он мне уступает ее, если только вы на это согласитесь. Я вложил бы ее в биографическую рамочку на память милому покойнику, коего добродушная тень, верно, не оскорбится моею нескромностью, а, напротив, порадуетя ей. При жизни своей он охотно читал эти стихи наизусть, - по смерти своей рад он будет, что другие их читают" ("Русский архив", 1868, стр. 650).

Суждения, которые Пушкин предполагал развернуть в статье о "Путешествии В. Л. П.", сложились у него в определенную систему еще в пору работы над первой главой "Евгения Онегина" (см. письмо к Рылееву от 25 января 1825 г., а также развитие этих же сужде-

ний в статьях, связанных с полемикой вокруг "Графа Нулина", стр. 318-319 и 331-333).

"Железная Маска" (стр. 240). Статья (в автографе не озаглавлена) представляет собою частью перевод, частью пересказ двух суждений Вольтера о "Железной Маске" - в книге "Время Людовика XIV и Людовика XV" и в первом томе "Философского словаря". Судя по тому, что эти высказывания Вольтера хорошо были известны русским читателям из "Писем русского путешественника" Карамзина, нет оснований предполагать, что Пушкин предназначал свою статью к печати в том самом виде, в котором она до нас дошла. Более вероятно, что Пушкин хотел познакомить читателей "Современника" с нашумевшей в 1836 г. монографией Поля Лакруа ("Жакоб-библиофил") "L'homme au masque de fer", Paris, 1836. В этой работе оригинально обосновывалась новая гипотеза о "Железной Маске" - исследователь отождествлял таинственного узника с знаменитым Фуке, опальным министром финансов Людовика XIV. Критической информации о книге Лакруа Пушкин, видимо, предполагал предпослать краткий обзор всех преж-

них попыток обосновать историческую загадку, но работа оборвалась в самом начале, так как перевод статьи Лакруа, под названием "Новая догадка о Железной Маске", появился в майском номере "Телескопа", 1836, ч. XXXII, стр. 436-451. Публикацией этой статьи объясняется и отказ Пушкина от продолжения начатой им работы.

Таинственным затворником был, как теперь установлено, итальянский дипломат, министр герцога Мантуанского Карла IV, граф Маттиоли (1640-1703), разгласивший секретные сведения о французских войсках в Италии, сообщенные ему Людовиком XIV.

Примечание к записке Н. М. Карамзина "О древней и новой России" (стр. 242). Заметка осталась не напечатанной самим Пушкиным, так как выдержки из записки Карамзина, приготовленные для "Современника", 15 сентября были задержаны цензурой, а 28 октября 1836 г. окончательно запрещены.

Во втором Э "Современника" (на 1836 год) уже упомянуто было... - В статье "Российская Академия" (см. стр. 114).

Примечание о памятнике князю Пожар-

скому и гражданину Минину (стр. 242). Заметка осталась не напечатанной самим Пушкиным, так как строки статьи М. П. Погодина "Прогулка по Москве" ("Современник", 1836, кн. III, стр. 260-265), к которым она относилась, не были допущены к печати цензурой.

Заметка об утере адреса подписчика из г. Холма (стр. 243). Заметка сохранилась на листке, верхняя часть которого занята черновым наброском письма Пушкина к Д. В. Давыдову от конца мая 1836 г. Этим условно определяется и время ее написания.

Перечень статей, намечавшихся для отдела "Опыты библиографические" в "Современнике" (стр. 243). В этот перечень вошли статьи, частью уже написанные Пушкиным (-->"Записки Моро де Бразе"-->, "Путешествие Радищева", -->"Об "Истории Пугачевского бунта"-->), частью подготовлявшиеся к печати ("Путешествие В. Л. П.", "Путешествие в Сибирь" Шапп д'Отроша и "Антидот" Екатерины II", "Календарь на 1721 год"), частью только задуманные (все прочие названия); крестиком Пушкин отметил статьи, которые считал уже в основном законченными. См. коммен-

тарии Ю. Г. Оксмана к этому перечню в сочинениях Пушкина изд. 1930 г.

Названия книг, обозначенные Пушкиным сокращенно, расшифровываются следующим образом:

St. Razin - "Relation des particularitez de la rebellion de Stenko-Razin contre le Grand Duc de Moscovie. Trad. de l'Anglois, par. C. Desmares", Paris, MDCLXXII. - Об этой книге см. упоминание Пушкина в примечаниях к VIII главе "Истории . Пугачева".

Путешествие В. Л. - см. стр. 239.

Календарь. - В бумагах Пушкина сохранилась копия "Календаря на 1721 г.", чем и обосновывается наша расшифровка проектируемой статьи.

Русские шутки. - Статья на эту тему, проектировавшаяся Пушкиным, связана была, видимо, с анонимной заметкой (без заголовка) в "Литературной газете" 1830 г.: "Кто-то заметил, что русские шутки выгодно пользуются правом давности, что чем шутка старше, тем она забавнее, и, одним словом, не столько шутка, сколько частое повторение ее смешит слушателей. Если так, то должно признаться,

что русские журналы владеют русскою шуткою с удивительным искусством" и пр. ("Литературная газета" от 27 марта 1830 г., Э 18, стр. 146). Можно предположить, что "кто-то", упоминаемый в заметке, Пушкин, а самая заметка принадлежит Дельвигу. См. набросок "Шутки наших критиков...", предназначенный для "Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений", стр. 351-352.

О Ваньке Каине. - Книга, находившаяся в библиотеке Пушкина: "История славного во-ра, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятель-ствами, разными любимыми песнями и портретом", 1782.

L'abbй Charpe - см. стр. 238.

Antidote - см. стр. 238-239.

О легчайшем способе etc. - "О легчайшем способе возражать на критики. Соч. Дмитрия Дашкова", СПб. 1810.

О "Hist. tragiques". - Эта редкая книга сохранилась в библиотеке Пушкина - Les histoires tragiques de notre temps etc. Composйes par F. de Posset. A Lyon, 1666.

Aventuriers etc. - Название этой книги не

расшифровано.

О Библ. Новикова. - "Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Николаем Новиковым". В библиотеке Пушкина сохранилось 2-е изд., в 20-ти частях, М. 1788-1791.

О Путеш. Арт. Ар. - Походные записки артиллера с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р... М. 1835. Автором этих записок был И. Т. Радожицкий. Книга отмечена звездочкой в разделе "Новые книги" первого тома "Современника" 1836 г.

MS - Пушкин имел, вероятно, в виду книгу, сохранившуюся в его библиотеке - "Memoires ou Souvenirs et Anecdotes, par M. le Comte de Segur, de l'Academie Francaise, Pair de France", Troisieme Edition, Paris, MDCXXVII.

Мои замечания об русском театре (стр. 247). Датируется январем февралем 1820 г. на основании упоминания о статьях "кривого и безрукого инвалида", печатавшихся на страницах "Сына отечества" с 29 декабря 1819 г. до середины февраля 1820 г. На последней стра-

нице рукописи сохранилась заметка Н. И. Гнедича: "Пьеса, писанная А. Пушкиным, когда он приволакивался, но бесполезно, за Семеновой, которая мне тогда же отдала ее". После слова "Пьеса" рукою М. Е. Лобанова (см. о нем стр. 497) вписано: "вообще сумасбродная". Заметки Пушкина, явно не рассчитанные в настоящей их редакции на печать (судя по вольности интимно-бытовых суждений об актрисах и актерах и по характеру упоминаний о сановных абонентах "первых рядов кресел" и о "флигель-адъютантах его императорского величества"), предназначались, вероятно, для одной из очередных литературно-театральных дискуссий в кружке "Зеленая лампа". Упоминание о читателе, который "пробежит" эти замечания, "не заботясь, по какому поводу я их написал и напечатал" - имело в виду несостоявшуюся переработку рукописи. Возможно, что Пушкин вручил свои "Замечания" Е. С. Семеновой под впечатлением известий об ее уходе со сцены 17 января 1820 г.

Семенова Екатерина Семеновна (1786-1849) - трагическая актриса, дебютировавшая в 1803 г. и окончательно ушедшая со сцены в

1826 г. Восторженные упоминания о ней Пушкина см. в первой главе "Евгения Онегина" (строфа XVIII) и в наброске "Все так же ль осеняют своды..." (т. 1, стр. 486).

Лужнический пустынный. - М. Т. Каченовский (о котором см. стр. 24 и 297) в своих анонимных литературно-критических статьях ссылаясь на свое местожительство - Лужницкая Слободка, за Девичьим полем в Москве.

Должно ли укрываться в чухонскую деревню... - Намек на Н. И. Гнедича, опубликовавшего в "Сыне отечества" 1816 г. критический разбор баллады Жуковского "Людмила", в которой последняя сравнивалась с "Ленорой" Бюргера и "Ольгой" Катенина. Статья сопровождалась обозначением адреса анонимного автора: "СПб. губернии деревня Тентелева".

Ужели, наконец, необходимо... прикинуться кривым и безруким инвалидом... - Намек на "Письмо к издателю", опубликованное за подписью В. Кл-нов в "Сыне отечества" от 29 декабря 1819 г., Э 52. В этом письме высокая оценка мастерства французских актеров, выступавших в Петербурге, перемежалась ироническими замечаниями о русской сцене. О

себе автор статьи заявлял: "Для подкрепления беспристрастия моего скажу, что пишу письмо сие левою рукою, ибо правая осталась на Бородинском поле, гляжу на бумагу одним правым глазом, ибо левый закрылся навсегда на высоте Монмартра!" Письмо это (его автором, вероятно, был Р. М. Зотов) вызвало бурю в литературно-театральных кругах и оживленную полемику о русском театре на страницах "Сына отечества" (1820, Э 1, 2, 4-6).

Бездушная актриса Жорж - Жорж-Веммер Маргарита Жозефина (1786-1867) французская трагическая актриса, гастролировавшая в России в 1808-1812 гг.

...измеренные строки Лобанова... - Е. С. Семенова выступала в роли Клитемнестры в трагедии Расина "Ифигения в Авлиде", примитивно-ученически переведенной в 1815 г. М. Е. Лобановым. О нем см. стр. 497.

Валберхова - Вальберхова Мария Ивановна (1788-1867) - актриса, ученица кн. А. А. Шаховского. Дебютировала в трагедиях, с 1815 г. перешла на комедийные роли. Пушкин вспоминает о ее выступлениях в "Дидоне" Княжнина, в комедии Дефоржа "Ревнивая жена", в

"Мизантропе" Мольера, в "Нечаянном закладе" Седена, в "Пустодомах" Шаховского.

...Колосова, явилась недавно на поприще Мельпомены. - Колосова (впоследствии Каратыгина) Александра Михайловна (1802-1880) - драматическая актриса, дебютировавшая 16 декабря 1818 г. в трагедии Озерова "Эдип в Афинах". Пушкин посвятил ей строки в послании "Катенину" ("Кто мне пришлет ее портрет...", 1821). См. также эпиграмму на нее - "Все пленяет нас в Эсфири..." (1819).

Filiae pulchrae mater pulchrrior. - Неточная цитата стиха Горация (кн. 1, ода XVI).

Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры... - 8 декабря 1819 г. в пьесе Вольтера "Заира".

Кто нынче говорит об Каратыгиной... - Каратыгина Александра Дмитриевна (1777-1859) - драматическая актриса, мать знаменитых В. А. и П. А. Каратыгиных.

...с диким, но пламенным, Яковлевым... - Яковлев Алексей Семенович (1773-1817) - драматический актер, ученик И. А. Дмитревского.

По мне уж лучше пей, да, дело разумей. -

Из басни Крылова "Музыканты".

...из числа сих отверженных исключим Борецкого. - Борецкий (Пустошкин) Иван Петрович - драматический актер, ученик А. А. Шаховского, приятель декабриста А. А. Бестужева; дебютировал в роли Эдипа в трагедии Озерова "Эдип в Афинах" 25 января 1818 г.

1) Прелестной дочери прелестнейшая мать (лат.)

2) Конечно, это не так просто сказать (франц.)

Заметки по поводу "Проекта вечного мира" Сен-Пьера в изложении Ж.-Ж. Руссо (стр. 254). Дата заметок определяется письмом Е. Н. Орловой, жены генерала М. Ф. Орлова, одного из вождей "Союза Благоденствия", от 23 ноября 1821 г., из Кишинева: "Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек - вечный мир аббата Сен-Пьера" ("Былое", 1906, Э 10, стр. 308). Заголовок в автографе отсутствует.

Аббат Сен-Пьер (1658-1743) - французский просветитель, автор политических проектов, в том числе и "Проекта вечного мира" (1716),

основанного на принципах договоренности великих держав. Пушкин пользовался критическим изложением проекта, сделанным Ж.-Ж. Руссо (1760). Руссо, принимая идею "вечного мира", считал ее реально осуществимой лишь в условиях революции, без которой нельзя было бы разрешить "противоречия частных интересов" соперничающих государств. Пушкин, опираясь на суждения Руссо, усматривал в революционной ситуации 1821 г. возможность близкого осуществления принципов "вечного мира".

...un croyant de protestantisme... - В автографе Пушкина эти слова даны в сокращенной записи, расшифровка которой является очень условной. См. об этом в статье М. П. Алексеева "Пушкин и проблема "вечного мира" ("Русская литература", 1958, Э 3, стр. 17-20).

"Ce qui est utile... a l'humanité" - Эта цитата, отсутствующая в автографе Пушкина, условно включена в заметку как наиболее вероятная.

...mais qu'on nous rend un Henri IV et un Sully... un projet raisonnable... - Руссо имел в виду так называемый "великий план" короля

Генриха IV и его министра герцога Сюлли, предлагавших создать союз христианских монархов Западной Европы, направленный против Турции, агрессия которой являлась в то время постоянной угрозой миру.

1) 1. Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение - есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции, - которые являются крупным шагом вперед человеческой мысли, шагом, который не будет единственным, - необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет уже постоянной армии.

3. Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя

под защиту законов.

Руссо, рассуждающий не так уж плохо для верующего протестанта, говорит в подлинных выражениях: "То, что полезно для народа, возможно ввести в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Несомненно, идея вечного мира в настоящее время весьма абсурдный проект; но пусть вернутся Генрих IV и Сюлли, и вечный мир станет снова разумной целью; или точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществляется, так как это может быть достигнуто лишь средствами жестокими и ужасными для человечества". Ясно, что эти ужасные средства, о которых он говорил, - революция. Но вот они настали. Я знаю, что все эти доводы очень слабы, и свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не одержавшего ни одной победы, не может иметь никакого веса, но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем, он еще никогда никого не убедил (франц.)

О русской прозе (стр. 255). Статья, самим Пушкиным не озаглавленная и обрывающаяся-

ся на полуслове, датируется 1822 г.

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу... - Рассказ этот взят Пушкиным из предисловия Кювье к первому тому Полного собрания сочинений Бюффона, вышедшему в свет в Брюсселе в 1822 г. Однако, назвав собеседником Д'Аламбера Лагарпа, Пушкин ошибся: во французском подлиннике говорится о писателе А. Ривароле (1753-1801).

Д'Аламбер Жан (1717-1783) - французский математик и философ, виднейший представитель просветительской философии. Лагарп - см. стр. 494.

О французской словесности (стр. 257). Проспект статьи, оставшейся ненаписанной. Датируется условно 1822 г. К вопросам, затронутым в этом наброске, Пушкин возвращался многократно. См. далее статьи "О поэзии классической и романтической" (стр. 263) и "О ничтожестве литературы русской" (стр. 407). Борясь с эпигонами французского классицизма, Пушкин в то же время высоко ценил классиков XVII в. - Расина, Мольера, Лафонтена, Буало.

Катенин - пиесы в немецком роде... - Речь

идет о балладах Катенина "Ольга" и "Убийца" (см. стр. 90 и 291).

...четырьмя строками оды к Дюперье... - Пушкин имеет в виду четвертую строфу оды Малерба "Утешение г-ну Дюперье по поводу смерти его дочери" (1599). Mais elle etait du monde, o les plus belles choses

Ont le pire destin:

Et Rose elle a vecu ce que vivent les roses

L'espace d'un matin.

Перевод:

Но она была из мира, где лучшее

Имело худшую судьбу:

И - роза - она жила столько, сколько живут розы

Лишь одно утро.

Менар (1582-1648), Ракан (1598-1670), Вуатюр (1598-1648) - французские салонные поэты XVII в. Руссо Жан-Батист (1670-1741) - французский поэт. Пушкин ценил только его эпиграммы.

О причинах, замедливших ход нашей словесности (стр. 257). Несколько строк из этого чернового наброска Пушкин использовал в статье "О предисловии г-на Лемонте к перево-

ду басен И. А. Крылова" (см. стр. 14).

В начале апреля 1824 г. Пушкин писал Вяземскому: "Читая твои критические сочинения и письма, я и сам собрался с мыслями и думаю на днях написать кое-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карамзина, Дмитриева и Жуковского. Авось и тисну..." (см. т. 9). набросок Пушкина непосредственно связан с "Взглядом на русскую словесность в течение 1823 г." А. А. Бестужева ("Полярная звезда на 1824 г."). Отмечая "страсть к галлицизмам", охватившую "все состояния" после Отечественной войны, Бестужев заключал: "Следствием этого было совершенное охлаждение лучшей части общества к родному языку и поэтам, начинавшим возникать в это время, и, наконец, совершенное оцепенение словесности в прошедшем году. О прочих причинах, замедливших ход словесности, мы скажем в свое время". На мысли Бестужева Пушкин откликнулся в третьей главе "Евгения Онегина" (рукописная редакция XXXI строфы).

Об этом же Пушкин писал Вяземскому 13 июля 1825 г. (см. т. 9) и в повести "Рославлев"

(см. т. 5).

...в стране моей родной... книги ни одной. - Цитата из сатирического "Послания к кн. С. Н. Долгорукову, российскому министру в Голландии" Д. П. Горчакова.

Примечания к поэме "Цыганы" (стр. 259). Эти примечания, датируемые по их месту в рукописях Пушкина 1824 г., написаны были в процессе работы над поэмой и предназначались для ее отдельного издания. Последнее задержалось, однако, до 1827 г., когда оба примечания оказались уже сомнительными с цензурной точки зрения.

Она Державиным воспета, // И славой русскою полна. - Автоцитата из послания "Баратынскому. Из Бессарабии" (1822) (см. т. 1, стр. 182).

"Историческое и статистическое описание оной", составленное И. П. Липранди. - Этот труд Липранди о Молдавии остался неизданным.

О статье А. Бестужева "Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов" (стр. 260). Статья, оставшаяся недописанной, датируется апрелем-маем 1825 г., так как

критический обзор, с которым полемизировал Пушкин, был напечатан в альманахе "Полярная звезда на 1825 г.", вышедшем в свет 21 марта 1825 г. В конце мая - начале июня Пушкин уже использовал свои полемические заметки в одном из писем к Бестужеву (см. т. 9).

...Геродот жил прежде Эсхила... - Пушкин ошибся: Геродот был младшим современником Эсхила.

Соуве - Соути (Southey), английский поэт-романтик (1774-1843).

"Marot rima des triolets" и пр. - Неточная цитата из "Искусства поэзии" Буало.

У нас есть критика? где ж она? - Пушкин возражает против утверждения Бестужева: "У нас есть критика и нет литературы".

1) Маро слагал триолеты, содействовал расцвету баллады (франц.)

О стихотворении "Демон" (стр. 262). Эта черновая заметка имеет в виду какие-то устные суждения о "Демоне", а не отклики на него в печати. Тематически заметка Пушкина очень близка мыслям об этом стихотворении в статье В. Ф. Одоевского "Новый демон": "С каким сумрачным наслаждением читал я

произведение, где поэт России так живо олицетворил те непонятные чувствования, которые холодят нашу душу среди восторгов самых пламенных. Глубоко проникнул он в сокровищницу сердца человеческого, из нее похитил ткани, неприкосновенные для простолюдина, - которыми облек он своего таинственного Демона. Но не только внутри существует сей злобный гений, он находится и вне нас; последний не так опасен, как первый, - но не менее мучителен" ("Мнемозина", ч. IV, М. 1824, стр. 35). Статья В. Ф. Одоевского появилась в свет лишь в октябре 1825 г. (четвертая часть "Мнемозины" запоздала на целый год).

...лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. - Пушкин имел в виду А. Н. Раевского (1795-1868), члена близкой Пушкину семьи генерала Н. Н. Раевского (см. стр. 477). О нем же см. в прим. к стихотворениям "Демон" и "Коварность" (т. 2, стр. 663 и 669).

Об Андрее Шенье (стр. 262). Заметка, явно связанная с элегией "Андрей Шенье", имеет характер формальной справки, приноровлен-

ной к требованиям цензуры. Дата - 1825 г. В автографе заголовков отсутствует. Андрей (Андре) Шенье (1762-1794) - французский поэт и политический деятель, близкий жирондистам; гильотинирован 8 термидора (27 июля 1794 г.), накануне падения Робеспьера. При жизни Шенье напечатал только два из своих стихотворений. Шатобриан в книге "Дух христианства" (1802, кн. III, гл. VI) первый сказал о "редком таланте" Шенье и признал его идиллии "достойными Теокрита". Из книги Шатобриана взяты были Пушкиным предсмертные слова Шенье, приведенные им в примечаниях к элегии (см. т. 2; стр. 86). Первое Собрание стихотворений Шенье было издано в Париже в 1819 г.; оно сохранилось в библиотеке Пушкина.

О трагедиях Катенина (стр. 263). Черновая справка о трагедиях Катенина предназначалась, видимо, для примечания к первой главе "Евгения Онегина". В автографе не озаглавлена. Дата - 1825 г. О Катенине см. выше статью Пушкина (1833) (стр. 89-91).

"Le Mechant". (1747) - комедии Ж.-Б. Грессе (1709-1777), переведенная Катениным под на-

званием "Сплетни".

Не упоминаю об его трагедии "Андромаха"... - Высокую оценку трагедии Катенина "Андромаха" см. в статье Пушкина "О народной драме и драме Погодина "Марфа Посадница" (стр. 363) и в его же письмах к Катенину 1825 г. (т. 9).

О поэзии классической и романтической (стр. 263). Написано летом 1825 г.

Наши критики не согласились еще в ясном определении различий между родами классическим и романтическим. - Теоретические высказывания русских и западноевропейских критиков особенно занимали Пушкина во время его работы над "Борисом Годуновым" (см. письма к Вяземскому от 25 мая и к А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г., т. 9, а также стр. 282 и 320 наст. тома). К некоторым положениям своей статьи 1825 г. Пушкин возвратился в 1834 г. (стр. 409-410).

Если же вместо формы стихотворения будем брать за основание только дух, в котором оно писано, то никогда не выпутаемся из определений. - Эти строки ошибочно толкуются обычно как свидетельство того, что

Пушкин якобы не придавал большого значения различиям между "духом" литературных школ и направлений. Однако, как формулирует В. Ф. Асмус в своей работе "Пушкин и теория реализма", - "именно потому, что в подлинном произведении искусства "дух" должен найти отвечающее ему и достойное его воплощение, Пушкин предпочитал судить о направлениях не по намерениям, из "духа" возникающим, но по их подлинным результатам, то есть по уже созданным вещам, в которых единство духа и формы уже достигнуто. И наоборот, там, где это единство не было достигнуто, где форма выступала не как естественное выражение мысли и чувства, но как исключительный предмет не руководимых мыслью усилий и забот художника, - Пушкин отказывал такой "форме" в праве быть критерием при определении поэтических родов и направлений" ("Русская литература", 1958, Э 3, стр. 98).

1) Слагал триолеты, содействовал расцвету баллады (франц.)

О классической трагедии (стр. 266). Заголовок в автографе отсутствует. Датируется ле-

том 1825 г., когда Пушкин в неотправленном письме к Н. Н. Раевскому о "Борисе Годунове" с этих же позиций и примерно в таких же словах доказывал отсутствие правдоподобия в произведениях драматического искусства (см. т. 9). В январе 1829 г. эти же мысли, близкие известным суждениям А. Шлегеля о поэтике классической драматургии (А. Schlegel {1}, Cours de litterature dramatique, Paris, 1814, t. 2), были развиты Пушкиным в новой редакции письма о "Борисе Годунове" (стр. 292) и в заметках 1830 г. о народной драме (стр. 359).

О народности в литературе (стр. 267). Эти черновые наброски (без заголовка) связаны с работой над предисловием к "Борису Годунову" (1825) и являются в основной своей части откликом на полемику о народности в русской печати 1824-1825 гг. (статьи Полевого, Вяземского, Кюхельбекера, Бестужева и др.). Литературно-теоретические позиции Пушкина, определившиеся в этих спорах, свидетельствуют о его знакомстве с книгами Фридрика Ансильона (1767-1837) "Analyse de l'idée de litterature nationale" ("Анализ понятия о национальной литературе"), Париж, 1817 г., и

"Nouveaux essais de politique et de philosophie" ("Новые эссе из области политики и философии"), 1824 г. В первой из названных книг выдвинут был тезис о том, что "Идеи, привычки, привязанности, господствующие в народе, образуют его национальный характер, и произведение искусства в его глазах будет прекрасно только в той степени, в какой оно будет в соответствии с его национальным характером". Во второй из них формулированы были положения о том, что "Главная отличительная черта прекрасного - простота" и что "Всякая национальная философия имеет свою сторону истины. Она улавливает связи, имеющие наибольшую степень сродства с характером и духом своего народа, и это объясняет и оправдывает ее жизненность. Всякая национальная литература имеет свою сторону красоты. Она улавливает в искусствах, управляемых воображением, то, что наиболее сильно говорит духу и характеру своего народа". Подробнее об этом см. в статье Б. В. Томашевского "Пушкин и народность" (Б. В. Томашевский, Пушкин и Франция, М.-Л. 1960).

Один из наших критиков... - Пушкин име-

ет в виду Булгарина, который, говоря о "народной русской трагедии", обращал внимание драматургов на "предметы эпические и драматические", которыми "изобилует история России": "Пришествие варягов, независимость Новгорода и Пскова, вражды удельных князей, нашествие татар гораздо занимательнее чуждых преданий. Все сии происшествия ожидают только гения, чтобы, украсившись цветами поэзии и вымысла, появиться на русской сцене в национальном виде" ("Русская талия", СПб. 1825, стр. 351-352).

...что есть народного в "Петриаде" и "Россиаде", кроме имен, как справедливо заметил кн. Вяземский. - Пушкин имеет в виду предисловие П. А. Вяземского к первому изданию поэмы "Бахчисарайский фонтан" (1824).

Что есть народного в Ксении... - Пушкин, упоминая героиню трагедии В. А. Озерова "Дмитрий Донской", полемизирует с Вяземским, провозглашавшим эту пьесу "народною трагедиею" ("О жизни и сочинениях В. А. Озерова", СПб. 1817, стр. XXXVIII).

Ученый немец негодует на учтивость героев Расина... - Пушкин имеет в виду ирониче-

ские замечания Шлегеля об "Андромаче" Расина ("Cours de litterature dramatique", t. 2, Paris, p. 199).

...француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. - Этот эпизод заметил Сисмонди в разборе "Оружия любви" Кальдерона ("De la litterature du Midi de l'Europe", t. IV, Paris, 1819, p. 120). См. также статью "О народной драме и драме Погодина "Марфа Посадница" (стр. 360).

О статьях Кюхельбекера в альманахе "Мнемозина" (стр. 268). Дата 1825-1826 гг.

Что такое сила в поэзии? - Пушкин polemизирует со следующими положениями статьи Кюхельбекера "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие": "Сила, свобода, вдохновение необходимые три условия всякой поэзии. Лирическая поэзия вообще не иное что, как необыкновенное, то есть сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя. Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения. Всем требованиям, кото-

рые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна ода, а посему, без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название поэзии лирической" ("Мнемозина", 1824, ч. II, стр. 30). Эта же полемика с Кюхельбекером отразилась в "Евгении Онегине" (см. т. 4, стр. 86-87 и 451).

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии... - Строки эти восходят к известному изречению д'Аламбера (D'Alambert, "Esprit, maximes et principes", Geneve, 1789. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина).

Об альманахе "Северная лира" (стр. 269). Черновой набросок рецензии, предназначавшейся в 1827 г. для журнала "Московский вестник" (о чем свидетельствуют строки: "О г. Шевыреве умолчим как о своем сотруднике"); осталась незаконченной потому, что в майской книжке журнала появился отзыв на "Северную лиру" Н. М. Рожалина.

Альманах "Северная лира" вышел в свет в январе 1827 г. (редакторами его были С. Е. Раич и Д. П. Ознобишин).

Между другими поэтами в первый раз уви-

дели мы г-на Муравьева... - О Муравьеве см. в прим. к наброску статьи "Путешествие к св. местам А. Н. Муравьева" (стр. 376, 568). В "Северной лире" напечатан отрывок из его поэмы "Таврида".

Делибюрадер - псевдоним Д. П. Ознобишина, поместившего в альманахе несколько переводов из Байрона, Шенье и Гафиза.

...Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу, и проч. - Далее в статье С. Е. Раича "Петрарка и Ломоносов" следовали строки: "Потому, - отвечал Петрарка, - что не хотел быть в тягость государю, который и сам не учен и ученых не любит".

1) блестящие обороты мысли (итал.)

Стихотворения Евгения Баратынского (стр. 271). Набросок рецензии на первое собрание "Стихотворений Евгения Баратынского", М. 1827 (вышло в свет в ноябре 1827 г.), предназначавшейся, вероятно, для "Московского вестника". Заголовок в автографе отсутствует.

Ныне вошло в моду порицать элегии... - Намек на статьи Кюхельбекера (см. стр. 268-269).

О трагедиях Байрона (стр. 271). Черновая

заметка, без заголовка, условно датируется 1827 г.

Английские критики оспаривали... драматический талант. - Мысль об отсутствии у Байрона драматического таланта высказывалась Пушкиным также в письме к Н. Н. Раевскому от второй половины июля 1825 г. и в наброске "О трагедии В. Н. Олина "Корсер" (стр. 279).

...в "Manfred"е подражал он "Фаусту"... - О влиянии "Фауста" Гете на Байрона Пушкин упоминал также в статье "Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина" (стр. 90). Это влияние признавал и сам Байрон.

Alfieri (Альфиери) Витторио (1749-1803) - итальянский драматург. В 1827 г. Пушкин перевел отрывок из его трагедии "Филипп II" (см. т. 2, стр. 558).

Материалы к "Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям" (стр. 272). Эти наброски по разным причинам не были включены Пушкиным в "Отрывки из писем, мысли и замечания" (см. стр. 15). Дата - 1827 г.

Дядя мой однажды занемог... - пародия на "Замечания о людях и обществе" В. Л. Пушки-

на, напечатанные в альманахе "Литературный музей на 1827 год", (вышел в свет в марте 1827 г.).

...счастливая шутка князя Вяземского совершенно справедлива... - Пушкин цитирует статью Вяземского "Сочинения в прозе В. Жуковского" в "Московском телеграфе", 1826, Э 23, стр. 173.

Одна из причин жадности... - Заметка, связана с суждениями Пушкина в письме к Вяземскому от ноября 1825 г.: "Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы, он и мал и мерзок - не так, как вы, - иначе" (см. т. 9).

...Державин написал: "орел на высоте паря"... - Неточная цитата из стихотворения Державина "Вельможа" (1794): "Орел, по высоте паря, // Уж солнце зрит в лучах полдневных..."

"...тебе хребет свой... вокруг тебя заснуло". - Из оды Державина "Возвращение графа Зубова из Персии" (1797).

Алмазна сыплется гора // С высот и проч. -

Из "Водопада" Державина (1794).

Он в дым Москвы себя облек. - Из стих. Жуковского "Певец в Кремле" (1814-1816).

Он даже хаживал один на паука. - Из басни Крылова "Муравей".

Et baise avec respect le pavé de tes temples. - Из пролога к трагедии "Эсфирь" Расина.

И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vache*. - Это слово Делиль употребил в поэме "L'Homme de champs" (1800).

Повторенное острое слово становится глупостью. - Эти строки были использованы Пушкиным в статье "Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов..." (см. стр. 370).

Un bon mot de deux rimes orne. - Из второй песни "Поэтического искусства" Буало.

1) И почтительно целует плиты твоих храмов (франц.)

2) корова (франц.)

3) Слово, украшенное двумя рифмами (франц.)

Если звание любителя отечественной литературы... (стр. 278). набросок памфлетно-пародического предисловия к литературно-кри-

тическим заметкам, частью, видимо, вошедшим в "Отрывки из писем, мысли и замечания", (см. стр. 15), частью только задуманным. Дата - 1827 г.

Сатирический образ бездарного выразителя реакционной идеологии, впервые намеченный в этом наброске, трансформируется в 1829 г. в чертах одного из персонажей заметки "Несколько московских литераторов..." - г. Трандафыря, главы "Общества для распространения здоровой критики Курганова и Тредьяковского" (см. стр. 297). Вновь оживает этот образ в публицистике Пушкина в 1836 г., в памфлетных характеристиках двух подлинных представителей официальной идеологии - В. Б. Броневского и М. Е. Лобанова, вышученных на страницах "Современника".

...произведения писателей, делающих честь не только России, но и всему человечеству... - Пушкин пародирует фразеологию Н. А. Полевого в статье о первой главе "Евгения Онегина": "...делает честь стране, которой он принадлежит, и веку, в котором живет" ("Московский телеграф", 1825, Э 5, стр. 45).

...как говорит г. Ф. в одном трогательном

газетном объявлении... Пушкин имеет в виду объявление В. С. Филимонова о поступлении в продажу его книги "Искусство жить", помещенное в газете "Русский инвалид", 1825, Э 17. См. иронический отклик Пушкина на эту информацию в письме к Вяземскому от 28 января 1825 г. (т. 9).

Письмо к издателю "Московского вестника" (стр. 280). Заголовок в автографе отсутствует, но об его адресате свидетельствует письмо В. П. Титова от 11 февраля 1828 г. к М. П. Погодину, редактору журнала "Московский вестник": "Он готовит вам письмо о Б. Годунове; что он мне читал, славно" ("Литературное наследство", тт. 16-18, 1934, стр. 697). Условно датируется концом 1827 - началом 1828 г.

Теоретические положения и исторические справки, развернутые Пушкиным в настоящей статье, выросли из его незаконченного письма к Н. Н. Раевскому от второй половины июля 1825 г. (см. т. 9). О других статьях и письмах, связанных с предисловием к "Борису Годунову", см. стр. 299-303.

Благодарю вас за участие... - Эти строки относятся к С. П. Шевыреву, восторженно ото-

звавшемуся о сцене в Чудовом монастыре в своем "Обзрении русской словесности за 1827 год" ("Московский вестник", 1828, Э 1, стр. 69).

...два классические единства... - единство времени и места; последнее единство действия.

Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют... - В автографе Пушкина в этом месте пробел, условно заполненный определением романтизма из заметки "Французские критики имеют свое понятие о романтизме" (см. стр. 320).

...один из самых оригинальных писателей, нашего времени... - Вяземский, писавший в своей биографии Озерова, что его трагедии "уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому романтическому".

...самовластно разделяют Европу литературную на классическую и романтическую и далее. - Эти строки относятся к статье Н. А. Полевого о "Полярной звезде" на 1825 г., в которой говорится: "Кажется, что классицизму и романтизму суждено разделить Европу: Ла-

тинской Европе суждено первое, Германской и Славянской второе. У итальянцев (несмотря на Данте единственное исключение из общего) едва ли овладеть романтизму" ("Московский телеграф", 1825, Э 8, стр. 323). Возражения Пушкина на статью Полевого см. также в письме к Вяземскому от 25 мая 1825 г. (т. 9). С этим же кругом проблем связана и статья "О поэзии классической и романтической" (стр. 263).

...повод применениям, намекам, allusions. - В письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г. Пушкин вспоминал о том, что в 1826 г. Николай I, просматривая рукопись "Бориса Годунова", заподозрил в некоторых ситуациях и репликах трагедии намеки на восстание 14 декабря (см. т. 10).

"Constitutionell" и "Quotidienne" - парижские газеты, либеральная и монархическая.

...заставить... Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение... Имеются в виду трагедии: "Сулла" В. Жуи (1821), "Последний день Тиберия" Э.-Л. Арно (1828), "Леонид" М. Пиша (1825).

... о Виллеле или о Кеннинге. - Виллель Жо-

зеф (1773-1854) - французский реакционный политический деятель; Кеннинг Джордж (1770-1827) - английский передовой государственный деятель и публицист.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc. - Из трагедии Расина "Британник" (акт IV, сцена 4).

Юм или Walpol. - Юм Давид (1711-1776) - английский философ и историк; Вальполь Гораций (1717-1797) - английский романист, драматург и литературовед.

1) Данте (великий отец наш Алигиери) (итал.)

2) Он говорит и делает лишь то, что ему предписывают, и т. д. (франц.)

Ответ на статью в журнале "Атеней" (стр. 284). Статья, представлявшая собою ответ на критический разбор четвертой и пятой глав "Евгения Онегина" в журнале "Атеней" (1828, ч. 1, Э 4, стр. 76-89), предназначалась, видимо, для "Московского вестника". Заголовок в автографе отсутствует. Дата - 1828 г. Автором рецензии "Атенея", подписанной буквой "В", был М. А. Дмитриев, о котором см. стр. 469. Свой ответ Дмитриеву Пушкин читал в 1828 г.

К. А. Полевому, в записках которого сохранился об этом эпизоде следующий рассказ: "В нем пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в "Атенеи", журнале, издававшемся в Москве профессором Павловым. Он сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако он отыскал клочки синей бумаги, на которой оно было писано, и прочел мне кое-что Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь "Атенею", но он не согласился, говоря: "Никогда и ни на одну критику моих сочинений я не напечатаю возражения; но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе" ("Исторический вестник", 1887, Э 6, стр. 567). В 1830 г. в статье "Опровержение на критики", также не напечатанной, Пушкин использовал эти наброски (см. стр. 345) и частично процитировал их в прим. к "Евгению Онегину" (т. 4, стр. 181).

Глагол времен. - Из оды Державина "На смерть Князя Мещерского" (1779).

То древню Русь и нравы // Владимира вре-

мян". - Из стих. Батюшкова "Мои пенаты" (1811).

...что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина. - Ср. заметку Пушкина "Есть различная смелость..." (стр. 274).

...который взвесить смел... и всей вселенной колебал? - Неточная цитата из стих. Державина "Водопад" (1791-1794).

Поникнул лавровой главою... - Неточная цитата из стих. Державина "Вельможа" (1794). Образ этот Пушкин повторил в 1835 г. в стихотворении "Полководец": "И никнут в тишине главою лавровой".

1) без инверсии (лат.)

2) безразлично (франц.)

Поэма Баратынского "Бал" (стр. 288). Набросок статьи, без заголовка, предназначавшейся для журнала "Московский вестник" в 1828 г.

...благодарим его в журналах от имени человечества... - Насмешка над отзывом Н. А. Полевого о поэме А. И. Подолинского "Див и Пери", в котором были слова: "благодарим его как поэта и человека" ("Московский телеграф", 1827, Э 21, стр. 89).

...делающих истинную честь нашему веку... - Цитата из статьи Полевого см. набросок "Если звание любителя отечественной литературы..." (стр. 278).

Не упоминая уже об известных шуточках покойного "Благонамеренного"... В журнале "Благонамеренный" (1822, Э 39) была пародия на стих. Баратынского "Бдение".

...повод к неприличной статейке в "Северной пчеле" и слабому возражению, кажется, в "Московском телеграфе". - Пушкин характеризует как "слабую" отповедь "Московского телеграфа" (1826, Э 5, стр. 69-72) Булгарину за его резкий отзыв о "Пире" и "Эде" ("Северная пчела", 1826, Э 20).

Как отозвался "Московский вестник" об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! - Пушкин имеет в виду статью Шевырева, обвинявшего Баратынского в том, что он "более мыслит в поэзии, нежели чувствует", и находившего у него "желание блистать словами" ("Московский вестник", 1828, Э 1, стр. 70-71). 19 февраля 1828 г. Пушкин писал Погодину об этой статье Шевырева: "Грех ему не чувствовать Баратынского, но бог ему су-

дья".

Его последняя поэма "Бал", напечатанная в "Северных цветах"... - В "Северных цветах на 1828 г." появился только отрывок из поэмы - около сорока стихов. Полностью она вышла в декабре 1828 г. в одной книжке с "Графом Нулиным".

1) с любовью (итал.)

В зрелой словесности приходит время... (стр. 291). Черновой набросок, датируемый концом 1828 г.

О "языке и предметах простонародных", введенных в поэзию Катениным, см. выше в статье "Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина" (стр. 90), а также строки о "младенческой нашей словесности" в "Письме к издателю "Московского вестника"" (стр. 281).

Ваде Жан-Жозеф (1720-1757) - французский поэт и драматург, широко пользовавшийся в своих произведениях жаргоном парижского рынка.

...Wordsworth, Coleridge... - Вордсворт (1771-1855), Кольридж (1772-1834) - английские поэты романтической "озерной школы".

...десяток ямбических стихов с рифмами. -

В автографе далее зачеркнуто: "Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями".

Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность "Убийцы"... - Пушкин имеет в виду идиллии Гебеля, переведенные в 1816 г. Жуковским: "Овсяный кисель", "Красный карбункул", "Деревенский сторож", "Тленность" и др. О балладе Катенина "Убийца" см. стр. 90-91.

...лучшими произведениями Бюргера и Саувея. - Пушкин имеет в виду балладу Бюргера "Ленора" (1774), о которой см. стр. 90, и баллады Роберта Соути, о котором см. стр. 521. В бумагах Пушкина остались неоконченными переводы трех произведений Соути - "Медок", "Гимн пенатам" ("Еще одной высокой важной песни..."), "Родриг" (см. т. 2, стр. 586, 589-590, 634-635).

Торвальдсен, делая бюст известного человека... (стр. 292). Заметка сохранилась на том же листе бумаги, что и предшествующий набросок.

Торвальдсен Бертель (1770-1844) - знаменитый датский скульптор. Сделанный им в 1820 г. скульптурный портрет Александра I имел большой успех и многократно копировался. Так, например, 18 февраля 1824 г. московский почтдиректор А. Я. Булгаков писал своему брату: "Много слышал я о бюсте Императора Торвальдсонове" ("Русский архив", 1901, кн. 2, стр. 42). Заметка о бюсте "известного человека" тесно связана со стихотворением Пушкина "К бюсту завоевателя" (1829), в котором нейтральным обозначением "завоеватель" прикрыто имя Александра I.

1) Какое тяжелое лицо (итал.)

Письмо о "Борисе Годунове" ("Voici ma tragedie...") (стр.292).

Статья эта является литературной переработкой, неотправленного письма к Н. Н. Раевскому, написанного летом 1825 г. (см. т. 9). Теоретические соображения о самом жанре трагедии дополнены в новой редакции письма конкретными характеристиками основных персонажей "Бориса Годунова". Видимо, это же письмо Пушкин хотел переработать в 1831 г. для несостоявшегося второго издания

"Бориса Годунова". Об этом свидетельствует его письмо к Е. Ф. Розену от конца октября 1831 г. (см. т. 10). Последним свидетельством интереса Пушкина к его письмам и заметкам о "Борисе Годунове" является проект включения статьи "О Годунове" в сборник его прозаических произведений, издание которого им намечалось в 1834 г.

Первое письмо о "Борисе Годунове", предназначавшееся для опубликования в "Московском вестнике" 1828 г., см. стр. 280; другие наброски предисловия к трагедии см. стр. 299-303.

...le dernier tome de Karamzine. - "История государства Российского", т. XI, посвященный царствованиям Бориса Годунова и Лжедмитрия.

...nos sous-ouvrés de Kiov et de Kamenska. - Пушкин имеет в виду политические обиняки и условные формы эзоповской речи в дискуссиях, происходивших в Киеве и в Каменке во время встреч его с декабристами в 1820-1821 гг. Ср. послание Пушкина к В. Л. Давыдову (т. 1, стр. 145 и 579).

...la cousine de M-me Lubomirska. - Вероятно,

речь идет о Каролине Собаньской. Ей посвящено стихотворение "Что в имени тебе моем?.." (т. 2, стр. 285 и 718).

Погорелое городище - посад в Тверской губернии, где Пушкин был в 1828 г.

Le compte revenir aussi sur Шуйский. - Как свидетельствуют воспоминания С. П. Шевырева, Пушкин во время своего пребывания в Москве в 1826-1827 гг. "сам говорил, что намерен писать еще "Лжедмитрия" и "Василия Шуйского", как продолжение "Бориса Годунова", и еще нечто взять из междуцарствия: это было бы вроде шекспировских хроник" (Л. Майков, Пушкин, СПб. 1899, стр. 330). В перечне пьес, задуманных Пушкиным, значится "Дмитрий и Марина" (см. т. 4, стр. 561).

...beaucoup du Henri IV dans Дмитрий. - Генрих IV, французский король, прославленный как просвещенный монарх в "Генриаде" Вольтера (1723).

Helas j'entends les doux sons de la langue grecque. - Неточная цитата из трагедии Лагарпа "Филоктет".

Перевод:

Вот моя трагедия, раз уж вы непременно

хотите ее, но я требую, чтобы прежде прочтения вы пробежали последний том Карамзина. Она полна славных шуток и тонких намеков на историю того времени, вроде наших киевских и каменских обиняков. Надо понимать их - это *sine qua non*¹.

По примеру Шекспира я ограничился развернутым изображением эпохи и исторических лиц, не стремясь к сценическим аффектам, к романтическому пафосу и т. п. ... Стиль трагедии смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых, - что касается грубых непристойностей, не обращайтесь на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке. Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги. Но, не говоря уже о том, что любовь весьма подходит к романическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен. Но, конечно, это была странная красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени

сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведет переговоры с польским королем как коронованная особа с равным себе и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня как страсть. Она ужас до чего полька, как говорила кузина г-жи Любомирской.

Гаврила Пушкин - один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив - как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве в числе семи начальников, защищав-

ших ее в 1612 году, потом в 1616 году, заседающим в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом. Он был всем чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище - городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно проконсулам Национального Конвента.

Я намерен также вернуться и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый всупадает в заговор, и он же, заметьте, сам берется выполнить все это дело, кричит, обвиняет, из предводителей становится рядовым воином. Он готов погибнуть, Дмитрий милует его уже на лобном месте, ссылает и с тем необдуманым великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова возвращает ко двору и осыпает дарами и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший под топор и на плаху? Он спешит создать новый

заговор, успеваает в этом, заставляет себя избрать царем и падает - и в своем падении сохраняет больше достоинства и силы духа, нежели в продолжение всей своей жизни.

В Дмитриии много общего с Генрихом IV. Подобно ему он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему равнодушен к религии - оба они из политических соображений отрекаются от своей веры, оба любят удовольствия и войну, оба увлекаются несбыточными замыслами, оба являются жертвами заговоров... Но у Генриха IV не было на совести Ксении - правда, это ужасное обвинение не доказано, и я лично считаю своей священной обязанностью ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова - патриарх, действительно, был человек большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака.

Создавая моего Годунова, я размышлял о трагедии - и если бы вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал - это, может быть, наименее понятый жанр. Законы его старались основать на правдоподобии, а оно - то именно и исключается самой сущностью

драмы; не говоря уже о времени, месте и проч., какое, черт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках.

2) Язык. Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: "Увы, я слышу сладкие звуки греческой речи". Не есть ли все это условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в "Сиде": "А, вам угодно соблюдать правило о 24 часах? Извольте". И тут же он нагромождает событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко чувствовал, как смешны речи в сторону, он их уничтожает, но зато удлиняет монологи. Какое ребячество!

Письмо мое вышло гораздо длиннее, чем я хотел. Прошу вас, сохраните его, так как оно понадобится, если черт меня попутает написать предисловие.

30 января 1829>

1 неперемное условие (лат.)

Несколько московских литераторов... (стр. 297). Этот набросок, памфлетно характеризовавший редакционный коллектив журнала "Вестник Европы" ("Трандафырь" - Каченовский, "Никодим Невеждин" - Надеждин), тематически и хронологически связан с "Отрывком из литературных летописей" (1829) (см. выше, стр. 24).

...видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего... - Пушкин пародирует строки из объявления о подписке на "Вестник Европы": "Законы словесности молчат при звуках журнальной полемики. Надобно, чтобы голос их доходил до слуха любознательного, который не услаждается звуками кимвала бряцающего и меди звенящей" (1828, Э 18, стр. 156).

...г. Х., бывший корректор типографии. - Персонаж литературно-критического фельетона Надеждина о "Полтаве" Пушкина.

Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием. - Район Малой Бронной был известен публичными домами.

...знаменитый переводчик одного бессмертного романа. - Пушкин имеет в виду Каченовского, который перевел посредственный роман Леонара "Тереза и Фальдони" (см. стр. 476).

...700 рублей от Ширяева... - А. С. Ширяев, московский издатель и книгопродавец.

...разобрали заглавный лист "Истории государства Российского"... - О разборе Каченовским предисловия к труду Карамзина см. стр. 23.

...проект нового журнала... под названием "Азиатский рак" - Определяя отсталость литературно-критических позиций Каченовского и Надеждина, Пушкин иронически связывал их статьи с "правилами здравой критики Курганова и Тредьяковского". Пародируя название журнала Каченовского и Надеждина ("Вестник Европы"), Пушкин одновременно подчеркивал его косность (рак символ попятного движения).

Многие недовольны нашей журнальной критикою... (стр. 298). Датируется 1829 г. на основании места заметки в рукописи. Вторая ее редакция, лишенная начальной полемиче-

ской остроты, вошла впоследствии в "Table-talk" (см. т. 7).

...выражаются языком пьяного семинариста. - Первоначально было: "языком "Вестника Европы" и "Атенея". Заметка направлена была против Н. И. Надеждина, сотрудника "Вестника Европы", о котором см. далее в "Детской книжке" и примечаниях к ней (стр. 542). Ср. строки о критике Надеждина в "Романе в письмах" (т. 5, стр. 481-482), а также в заметках: "Граф Нулин" наделал мне больших хлопот..." и "Мы так привыкли читать ребяческие критики..." (стр. 330 и 331-333).

О публикациях М. А. Бестужева-Рюмина в "Северной звезде" (стр. 299). Заметка эта, построенная как "письмо в редакцию", датируется временем возвращения Пушкина из путешествия в Арзрум, то есть сентябрем 1829 г. Заголовок в рукописи отсутствует. В 1830 г. Пушкин вернулся к этому эпизоду в "Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений" (см. стр. 333).

Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич (1800-1832) - поэт и журналист, издатель альманахов "Майский листок" (1824), "Сириус"

(1827), "Северная звезда" (1829) и сатирической газеты "Северный Меркурий" (1830-1832). Стремясь зарекомендовать себя врагом "литературной аристократии", Бестужев-Рюмин очень резко полемизировал со статьями Пушкина, Дельвига и Вяземского в "Литературной газете" (см. о нем же набросок "Альманашик", стр. 311).

Возвратясь из путешествия, узнал я... - Во время выхода в свет "Северной звезды" - в начале июля 1829 г. - Пушкин был на Кавказе. В Москву он вернулся около 20 сентября, а в Петербург - в первых числах ноября.

...г-н Федоров напечатал под моим именем однажды какую-то идиллическую нелепость... - В альманахе Б. М. Федорова "Памятник отечественных муз на 1827 год" были напечатаны стихотворения Пушкина: "Романс" ("Под вечер осенью ненастной..."), "Желание" ("Медлительно влекутся дни мои...") , "Здравный кубок", "К живописцу", отрывки из "Фавна и пастушки" и поэма "Вадим". "Идиллической нелепостью" Пушкин назвал, несомненно, "Фавна и пастушку". В "Северных цветах на 1829 год" в обзоре русской словесно-

сти О. М. Сомова говорилось: "В "Памятнике муз" напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина "Фавн и пастушка", стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие пред публикой" (отд. I, стр. 36).

...камердинером г-на Панаева. - Панаев Владимир Иванович (1792-1859) чиновник министерства императорского двора, бездарный литератор, эпигон сентиментализма, автор сборника идиллий и рассуждения "О пастушеской или сельской поэзии", иронически охарактеризованный Пушкиным в письме к брату от 4 декабря 1824 г. как "идиллический коллежский ассессор".

В числе пьес, доставленных г-ном Ап... - Из семи стихотворений, напечатанных за подписью Ап. в "Северной звезде", Пушкину принадлежало шесть: "Любви, надежды, тихой славы...", "Она мила, скажу меж нами...", "Здесь Пушкин погребен...", "О ты, который сочел...", "Забудь, любезный мой Каверин...", "Любимец ветреных Лаис..." (седьмое стихотворение "О ты, которая из детства..." являлось отрывком из "Негодования" Вяземского).

...заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою. - В послании "К Чаадаеву" Бестужев-Рюмин заменил стих "Минуты вольности святой" словами: "Подруги сердцу дорогой", а в послании Орлову стих "Хотя и русский генерал" - "Достойный русский генерал".

Наброски предисловия к трагедии "Борис Годунов" (стр. 299).

1. С отвращением решаюсь я выдать в свет... - Строки эти, являющиеся расширенной редакцией текста, датированного 19 июля 1829 г. (см. далее, стр. 431), набросаны в Арзруме в пору хлопот петербургских друзей Пушкина о разрешении издания "Бориса Годунова", выпуск которого в свет не состоялся в 1826 г. из-за неблагоприятного отклика Николая I на представленную ему рукопись трагедии.

Как Монтань, могу сказать... - Пушкин имеет в виду первые строки предисловия Монтеня к его "Essais" ("Опытам"), на которые он также сослался в своем письме к А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г., доказывая, что "Борис Годунов" не дает никаких поводов для ан-

типравительственных толкований.

В числе моих слушателей одного не доставало... - Речь шла о Н. М. Карамзине (умер в 1826 г.), памяти которого Пушкин посвятил свою трагедию по просьбе родных историографа.

1) Это добросовестное произведение (франц.)

Наброски предисловия к трагедии "Борис Годунов" (стр. 299).

2. Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей... Настоящий вариант предисловия, условно датированный 1830 г., подобно письму о "Борисе Годунове", над которым Пушкин работал в начале 1828 г. (см. стр. 280), имеет литературно-теоретический характер, оправдывая избранный Пушкиным жанр трагедии нового типа, опирающейся на "народные законы драмы Шекспировой", а не на "придворный обычай трагедий Расина". Борьба с традициями французского классицизма в русской драматургии представлялась Пушкину необходимой и для назревшего "преобразования нашей сцены".

...в небрежном и простом составлении пла-

нов. - В Большом академическом издании сочинений Пушкина последнее слово ошибочно читается: "типов".

"Ермак" - трагедия А. С. Хомякова, отрывки из которой были опубликованы в "Московском вестнике" 1828 г. и в альманахе "Денница на 1830 год". См. об этой трагедии в статье "О народной драме", стр. 363.

У нас первый пример оному... - Перечисляя примеры использования пятистопного белого стиха в русской драматургии - трагедию Кюхельбекера "Аргивяне" (1823-1825) и трагедию Ротру "Венцеслав", переделанную для русской сцены А. Жандром, Пушкин не упоминает самый ранний опыт популяризации этого стиха в "Орлеанской деве" Жуковского (1818-1821).

...поэту не должно быть площадным... - См. замечания о Ваде в заметке "В зрелой словесности приходит время..." (1828), стр. 291.

1) с любовью (итал.)

Наброски предисловия к трагедии "Борис Годунов" (стр. 299).

3. Дух века требует важных перемен и на сцене драматической... - В академическом издании сочинений Пушкина (т. XI, 1949, стр.

141-142) набросок этот ошибочно присоединен к предыдущему тексту ("Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей..." и пр.) в качестве его концовки.

Поэт... яснее видит, может быть, и недостаточную справедливость требований. - В академическом издании сочинений Пушкина в чтение этой строки вкралась ошибка: "недостатки справедливых требований".

Наброски предисловия к трагедии "Борис Годунов" (стр. 299).

4. Pour une preface. - Дата наброска, судя по водяному знаку автографа ("1830"), - 1830 г. См. следующие фрагменты предисловия. Возможно, что к этому наброску относятся строки письма Пушкина от 9 сентября 1830 г. из Болдина и к П. А. Плетневу: "Что моя трагедия? Я написал элегическое маленькое предисловие..." (см. т. 9).

1)

О романах Вальтера Скотта (стр. 303). Автограф не имеет заголовка. Датируется началом 1830 г. по связи с другими отзывами Пушкина о Вальтере Скотте, относящимися к этому же году, в статьях об "Истории русского народа"

Полевого (см. выше, стр. 37) и о романе "Юрий Милославский" Загоскина (см. выше, стр. 40).

В 1835 г. Пушкин перечитывал В. Скотта, сохранив неизменной свою прежнюю высокую оценку его романов. "Читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении", - писал он жене из Михайловского 25 сентября 1835 г. Сравнение произведений В. Скотта с историческими романами Гюго и Виньи см. в статье "О Мильтоне и переводе "Потерянного рая" Шатобрианом" (стр. 226, 231, 232).

1) напыщенностью (франц.)

2) достоинством (франц.)

3) То, что мне противно... (франц.)

4) что нас очаровывает в историческом романе - это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим (франц.)

5) достоинство и благородство. Они просты в буднях жизни, в их речах нет приподнятости, театральности, даже в торжественных случаях, так как величественное для них обычно. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей (франц.)

Ignorance des seigneurs russes... (стр. 304) -

Заметка, без заголовка, датируется началом 1830 г., так как набросана на том же листе, который занят строками о Вальтере Скотте (см. предыдущее прим.).

Противопоставление "невежества русских бар" высокой культуре английской и французской дворянской интеллигенции, лучшие представители которой совмещают государственную и общественную деятельность с участием в литературной борьбе, тесно связано с аналогичными суждениями Пушкина о русских и западноевропейских журналистах в заметке "Обозрение обозрений" (1832) (см. стр. 374). С еще большей резкостью "тупость" и "ничтожество" русской правящей аристократии противопоставлены мадам де Сталь, представительнице европейской "высшей образованности", в "Рославлеве" (1831) (см. т. 5, стр. 138-139).

Napoleon gazetier. - Пушкин имеет в виду участие Наполеона I в руководстве официальной газетой французского правительства "Монитор" (ср. письмо к Вяземскому от середины июня 1825 г. - т. 9).

Canning poete. - Джордж Кеннинг (1770-

1827), английский государственный деятель, лидер либералов, поэт и публицист.

Brougham. - Генри Брум (1778-1868), английский государственный деятель либерального лагеря, оратор и публицист, один из основателей журнала "Эдинбургское обозрение".

1) Невежество русских бар. Между тем как мемуары, политические произведения, романы - Наполеон-газетчик, Каннинг-поэт, Брум, депутаты, пэры, женщины. У нас баре не умеют писать. Третье сословие. Аристократия (франц.)

Конспект предисловия Ф. Н. Глинки к поэме "Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой" (стр. 304). Конспект исторической части предисловия Ф. Н. Глинки к поэме "Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой" связан с работой Пушкина над статьей об этой поэме (см. выше, стр. 53). Временем публикации статьи (февраль 1830) условно определяется и дата конспекта, явно не законченного.

Разговор о журнальной критике и полемике (стр. 305). Статья, датируемая февралем

1830 г., предназначалась для "Литературной газеты".

...в последнем Э "Галатеи"... - Пушкин имеет в виду анонимную статью (автором ее был, видимо, С. Е. Раич), посвященную разбору альманахов "Денница" и "Северные цветы на 1830 год". Статья опубликована была в "Галатее", 1830, Э 6 и 8. Трудно установить, какой именно из этих двух номеров (они оба вышли в феврале месяце) в данном случае привлек внимание Пушкина, так как резкие выпады против него самого и его литературных друзей (Вяземского, Дельвига, Баратынского, Киреевского) заключались в обоих. О Раиче и его журнале см. стр. 483.

Тем хуже для литературы. - Этой репликой начинался второй лист рукописи Пушкина, представлявший собою продолжение предшествующего текста, в котором остался незачеркнутым первый (нами опущенный) вариант ответа А.: "Позвольте, сперва скажите, что вы называете высшей литературой".

Державин их воспевал... гр. Орлов в бою с ямщиком. - Гр. Орлов Алексей Григорьевич (1737-1808) - убийца Петра III. О его увлечении

кулачными боями Державин упоминал в оде "Фелица" (1782).

Трагедия Хомякова - трагедия "Ермак", характеристика которой дана Пушкиным в наброске статьи о народной драме (см. стр. 363) и в одном из вариантов предисловия к "Борису Годунову" (стр. 301).

Детская книжка (стр. 310). Памфлет, датированный началом 1830 г., предназначался для "Литературной газеты". Пародически используя штампы современной ему литературы для детского чтения, Пушкин дал в "Детской книжке" памфлетные характеристики трех виднейших представителей журналистики 1829-1830 гг.: Н. А. Полевого ("Ветренный мальчик"), П. П. Свинына ("Маленький лжец") и Н. И. Надеждина ("Ванюша, сын приходского дьячка"). Отсутствие в этой галерее образов Булгарина, Каченовского, Раича объясняется, видимо, тем, что памфлет остался недописанным.

Алеша был очень неглупый мальчик... - В письмах к Вяземскому Пушкин еще в 1825 г. характеризовал Полевого как "человека порядочного и честного, но вралю и невежду", а в

ноябре 1826 г. писал ему же, что издатель журнала "должен: 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смыслом, то есть согласовать существительное с прилагательным и связывать их глаголом. А этого-то Полевой и не умеет" (см. т. 9).

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик... - Свинын Павел Петрович (1788-1839), основатель "Отечественных записок", собиратель памятников русской старины, публицист и романист. Его лживость увековечена в басне А. Е. Измайлова "Лжец" и в наброске Пушкина "Криспин приезжает в губернию..." (см. т. 5, стр. 536).

Ванюша, сын приходского дьячка... - Надеждин Николай Иванович (1804-1856), критик и теоретик литературы, профессор Московского университета, ближайший сотрудник "Вестника Европы", сын священника, получивший образование в духовной семинарии, автор резких статей о "Полтаве" и "Графе Нулине". Пушкин отвечал на его выпады в 1829 г. статьями и эпиграммами.

Альманашник (стр. 311). Памфлетный фельетон, тематически и хронологически свя-

занный с заметкой о "Северной звезде" (см. стр. 299), датируется началом 1830 г. Заголовок в автографе отсутствует. О резко отрицательном отношении Пушкина к спекулятивным изданиям альманашного типа см. его письмо к Погодину от 31 августа 1827 г. (т. 9).

Под именем Бесстыдина в сценах "Альманашника" выведен М. А. Бестужев-Рюмин (см. о нем стр. 536), под именем "альманашника" - Н. А. Татищев, субсидировавший издания Бестужева. В воспоминаниях В. П. Бурнашева дана меткая характеристика отношений Бестужева с Татищевым и внешнего облика Бестужева: "Речь его, пересыпанная извозчичьими выражениями, делалась неестественно, по-гостинодворски учливой, с прибавкой "с" почти к каждому слову, когда он хотел с кем-нибудь быть вежлив по-своему" и т. д. ("Русский вестник", 1871, Э 9, стр. 254, и Э 10, стр. 618-619).

...пиши Выжигина. - "Иван Выжигин" - роман Булгарина (1829), см. о нем стр. 80.

...не хуже Орлова... - См. о нем статью "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов", стр. 76.

А. П., Е. Б. и К. П. В. - инициалы Пушкина, Е.

Баратынского и кн. П. А. Вяземского.

...посади меня верхом... - Имеется в виду дешевый извозчий экипаж-"гитара".

1) Семь в руке... девять... Проклятие... девять и семь... девять и семь... девять... (франц.)

Письмо к издателю "Литературной газеты" (стр. 316). Датируется 1830 г. Заголовок в автографе отсутствует.

Письмо к издателю "Литературной газеты" являлось ответом на статью Вяземского "Несколько слов о полемике", опубликованную 27 марта 1830 г. "Между равно благовоспитанными, образованными людьми нередко и в споре бывает обмен насмешек, колкостей, - писал Вяземский, - но из этого не следует, что спор в гостиной между благовоспитанными людьми есть одно и то же, что спор в сенях между лакеями или на улице между черни. По этому соображению, образованный человек, застенчивый по отношению к чести своей, не пойдет в бой неровный, словесный или письменный, с противниками, которые не научились в школе общежития цене выражений и приличиям вежливости. Пойдет ли благородный человек, вооруженный шпагою,

даться на поединке с поденщиком, владеющим палкою? Разумеется, не от страха откажется он от боя: оружие его язвительнее, но законы чести, сии необходимые предрассудки общества, определили, что бой на шпагах благороден, а бой на палках унизителен. Английские нравы, может быть, хороши в Англии, но не в литературе: там знатный лорд должен по первому вызову площадного витязя засучить рукава и действовать кулаками. Есть и в литературе аристократия: аристократия талантов; есть и в литературе площадные витязи; но, по счастью, нет здесь народного обычая, повелевающего литературным джентльменам отвечать на вызовы Джон Буля" ("Литературная газета", 1830, 27 марта, Э 18).

К этой же статье Вяземского Пушкин позднее обращался и в "Разговоре о журнальной критике и полемике" (см. стр. 305) и в "Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений" (стр. 324 и 340).

Но не смешно ли им судить о том, что принято и не принято в свете... "Модная жена" не столь же ли безнравственна, как и "Граф Ну-

лин". - Этот набросок, находящийся в той же рукописи Пушкина, в которой сохранились и другие фрагменты "письма", отделен от них лишь несколькими листами. Его связь с основным текстом документируется не только их тематическим, стилистическим и композиционным единством, но и специальной отметкой Пушкина: во втором абзаце письма, после слов "беда была бы еще небольшая", обозначено самое место вставки: (- -).

Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее... - "Юрий Милославский" М. Н. Загоскина. См. об этом стр. 40.

В обществе вы локтем задели вашего соседа... вы не скажете ему mille pardons. - Строки эти перенесены были Пушкиным в 1836 г. в "Письмо к издателю" (см. стр. 198).

Разница критиковать "Историю государства Российского" и например ***... - В "Письме к издателю" 1836 г. три звездочки уточнены: "романы гг.***". Тут, видимо, речь шла о романах Булгарина и Греча.

У нас вошло в обыкновение... не возражать на критики. - Строки эти почти дословно повторены в заметке "Писатели, известные у

нас под именем аристократов..." (см. стр. 371).

Видок вас обругал. - Именем полицейского агента Видока Пушкин обозначал Булгарина. См. статью "О записках Видока", поэму "Моя родословная" и эпиграммы.

1) модных повестей (англ.)

2) тысяча извинений (франц.)

Литература у нас существует, но критики еще нет... (стр. 320). Условно датируется 1830 г. Более раннюю формулировку этих суждений об отсутствии у нас критики см. в полемике Пушкина с Бестужевым в 1825 г. (стр. 262).

Французские критики имеют свое понятие о романтизме... (стр. 320). Заметка, сохранившаяся в рукописях Пушкина среди набросков статей для "Литературной газеты", датируется 1830 г.

О критике (стр. 320). Условно датируется 1830 г. Заголовок в рукописи отсутствует.

Винкельман Иоганн-Иоахим (1717-1768) - немецкий археолог и искусствовед. В библиотеке Пушкина сохранилась его книга "Histoire de l'art chez les anciens" ("История искусства у древних"), Paris, 1789.

Переводчики... (стр. 321). Датируется 1830 г.

на основании положения заметки в рукописи среди черновиков восьмой главы "Евгения Онегина" и планов "Истории села Горюхина".

О втором томе "Истории русского народа" Н. А. Полевого (стр. 321). Три наброска неоконченной статьи Пушкина о втором томе "Истории русского народа" датируются сентябрем - октябрём 1830 г.

Первый том "Истории русского народа" рецензировался в двух статьях Пушкина в "Литературной газете" 1830 г. (см. выше, стр. 34); второй том "Истории" вышел в свет в конце августа 1830 г. и, как новинка, взят был Пушкиным в Болдино. В первых числах ноября поэт иронически писал Погодину: "Дай бог здоровье Полевому, его второй том со мною и составляет мое утешение". См. также заметки, сделанные Пушкиным при чтении второго тома "Истории русского народа", опубликованные в сб. "Рукою Пушкина", М. - Л. 1935, стр. 167-179 (в наст. изд. не вошло).

...Россия не окрепла и не развилась во время княжеских драк..., но, напротив, ослабла... - Развернутый вариант этих строк см. стр. 431.

Феодализма у нас не было, и тем хуже. - К

проблемам феодализма, привлечшим внимание Пушкина в связи с чтением книги Полевого, он обратился вновь в 1831 г. в -->"заметках по истории французской революции"--> (см. т. 7). Суждения о борьбе московских царей с родовой аристократией и о полном подавлении ее Петром I и Анной Иоанновной были развиты в наброске "Что такое дворянство?" (см. стр. 354).

Гизо Франсуа (1787-1874) - французский историк, публицист и государственный деятель, идеолог буржуазии, автор трудов по истории европейской культуры от падения Римской империи до французской революции.

Полиньяк Жюль, князь (1780-1847) - французский реакционный политический деятель, глава кабинета министров, свергнутого июльской революцией 1830 г.

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений (стр. 324). Печатается по черновым автографам, частично опубликованным, как ничем не связанные между собою литературно-полемические наброски и отрывки, в посмертном издании "Сочинений А. Пушкина" в 1841 г., П. В. Анненковым в 1855 г.

и В. Е. Якушкиным в 1884 г. В настоящей редакции, с существенными уточнениями прежде известного текста, не в произвольном порядке случайных "критических заметок", а как определенные части статьи "Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений", впервые напечатано Ю. Г. Оксманом в Полном собр. соч. Пушкина в 1930 г. В иной композиции, обусловленной задачей восстановления начальной редакции статьи (см. далее, стр. 553), опубликовано в академическом издании сочинений Пушкина (т. XI, 1949, стр. 166-174).

Статья задумана была Пушкиным в Болдине осенью 1830г. Первые ее черновые листы (до раздела "Один из великих наших сограждан сказал однажды мне..." и пр.) имеют дату: 2 октября. В письме от 4 ноября 1830 г. к Дельвигу Пушкин сообщал: "Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело - и кого надлежит душиить, Полевого или Булгарина". Об этом же Пушкин писал из Болдина 5 ноября П. А. Вяземскому (см. т. 9).

Первоначально Пушкин никак не отделял

в ответах своим критикам литературных обвинений от нелитературных, причем имел в виду все отзывы о себе, а не только последние, наиболее оскорбительные и несправедливые. Широта этого замысла не подрывалась и отсутствием в Болдине газет и журналов, в которых рецензировались произведения Пушкина. Поэт хорошо, видимо, помнил все, сколько-нибудь существенные, критические замечания, которые ему когда-либо были сделаны и в печати, и в устных спорах, и письменно. Статья получала поэтому в некоторых своих частях определенное мемуарное звучание, особенно в тех случаях, когда речь шла в ней об особенностях восприятия первых поэм Пушкина его друзьями - К. Ф. Рылеевым, А. Н. и Н. Н. Раевскими, П. А. Вяземским.

Трудно сказать, как были бы использованы в окончательной редакции задуманной Пушкиным большой полемической статьи все дошедшие до нас ее наброски, если бы сам поэт не отказался от своего начального замысла. Новый его вариант опирался на менее широкий литературно-полемический материал, но зато приобретал более острую пам-

флетную направленность и общественно-политическую актуальность.

В бумагах Пушкина сохранилось два плана новой статьи. Первый из них был очень краток (см. стр. 432). Второй план был гораздо более конкретен и развернут даже по главам (см. там же). Он имел и заголовок: "Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений".

Работая над планом "Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений", Пушкин закреплял в нем порядок размещения только наиболее значительных из своих полемических заметок, не оговаривая всех попутных разъяснений и иллюстраций к основным темам. Предлагаемая нами композиция "Опыта" определяется поэтому не только его планом, но и учетом всех особенностей положения тех или иных частей статьи в рукописях Пушкина, равно как и его разъяснениями и поправками в тексте и на полях (вставки, замены, перестановки и т. п.). Некоторые части статьи остались ненаписанными. Так, судя по ее плану, мы не располагаем ни заключением "Опыта", ни очерком "О Ви-

доке", намечавшимся для второго раздела (под именем Видока Пушкин всегда разумел Булгарина), ни, наконец, заметкой "О знаменитостях", в которой Пушкин предполагал, видимо, ответить на статью Полевого о "Невском альманахе на 1830 год" ("Московский телеграф", 1830, Э 3, стр. 355-359). В этой статье Полевой, отмечая отсутствие в "Невском альманахе" "знаменитых имен Пушкина, Баратынского, Вяземского" и других "литературных аристократов", заявлял, что жалеть об этом нечего, так как "произведения их перестали быть ценным украшением альманахов".

Сколь ни удален я моими привычками... - Эпиграф взят из письма Роберта Соути к издателю газеты "Курьер" (1822).

Можно не удостоивать ответом своих критиков (как аристократически говорит сам о себе издатель "Истории русского народа")... - Пушкин имеет в виду статью Полевого в "Московском телеграфе", 1830, т. XXXIII, Э 9, стр. 103.

Пэан 12 года - "Певец во стане русских воинов" Жуковского.

...печатный лист кажется святым... - Из сатиры И. И. Дмитриева "Чужой толк" (1794).

Et moi... sont tres bons. - Из комедии Мольера "Мизантроп".

Один из великих наших сограждан... - Н. М. Карамзин, о котором см. в сохранившихся частях автобиографических записок Пушкина (->т. 7-->).

...который в своем журнале напечатал умерительный анекдот о двух китайских журналистах... - Пушкин имеет в виду статью Булгарина о распре Каченовского с Полевым ("Северная пчела", 1829, Э 33). См. выше "Отрывок из литературных летописей".

Что за аристократическая гордость позволять всякому негодяю швырять в вас грязью. - См. выше высказывания об этом же в "Разговоре о журнальной критике и полемике", стр. 308.

Один из наших литераторов... отказывался от пистолетов... - Намек на Булгарина, вызванного на дуэль Дельвигом. См. об этом "Table-talk" (-->т. 7-->).

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, под-

ражатель Байрону... - Пушкин имеет в виду "Анекдот", напечатанный Булгариным в "Северной пчеле", 1830, Э 30. В этом фельетоне о столкновении двух якобы "французских" литераторов Булгарин очень прозрачно противопоставил себя Пушкину. Ответом последнего явился памфлет "О записках Видока" (см. выше, стр. 63).

Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать и далее. - Пушкин имеет в виду использование Булгариным в романе "Димитрий Самозванец" (1829) некоторых страниц из трагедии "Борис Годунов" (1825), известной ему в рукописи (см. далее, стр. 350 и 556).

"Сам съешь" есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. - Об этом Пушкин писал еще 13 сентября 1825 г. П. А. Вяземскому: "Сам съешь! Заметил ли ты, что все наши журнальные антикритики основаны на "сам съешь"? Булгарин говорит Федорову: "Ты лжешь", - Федоров говорит Булгариному: "Сам ты лжешь". Пинский говорит Полевому: "Ты невежда", - Полевой возражает Пинскому: "Ты сам невежда". Один кричит: "Ты крадешь!" -

другой: "Сам ты крадешь!" - И все правы" (см. т. 9).

...колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею... - Эпиграмма Баратынского "Писачка в Фебов двор явился" ("Литературная газета", 1830, Э 33), на которую Полевой отвечал в "Московском телеграфе" эпиграммой "Пришел поэт и пущен на Парнас".

Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек. - Об эпиграмме Пушкина "Мое собрание насекомых" и об откликах на нее см. стр. 484.

Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратьев за то, что он не дворянин. - Пушкин имеет в виду глумление Булгарина в "Северной пчеле" (1825) над "купеческим званием" Н. А. Полевого, в защиту которого резко выступил П. А. Вяземский.

Нашли его (с позволения сказать) похабным...- Пушкин имеет в виду статьи Н. И. Надеждина в "Вестнике Европы" 1829 и 1830 гг. Первоначальной формой ответа на обвинения поэмы "Граф Нулин" в безнравственности

было недописанное Пушкиным письмо в редакцию "Литературной газеты" (см. стр. 316-319).

Отвратительная Канидия. - Под именем "Канидии" (от canus - седой) Гораций в своих сатирах бичевал неаполитанскую отравительницу и гадалку Гратидию.

В альманахе, изданном г-ном Федоровым... - Об этом см. выше в заметке о публикациях Ап. в "Северной звезде" (стр. 299).

Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха... - См. стр. 299.

Отчего издателя "Литературной газеты" и его сотрудников называют аристократами... - Об этом см. выше в набросках неоконченного письма к издателю "Литературной газеты" (стр. 318) и в заметке о статьях кн. Вяземского (стр.59).

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой... был куплен шкипером за бутылку рому. - Пушкин имеет в виду фельетон Булгарина ("Второе письмо из Карлова") в "Северной пчеле" от 7 августа 1830 г., Э 94. Пушкин был в этом письме выведен под именем некоего "поэта в Испанской

Америке, подражателя Байрона, происходившего от мулата". Поэт этот "стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому". Пушкин ответил на эти выпады в "Моей родословной" (1830).

Послание к князю **. - Послание "К вельможе"; ("От северных оков освобождая мир..."). Адресатом его был князь Н. Б. Юсупов (см. т. 2, стр. 289-292), самый образ которого в послании был далек от какой бы то ни было идеализации, что и вызвало "недовольство" в кругу родных и близких "вельможи".

Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата... Пушкин имеет в виду памфлетную сценку "Утро в кабинете знатного барина", опубликованную Н. А. Полевым в "Новом живописце общества и литературы", выходившем в виде прибавления к "Московскому телеграфу" (1830, ч. 32, ,Э 10, стр. 170-171). См. об этом же эпизоде стр. 574.

...в статейке, заимствованной у "Минервы"... - В рукописи описка: "у Мервы" (ошибочно читалось "у Мерсье"). "Минерва" - французский журнал, выходивший с 1818 по 1820 г. под редакцией Бенжамена Констана. В этом журнале печатались известные фельетоны Жуи под названием "Пустынник в провинции", в которых основное место занимали сатирические очерки современного провинциального быта.

Примечание. Будем справедливы... - В академическом издании сочинений Пушкина ошибочно отнесено к следующей заметке.

Род мой один из самых старинных дворянских. - Перед этим в рукописи зачеркнуто: "В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать - дворянин во мещанстве". В наброске плана этого раздела статьи значится: "Древние, нынешние обряды. Кто бы я ни был, не отрекусь, хотя я беден и ничтожен. Рача, Гаврила Пушкин. Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II гонимы. Гоним и я". Ср. "Мою родословную" (1830).

Мы приходим от прусского выходца Радши... - Вся историко-генеалогическая часть "Опыта" впоследствии была переработана Пушкиным в его заметках о родословной Пушкиных и Ганнибалов (см. -->т. 7-->).

См. Рюлиера и Кастера. - Пушкин имеет в виду запрещенные в России книги Клода Рюлиера "Histoire ou anecdotes sur la Revolution de Russe en 1762" (Paris, 1797) и Ж. Кастера "Histoire de Catherine II" (Paris, 1800).

Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях. Далее зачеркнуто: "Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместья скоро исчезнут. Имя их останется честным, единственным достоянием темных потомков некогда знатного боярского рода. Я русский дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона".

...я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились ...иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, то есть историей отечества. - См. высказывания об этом же в "Романе в письмах" (письмо VIII), в набросках

повести "Гости съезжались на дачу" (см. т. 5) и в "Моей родословной" (см. т. 2).

...я видел родословную Суворова, писанную им самим... - Пушкин имеет в виду "Собственноручную записку графа А. В. Суворова об его службе и происхождении его фамилии", опубликованную в "Северном архиве", 1823, т. V.

Читал ты замечание в Э 45 "Литературной газеты"... - Печатается по автографу, впервые частично опубликованному П. В. Анненковым в 1873 и 1880 гг.; точнее и полнее В. Е. Якушкиным в 1884 г. Судя по заключительным его строкам, этот разговор предназначался Пушкиным для отдельной публикации в "Литературной газете", но в связи с замыслом "Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений" подлежал перемещению в эту статью в качестве особого раздела (см. стр. 432).

...где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия? - Пушкин имеет в виду анонимную заметку "Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...",

которая заканчивалась словами: "Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приутожили крики: Аристократов к фонарю и ничуть не забавные куплеты с припевом: "Повесим их, повесим. Avis au lecteur" ("Литературная газета", 9 августа 1830 г., Э 45, стр. 72).

Заметка "Новые выходки..." (автором ее был, видимо, Дельви́г) являлась ответом на "Второе письмо из Карлова", помещенное Булгариным в "Северной пчеле", 1830, Э 94. В этом "письме", продолжавшем полемику с "Литературной газетой" по вопросу о "литературной аристократии", допущен был ряд личных выпадов по адресу Пушкина и его единомышленников. Заметка "Новые выходки..." вызвала недовольство шефа жандармов Бенкендорфа, потребовавшего у министра народного просвещения кн. Ливена объяснений, почему Санкт-Петербургский цензурный комитет допустил публикацию этой статьи и не учел при этом "особенных политических обстоятельств нынешнего времени" (речь шла об июльской революции 1830 г.). Результатом

этой официальной переписки явился "строгий выговор" Дельвигу, как издателю "Литературной газеты", после чего полемика о "литературной аристократии" была запрещена.

...добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор... - Тома Антуан-Леонард (1732-1785), Дюкло Шарль (1704-1772), Шамфор Никола (1741-1794) - французские публицисты предреволюционной поры.

...какого ты мнения о Полиньяке? - Полиньяк Жюль - см. о нем стр. 545.

Что значат эти точки?.. - тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил. - Пушкин имеет в виду концовку статьи Булгарина об "Истории русского народа" Полевого, в которой говорилось по поводу "Литературной газеты": "Читая в журналах грубую брань, клеветы, сплетни, гнусные выходки зависти рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выводим заключение, которое... не идет в печать" ("Северная пчела" от 13 сентября 1830 г., Э 110).

Издеваться над ним... даже неблагоприятно. - Далее зачеркнуто: "Положим, что эпиграммы демократических французских писа-

телей приутоновили крики les aristocrates a la lanterne, у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие..."

...некоторые журналы вступились с такою братскою горячностью за "Северную пчелу"... - Пушкин имеет в виду протесты против статьи "Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии", получившие выражение в статьях Н. А. Полевого ("Московский телеграф", 1830, Э 14, стр. 240-243) и С. Е. Раича ("Галатей", 1830, Э 34, стр. 134-137).

1) А я утверждаю, что стихи мои хороши (франц.)

2) как человек благородного происхождения, оскорбляет и не дерется (франц.)

3) Над этим посмеялись, я сам еще смеюсь (франц.)

4) Однако вы очень податливы на искушение,

И тело производит сильное впечатление на ваши чувства!

Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.

Я совсем не так быстра на плотские желания,

И когда б я увидела вас голым с головы до пят,

Вся ваша кожа меня бы не соблазнила
(франц.)

5) как человек благородного происхождения, оскорбляют и не дерутся (франц.)

6) аристократов на фонарь (франц.)

7) Пойдет (франц.)

8) Кстати (франц.)

9) предупреждение читателю (франц.)

10) они не так глупы (франц.)

Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения (стр. 342). Печатается по автографам, частично опубликованным в виде разрозненных литературно-критических заметок в посмертном издании "Сочинений А. Пушкина" в 1841 г., П. В. Анненковым в 1855 г., В. Е. Якушкиным в 1884 г. В позднейших изданиях сочинений Пушкина некоторые из этих набросков объединялись в те или иные самостоятельные тематические циклы, самое число и состав которых не отличались устойчивостью. В композиции, мотивируе-

мой местом этих набросков в рукописи, единством их происхождения и назначения впервые в настоящем издании.

Литературно-полемические разъяснения, условно объединяемые в шести разделах настоящей публикации, тематически, хронологически и топографически тесно связаны с заметками, которые сам Пушкин предполагал включить в статью "Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений". И те и другие материалы первоначально предназначались для одной статьи, над которой он работал в Болдине в октябре - ноябре 1830 г. (см. выше, стр. 545), но после того как значительная часть заготовленных Пушкиным фрагментов переключена была в "Опыт", сам поэт никак не определил своего отношения к судьбе полемических и автобиографических набросков, оказавшихся за пределами нового замысла. Возможно, конечно, что все эти заготовки оформились бы впоследствии в особую статью, посвященную опровержению уже чисто литературных обвинений, но после возвращения из Болдина Пушкин должен был отказаться от активного участия в "Литера-

турной газете", в связи с чем ему не пришлось использовать эти материалы в печати. Из них частично опубликованы были поэтом только заметки о "Полтаве" (см. стр. 74-76).

В академическом издании сочинений Пушкина литературно-полемические наброски и заметки болдинской поры объединены были в статье, условно озаглавленной "Опровержение на критики" (т. XI, 1949, стр. 143-163), причем в эту же публикацию включена была и большая часть отрывков из "Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений" (о "Графе Нулине", о "Полтаве", о публикациях стихотворений Пушкина в "Северной пчеле", о роде Пушкиных, о выступлениях "Северной пчелы" против "Литературной газеты" и т. п.). Эта произвольная композиция, реставрирующая начальную, а не последнюю редакцию статьи, потребовала к тому же печатания некоторых заметок Пушкина дважды - один раз в "Опровержении на критики", другой - в "Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений".

Заголовок статьи дан нами с учетом следующих строк самого Пушкина в первой редак-

ции его введения к статье: "Нынче в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения". Ср. измененную редакцию этих строк в "Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений", стр. 326.

Строки от: Будучи русским писателем до могут быть довольны, - которыми Пушкин начал свои литературно-полемические заметки в Болдине 2 октября 1830 г., были затем зачеркнуты в связи с перемещением в "Опыт" концовки абзаца ("Если в течение 16-летней авторской жизни..." и далее см. стр. 325).

1. .

Кроме одной статьи в "Вестнике Европы"... - "Письмо к редактору", опубликованное в "Вестнике Европы", 1820, Э 11, за подписью "Житель Бутырской слободы".

..."вопросов", изобличающих слабость создания поэмы... - Статья Д. П. Зыкова, друга и единомышленника Катенина, в "Сыне отечества", 1820, Э 38, с рядом вопросов, адресован-

ных как к самому Пушкину, так и к его критикам. Об этой статье Пушкин сочувственно упомянул в предисловии ко второму изданию "Руслана и Людмилы".

Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя... - Пушкин имеет в виду следующие строки письма Рылеева, полученного им в апреле 1825 г.: "Цыган слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь, и нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом?" (К. Ф. Рылеев, Стихотворения. Статьи. Письма, М. 1956, стр. 306).

Вяземский повторил то же замечание. - В рецензии на "Цыган" Вяземский отмечал: "Если непременно нужно свести Алеко в совершенный цыганский быт, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми" ("Московский телеграф", 1827, Э 10).

2. . О позднейшем обращении Пушкина к этим заметкам свидетельствует учет некоторых их деталей в примечаниях к первому изданию "Евгения Онегина" в 1833 г.

Разбор сих глав, напечатанный в "Атенеи"... - Об этом см. набросок статьи, над которой Пушкин работал в 1828 г. (стр. 284 и 531).

...критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок... Перечисляя далее эти ошибки, Пушкин имел в виду стихи в поэмах "Кавказский пленник", часть I ("Остановлял он долго взор // На отдаленные громады") и "Руслан и Людмила", песнь III ("На теме полунощных гор"), строку в стихотворении "Буря" ("И ветер воил и играл"), примечание к "Полтаве" ("Мазепа сватал свою крестницу, но был отказан") и одно слово в "Борисе Годунове", сцена: "Ночь. Келья в Чудовом монастыре" ("Он говорил игумену и братьи"). Все эти ошибки были исправлены Пушкиным в ближайших переизданиях названных произведений.

...а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г.**. - В начале 1830 г. Пушкин писал о "некоторых погрешностях противу языка" в известном романе Загоскина "Юрий Милославский". Возможно, что его же имел он в виду, говоря о "Г ***". Расшифровка "Г***" в некоторых изданиях, как "Гоголь", лишена

всяких оснований, так как Пушкин осенью 1830 г. еще не читал и не знал Гоголя, печатавшегося к тому же в это время только под псевдонимами.

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. - Заметка эта была частично использована в предисловии к изданию последней главы "Евгения Онегина" в 1832 г.

Г-н Федоров, в журнале, который начал было издавать... - Рецензия Б. М. Федорова появилась в "С.-Петербургском зрителе", 1828, кн. I. С этой же рецензией Пушкин полемизировал впоследствии в одном из примечаний к первому полному изданию своего романа.

Критику 7-й песни в "Северной пчеле"... - Отклик Пушкина на эту рецензию см. выше в его предисловии к последним главам "Евгения Онегина", стр. 357-359.

...описание Москвы взято из "Ивана Выжигина"... - Пушкин имеет в виду строки рецензии Булгарина о том, что он якобы "взял обильную дань из "Горя от ума" и... из другой известной книги".

...Булгарин не сказывает, что трагедия "Бо-

рис Годунов" взята из его романа. - Об этом см. след. прим.

3. . Последние строки заметки (от слов "Раскрыв наудачу исторический роман...") в рукописи зачеркнуты. Первоначально Пушкин предполагал использовать материал этой заметки в одном из набросков предисловия к своей трагедии. Об этом свидетельствует его письмо к Плетневу от начала мая 1830 г.: "Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал. Пушкину, являясь перед Россией с "Борисом Годуновым", заговорить об Фаддее Булгарине? Кажется, не прилично. Как ты думаешь? Реши" (см. т. 9).

...главные сцены... искажены в чужих подражаниях. - Пушкин усмотрел в романе Булгарина "Димитрий Самозванец" (1830) несколько заимствований из "Бориса Годунова", с рукописью которого Булгарин познакомился, составляя по поручению III Отделения записку о трагедии для царя. См. выше заметку "Недавно в Пекине случилось..." (стр. 328).

4. . Заметка является одним из трех набросков о "Полтаве", датируемых октябрём 1830 г.

Первые два объединены были Пушкиным в статье, опубликованной им в альманахе "Денница на 1831 год" (см. выше, стр. 74-78).

...я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства. - Как свидетельствуют недавно опубликованные рукописи поэмы "Войнаровский", Рылеев не прошел мимо того трагического эпизода биографии Мазепы, который был связан с именами Кочубея и его дочери. Однако из окончательной редакции поэмы эта сюжетная деталь была исключена.

5. . О намерении Пушкина включить эту заметку в "Опыт отражения" свидетельствует план последнего, в котором зачеркнута строка: "О цене "Евгения Онегина".

Отповедь Пушкина вызвана анонимной заметкой в "Северной пчеле": "VII глава "Онегина" стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 к. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12-ю долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей. Первая часть сего романа в стихах еще не вышла в свет, а потому и невозможно определить цены целого сочинения" ("Северная пче-

ла" от 3 апреля, 1830, Э 40).

...Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire) ... - Пушкин имеет в виду формулировку П. А. Вяземского, который в своей полемике с М. А. Дмитриевым по поводу предисловия к "Бахчисарайскому фонтану" замечал: "У нас слово народный отвечает одно двум французским словам: populaire et national" ("Дамский журнал", 1824, Э 8). Об отношении Пушкина к Крылову см. стр. 15.

6. Шутки наших критиков... Об отказе Пушкина от первоначального намерения включить эту заметку в "Опыт отражения" см. стр. 432.

...в прошлом 1830 году... - Строки эти писались в конце 1830 г., но Пушкин рассчитывал на появление их в печати лишь в следующем году.

Это хи-хи... перепечатали с большой похвалой в "Северной пчеле"... Строки эти перепечатаны были из "Вестника Европы" не в "Северной пчеле", а в "Сыне отечества" (1830, Э 16, стр. 243). Ошибка Пушкина объясняется тем, что оба эти издания выходили под редак-

цией Булгарина и Греча.

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности... - Статья И. В. Киреевского "Обозрение русской словесности 1829 г.", помещенная в альманахе "Денница на 1830 год" подробно рецензирована была Пушкиным в "Литературной газете" (см. стр. 44-53).

1) но тем лучше (итал.)

2) Следовательно (лат.)

3) самого национального и самого народного (франц.)

Заметки о русском дворянстве (стр. 352).

1. Что такое дворянство? Дата наброска условно определяется октябрем ноябрем 1830 г., по связи его тематики с одним из разделов статьи "Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений", где речь должна была идти специально "о дворянстве" (см. стр. 432). К осени 1830 г. относятся и заметки Пушкина о втором томе "Истории русского народа" Полевого. Одна из этих заметок (см. стр. 431) совершенно непосредственно связана с концовкой наброска "Что такое дворянство?".

16 марта 1830 г. Пушкин писал П. А. Вязем-

скому: "Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра... Правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных - вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу". Законопроекты, о которых сообщал Пушкин, действительно внесены были 6 марта 1830 г. в Государственный совет, но встретили сопротивление правящей аристократии, а после июльской революции 1830 г. и польского восстания и вовсе были сняты с обсуждения. К планам статьи о русском дворянстве и о его судьбах (эта проблематика впервые получила отражение в "Романе в письмах", 1829, и в одном из набросков повести "Гости съезжались на дачу...", 1830) Пушкин возвратился в 1833-1834 гг., в пору работ над -->"Историей Пугачева"--> и изучения "Путешествия из Петербурга в Москву" Радищева. См. далее набросок "Русское дворянство что ныне значит?", стр. 407, и запись -->в дневнике Пушкина--> от 22 декабря 1834 г. о его споре с

вел. кн. Михаилом Павловичем по поводу закона о почетном гражданстве (т. 7).

Отчего г. Полевой говорит, что они были наравне со смердами? - Пушкин имеет в виду следующие строки: "Деление сословий народных на аристократов, духовенство и народ после Ярослава существовало уже решительно на Руси. Но аристократизм существовал, собственно, только в отношении к народу: перед лицом князя все сливалось в одно звание: рабов. Его первый чиновник и последний смерд были пред ним равны" ("История русского народа", т. 2, М. 1830, стр. 87).

Уничтожение дворянства чинами... Падение постепенное дворянства. Рассуждения Пушкина о "дворянстве потомственном" и о его политических функциях, уничтоженных "Табелью о рангах" Петра I, очень близки высказываниям на эти же темы Н. М. Карамзина в его "Записке о древней и новой России" (1811).

2. *Attentat de Феодор...* - Дата наброска определяется условно концом 1830 г. на основании его тесной тематической связи с заметками "Что такое дворянство?".

Attentat de Феодор. - Пушкин имеет в виду уничтожение местничества царем Феодором Алексеевичем в 1682 г. Сочувственный отзыв Пушкина об этом акте см. в "Отрывках из писем, мыслях и замечаниях", 1827 (стр. 19). Строки о местничестве в диалоге царя и Басманова в "Борисе Годунове".

Указ de 1714. - Закон о единонаследии.

...les rangs - chute de la noblesse... - О "Табели о рангах" (1722) и об "уничтожении дворянства чинами" см. выше прим. к наброскам "Что такое дворянство?".

Opposition des Dolgorouky. - Князя В. Л., А. Г. и А.И. Долгорукие, члены Верховного тайного совета, представители русской родовой аристократии, боролись в 1730 г. за ограничение царской власти путем олигархической конституции. В черновой редакции главы второй "Путешествия из Москвы в Петербург" Пушкин писал: "После смерти Петра, когда старая наша аристократия на минуту возыме-ла свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей, но смерть молодого Петра II, возведение на престол Анны Иоанновны снова

утвердило за молодым Петербургом его недавние права".

Opposition de Panine. - Панин Никита Иванович (1718-1783) - глава Коллегии иностранных дел в первые годы царствования Екатерины II, впоследствии лидер дворянской оппозиции, автор проекта аристократической конституции.

Новосильцов, Чарторижский, Кочубей - ближайшие сотрудники Александра I в пору реформ первых лет его царствования.

Speransky, popovitch turbulent et ignore... - Сперанский Михаил Михайлович (1772-1839) - статс-секретарь, по происхождению сын сельского священника, вдохновитель и фактический руководитель всех мероприятий по реорганизации высшего государственного аппарата с 1808 по 1812 г., расходившихся с интересами помещного дворянства и придворной аристократии. Об отношении к нему Пушкина см. в -->дневнике последнего от 25 марта 1834 г.--> (т. 7). Первоисточник французской отрицательной характеристики Сперанского не обнаружен.

1) монарха (франц.)

2) оплот (франц.)

3)

Об Альфреде Мюссе (стр. 355). Дата: 24 октября 1830 г. Заметка, тематически очень близкая наброскам возражений Пушкина критикам поэмы "Граф Нулин", предназначалась для "Литературной газеты". Заголовок в автографе отсутствует.

Альфред де Мюссе (1810-1857) - французский поэт и романист, выпустивший в 1829 г. свой первый сборник стихотворений, поэм и драматических сцен под названием "Contes d'Espagne et d'Italie". В январе 1836 г. П. А. Вяземский писал о Мюссе А. И. Тургеневу: "Скажи ему, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил и *faisait ses farces dans "Les contes espagnols"* ("Остафьевский архив", т. III, 1899, стр. 289).

...сладкозвучный, но однообразный Ламартин... - Об отношении к нему Пушкина см. в наст. томе стр. 376 и 567.

...важный Victor Hugo... - См. далее развернутую характеристику В. Гюго, как поэта, в наброске "Всемирно известно, что французы народ самый антипоэтический..." (стр. 376),

...бедный скептик Делорм... - См. выше рецензию Пушкина на сборник Сент-Бева "Vie, poesies et pensees de Joseph Delorme" (стр. 66-73).

Воспеваает луну такими стихами... - В первый сборник произведений Мюссе вошла его "Ballade a la lune", в которой поэт сравнивал луну с точкой над "i", с глазом кривого, с железным циферблатом, и пр.

...гг. Лагарп, Гофман и Кольне. - О Лагарпе см. стр. 494; Гофман Франсуа-Бенуа (1760-1828) и Кольне дю Равель (1768-1832) - французские критики, эпигоны классицизма.

Difficile est proprie communia dicere. - Эпиграф к поэме Байрона "Дон-Жуан", взятый из послания Горация к Пизонам об искусстве поэзии.

Предисловие к "Евгению Онегину" (стр. 357). Предназначалось для несостоявшегося издания последних глав романа, в котором "Путешествие Онегина" печаталось в качестве восьмой главы.

...странно было мне читать, например, следующий отзыв... - Далее Пушкин цитирует рецензию Булгарина на седьмую главу "Онеги-

на" в "Северной пчеле", 1830, Э 35 и 39, от 22 марта и 1 апреля. О ней же упоминается и в наброске "Критику 7-й песни в "Северной пчеле"..." (см. стр. 349-350).

...находят "Евгения Онегина" ниже "Евгения Вельского". - "Евгений Вельский", анонимный "роман в стихах", очень примитивное подражание роману Пушкина. Первая его глава вышла в Москве в 1828 г., вторая и третья в 1829 г.

В одном из наших журналов сказано было... - Пушкин имеет в виду строки из рецензии Полевого на седьмую главу "Евгения Онегина" в "Московском телеграфе", 1830, Э 6, стр. 240.

О народной драме и о "Марфе Посаднице" М. П. Погодина (стр. 359). Заголовок в автографе отсутствует. Заметки о народной драме, тесно связанные с кругом идей о классической и романтической драматургии, получивших выражение в "письмах" о "Борисе Годунове" (см. стр. 280 и 292) и в набросках предисловия к нему (стр. 299-303), датируются концом ноября 1830 г.

Корнель, поэт испанский. - Трагедии Кор-

неля создавались под влиянием испанской драматургии.

..мы все еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда... - Готшед Иоганн-Кристоф (1700-1766) - немецкий теоретик литературы, популяризатор поэтики классицизма.

У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. Ликторы - представители низшего полицейского аппарата в древнем Риме, персонажи трагедии Шекспира "Кориолан"; алдерманы - выборные чины городского самоуправления и суда в Англии.

...а Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. - Ни в одной трагедии Корнеля в числе действующих лиц нет Клитемнестры. Пушкин, видимо, ошибся, имея в виду Клитемнестру в трагедии Расина "Ифигения в Авлиде".

Филоктет, Эдип - герои одноименных трагедий Софокла.

Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги... - Суждения Пушкина о некоторых традициях народной драмы в придворном театре XVI-XVII вв. близки концепции Ф. Гизо,

изложенной в его биографии Шекспира ("Vie de Shakespeare"), которая была опубликована в 1821 г. в качестве вводной статьи к новому изданию Полного собр. соч. Шекспира в переводе на французский язык ("Oeuvres completes de Shakespeare, traduites de l'anglais par Letourneur", Paris, 1821-1822). Это издание сохранилось в библиотеке Пушкина.

У Расина... Нерон не скажет... Агамемнон будит своего наперсника... Нерон и Агамемнон - персонажи трагедий Расина "Британик" и "Ифигения в Авлиде". Их реплики взяты Пушкиным из этих трагедий.

...герои выражаются в трагедиях Шекспира как конюхи... - О просторечии героев Шекспира см. выше в заметках "О романах Вальтера Скотта", стр. 304.

...Сумароков, несчастнейший из подражателей. - Об отрицательном отношении Пушкина к драматургии Сумарокова см. его замечания на полях статьи Вяземского "О жизни и сочинениях В. А. Озерова" (т. 7).

Озеров... попытался дать нам трагедию народную... - См. об этом выше в статье "О народности в литературе", стр. 267.

...поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и еврейской истории. - Пушкин имеет в виду Расина.

...после "Пожарского", произведения незрелого таланта... - Автором пьесы "Пожарский, или Освобожденная Москва" (1807) был М. В. Крюковской.

..."Ермак" ...не есть произведение драматическое. - Об этой трагедии А. С. Хомякова см. стр. 301.

Две драматические сатиры - комедии "Недоросль" Фонвизина и "Горе от ума" Грибоедова.

Перед нами, однако ж, опыт народной трагедии... - Пушкин имеет в виду рукопись трагедии М. П. Погодина "Марфа Посадница", которую ее автор предполагал издать анонимно.

Трагедия "Марфа Посадница", первые сцены которой Пушкин слышал в чтении Погодина еще в мае 1830 г. в Москве, прислана была им в Болдино по просьбе самого поэта. В последних числах ноября 1830 г. Пушкин известил Погодина о том, что получил его трагедию и "прочел ее два раза духом". Несмотря

на многочисленные недостатки, особенно в "слоге и языке", Пушкин высоко оценил трагедию, обещая Погодину разобрать ее "как можно пространнее". Многие из замечаний о "Марфе Посаднице", сделанных поэтом в письме к Погодину, предваряли его критические наброски об этой пьесе. Близкое участие принял Пушкин и в хлопотах о получении в высших цензурно-полицейских кругах разрешения на публикацию пьесы Погодина. В письме к Плетневу от 26 марта 1831 г. Пушкин назвал "Марфу Посадницу" произведением "чрезвычайно замечательным, несмотря на неравенство общего достоинства и слабости стихосложения" (ср. письмо Погодину от 11 июля 1832 г. - т. 10).

1) герой, король комедии (франц.)

2) Я спрячусь в этой комнате (франц)

3) Сокрытый близ сих мест, я вас узрю, гос-пожа (франц.)

4) Да, это Агамемнон, это твой царь тебя будит.

Приди, узнай голос, поражающий твой слух (франц.)

О русской словесности (стр. 367). Набросок,

условно датируемый осенью 1830 г., впоследствии использован был Пушкиным в статье "О ничтожестве литературы русской" (1834) (см. стр. 407). Заголовок в автографе отсутствует.

Уважение к минувшему - вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства. - Первую редакцию этих строк, предназначавшихся, вероятно, для эпиграфа к статье о русской словесности, см. выше в статье "Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений", стр. 337.

Заметка о поэме "Граф Нулин" (стр. 368). Заголовок в автографе отсутствует. Условно датируется осенью 1830 г., по связи с другими заметками этого рода.

...Публикола не взбесился бы. - В тексте здесь, видимо, описка, так как мужем Лукреции был не Публикола, а Коллатин, упоминаемый Титом Ливием в его передаче римской легенды об изгнании царей и в поэме Шекспира "Лукреция".

...происшествию в Новоржевском уезде. - Случай с А. Н. Вульфом, приятелем Пушкина.

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов... (стр. 368). Заголовок в автографе отсутствует. Условно датируется концом 1830 - началом 1831 г. (водяной знак бумаги "1830"), так как Пушкин, говоря в этой статье о двух стихотворных повестях Баратынского ("Бал" и "Эда"), не знает еще о третьей ("Наложница"), вышедшей в свет весной 1831 г.

В набросках этой статьи, предназначавшейся для "Литературной газеты", Пушкин использовал свои же предыдущие заметки о творчестве Баратынского (см. стр. 271 и 288), а также письмо, полученное им от последнего около начала марта 1828 г. "Я думаю, - писал Баратынский, - что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех: за него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большею обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза".

Класс читателей ограничен, и им управляют журналы... безо всяких основательных правил и сведений, а большею частью по личным расчетам. Строки эти были использованы Пушкиным в статье "Путешествие из Москвы в Петербург" (см. стр. 384).

Певец Пенатов и Тавриды - К. Н. Батюшков. Перечтите его "Эду"... - Высокую оценку "Эды" см. в письмах Пушкина от 20 февраля 1826 г. к А. А. Дельвигу и П. А. Осиповой.

1)Словцо, украшенное двумя рифмами.

Писатели, известные у нас под именем аристократов... (стр. 371). Заметка (без заголовка), предназначенная для "Литературной газеты" и датируемая началом 1831 г., тематически тесно связана с набросками письма к издателю "Литературной газеты" (стр. 316-319), с "Разговором" о журнальной критике и полемике (стр. 308) и с "Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений" (стр. 334).

...журналы назвали их так в шутку, иронически... - Об этом см. стр. 334.

Один аристократ... извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связывать-

ся... - Пушкин имеет в виду кн. П. А. Вяземского и его статью "Несколько слов о полемике" ("Литературная газета", 1830, Э 18).

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты... (стр. 372). Заметка, тематически связанная с другими высказываниями Пушкина на эти же темы (см. стр. 371 и 374), условно датируется 1831-1832 гг.

План статьи о русских песнях (стр. 372).

План не имеет заголовка, но его назначение и дата - конец 1831 г. или самое начало 1832 г. - определяются на основании очень авторитетных свидетельств.

"Пушкин говорит, - писал Н. М. Языков 16 декабря 1831 г. брату, - что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку" ("Исторический вестник", 1883, Э 12, стр. 533-534). Ср. письмо С. А. Соболевского от 15 декабря 1831 г. к С. П. Шевыреву о затеянном им, совместно с Пушкиным, еще в 1828 г. "Собрании русских песен" ("Русский архив", 1909, Э 7, стр. 502), а также данные П. В. Киреевского в письме от 12 октября 1832 г. к Н. М. Языкову: "Пушкин

был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много" ("Исторический вестник", 1883, Э 12, стр. 535).

План издания песен набросан на листе бумаги, использованном в 1830 г. для черновиков "Путешествия Онегина", а в начале 1832 г. для перечня произведений, предназначавшихся для включения в третью часть "Стихотворений Александра Пушкина".

В конце 1833 г. Пушкин отказался от своего замысла, передав все собранные им фольклорные материалы П. В. Киреевскому ("Рукою Пушкина", М. 1935, стр. 435).

Материалы и заметки, связанные с изданием газеты "Дневник". 1. Что есть журнал европейский?.. (стр. 373). Датируется маем-июнем 1832г., на основании тематической связи этой заметки с -->официальной запиской об издании газеты-->, представленной Пушкиным в III Отделение 27 мая 1832 г. (см. т. 7), и с письмом его же к М. П. Погодину от середины сентября 1832 г. о программе газеты (см. т. 10). "Газета Пушкина будет, как говорят,

выходить каждый день и величиною равняться с "Journal des Debats", - писал П. В. Киреевский 15 ноября 1832 г. Н. М. Языкову ("Исторический вестник", 1883, Э 12, стр. 535). Подробнее об этом см. в сводке Н. К. Пиксанова "Несостоявшаяся газета Пушкина "Дневник" ("Пушкин и его современники", вып. V, СПб. 1907, стр. 45-50), а также выше, стр. 454-456.

Материалы и заметки, связанные с изданием газеты "Дневник". 2. Контора под ведомством Редактора... (стр. 374). Датируется 1832 г. по связи с предыдущей заметкой. Ответственным редактором газеты, разрешенной Пушкину, должен был стать, как отмечалось выше (стр. 455), Н. И. Тарасенко-Отрешков. Образ этого темного литературного дельца, тесно связанного с заправилами III Отделения, запечатлен в неоконченном романе Лермонтова "Княгиня Лиговская" в характеристике чиновника и журналиста Горшенкова.

Материалы и заметки, связанные с изданием газеты "Дневник". 3. Обзорение обзорений (стр. 374). Заголовок в рукописи Пушкиным зачеркнут, но другим не заменен.

Заметка, тематически связанная с наброс-

ком плана газеты "Дневник", о разрешении на издание которой Пушкин хлопотал в 1831-1832 гг. ("Что есть журнал европейский? Что есть журнал русский?" и пр.), условно датируется серединой 1832г. О неосновательности претензий руководителей русских журналов быть выразителями "общего мнения" Пушкин писал 11 июля 1832 г. Погодину (см. т. 10).

"Journal des Debats" - политическая и литературная газета, выходившая в Париже с 1789 г.

Edinburg Magazine and Review - английский журнал, издававшийся в Эдинбурге с 1773 г.

Шатобриан, Мартиньяк, Перонет. - О Шатобриане см. стр. 232; Мартиньяк Жан-Батист-Ге (1778-1832) - министр внутренних дел Франции (с 1828 г.), умеренный консерватор; Перонет Шарль-Иньяс (1778-1854) - граф, публицист реакционно-дворянского лагеря, член кабинета министров, свергнутого июльской революцией.

Гиффорд, Джефри, Питт... - Гиффорд Вильям (1756-1826) - публицист, редактор консервативного "Quarterly Review"; Джефри Френсис (1773-1850) редактор "Эдинбургского

обозрения"; Питт-младший Вильям (1759-1806) английский государственный деятель, лидер вигов.

"Северный Меркурий" - литературная газета, издававшаяся с 1830 по 1832 г. М. А. Бестужевым-Рюминым, о котором см. в фельетоне "Альманашик", стр. 311-316.

1) испытание (франц.)

Материалы и заметки, связанные с изданием газеты "Дневник". 4. О новейших романах (стр. 375). Статья предназначалась для несостоявшейся газеты Пушкина "Дневник", чем определяется и дата плана - вторая половина 1832 г. В пользу этой датировки свидетельствует и время выхода в свет произведений, которые Пушкин предполагал рецензировать в своем обзоре, и явная полемическая направленность его против программной статьи Н. А. Полевого "О романах В. Гюго и вообще о новых романах" ("Московский телеграф", 1832, т. 43), в которой "Собор Парижской богородицы" и "Сен Марс" апологетически рассматривались как значительный шаг вперед после романов Вальтера Скотта. С ответом Пушкина связаны и печатаемые далее на-

броски - о современной французской поэзии (стр. 375) и о книге А. Н. Муравьева "Путешествие к св. местам" (стр. 376).

Barnave, Confession, Femme guillotinee - романы Жюлья Жанена, вышедшие в 1831, 1830 и 1829 гг.

Contes bruns - сборник, в котором участвовали Бальзак, Ф. Шаль, Ш. Рабу (1832).

Table de nuit - сборник повестей Поля Мюссе, брата поэта (1831).

Муравьев - книга А. Н. Муравьева "Путешествие к св. местам" (1832).

Полевой (полромана). - В 1832 г. вышел в свет роман Н. А. Полевого "Клятва при гробе господнем", в 4-х частях.

Свиньин. - В 1832 г. вышел исторический роман П. П. Свиньиной "Шемякин суд".

Карамзин. - Упоминание его имени в данном перечне не поддается точной расшифровке.

1) Барнав. Исповедь. Обезглавленная женщина. Евгений Сю. Де Виньи. Гюго. Бальзак. Сцены из частной жизни. Шагреновая кожа. Мрачные рассказы. Озорные (рассказы). Мюссе. Ночной столик (франц.)

Материалы и заметки, связанные с изданием газеты "Дневник". 5. О современной французской поэзии (стр. 375). В автографе не озаглавлено.

Набросок предназначался для статьи "О новейших романах" в несостоявшейся газете Пушкина "Дневник" (см. выше план этой статьи). Об этой статье Пушкин писал Погодину в сентябре 1832 г.: "Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Ламартин скучнее Юнга и не имеет его глубины, Беранже не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, то есть истины, что романы А. Виньи хуже романов Загоскина, что их журналы невежды; что их критики почти не лучше наших Телескопских и Телеграфских. Я в душе уверен, что XIX век, в сравнении с XVIII, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией" (см. т. 10).

...чувство изящного было для них чуждо и непонятно. - В автографе далее зачеркнуто: "Монтень, путешествовавший по Италии, не

упоминает ни о Микеле Анджели, ни о Рафаэле. Montesquieu смеется над Гомером, Вольтер, кроме Расина и Горация, кажется, не понял ни одного поэта; Лагарп ставит Шекспира на одной доске с - -". (Здесь пропущены имена Лопе де Вега и Кальдерона.)

Ж.-Б. Руссо - см. о нем стр. 520.

...прелестных шалостей Коле. - Коле Шарль (1709-1783) - французский поэт, автор фривольных сатирических песенок и комедий.

...в тощем и вялом однообразии своего Ламартина... - Ламартин Альфонс (1790-1865) - французский поэт-романтик, впоследствии историк и публицист, деятель революции 1848 г. Пушкин, сочувственно откликнувшись на первые сборники стихотворений Ламартина, резко меняет свое отношение к нему примерно с 1825 г., иронизируя над тем, что "под романтизмом у нас разумеют Ламартина", и резко отрицательно характеризуя его в 1830 г. в заметке об Альфреде Мюссе (см. стр. 355).

"Cinq Mars", посредственный роман графа де Виньи... - См. выше отрицательную характеристику этого романа в статье "О Мильтоне и переводе "Потерянного рая" Шатобрианом"

(стр. 229-231).

В "Литературной газете" упомянули о них с похвалою... - В статье Пушкина о "Vie, poesies et pensees de Joseph Delorme", 1831.

V. Hugo, поэт и человек с истинным дарованием... - В письме к Е. М. Хитрово в середине мая 1830 г. Пушкин отмечал, что "Гюго и Сент-Бев бесспорно единственные французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бев" (подлинник по-французски). В том же 1830 г. Пушкин писал о "блестящих, хотя и натянутых, Восточных стихотворениях" Гюго; о полном разочаровании его в лирике Гюго свидетельствует статья "О Мильтоне и переводе "Потерянного рая" Шатобрианом" (см. стр. 226-229).

1) "Осенние листья" (франц.)

2) "Утешения" (франц.)

Материалы и заметки, связанные с изданием газеты "Дневник". 6. "Путешествие к св. местам" А. Н. Муравьева (стр. 376).

Заметка (без заголовка), предназначавшаяся для обзорной статьи "О новейших романах" (см. выше), датируется 1832 г.

Муравьев Андрей Николаевич (1806-1874) -

поэт и литератор. Против него направлена эпиграмма Пушкина "Лук звенит, стрела трепещет..." (т. 2, стр. 192).

В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь... - 14 сентября 1829 г. в Адрианополе был заключен мирный договор России с Турцией, одним из пунктов которого являлось признание независимости Греции.

Ныне издал он свои путевые записки. - "Путешествие к св. местам" вышло в свет в середине 1832 г. Впоследствии Пушкин сочувственно упомянул об этой книге в предисловии к Глава 1 ">"Путешествию в Арзрум" (см. т. 5, стр. 412).

Здесь... - говорит другой русский путешественник... - В автографе цитата отсутствует. Строки, которые имел в виду Пушкин, взяты из статьи Д. В. Дашкова "Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г." ("Северные цветы на 1826 год", стр. 225-226).

...как Шатобриан... - В книге "Itineraire de Paris a Ierusalem et de Ierusalem a Paris" (1811).

...преобразователь Египта - Мегмет-Али (1769-1849), египетский диктатор с 1805 г.

1) пересек (франц.)

2) исполненный (франц.)

О Сальери (стр. 377). Заметка, без заголовка, сохранилась на обороте записки Н. М. Смирнова к Пушкину, датируемой весной 1832 г.

В первое представление "Дон-Жуана"... - "Дон-Жуан" впервые был поставлен в Праге, 29 октября 1787 г. Пушкин имел, вероятно, в виду не этот спектакль, на котором Сальери не мог присутствовать, а премьеру "Дон-Жуана" в Вене в 1788 г.

Сальери умер лет 8 тому назад. - Сальери умер в 1825 г. Последние его годы были омрачены тяжелым физическим недугом. Во время одного из припадков он в бреду обвинил себя в отравлении Моцарта, но в какой мере эти признания соответствовали истине, до сих пор не установлено. В печать слухи о преступлении Сальери проникли еще в 1824 г., дав материал для "маленькой трагедии" Пушкина "Моцарт и Сальери" (задумана в 1826, написана в 1830 г.).

Грамматика не предписывает законов языку... (стр. 378). Датируется, на основании поло-

жения в рукописи, маем 1833 г.

Путешествие из Москвы в Петербург (стр. 378). Статья, в автографе не озаглавленная, в издании соч. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова получила в 1855 г. условное название "Мысли на дороге"; под этим заглавием входила во все издания сочинений Пушкина до 1933 г., когда получила новый, столь же условный, но более соответствующий ее замыслу и содержанию, заголовок "Путешествие из Москвы в Петербург". Как свидетельствуют отметки самого Пушкина в рукописях, статья начата была им 2 декабря 1833 г. в Болдине и писалась до апреля 1834 г. В январе 1835 г. Пушкин возвратился к прерванной работе, перестроив и дописав главу "Москва", но в целом статья осталась незаконченной.

В дореволюционной литературе о Пушкине определились две противоположные точки зрения по вопросу о замысле и характере "Путешествия из Москвы в Петербург". Одни исследователи считали, что основной целью Пушкина было привлечь внимание читателей к Радищеву и под видом полемики с его взглядами их пропагандировать (см. В. Е.

Якушкин, Радищев и Пушкин. Чтения Общества истории и древностей Российских при Московском университете, 1886, кн. 2); другие видели в возражениях Пушкина подлинное выражение его убеждений и целью статьи считали опровержение общественно-политических взглядов Радищева (П. Н. Сакулин, Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса, М. 1920). В советском литературоведении утвердилась точка зрения, сформулированная В. Е. Якушкиным, - его аргументация потребовала лишь некоторых уточнений и оговорок, имевших в виду, необходимость более строгого учета в возражениях Пушкина того "опыта истории", которого еще не могло быть у Радищева, писавшего свое "Путешествие" до французской революции.

Книга Радищева вошла в круг ближайших интересов Пушкина летом 1833 г. в связи с его работой над -->"Историей Пугачева"-->. Эта книга не могла, конечно, дать материала для конкретной документации тех или иных глав исторической монографии. Но значение ее для великого поэта было неизмеримо шире, так как именно "Путешествие из Петербурга

в Москву", как самое яркое и авторитетное обобщение политических, социально-экономических и бытовых данных о Российской империи последней трети XVIII столетия, позволяло вплотную подойти к осмыслению наиболее острых и ответственных проблем, вставших перед Пушкиным в эту пору.

Вопросы, которые волновали Радищева, продолжали оставаться, говоря словами Белинского, "самыми живыми, современными национальными вопросами" и в последние годы жизни Пушкина. Несмотря на то что процесс разложения крепостного хозяйства определялся все более явственно, правовые нормы, регулировавшие жизнь помещичьего государства, в течение еще полустолетия оставались неизменными. Не претерпели существенных изменений и формы борьбы "дикого барства" или "великих отчинников", как называл Радищев крупных земельных собственников, со всякими попытками не только ликвидации крепостного строя, но и с какими бы то ни было мероприятиями, которые бы эту ликвидацию готовили. Естественно поэтому, что Пушкин в середине 30-х гг. с

таким же основанием, как Радищев в 1790 г., а декабристы в 20-х гг., не возлагает никаких надежд на возможность освободительного почина, идущего от самих помещиков, и так же, как его учителя и предшественники, трезво учитывает политические перспективы ликвидации крепостных отношений или сверху, "по манию царя", или снизу - "от самой тяжести порабощения", то есть в результате крестьянской революции.

Разумеется, было бы большою ошибкою ставить знак равенства между политическими концепциями Пушкина и Радищева даже в пору их известного сближения. Нельзя забывать, что в то время как автор "Путешествия из Петербурга в Москву" не питал никаких иллюзии относительно того, что интересы самодержавно-помещичьего государства несовместимы с чаяниями трудового народа, Пушкин пытался после разгрома движения декабристов как-то отделить самодержавие как юридический институт от его классовой базы и от его же военно-бюрократического аппарата. В этом отношении великий поэт был не прав, но зато он гораздо более четко,

чем Радищев, отделял в своих политических концепциях ненавистную им обоим верхушку правящего класса, придворную и помещичью аристократию, от дворянской интеллигенции, или, по его терминологии, "просвещенного дворянства". Русской дворянской интеллигенции, по прогнозам Пушкина, и суждено было выполнить ту роль, которую во Франции в 1789-1793 гг. успешно сыграло "третье сословие". "Что же значит, - отмечал Пушкин в своем дневнике от 22 декабря 1834 г., - наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много" (-->см. т. 7-->).

Вот почему имена Радищева и Пугачева оказываются в центре внимания Пушкина и как романиста, и как историка, и как публициста. От Пугачева к Радищеву и от Радищева опять к Пугачеву - таков круг интересов Пуш-

кина в течение всего последнего трехлетия его творческого пути.

При переписке в 1835 г. черновика статьи, написанной в 1833-1834 гг., Пушкин в ряде мест сократил и смягчил свои высказывания, приспособляя их к цензурным условиям и широко пользуясь формами так называемого эзоповского языка. Повествование и в первой и во второй редакции велось, правда, с самого начала не от имени автора, то есть самого Пушкина, а от лица московского либерально-барина, человека совсем иных интеллектуальных данных и общественно-политических взглядов, чем Пушкин. Это облегчило последнему неблагоприятную задачу полемики с Радищевым, снимая с него ответственность и за некоторую нарочитую противоречивость этой полемики, и за ту подчеркнуто-благонамеренную платформу, с которой новый "путешественник" в этой дискуссии не сходил.

Шоссе. - Первоначальный вариант заголовка, этой главы: "Дорожный товарищ".

... "Клариса" очень утомительна". - О романе Ричардсона "Кларисса Гарлоу" (1748) см. суждения Пушкина в "Романе в письмах" (т. 5,

стр. 477-478).

Нравственно-сатирический роман - один из романов Булгарина.

Я раскрыл ее и прочел заглавие: "Путешествие из Петербурга в Москву". В библиотеке Пушкина сохранился уникальный экземпляр этой книги, которым он, видимо, и пользовался во время работы над своей статьей. Надпись на принадлежавшем Пушкину экземпляре гласит: "Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии, заплачен двести рублей. А. Пушкин". Книга, переплетенная в красный с золотым тиснением сафьян, имеет ряд замечаний и подчеркиваний, сделанных на полях красным карандашом. Как доказывает В. Л. Бурцев, все эти отметки принадлежали Екатерине II и использованы были как своего рода руководство к действию при допросах Радищева ("Биржевые ведомости" от 13 декабря 1916 г., Э 15981).

Бедная Москва! - В черновой рукописи далее зачеркнуто: "Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствия или слава отечества не отзываются в этом сердце. Грустно было слышать толки московского общества во

время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах". Очень характерна в связи с этим запись в дневнике Н. А. Муханова от 5 июля 1832 г. о его встрече с Пушкиным и Ф. И. Толстым 5 июля 1832 г. в Петербурге: "О Вяземском он сказал, что он человек ожесточенный, aigrі, который не любит Россию, потому что она ему не по вкусу. Толстой говорил, что Андросов презирает Россию, о несчастном унижении, с которым писатели наши говорят об отечестве, что в них оппозиция не правительству, а отечеству. Пушкин очень ее апробовал и говорил, что надо об этом сделать статью журнальную" ("Русский архив", 1897, Э 4, стр. 657).

...на стороне Москвы. - Далее зачеркнуто: "Г. А. заводит журнал, потому что он отставлен от выгодного места. Г. В. пишет роман, потому что роман в цене. Критики пишутся, потому что по краям газетного листа нужен фельетон в 1 S вершка, как кайма по краям ша-ли".

Шевырев, Киреевский, Погодин и другие

написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews. - Пушкин имеет в виду статьи Погодина и Шевырева в журнале "Московский вестник" 1827-1830 г. (см. об этом его письма к Погодину от 1 июля 1828 г. и к Плетневу от 26 марта 1831 г.). Высокая оценка статьи И. В. Киреевского "Обозрение русской словесности 1828 года" дана была Пушкиным в "Литературной газете" (см. стр. 53). О статьях Киреевского в журнале "Европеец" см. письмо Пушкина к их автору от 4 января 1832 г. (т. 10).

...с лучшими статьями английских Reviews. - Далее зачеркнуто: "Даже в журнале, принадлежащем к предприятиям чисто торговым, даже и тут перевес на стороне московского издателя: какая смышленость в выборе переводных статей! какая оборотливость в суждениях о предметах вовсе чуждых понятиям критика! какое бойкое шарлатанство! Куда петербургским торгашам угнаться за нашими!"

Философия немецкая... начинает уступать духу более практическому. Пушкин имеет в виду тот круг идей, который в московских ли-

тературно-философских кругах стал определяться примерно с 1831 г. (см. статью И. В. Киреевского "Девятнадцатый век" в журнале "Европеец", 1832, кн. 1) и получил впоследствии выражение в полемике Шевырева с Надеждиным. "Мое мнение такое, - утверждал Шевырев, - что в настоящем учении нашей эпоха синтетических умозрений и логических построений должна уступить место ясному и подробному анализу и историческому изучению предметов в них самих, без логических предубеждений, которые туманят зрение. Пора освободиться от влияния германской умозрительности и смотреть на предметы своими очами" ("Московский наблюдатель", 1836, ч. VII, май, кн. 2, стр. 270-271).

Москва и Петербург. - Пушкин имеет в виду статью Гоголя "Москва и Петербург (Из записок дорожного)", напечатанную в 1837 г. под названием "Петербургские записки". Статья эта была в распоряжении Пушкина и предназначалась в 1835 г. для включения в "Путешествие из Москвы в Петербург", а в 1836 г. при попытке опубликовать ее в "Современнике" подверглась запрещению. См. об

этом документы, опубликованные Ю. Г. Оксманом в газете "Литературный Ленинград" 31 марта 1934 г., Э 15.

...рапорт, поданный им Шувалову... - В автографе этот рапорт, опубликованный в "Московском телеграфе", 1827, Э 2, не выписан, но сохранился в бумагах Пушкина в писарской копии.

Не многим известна стихотворная перепалка его... по случаю "Гимна бороде"... - Сатира Ломоносова "Гимн бороде", ответ на нее митрополита Димитрия Сеченова "Переодетая борода, или Гимн пьяной голове" и "Возражение Ломоносова" в копиях, сделанных рукою Пушкина, сохранились в архиве П. А. Вяземского ("Рукою Пушкина", М. - Л. 1935, стр. 563-575).

У нас, как заметила M-me de Stal... - Далее Пушкин не совсем точно цитирует ее книгу "Dix années d'exil" (1820).

...у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными... - См. об этом стр. 474, а также письмо к А. Бестужеву от конца мая 1825 г. (т. 9).

...последний из писак, готовый на всякую приватную подлость... пишет безымянные пасквили на людей, перед которыми расстигается у них в кабинете. - Пушкин имеет в виду Булгарина, что доказывается и примечанием к этому месту статьи в черновой редакции (Ак. изд., т. XI, стр. 228). В примечании упоминалось послание "К вельможе" (1829), после которого, "как говорит один журналист, слава *** упала совершенно". Пушкин здесь явно отсылал читателей к статье Булгарина "О характере и достоинстве поэзии А. С. Пушкина", где было сказано: "Множество произведений обыкновенных ослабило внимание публики к поэту, а некоторые из недальновидных критиков и недоброжелателей Пушкина уже провозгласили совершенный упадок его дарования - правда, что надобна была сильная вера в сие дарование, чтоб не усомниться в его упадке после такой пьесы, какова, например, "Послание к князю Юсупову" ("Сын отечества", 1833, Э 6, стр. 324).

Русская изба. - Самым заголовком "Русская изба" Пушкин искусно маскирует тематику этого раздела своей статьи, рассчитывая усы-

пить бдительность цензуры переводом внимания с политических выводов Радищева в главе "Пешки" на его же бытовые зарисовки. Якобы всерьез стремясь подорвать общие заключения Радищева, Пушкин иронизирует по поводу его "приторных и смешных" сравнении русского крестьянина с "несчастливыми африканскими невольниками", по поводу его "карикатурного" описания условий быта русского мужика. Пушкин подчеркивает свое нежелание быть голословным и, в противовес Радищеву, мобилизует большой и разнообразный сравнительно-исторический материал - от "Путешествия в Московию" Мейерберга и зарисовок французской деревни в книгах Лабрюйера и мадам де Севиньи до "Писем из Франции" Фонвизина.

И действительно, некоторые параллели, извлекаемые из этих источников, давали основание утверждать, что быт французского хлебопашца XVII-XVIII столетий был не лучше, а хуже условий жизни русского крестьянина той же поры. Но выдвигая этот тезис, утешительный для мышления апологетов крепостного строя, Пушкин как бы вскользь,

на ходу, вносит в свои заключения оговорку, совершенно аннулирующую цель всех предшествующих сопоставлений. В самом деле, если Фонвизину судьба русского крестьянина "показалась счастливее судьбы французского земледельца", если, по авторитетным свидетельствам других наблюдателей, "судьба французского крестьянина не улучшилась" ни в царствование Людовика XV, ни в правление его сына, то впоследствии, по удостоверению Пушкина, "все это, конечно, переменялось". В начальной редакции главы эти строки имели еще более выразительную концовку: "И я полагаю, что французский земледelec ныне счастливее русского крестьянина". Пушкин прямо не говорит о причинах этого коренного изменения условий быта "французского земледельца", но из контекста совершенно ясно, что французский крестьянин стал счастливее после царствования "преемника Людовика XV", то есть в переводе с эзоповской фразеологии на общепонятный язык, после казни Людовика XVI и ликвидации революционным путем дворянского землевладения.

Итак, если судьбу французского крестьянина сделала "счастливой" революция, то в судьбе русского крестьянина со времен Фонвизина и Радищева никаких перемен к лучшему не произошло. Пушкин утверждает даже, что "ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 г., как русская деревня в 1833 г."

Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества... - Эта формулировка заимствована, в основной своей части, из "Писем русского путешественника" Карамзина: "Утопия (или царство счастья), писал Карамзин, - будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться не приметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания добрых нравов... Всякие же насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот" (ч. III, письмо из Парижа от 1790 г.).

В 1836 г. сентенция "путешественника" о "лучших и прочнейших изменениях" переко-

чевала из статьи Пушкина о Радищеве в "Капитанскую дочку" (гл. VI). При учете этой политической формулировки и в публицистической статье, и в исторической повести нельзя забывать, что Пушкин дает ее не от своего имени, а как сентенцию, характерную для консервативно-дворянского мышления, как одну из тех прописных истин, с которыми сам он вовсе не солидаризировался. Правда, в книге английского путешественника К. Ф. Френкленда, посетившего Россию в 1830-1831 гг., сохранилась запись беседы его с Пушкиным в Москве 8 (20) мая 1831 г. о положении русских крепостных крестьян и о перспективах их освобождения, противоречащая как будто данным об отрицательном отношении поэта к формулировке Карамзина. Френкленд утверждал, со слов Пушкина, что "никакая большая и существенная перемена не может иметь место в политическом и общественном строе этой обширной и разнородной империи иначе, как постепенными и осторожными шагами, каждый из которых должен быть поставлен на твердую основу культурного подъема; или, другими словами, на просветлении

человеческих взглядов и на расширении разумений. Многое еще остается сделать среди высших классов; когда они будут научены понимать свои истинные интересы и интересы своих бедных крепостных, тогда кое-что можно будет сделать, чтобы улучшить положение последних, - все это требует времени. Никакая перемена не может быть длительной, если не покоится на хорошей и прочной основе" ("Narrative of visit to the courts of Russia and Sweden, in the years 1830 and 1831. By captain C. Colville Frankland", London, 1832. Цитируем перевод Б. В. Казанского во "Временнике Пушкинской комиссии" - т. 2, 1936, стр. 308). У нас нет оснований полагать, что Френкленд мог исказить подлинные высказывания Пушкина, но не приходится забывать и того, что, беседуя с иностранцем, которого он мало знал и на скромность которого не мог рассчитывать, Пушкин сделал все для того, чтобы этот разговор не мог ему повредить. Маска же умеренно-либерального барина, усвоенная Пушкиным в его разговоре с Френклендом, помогла ему два-три года спустя, когда он эту же проблему сделал основной частью своей статьи о

"Путешествии из Петербурга в Москву" Радищева. Характерно, что в черновой редакции статьи вопрос о положении русского крестьянина рассматривался в специальном этюде "Разговор с англичанином" (см. стр. 432-434).

Чудовище, склонясь на колыбель детей... - Строки из послания Жуковского "К императору Александру" (1814).

...и с ним не братается. - Далее зачеркнуто: "Власть помещиков, в том виде, в каком она теперь существует, необходима для рекрутского набора. Без нее правительство в губерниях не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрут. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших деревнях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и к чинам".

Простодум в комедии Княжнина... - Пушкин цитирует комедию Я. В. Княжнина "Хвастун" (действ. I, явл. V).

Но запрещение сие имело свою невыгодную сторону... - Рассуждения о продаже крепостных крестьян в рекруты, вложенные

Пушкиным в уста его "путешественника", очень близки аргументации Н. М. Карамзина (Н. М. Карамзин, Записка о древней и новой России, СПб. 1914, стр. 77-78).

А. Х. Востоков определил его... - в "Опыте о русском стихосложении" (1817).

Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным. Этот прогноз очень скоро был подтвержден "Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова", опубликованной Лермонтовым в 1838 г.

Один из французских публицистов... - Бенжамен Констан в "Размышлениях о конституциях и гарантиях" (1814).

1) стары, как улицы (франц.)

2) книги имеют свою судьбу (лат.)

3) его светлости герцогу и т. д. (англ.)

4) ротозей (франц.)

5) "По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, с лицами землистого цвета, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которою они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; у них как будто членораздельная речь, а когда они вы-

прямляются на ногах, то мы видим человеческое лицо; и действительно, это - люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями, они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания и заслуживают того, чтобы не терпеть недостатка в хлебе, который сами сеют". Характеры (франц.)

План статьи о современном положении России (стр. 406). Предположительно датируется 1834-1835 гг. Заголовок в автографе отсутствует.

1) 1. О цивилизации. О делении на классы. О рабстве. 2. О религии. О военном и гражданском. О шпионаже. О рабстве и свободе (как противовесе). О цензуре. О театре. О писателях. Об изгнании. О движении вспять (франц.)

Русское дворянство что ныне значит?.. (стр. 407). Заголовок в автографе отсутствует. Датируется 1834 г. по месту в рукописи и по связи заметки с записью в дневнике Пушкина от 22 декабря 1834 г., о его разговоре с вел. кн. Михаилом Павловичем о русском дворян-

стве и его судьбах (см. т. 7). О более ранних рассуждениях Пушкина на эту же тему см. набросок "Что такое дворянство?" (1830) и примечания к нему (стр. 557-559).

О ничтожестве литературы русской (стр. 407). Статья, датируемая 1834 г., обрывается в самом начале, на переходе от общеисторического введения к первой ее главе. О масштабах задуманной Пушкиным работы можно судить по дошедшим до нас нескольким ее планам (см. стр. 435-437). Как в этих планах, так и в самом тексте статьи широко использованы были более ранние заметки Пушкина на эту же тему, начиная с наброска "О французской словесности" (1822) в "О поэзии классической и романтической" (1825) и кончая историко-литературными обобщениями в разборе книги Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" (1833-1834). Некоторые из основных положений статьи определились еще в полемике Пушкина с Бестужевым по поводу его "Взгляда на русскую словесность в 1824 и в начале 1825 годов" (см. стр. 260), но о том, что даже предварительная работа над статьей "О ничтожестве литературы русской" была дале-

ко не закончена и в 1834 г., свидетельствуют дополнительные замечания Пушкина о литературе Петровской поры и о специфике русской сатиры XVIII столетия "Отчего первые стихотворения были сатиры...", набросанные им на обороте разорванного письма от 23 мая 1835 г. (см. стр. 436).

Историко-литературная концепция, развиваемая в статье "О ничтожестве литературы русской", некоторыми своими положениями была близка известной статье И. В. Киреевского "Обозрение русской словесности 1829 года" в альманахе "Денница". Рецензируя эту статью в "Литературной газете", Пушкин особенно сочувственно отметил ее заключительные строки (см. стр. 52).

Мыслями о будущем русской национально-демократической культуры была бы закончена, вероятно, и эта статья, если бы Пушкин довел ее до конца.

Но внутренняя жизнь поработленного народа не развивалась. - В черновой редакции этих строк далее следовало: "Едва Россия успела свергнуть с себя иго татар, и уже ей должно было бороться с Польшей. Между тем

царская власть ополчилась на боярство, а боярство домогалось аристократии".

Наконец явился Петр. - Далее зачеркнуто: "Крутой переворот, произведенный мощным самодержавием Петра, ниспровергнул все старое, и европейское влияние разлилось по всей России. Голландия и Англия образовали наши флоты, Пруссия - наши войска, Лейбниц начертал план гражданских учреждений".

Петр не успел довершить многое, начатое им. - В черновой редакции далее следовало: "Он умер в полную пору мужества, во всей силе своей творческой деятельности, еще только в полножны вложив победительный свой меч. Он умер, но движение, преданное мощною его рукою, долго продолжалось в огромных составах государства. Даже меры революционные, предпринятые им по необходимости, в минуту преобразования, и которые не успел он отменить, надолго еще возымели силу закона. Доныне, например: дворянство, даруемое порядком службы, мимо верховной власти, преимущества, данные старшему (замечательный неуспех)". И далее: "Наследники Великого пошли суеверно по его следам. Но

высокомерие Долгоруких, пронырство Меншикова, наконец последние заговоры старшего боярства, пресеченные мощною рукою Бирона, слишком занимали русское дворянство, единственный класс, на который просвещение успело излить свои лучи. Но словесность между тем родилась".

Во второй черновой редакции статьи строки о Петре имели продолжение: "Петр Первый был нетерпелив. Став главою новых идей, он, может быть, дал слишком крутой оборот огромным колесам государства. В общем презрении ко всему старому народному включена и народная поэзия, столь живо проявившаяся в грустных песнях, сказках (нелепых) и в летописях".

Сын молдавского господаря - А. Д. Кантемир.

...тройственную поэму. - "Божественная комедия" Данте, состоящая из трех частей: "Ад", "Чистилище", "Рай".

Rima des triolets, fit fleurir la ballade. - Стих из "Поэтического искусства" Буало.

...в книге, исполненной смелой философии... - "Приключения Телемака" (1699).

...один из новейших писателей... - Имя его не установлено.

Он написал эпопею... - поэма "Генриада" (1728).

...и он, однажды в своей жизни, становится поэтом... в цинической поэме... - Пушкин использует здесь отзыв Жан-Поля о Вольтере как авторе поэмы "Орлеанская девственница" (1755). См. об этом стр. 224 и 509.

...приветствуя Новый Свет словами, дотоле неслыханными!.. - Вольтер, благословляя в 1778 г. внука Франклина, выразил свое сочувствие восставшим североамериканским колониям провозглашением лозунга: "Бог и свобода!"

...голос молодого Мирабо... глухо гремит из глубины темниц... - Мирабо Оноре-Габриель, граф (1749-1791) - французский государственный деятель и публицист. Его первые политические трактаты и памфлеты, в том числе и "Essay sur le despotisme" (1775), написаны были им в тюрьме и ссылке.

1) Слагал триолеты, способствовал процветанию баллады (франц.)

2) Наконец пришел Малерб и первый во

Франции

Дал почувствовать в стихах точную гармонию,

Показал силу слова, помещенного на должном месте,

И подчинил музу правилам долга.

Исправленный этим мудрым писателем,
язык

Перестал являть разборчивому уху что-либо грубое,

Строфы научились литься с изяществом,

И один стих не дерзал более вторгаться в другой (франц.)

О Байроне и о предметах важных (стр. 414). На обложке рукописи сохранилось название статьи (представляющее собой перифразу стиха из "Горе от ума"), за которым следует дата: "1835. Черная Речка, дача Миллера, 25 июля".

В основу статьи положены материалы мемуаров Байрона, переведенных на французский язык в 1830 г. ("Memoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore", Paris, 1830). Трудно сказать, в каком направлении развивалась бы эта статья, если бы Пушкин ее продолжал,

но самое название ее свидетельствовало о том, что Пушкин не ограничился бы простым пересказом записок Байрона и воспоминаний о нем Томаса Мура.

1) В последнее время я много думал о Мэри Дефф. Как это странно, что я был так безгранично предан и так глубоко привязан к этой девушке, в возрасте, когда я не мог не только испытывать страсть, но даже понять значение этого слова. И, однако же, это была страсть! Моя мать имела обыкновение смеяться над этой детской любовью; и много лет спустя, - когда мне было примерно лет шестнадцать, - она мне сказала однажды: "Ах, Байрон, я получила письмо из Эдинбурга, от мисс Аберкромби; ваша бывшая любовь, Мэри Дефф, вышла замуж за господина С.". И что же я ей ответил? Я не могу постичь и объяснить то чувство, которое мною овладело в это мгновение. Со мною почти сделались судороги; моя мать была так этим встревожена, что потом, когда я оправился, она упорно избегала заговаривать со мной на эту тему, довольствуясь беседой об этом со своими приятельницами. И сейчас спрашиваю себя, что бы это

значило? Я не виделся с нею больше с тех пор, когда, вследствие проступка ее матери в Абердине, она поселилась у своей бабушки в Банфе; мы оба были тогда детьми. Я раз пятьдесят с тех пор влюблялся; и тем не менее я помню все то, о чем мы говорили, помню наши ласки, ее черты, мое волнение, бессонницы и то, как я мучил горничную моей матери, заставляя ее писать Мэри письма от моего имени; и она в конце концов уступала, чтобы меня успокоить. Бедняжка считала меня сумасшедшим, и так как я в ту пору еще не умел как следует писать, она была моим секретарем. Я припоминаю также наши прогулки и то блаженство, которое я испытывал, сидя около Мэри в ее детской, в доме, где она жила, около Плестоуна, в Абердине, в то время как ее маленькая сестра играла в куклы, а мы с серьезностью, на свой лад, ухаживали друг за другом.

Но как же это чувство могло пробудиться во мне так рано? Какова была причина и источник этого? И в ту пору, и несколько лет спустя, я не имел никакого понятия о различии полов. И тем не менее, мои страдания,

моя любовь к этой маленькой девочке были так сильны, что на меня находит иногда сомнение: любил ли я по-настоящему когда-либо с тех пор? Как бы то ни было, известие о ее замужестве как громом меня поразило. Я чуть не задохнулся, к великому ужасу моей матери и к неверию почти всех остальных. Это необычайное явление в моей жизни (ведь мне еще не было тогда полных восьми лет) заставило меня задуматься, и разрешение его будет меня мучить до конца моих дней. С некоторого времени, - сам не знаю почему, - воспоминание о Мэри (не чувство к ней) вновь пробудилось во мне с большей силой, чем когда-либо. Я хотел бы знать, помнит ли она об всем этом, как и вообще обо мне? И вспоминает ли, как жалела когда-то свою сестренку Эллен за то, что у той не было тоже своего поклонника? Какой очаровательный образ ее сохранился в моей душе! Ее каштановые волосы, ласковые светло-карие глаза - все, вплоть до ее костюма! Я был бы поистине несчастен, если бы увидел ее теперь. Действительность, как бы ни была она прекрасна, разрушила бы или по меньшей мере замути-

да бы черты восхитительной Пери, которою она тогда являлась и которая продолжает еще жить во мне, хотя с тех пор прошло более шестнадцати лет: ибо мне сейчас двадцать пять лет и несколько месяцев (франц.)

Множество слов и выражений... (стр. 421).
Дата условно определяется 1835-1836 гг.

...справедливое о том рассуждение г. Шишкова... - Об этом А. С. Шишков писал в "Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка" (1803).

Заметка к "Слову о полку Игореве" в переложении А. Ф. Вельтмана (стр. 422). Предположительно датируется 1834-1836 гг.

Г-н Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское. - На это выражение впервые обратил внимание Каченовский, судя по следующей цитате из его лекции: "Хощу копие преломати... с вами. Фраза рыцарская! *Compre une lance avec* и так же *quelq'un*. Смотри словари. Странная встреча!" ("Ученые записки Московского университета", 1834, ч. V, стр. 457). Пушкин или ошибся, приписав Сенковскому мнение Каченовского, или не знал, что Сенковский заимствовал свое замечание

у Каченовского.

"Песнь о полку Игореве" (стр. 422). Статья датируется последними месяцами 1836 г. на основании письма А. И. Тургенева к брату Николаю от 3 декабря 1836 г., в котором он сообщал, что Пушкин "хочет сделать критическое издание вроде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей: но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных, все основано на знании наречий славянских и языка русского" (П. Е. Щеголев, Дюэль и смерть Пушкина, изд. 3-е, 1928, стр. 278). Об усиленном интересе Пушкина к "Слову о полку Игореве" в период 1833-1837 гг. свидетельствует и переписка Пушкина и воспоминания о нем С. П. Шевырева, И. М. Снегирева и И. П. Сахарова. В бумагах Пушкина сохранился рукописный перевод "Слова" на современный русский язык, сделанный В. А. Жу-

ковским и снабженный многочисленными замечаниями и поправками Пушкина (см. "Рукою Пушкина", 1935, стр. 127-149, 217-220). Следы столь же внимательного чтения сохранились и в экземпляре перевода "Слова", выпущенного А. Ф. Вельтманом в 1833 г.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии... - Подлинность текста "Слова" из современников Пушкина оспаривали М. Т. Каченовский, О. И. Сенковский и И. И. Давыдов.

Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха... - Чаттертон Томас (1752-1770) - молодой английский поэт, автор стилизованных баллад и поэм, которые он выдавал за произведения монаха XV в. Раули. Подделка разоблачена была историком и журналистом Орасом Вальполем.

Джонсон тотчас уличил Макферсона. - Английский критик Самюэль Джонсон (1709-1784) первым высказал сомнение в подлинности поэм Оссиана, изданных шотландским ученым Джемсом Макферсоном в 1762 г.

Г-н Пожарский с сим мнением не согласу-

ется... - Пушкин имеет в виду книгу Я. О. Пожарского "Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгород-Северского, вновь переложенное, с присовокуплением примечаний", СПб. 1819. Эта работа вызвала резкие возражения специалистов, в том числе и А. С. Шишкова.

К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил. - Пушкин, видимо, не знал о статье Пожарского в "Сыне отечества", 1819, Э 33, где он отвечал на критику "Русского инвалида" (1819, Э 157-161) именно по этому вопросу.

Kar gospoda... plazhat shivo... - Вельтман цитирует "Словинско-немецкий словарь" Я. А. Мурко (1833).

1) Что बारे наделают криво, мужики должны исправлять живо (словинск.)

Примечания Ю.Оксмана